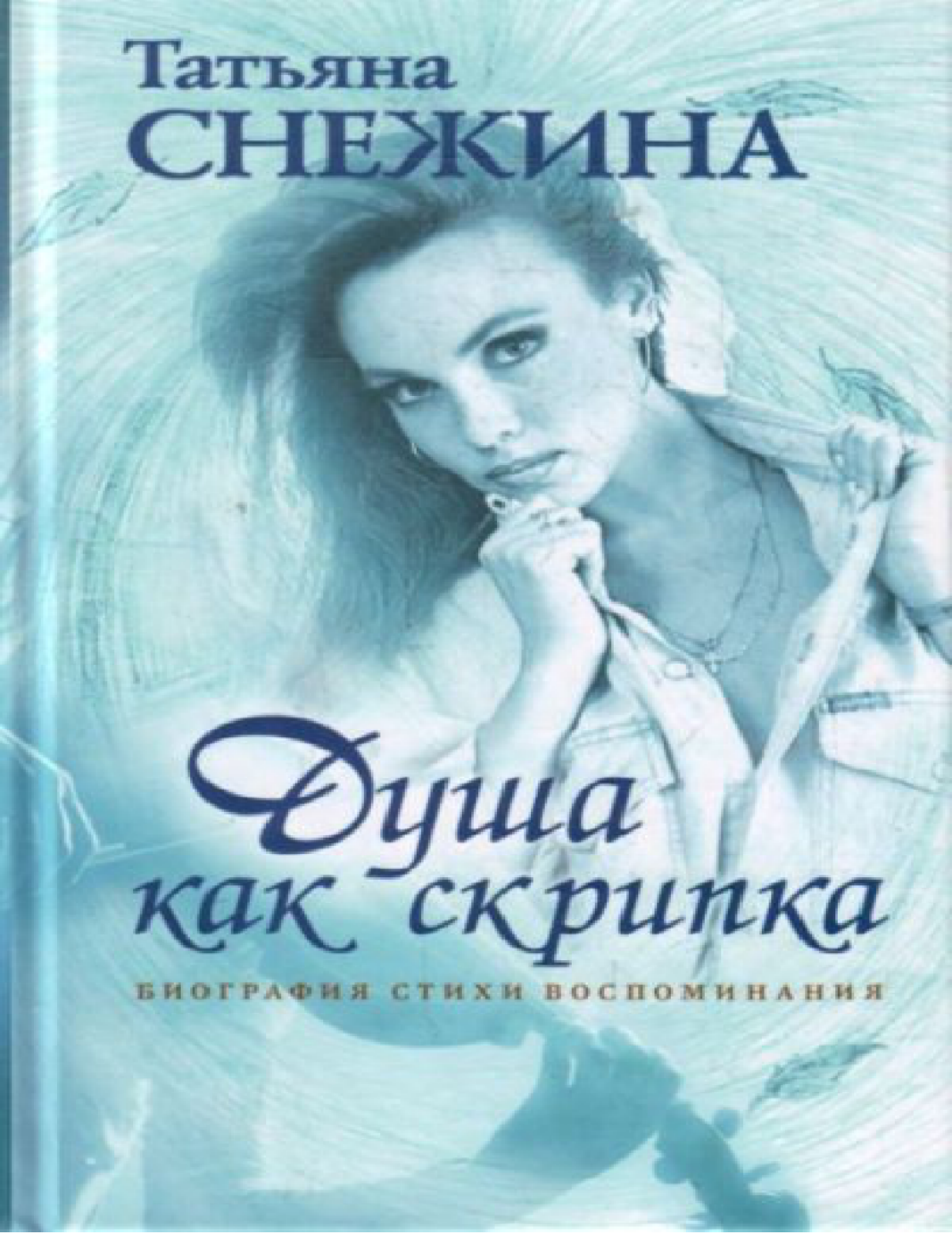
Татьяна
СНЕЖИНА



Душа как скрипка

БИОГРАФИЯ СТИХИ ВОСПОМИНАНИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Короткая биография Татьяны Снежиной переплетается в этой книге с ее лирикой, песнями, дневниками, рисунками, воспоминаниями близких. И все это вместе создает романтический образ одаренной девушки, которая очень серьезно относилась к жизни, словно предвидя скорую трагическую развязку.

- Татьяна Снежина. Душа как скрипка. Биография, стихи, воспоминания
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - АВТОБИОГРАФИЯ
  - ЛИРИКА И СУДЬБА ТАТЬЯНЫ СНЕЖИНОЙ
    - НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ОДНОЙ ЖИЗНИ
      - В ТОТ ДЕНЬ…
      - ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ
      - ДЕТСТВО
      - ДНИ И ВЕЧЕРА НА КРАЮ ЗЕМЛИ
    - «Когда бывает грустно…»
    - «Хочу смотреть на этот мир…»
    - ПОЛНОЛУНИЕ
    - ДНИ ЗА ДНЯМИ
    - ПРОШЛО ДВА ГОДА
    - ШЛИ ГОДЫ
    - МУЗЫКАЛКА
    - ТВОЕ СЕРДЦЕ ОТТАЕТ
    - СОВРЕМЕННОСТЬ
    - ЛЮБВИ РОСТОК
    - ПИСЬМО
    - ИЗ ДУШИ
    - «Вдохну я полной грудью запах липы…»
    - «Лист с ветки тополя упал…»
    - «На звездных крыльях я лечу…»
    - «Три белых чайки…»
    - ПРОЩАЙ
    - «Вдали от дома, а значит…»
    - ПОЭТ
    - ЗАДУМАЙТЕСЬ
    - ПОСЛЕ СМЕРТИ
    - «Я стою на высокой горе…»
    - НО ВОТ ОПЯТЬ
    - «Окинуло взором туманным…»

- ЗАПИСКА ИЗ БЛОКАДЫ
- Я И ВЫ
- САМ СЕБЯ НАЙДИ
- «Зашнурованы ботинки…»
- «Свеча на ветру…»
- МНЕ ЦЫГАНКА НАГАДАЛА
- ПЕРВЫЕ МЕЛОДИИ
- СВЕЧА (песня)
- КАМЧАТКА
- НЕ ЗАБУДЬ МЕНЯ
- ДИКИЙ ВЕК
- «Весной во сне приснилось счастье мне…»
- ОДИНОЧЕСТВО (песня)
- ДЫМ СИГАРЕТ (Песня)
- ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?
- СКАЗКА
- «Я зажгу свечу, и лучик ее света…»
- Я МОЛЮ ТЕБЯ, СТИХИЯ
- «Звездный вечер склонился над морем…»
- ВДАЛИ
- «Судьбе в угоду ждать приказа?..»
- Эй, слышишь, ты, Судьба!?
- ХВАТИТ, УСТАЛА (песня)
- НАЧЕРТАЛА ОСЕНЬ СТИХ (песня)
- НЕ ЗАБУДЬТЕ ЛЮБОВЬ
- «А я иду босая без удержи…»
- ПОЗДРАВЛЕНИЕ (песня)
- ПРОСТО ЖИЗНЬ ЛЮБЛЮ (песня)
- НОЧЬ ПРИШЛА
- «Вот снова день прошел…»
- ЛУННЫЙ САКСОФОН (песня)
- «Смотрю на мир сквозь тюль занавески…»
- МНЕ БЫ БЫТЬ СОБОЙ (песня)
- НИ СЛОВОМ, НИ ВЗГЛЯДОМ (песня)
- ШЕСТЬ МАГИЧЕСКИХ БУКВ (песня)
- ПУРГА, СНЕГА, МЕТЕЛЬ, ДОМА (песня)
- «Как мне воспеть мучительную думу…»
- БИЛЕТ ДО ЛЕНИНГРАДА (песня)
- НЕОЖИДАННЫЙ ЗВОНОК
- «Я слишком много обещала…»
- НИ СПИЧКИ, НИ СВЕЧИ (песня)
- А.Л
- ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ
- FASTEN SEAT BELTS

- «Мне тяжело от дома отрываться…»
- «Не свисти, соловей…»
- ЗА ОКНОМ
- «Да кому вы нужны…»
- НОЧЬ
- «Я решила твердо…»
- «Мы, женщины, в душе немного Маргариты…»
- СПАСИ И СОХРАНИ (песня)
- ДРУГ
- «Человеческое сердце…»
- «Фонари рыжеволосые…»
- Я ГОД УЖЕ С ТОБОЙ ЗНАКОМА
- ЧЕЛОВЕКУ
- ТЫ ГДЕ-ТО ТАМ (песня)
- «Я люблю терпкий запах полыни…»
- «Моя подруга…»
- ЛУГАНСК
- МОСКВА
- МОЕ ОТРАЖЕНЬЕ (песня)
- МОСКВА ЗАПЛАКАНА ДОЖДЕМ (песня)
- НЕЗАБУДКА
- КВН В МГИМО
- ДОМОЙ (песня)
- СНЕЖНЫЙ ОСТРОВОК (песня)
- «Мой друг, страдаешь ты, любя?..»
- «Ну, здравствуй, юный мой поэт!..»
- «В груди стучит молоточком…»
- СОН ЛУННЫЙ (песня)
- НА СЕРДЦЕ ЖЕЛТОЕ ПЯТНО
- МНЕ НЕ СТАНЕТ БОЛЬНЕЕ (песня)
- ДИСКОТЕКА
- «Не попутный ветер…»
- «Ночь спускается и вдруг…»
- ОТДАВШИ ВЕТРУ ВЛАСТЬ
- «Вот и все! На этом точку ставлю…»
- У ОКНА
- «Ты был один лишь только миг…»
- «Почему, если любишь…»
- «Ты придешь ко мне с этой далекой звезды…»
- «Пустой звук — весна…»
- «Печаль рисует на стене…»
- «С восходом солнца приходишь ты…»
- КАК МНЕ ТЕБЯ ЗАБЫТЬ?
- «Церковные купола…»

- ДУША — КАК СКРИПКА
- ПОЖЕЛАНИЕ
- «О, где вы, дамы, в пышных кринолинах?..»
- «Стремительна жизнь в начале…»
- «Так холодно живем…»
- «Фонари ночные…»
- «Мелькают за окном фонари рыжеволосые…»
- МУЗЫКА (песня)
- ДОЖДЬ (песня)
- «Пока ты еще со мной…»
- Я В ЛЮБОВЬ СТАЛА ВЕРИТЬ (песня)
- «Я невольно в любовь погружаюсь…»
- ТЫ
- «Плачут свечи…»
- ТВОЙ ОБРАЗ
- ТОГДА, КОГДА ВСЕ ПЛОХО
- «Свобода в отреченьи?..»
- «Улетает юность…»
- ЕСЛИ…
- ПЕЧАЛЬ
- «Тихую мелодию…»
- ГДЕ ТЫ, КТО ТЫ?
- «Время катится по склону…»
- «Мне хотелось прижаться губами…»
- «Если как-нибудь буду я одна…»
- СЛЕД (песня)
- «Твои слова так больно сердце режут…»
- Я НЕ МОГУ БЕЗ ТЕБЯ (песня)
- «Моя верная подружка…»
- «Ты говоришь, устал от этой жизни…»
- «Если снег метет пушистою стеной…»
- ЖДАЛА…
- «Серые с карим сольются…»
- «Я люблю странное время года…»
- ГРУСТЬ ПЕЧАЛЬНАЯ… (песня)
- «Где тот, кто меня беззаветно полюбит?…»
- ЕСЛИ БЫ ТВОЙ ГОЛОС БЫЛ ДРУГИМ
- ДЕТСТВО УШЛО
- «Необъяснимый взмах крыла…»
- «Я Вас люблю…»
- «Небо перечеркнул самолет…»
- «Тихое слово „прости“…»
- «Зажглась и погасла звезда на востоке…»
- АНАТОМИЧЕСКОЕ (песня)

- «Было время…»
- НЕ РУГАЙТЕ МЕНЯ…(песня)
- «Спасибо воле провиденья…»
- ЖЕНЩИНЕ
- НОЧЬ
- Э.Г
- «Я жизнь провела бы на горных хребтах…»
- «О тихий месяц, что ты скажешь?..»
- «Эта песенка моя печальная…»
- «О тебе я пытаюсь не думать…»
- «Если создана жизнь для чего-то…»
- «Проплывают на чистых страницах…»
- «Грусть моя…»
- «Тот, кто жизни построил фундамент…»
- ЧТО СТОИТ ЖИЗНЬ МОЯ? (песня)
- «Ты стоишь все, что стоит жизнь…»
- А ЗА ОКНОМ…
- «Забыть — не дано…»
- «Поцелуй меня в глаза…»
- «Снова — эти фразы банальные…»
- В КОНЦЕ ПУТИ (песня)
- «Старым смычком…»
- БЛАГОСЛОВИ МЕНЯ (песня)
- ЕСЛИ Я УМРУ РАНЬШЕ ВРЕМЕНИ (песня)
- ВСПОМИНАЮ ЭТО ЛЕТО (песня)
- ПОСВЯЩЕНИЕ И.Т. (песня)
- ОЙ, ДА МНЕ ПРИСНИЛСЯ СОН… (песня)
- СТАРЫЙ ФОТОАЛЬБОМ (песня)
- Я НЕ ВОВРЕМЯ ПРИШЛА…
- ОСЕНЬ (песня)
- МОИМ ДРУЗЬЯМ (песня)
- Я — ПАМЯТЬ (песня)
- «Замерли сумерки, замерли…»
- Я БОЛЬШЕ ТЕБЯ НЕ ЖДУ (песня)
- В ДЕТСТВЕ ДАЛЕКОМ (песня)
- «Все, что было вчера…»
- «Давай вспомним…»
- МОЙ СТАРЫЙ ДОМ (песня)
- ВЕРА
- АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД
- «ЗОЛОТАЯ»
- СЕРЕНАДА
- КАЗАНОВА
- СТИХ СНЕГОВ

- «Зачем от меня ты уходишь?…»
- ДО СВИДАНИЯ, МОСКВА
- «О, как же твой прыжок царил…»
- СЮДА Я УЖЕ НЕ ВЕРНУСЬ
- «Закрой на мгновенье глаза…»
- МОНОЛОГ К СУДЬБЕ
- ВСЕ ПРОШЛО (песня)
- Я НЕ ПРОЩАЮСЬ (песня)
- МОРЯЧОК (песня)
- В ЯЛТЕ ЗИМА (песня)
- КОЛЫБЕЛЬНАЯ (песня)
- ТЫ С ДРУГОЙ (песня)
- «Ушли навсегда те минуты…»
- «Что дано, то дано…»
- РАСТАЕТ СОН (песня)
- «Вихрем листья сорвала…»
- ТОЛЬКО БЫ ПОВЕЗЛО (песня)
- «Мне остаться без тебя…»
- Я ТЕБЯ ПОКИДАЮ, ПРОЩАЙ
- ПРОЩАЙ, МОСКВА
- Я ЕЩЕ РЯДОМ, МОСКВА (песня)
- «Перекинула через город ночь…»
- ВОТ И ОПЯТЬ ОДИНОЧЕСТВО (песня)
- ГРУСТЬ КРЫЛОМ ВЗМАХНУЛА (песня)
- «Меня не зови…»
- «Если рядом…»
- КАК Я ТЕБЯ ОСТАВЛЮ (песня)
- «Вот опять в сезон дождей…»
- ВЕДЬ ВЫ НЕ ЗНАЛИ ОБО МНЕ…
- «Не отпускай меня…»
- НОСТАЛЬГИЯ (песня)
- «Я знаю, что в сердце творится твоем…»
- «Вот и день прошел…»
- «Мне кажется, там за огнями…»
- ТОСКА (песня)
- «О память…»
- НА ДАЛЕКОЙ СТАНЦИИ (песня)
- О ЯЛТЕ (песня)
- А В ЯЛТЕ ТЕПЛО (песня)
- СЕГОДНЯ ВСЕ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ
- ПИСЬМА ТВОИ… (песня)
- ДО ЗАВТРА (песня)
- «Ты моя печаль…»
- «Забудь меня, я не вернусь…»

- «Мы стали другими…»
- Я ВОЗВРАЩАЮСЬ СКОРО (песня)
- МОЙ ГОРОД
- РАССТАВАЯСЬ ВНОВЬ С МОСКВОЙ (песня)
- «Ко мне пришел…»
- РОЗА (песня)
- УХОДИТ ПРОЧЬ ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ
- НАДЕЖДА
- Я ДОМ ПОСТРОИЛА ИЗ ЛЬДА
- ВРЕМЯ — СУДЬБА
- «Что пожелать?! Изведать все стихии…»
- «Снова праздник наступает…»
- «Постой, не уходи, я не сказала…»
- СЕМЬ ДНЕЙ (песня)
- «Я твоими глазами все вижу…»
- АХ, ЕСЛИ Б (песня)
- ПЕСОЧНЫЙ ЗАМОК (песня)
- Я И ТЫ (песня)
- ЗИМА МНЕ ВЕСНУ НАПРОРОЧИТ (песня)
- «Мы в этой жизни только гости…»
- «Остывшие сумерки весеннего дня…»
- ТВОЙ ПОРТРЕТ (песня)
- ПИСЬМО (песня)
- НАС БОЛЬШЕ НЕТ (песня)
- «Я сегодня далеко…»
- ТЫ УШЕЛ…
- «А сегодня так пахнет весною…»
- «Моя любовь, моя беда…»
- БЫЛО ВРЕМЯ… (песня)
- ПЕРЕКРЕСТОК (песня)
- ОБЬ-РЕКА (песня)
- ЭТИ ГЛАЗА (песня)
- «Мне зима за все отплатила…»
- «За самой синей высотой…»
- ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЬЯ (песня)
- ВЕРНИСЬ
- Я ЗАКРЫВАЮ БИБЛИЮ СВОЕЙ ЛЮБВИ (песня)
- «Рассыпься, растай, как хрупкая льдинка…»
- «Давай не будем замыкать этот круг…»
- «Я вновь больна…»
- ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ОСЕНИ (песня)
- ФИГАРО (песня)
- «Ранняя осень, дождь, листопад…»
- НЕ УЛЕТАЙ, ЛЕТО (песня)

- ПАСТОРАЛЬ (песня)
- «Как часто мы грустим…»
- «Дождь… Осенний дождь…»
- ЛИСТОПАД (песня)
- ПАТЕФОН (песня)
- ТЫ ГОВОРИЛ О ЛЮБВИ (песня)
- «Слова, слова мы говорим…»
- КАССЕТА
- «Летит самолет над грешной землей…»
- «Когда ушедший в вечность день…»
- «Сегодня весь вечер и ночь вся моя…»
- ТЫ ТАК ДАЛЕКО (песня)
- СНЕЖИНКА (песня)
- «Пусть в этот вечер праздник будет мой…»
- «Плачет небо серое дождем…»
- Я БУДУ ЖДАТЬ ТЕБЯ (песня)
- Я ЗАБЫВАЮ ТЕБЯ (песня)
- «Розовым утром зимнего дня…»
- ПРОСТО ТАК…
- МОСКВА
- ГОРОД МОЙ (песня)
- «Ты меня забыть не сможешь…»
- БУДУ НОВЫЙ ГОД ВСТРЕЧАТЬ СО СВЕЧАМИ (песня)
- КТО Я?
- «Морозной коркой мандарина…»
- БУДЬ СО МНОЙ (песня)
- ТВОЙ ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ (песня)
- ПРАЗДНИК ЛЖИ (песня)
- «Не жалею ни о чем…»
- РАБОТА НАД АЛЬБОМОМ
- ЗА ЛЕТОМ ОСЕНЬ СОЖЖЕТ МОСТЫ (песня)
- ФАНТАЗИЯ СНЕГА (песня)
- «Танцуй еще, цыган…»
- ПОЗОВИ МЕНЯ С СОБОЙ (песня)
- СОН (песня)
- «Я шептала во сне это имя…»
- ДОМ НА ВЫСОКОЙ ГОРЕ (песня)
- ЭХО ДОЖДЯ (песня)
- ЮНЫЙ КАЗАНОВА (песня)
- «Вечер, как обычно, начат…»
- «Окончен праздник, проиграна игра…»
- СПРОСИ МЕНЯ (песня)
- «Сколько раз я пыталась пройти…»

- ЗВЕЗДА МОЯ (песня)
- КАК ВСЕГДА (песня)
- ПРОЩАНЬЕ (песня)
- РЕГГИ (песня)
- ТЕПЕРЬ Я НЕ ТА (песня)
- «Ты любишь солнце — я люблю дождь…»
- «Брызги дождя…»
- «Когда разрушит сентябрь…»
- ПЕСНЯ ДЛЯ ТЕБЯ (песня)
- ГИМН СТОМФАКА (песня)
- ТРАМВАЙЧИК СТАРЕНЬКИЙ (песня)
- «Ты не слушай эту песню…»
- НОВЫЙ ЭТАП
- ПЕВИЧКА (песня)
- «А душа устала изливаться…»
- «Последний день… И я не верю…»
- «Рассыпались слова…»
- «И застыла душа, и слова невпопад…»
- «А на улице дождь…»
- «Мне некому больше звонить по ночам…»
- «Туман над городом, туман…»
- «Стой, моя печаль…»
- «Есть день и ночь в моем окне…»
- «Сон дальних странствий…»
- Я ВОЗВРАЩАЮ ВСЕ НА СТАРЫЙ КРУГ… (песня)
- «Пусть я жила без времени…»
- МУЗЫКАНТ (песня)
- «Музыка, как море…»
- «Дождь. И ты не придешь…»
- «Пообещай, что ты вернешься…»
- «Я забираю грусть твою…»
- «Корнет со страстью руку целовал…»
- «Безумство страсти, ночь без сна…»
- «Твоей мечтала стать я тенью…»
- «В дыму сгоревших дней…»
- «Дальние страны, как прежде, влекут меня…»
- «Ночь на Рождество…»
- «Зима. Под белым покрывалом…»
- ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕР (песня)
- «Мы ждали принцев и принцесс…»
- ОДНА…
- «Я так стремилась к высоте…»
- «Усталые странники — ночи и дни…»
- «Плакала ночью звезда…»

- «Постой, звезда…»
- «Найди меня в стране забытой…»
- КУКУШКА
- ХОРОШИЙ МЕСЯЦ
- «Забыть все, что было…»
- «Прости меня, мой нежный друг…»
- «За то, что мир изменить хотела…»
- «Слышишь, как шумит листва…»
- ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

○ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ЛЕТА

- Вадим Печенкин. Пять тетрадей моей сестры
- ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ. АНТОЛА
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
- ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ
  -
  - НАЗЫВАЙТЕ, КАК ХОТИТЕ
  - Глава 2
  - Глава 3
- ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ
  - БЫЛ СЛЯКОТНЫЙ СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
- ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ
- ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ
  -
  - С Новым годом! С новым счастьем!!!
- ЭПИЛОГ

○ ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Татьяна Снежина. Душа как скрипка. Биография, стихи, воспоминания

ПРЕДИСЛОВИЕ

Посвящается моей семье

О Татьяне Снежиной написано уже немало. Есть что-то вроде биографий, есть статьи о ее творчестве. Но написано все это, на мой взгляд, в стиле — «констатация фактов»: родилась, жила, любила, была любима, писала песни, стихи, картины, пела и… погибла. Иногда вместе с рассказом о тех или иных событиях в ее жизни высказывались предположения и давались оценки: была талантлива, на грани мистики предчувствовала свою смерть… Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: что-то осталось недосказанным, что-то очень личное и потому важное. Кажется,

для того чтобы понять эту девушку, понять как складывалась ее судьба, как формировалась душа, где источник ее таланта мало одних лишь умозрительных предположений, надо просто попытаться увидеть жизнь ее глазами. После себя Татьяна оставила множество картин, рисунков, музыкальных произведений, стихов, набросков, в том числе в прозе, короткую, на двух страничках, автобиографию, несколько первых интервью. Куда же более, чтоб представить себе ее короткую жизнь, представить, как она видела эту жизнь? Но меня долгие годы не оставляла мысль о том, что нечто неуловимое, может потаенное, то что мы храним в самой глубине души, что хранила, наверное, и она, все равно ускользает от нашего внимания.

В этом сборнике я попытался в коротких новеллах отразить мир, в котором жила наша семья, его оттенки, детали, ощущения, наши чувства, которые менялись по мере того как мы росли и как менялся мир вокруг нас. Показать все это глазами брата, от тех мгновений, когда счастливыми глазами семилетнего мальчика, я впервые смотрел на это «чудо» — родившуюся сестренку, до тех минут, когда я, мужчина, которому выпало на веку хоронить любимую сестру, видел Татьяну в последний раз.

Татьяна Снежина оставила после себя много стихов, песен и набросков прозы. Я объединил эти наброски в этом сборнике, т. к. они, на мой взгляд, являются неотъемлемой частью ее истории, а некоторые из описанных событий, наверное, происходили или с ней, или со мной, или с ее друзьями или… были отражением мира, созданного ее фантазией… Но это лишь мысли вслух. Ответ знала только Татьяна.

Вадим Печенкин Апрель 2010 г.

АВТОБИОГРАФИЯ

Самые дорогие воспоминания любого человека — воспоминания о своем детстве, отце, маме, о том беззаботно-радостном восприятии мира, которое никогда уже не повторится.

Я родилась на Украине, и первыми моими впечатлениями от жизни были мелодичные украинские напевы из радиоприемника около детской кроватки и мамина колыбельная. Мне не исполнилось и полугода, когда судьба перебросила меня из теплого, плодородного края на суровую землю Камчатки. Первозданная красота Природы… Седые вулканы, заснеженные сопки, величественный простор океана. И новые детские впечатления: длинные зимние вечера, завывания пурги за окном, треск березовых поленьев в печи и нежные мамины руки, рождающие на свет незабываемые мелодии Шопена.

Наше старое пианино… Я иногда смотрю на него, и мне кажется, что оно все эти годы было членом семьи, радовалось и печалилось, болело и выздоравливало вместе со мной. Я еще не умела говорить, но, своими детскими пальчиками ударяя по клавишам, пыталась показать окружающему миру свои чувства и мысли.

Потом, года в три-четыре, первые «эстрадные» выступления. Мамина косметика, мамина юбка и что-нибудь из репертуара 70-х. Помните: «Ах Арлекино, Арлекино…» или еще лучше — «Очи черные…». И, конечно, бурные аплодисменты гостей и родителей, влюбленных в свое чадо. Под занавес «концертов» — первые детские стишки. Одним словом — Детство.

Потом школа и новый переезд, на этот раз в Москву. И первое осознанное потрясение в жизни — потеря друзей, которые остались за тысячей непреодолимых километров, в том суровом и прекрасном краю. И на смену радостно-шаловливым детским строфам про «червячков и букашек» в голову вместе с ночными слезами по первой любви, «который там, далеко, в краю далеком и суровом», стали приходить грустные и вместе с тем лирические строки. Их нельзя было назвать еще стихами, скорее, теми зернами, которым суждено прорасти позже. А почву питали томики Цветаевой, Пастернака, Гейне, подсунутые незаметно заботливой рукой старшего брата, который все видел и понимал.

Чужие стихи, чужие песни, подружка Лена, вечера, переходящие в ночь у пианино, это все на людях, а ночью тайком свое — в тетрадку, плохое, но свое. А позже первый слушатель — мама, самый близкий мне человек, и ее слезы, слезы радости и грусти. Только тогда я поняла, что то, что я долгие годы

вынашивала и таила, способно вызвать чувства не только у меня. И постепенно круг людей, которым я стала доверять, говорить о самом сокровенном, личном, стал шириться. Но это было позднее, когда я поступила во 2-й Московский мединститут. Не знаю, можно ли было уже тогда говорить о творчестве, не мне судить, но я этим жила, я просто восполняла внутреннее одиночество, жажду чего-то прекрасного и… несбыточного, и это нравилось людям. Частыми стали студенческие вечера с друзьями у клубного фортепьяно, кто-то из них незаметно записал то, что я пела и играла, на магнитофон, и кассеты стали расходиться по знакомым, друзьям, родственникам. Это был мой первый, а потому самый дорогой тираж, первая радость творческого удовлетворения. Сразу даже не верилось, что то, что писала для себя, нужно кому-то еще. Постепенно стихала старая боль, появились новые друзья, короче, не было границ счастью и беззаботности…

И тут ЕГО смерть. Смерть великого Человека и Поэта — смерть Игоря Талькова… и сны, сны о нем. Сколько еще не написано, сколько не спето. Почему столь нужные России люди уходят рано — Пушкин, Лермонтов, Высоцкий, Тальков? Сны снились вещие, тяжелые. Потрясение, снова душевный вакуум. Не могла ходить, думать, писать. Оставались друзья… И новый удар судьбы, которая, не считаясь ни с чем, бросает меня опять за тысячи километров от дома, друзей, моей жизни — в Сибирь, в город на Оби — Новосибирск. Тоска по всему, что я потеряла, как когда-то, вновь тоска, не оставлявшая меня ни днем, ни ночью. И стали рождаться песни, на этот раз я могу сказать уверенно — именно песни, иногда по две-три за ночь. А за окном все тот же снег, может, поэтому я Снежина — снег, холод, пустота. И звонки из прошлого, издалека, из Москвы, от друзей, от брата: «Мы с тобой. Запиши что-нибудь новое и вышли». Если бы не они… И кассеты, которые я уже записывала сама в домашней студии, летели в столицу. Одна из них, по воле все той же судьбы, случайно отклонилась от назначенного маршрута и попала на Таганку в студию «КиС-С». Через день звонок: «Готовы работать». Через два часа я уже в промерзшем аэропорту Новосибирска, еще через пять — спускаюсь по темным ступенькам в святая святых моего 94-го года, в студию, — я шла навстречу моей мечте. Мечта, впрочем, меня быстро окатила ушатом воды, словами моего первого аранжировщика Александра Савельева: «Работать и работать… но что-то в этом есть». Я вдруг услышала, как мне тогда показалось, божественные звуки таинственной мелодии, которые через пару секунд оказались всего лишь талантливой аранжировкой моей песни школьных лет «Роза».

Это была новая страница моей биографии. Репетиции и записи, ссоры и примирения с друзьями-аранжировщиками и оператором, ночные такси и прокуренный подвал студии, первый успех и первый провал. Год колоссального труда ребят, с которыми я работала: В. Калинкина, А. Савельева, Д. Савари, С. Крылова. Работала с ними сутками, неделями не выходя из студии. И результат — первый альбом моих песен «Вспомни со мной», двадцать одна песня. Только сейчас я осознаю, что это песни, которые получились из моих диалогов с собой, со своей душой, из моих слез и моих радостей, из моей жизни.

Был в ушедшем году и дебют в Театре эстрады в концерте В. Струкова. Постепенно стала приобретать опыт на эстрадных площадках. Это приходилось совмещать с учебой в институте, поэтому моей первой аудиторией стали ночные дискотеки и клубы. Дала свои первые интервью по радио. Конечно, если бы не поддержка моей семьи, брата, друзей, коллектива студии, я, наверное, не смогла бы преодолеть первые трудности на пути к моей мечте, мечте помочь людям «вспомнить со мной», что счастье рядом.

Сейчас продолжаю трудиться, сопрягая это с необходимостью окончить институт. Надеюсь выпустить, несмотря на сложность такого дела, как шоу-бизнес, свой первый альбом. Но уже в проекте запись второго. Ведь за годы творчества у меня накопилось около двухсот песен, которые ждут своего слушателя. Да и жизнь идет своим чередом, новые впечатления, новые размышления, новые слова, которые нужно услышать и постараться понять. А главное — есть мечта. Конечно, надо еще трудиться и трудиться, многому научиться, многое преодолеть, без этого нельзя, но пока есть мечта в душе, свет вдалеке и друзья у плеча — можно пройти сквозь огонь и не сгореть, переплыть через океан и не утонуть.

Татьяна СНЕЖИНА, Новосибирск — Москва 12 февраля 1995 года.

ЛИРИКА И СУДЬБА ТАТЬЯНЫ СНЕЖИНОЙ

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ОДНОЙ ЖИЗНИ
Вадим Печенкин

В ТОТ ДЕНЬ…

Шоколад теплой негой расплывался у меня во рту, губы, прилипая, оставляли его застывшие следы на прохладной поверхности стекла балконной двери. От разглядывания аппетитных узоров… от неожиданной щедрости отца, подарившего конфеты, они казались еще слаще и вкуснее. Рассматривая через кругляшки отпечатков своих губ и сквозь сиреневый воздух вечера идущую стройку дома напротив, я чувствовал, как печаль постепенно вытесняла радость — «маму увезли дяди в белых халатах — врачи»… От стекла все сильнее и сильнее веяло холодом, и тоска, тоска холода, сжимала мое маленькое сердце — сердце семилетнего мальчика. К вечеру, то ли от опускающихся на город сумерек, разрываемых с треском вспышками сварочных аппаратов строителей, то ли оттого, что в остывающей квартире я оставался один и не было рядом мамы и папы, к печали дополнилась тревога. Зачем, почему увезли маму, как ей там в больнице? Когда ночью глаза стали наливаться свинцом, пришел отец и сказал, что маме уже лучше и что в ближайшее время за то, что я хорошо себя вел и был сегодня настоящим мужчиной, мы поедем к ней.

В тот день я не мог, ну просто никак не мог понять, почему мы встали так рано… А папа не идет при этом на работу. Папа был чему-то рад. Может, он радуется тому, что купит мне новую, давно обещанную игрушку — большой трактор с огромным красным бензобаком сзади. Еле скрывая радость от этой мысли, я стараюсь доказать отцу, что уже взрослый и, несмотря на свои только что исполнившиеся семь лет, могу не только быстро одеться, но и почистить ботинки.

Валерий Печенкин. Будущий отец Татьяны. 1959 год

Татьяна. 1962 год. В этот год они познакомятся

Пока отец, чему-то улыбаясь, смотрел вдаль на балконе и попыхивал сигаретой, что было крайне редко в моем присутствии и поэтому еще больше придавало ситуации загадочности, я усердно тер ботинки щеткой, поплевывая на уже и так блестевшую кожу, так как это делали в фильмах.

Уже в автобусе, когда он нас вез, перетряхивая, как неодушевленные вещи, по старому и знакомому маршруту в центр, где были парки отдыха, жила бабушка, и главное — был магазин, наполненный вещами, о которых мечтали все дети планеты — игрушки, глобусы, велосипеды… Уже в автобусе отец сказал шепотом на ухо, немного уколов его своей жесткой щетиной:

— Тебя ждет сюрприз…

Мое сердце запрыгало радостно. Мальчик из соседнего двора умрет от зависти и больше не будет задаваться, привозя к нам свой большой грузовик. Трактор — это трактор, это даже не грузовик. Он сильный и, если захочет, передавит своими гусеницами все грузовики. Так мне говорил папа, самый сильный и добрый на свете.

— Мы тебе купили сестричку, — не скрывая счастья и такой сильной, по-неземному светлой гордости, шепнул мне на ухо отец.

Сестричку?! Я старался быть сильным, как советские воины из советских фильмов, и «ни один мускул не дрогнул на моем лице». Но предательские слезы горячими ручьями хлынули из моих глаз. Они текли по щекам, я ничего не мог поделать, отец растерянно смотрел на меня, не понимая, что случилось. Он даже спросил: «Тебя пчела укусила?» Но я был не в состоянии отвечать, понимая, что как только я открою рот, превращусь в плаксу, плаксу девчонку… Девчонку! Эти мысли заполнили все мое сознание. Меня засмеют все дворовые ребята! Домой девчонку привел! Мне что, еще и играть с ней придется?!

А трактор? Как же он? Я решил, пока не поздно, вернуть ситуацию на свое место. Может, папа просто забыл, что я хочу?

— Папа, не надо мне сестрички. Я хочу трактор. Трактор…

Один дома. Вадим. Май 1972 года

Я не смог дальше говорить и произошло то, чего опасался, — я заплакал по-настоящему.

Я хотел трактор. Большой, игрушечный, но из настоящего металла и… и с красным бензобаком. Я, еле сдерживая обиду, прошептал отцу: «А трактор? Я хотел трактор…» Последние слова говорил уже шепотом, понимая их безнадежность, — я знал, что у папы не хватит денег на два подарка.

Почему-то смеясь, отец присел на корточки и, нежно обняв, прижал к себе. Я, всхлипывая, стал успокаиваться, чувствуя родной запах отца, его сигарет, и тепло сильных рук. Эх… Ладно… Пусть будет сестренка…

Через час, когда мы добрались до Парка отдыха имени 1 Мая, я истратил все свои мальчишеские слезы, а отец — аргументы и добрые слова своему наследнику. Поэтому по жаркой улице Ленинской мы шли молча. Шли, как на задание, молча и с серьезными лицами. Шли так, как идут, когда не идти нельзя. В какой-то момент отец слегка дернул меня за руку, остановив посреди улицы. Задрав голову, стал смотреть на окна напротив и звать почему-то мою маму. Вернее, женщин в этих окнах он стал просить позвать Татьяну. Мне тоже было интересно, я смотрел на этих женщин, они почему-то все стояли у окон, были в домашних халатах и в платочках и смотрели на улицу. Хотя., вскоре мне это надоело, и я стал рассматривать, как первый тополиный пух ветерок тащит вдоль тротуара, а на афишах кинотеатра висел плакат — бородатый мужчина с пистолетом. Новый шпионский фильм!!! Но тут меня опять дернул за руку отец, только сильнее, и сказал, не отводя взгляда от окон дома напротив:

— Смотри!

Да! И это то, что стоило трактора? Маленькое, маленькое… И черные, как угольки… нет, как две звездочки в черном украинском небе глаза. И я понял, что больше не расстраиваюсь… глаза были красивые, глаза моей сестренки. Я видел маму, она улыбалась, а я так люблю маму. Я зачем-то помахал ей рукой, а в ответ, заливаясь смехом, несколько женщин, косясь на моего красивого папу, помахали мне. Потом мама исчезла в оконном проеме, а мы пошли с папой в Парк культуры и отдыха. Пили газировку с сиропом, отгоняя пчел от стакана, ели пирожки с повидлом и катались на каруселях. Пожалуй, трактор мне и не нужен, у меня теперь есть лучше — сестра. А соседский пацан пусть играет со своим грузовиком, он ведь еще маленький, ему 7 лет только осенью будет.

* * *

В тот день, погожий день украинской весны, 14 мая 1972 года в г. Луганске в семье старшего лейтенанта Советской армии Валерия Печенкина и его жены, технолога местного завода Татьяны, родился второй ребенок — девочка, и назвали ее Таней. Так на свет появилась талантливая поэтесса и композитор, впоследствии ставшая известной всем как Татьяна Снежина.

ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ

Офицерская судьба непростая и зачастую не считается со сложностями жизни. В тот же год, 26 июля, отца Татьяны командируют служить на суровые земли Камчатки. Спустя месяц его верная супруга, собрав немудреные пожитки семьи военных, держа одной рукой семилетнего сына Вадима, а другой прижимая к груди трехмесячную дочку, вылетела вслед за мужем.

Аэропорт, ударив в нос запахами большого количества людей и «машин», оглушил меня ревом десятка прогреваемых авиадвигателей. Мама немного грубовато, не замечая всего интересного, что было вокруг, тащила меня за руку к регистрации. Другой она прижимала Танюшку к себе. Танюшка — так назвали мою сестру. Рядом быстрым шагом шел мой дедушка, тащил огромную сумку и бабушкин чемодан. Тащил и все время что-то говорил моей маме. Говорил, как себя вести, как что делать… Только чаще всего он вздыхал и бормотал: — Танька… Танька… ну вы даете… Камчатка. Как же вы так?

Камчатка… я это слово услышал месяц назад, когда отец,

обсудив с мамой свою долгосрочною командировку в этот край, объявил об этом маминым родителям. Значение этого слова на долгие годы врезалось в намять, вместе с ехидной ухмылкой моего дяди, которого позвали как авторитета по географии, ввиду окончания в недавнем школы:

— Камчатка? Камчатка — это очень далеко, на краю Земли, и там холодно, очень холодно, там постоянно идет снег.

Мне от этих слов сделалось обидно и грустно. На Украине так хорошо, тепло… здесь бабушка, дедушка…

Что такое детство? Это что-то розовое с голубыми каемочками, солнышко, тепло. Что-то нежное, пушистое. Это непроницаемые для зла и невзгод стены материнской и отцовской любви. Это наивность и легкий ветерок в голове и под мышками, потому что машешь руками, ни о чем не думая, пытаясь взлететь.

1986 год, Москва.

ДЕТСТВО

А там, где ветер свищет,
Шумит морской прибой,
Плывет корабль из Детства.
А может он за мной?

Но взглянем мы с высот
Давно минувших лет —
Осталась пена лишь…
Кораблика уж нет…

Январь 1986 года

ДНИ И ВЕЧЕРА НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Камчатка 70-х… Какое воспоминание она должна была оставить? Неустроенность быта, сушеная картошка в магазинах, колбаса одного сорта, да и та после стояния в очереди, фрукты… фрукты только по страшному знакомству и непогода… постоянная непогода. Но мы были тогда еще дети и почти никогда не задумывались над тем, откуда что бралось, и чаще всего не замечали, или не понимали, отчего папа и мама не любят апельсины, и все, купленные к празднику, мы съедали сами. Почему отец был так горд, когда приносил офицерский воинский паек, где были сгущенка, кусок сливочного масла и несколько банок тушенки и рыбных консервов. И непогода вошла

в нашу жизнь не так резко и неприятно. Непогода… Когда мы прилетели, был август. Август на Камчатке — хороший месяц, больше, чем обычно, солнца и меньше осадков, и ветра, приходящие со стороны Тихого океана, не так чувствуются, потому что еще тепло, и к запаху многочисленных трав, цветов и ягод примешивается запах моря… Но первый детский оптимизм не успел вытеснить воспоминания о пророчествах взрослых, которые остались далеко в тепле Украины и к которым не прибежишь теперь по воскресеньям, чтоб «слопать вкусненького».

Начался сентябрь… В школе, куда меня привели, пахло свежей краской, и этот запах всю мою жизнь, даже сейчас, ассоциируется с неким томлением ожидания, предчувствием перемен в жизни и чем-то светлым и хорошим. Так вот, первого сентября меня, проведя по гулким коридорам школы, усадили за парту, за которой предстояло просидеть несколько лет, и… начались дожди. Я, полный восторга от мысли, что теперь учусь в школе, что теперь первоклассник, смотрел с восхищением на учительницу, объяснявшую, как себя вести в этих стенах, но не мог отказать себе в непреодолимом желании смотреть в окно класса. Впоследствии это будет самым любимым занятием моим в школьные годы и Тани, которая через семь лет придет и сядет также за парту школы № 4. А за окном шел дождь, который будет без остановки идти еще неделю, по серому небу ползли волнами темные тучи, отражаясь в тихой глади Авачинской бухты. Они уползали к другому ее берегу и, задевая своими мокрыми тушами гребень вулкана, уползали дальше за горизонт. Никогда… никогда в своей жизни я не видел более прекрасного и величественного зрелища, нежели из окна моей школы — океан, бескрайнее небо, сопки и над ними вулканы. Об этом я, придя, с

восторгом рассказывал маме. Она слушала и стирала, стирала руками в корыте Танины пеленки и слушала. Казалось, она радуется вместе со мной этим впечатлениям моего детства. Слушала, иногда хмурилась, но хмурилась скорее не моим словам, а своим женским мыслям о нелегкой судьбе жены военного, оказавшейся в неустроенном мире на краю Земли. Не знаю как, но я это понимал. Поэтому для меня не было чем-то неприятным или зазорным выполнение маминых просьб гулять с сестрой… Вернее, так это называлось, а на деле… вначале по каменным ступенькам надо скатить коляску на первый этаж подъезда, пахнущего кошками, потом, прижимая к груди «наше сокровище», укутанное молодой мамой, снести его вниз, уложить и катать это ухмыляющееся чудо, преисполненное сознанием своей значимости, туда-сюда, туда-сюда на пятачке метров 15 перед домом, так как дальше было опасно и мне бы влетело. Влетало постоянно… и все из-за «нее»… то не заметил, что она раскуталась, то долго не могла дозваться мама. Влетало… Но зато… моя сестра была самая красивая сестра на свете, ну… по крайней мере на нашей улице, и я гордился ею перед мальчишками из соседних дворов. И еще… она была прекрасный слушатель. Первый раз в первый класс, первая драка, первая любовь… все это, суча ручками, ухмыляясь и хихикая, слушала с готовностью моя сестренка Танечка.

По ночам в городе постоянно отключали свет. Вначале потому, что экономили электричество, потом потому, что что-то где-то ломалось. И наш мир погружался в ночную тьму. Я прижимал к груди свою сестренку, пока мама зажигала свечи. Слышал, как бьется ее маленькое сердечко, чувствовал, как ее ручонки меня обхватывают за шею, смотрел на разгорающиеся огни свечей и… слышал, как радостно под полом суетятся крысы. Иногда они раньше срока, не дожидаясь полуночи, когда все заснут, предпринимали попытки выбраться из подпола, норовя прогрызть дыры между половицами, чтоб добраться до лакомых продуктов. Крыс мы никогда не видели, но, слыша их злобное перешептывание и вспоминая балет «Щелкунчик», мы отчетливо представляли себе это подпольное царство теней.

Мама, подкинув поленьев в топку «буржуйки», приоткрыв ее дверцу, чтоб свет ее огня дополнял огоньки свеч, забирала у меня Таню и садилась на табурет у огня. Рядом устраивался и я. Так мы и ждали, прижавшись друг к другу в темноте, нашего папу, который, как правило, рано со службы не приходил. Мама пела вполголоса песни, часто русские народные, часто украинские, читала сказки. Таня, слушая, замирала, и в темноте, в паузах маминого голоса, было слышно ее тихое дыхание и видно, как

двигаются ее глаза, рассматривая что-то на стенах. А на стенах нашей кухни огни плясали вместе с тенями, ветерок в печи подпевал маминому голосу, потрескивали дровишки, а за окном небо, звезды… мир детства, он так похож в воспоминаниях на сказку.

Однажды, после недели дождей, вдруг наступила передышка, и еще через неделю неожиданно пошел снег. Он шел и шел. Такого я еще не видел. Не видел я, не видела моя мама, не видел мой самый лучший и все видавший на свете папа. Это был не просто снегопад, это был снегопадище, он шел всю пятницу, субботу, воскресенье и понедельник. Шел так плотно, что из-за его огромных снежных хлопьев, размером с Танькин кулачок, уже метрах в десяти не было видно ничего… А еще в понедельник впервые задул камчатский ветер… задул по-настоящему. Утром меня, как обычно, разбудили в школу. Папа стоял в дверях и немного нервничал, ожидая, пока я зашнурую ботинки. Чтоб выйти из подъезда дома, папа несколько раз плечом сильно ударил по двери, трамбуя снег, ее заваливший. Отец хромовыми сапогами утоптал, борясь с осыпающимся снегом, ступеньки. И мы, скользя по ним, я держа папу за руку, другой опираясь на склон, карабкаясь вверх, выбрались на свет. Оказалось, что снега навалило уже около метра, и он плотно завалил входную дверь. В мой рот сразу ворвался ветер с колючими снежинками. Я стал задыхаться. Ветер, казалось, рвет мои легкие и не дает сделать вдох. Мела сильная метель. Я, чтоб не задохнуться, уткнулся лицом, ртом в папину шинель и сделал вдох. Как это было приятно… вместе со вздохом я почувствовал тепло отцовского тела и запах сигарет, впитавшийся шинельной тканью. Преодолевая порывы ветра, мы добрались до школы, где и узнали, что такое камчатские будни — на полуостров обрушился циклон, предприятия региона закрыты и главное… занятия в школах на неопределенный срок отменены. Моей радости не было границ. Отец отвел домой. Обратный путь показался легче, то ли потому, что под горку, то ли потому, что меня ждало продолжение самого приятного на свете — выходные. А отец, утопая по колено в снегу, побрел по центральной улице областной столицы на службу, воинская служба в такие дни не то что отменялась, а, как раз наоборот, усиливалась… Ведь «враг не дремал» и мог напасть в любой момент, а такой момент, когда все спрятались от непогоды, самый подходящий. Вот такой она была, наша жизнь в первые полгода вдали от родины. А потом… несколько лет спустя именно этот край навсегда станет и для меня, и для Тани на всю жизнь настоящей и единственной родиной.

После ночного снегопада

А пока я взял за правило, просыпаясь утром, первым делом включать радио, специально с улыбкой повешенное папой у меня над кроватью, в ожидании слов: «Метель со снегом… сила ветра 25–30 метров в секунду. Занятия в школах города Петропавловска-Камчатского временно отменены. Повторяем…»

Здесь и далее рисунки Т. Снежиной в творческих тетрадях

«Когда бывает грустно…»

Когда бывает грустно,
Я свечу зажигаю
И в темноте мечтаю,
Под «Битлз» стихи пишу.

А если все же грустно,
То я слезу роняю
И свечке помогаю
Излить свою тоску.

Свеча иссякает,
Слезинки стекают
По зябко-слепому
Квадрату окна.

1986

Москва

«Хочу смотреть на этот мир…»

Хочу смотреть на этот мир
Во всех цветах и красках,
Но не хочу я видеть в нем
Людей с оружием и в касках.

Подумать только! Мощный взрыв,
И сгинет все на этом свете!
И белый голубь, в небо взмыв,
Уже не оживит планету.

Не верю я и не хочу,
Чтоб повторилась Хиросима.
Войне все горы по плечу…
У мира все же больше силы!

Что стоит всем нажать стоп-кран
И прекратить вооруженье!
Но вот не хочет кто-то там,
Кого-то там берет сомненье!

Вооруженье в пользу им,
Не выгодно разоруженье.
Так что ж, нам ради денег Мир
Отдать войне злой на съеденье?!

1986

Вместе с папой в снегопад

ПОЛНОЛУНИЕ

В камине огонь треплет клочья письма,
В огромном доме я снова одна.
Гости разъехались уже давно,
Погасли свечи, вечер смотрит в окно.

Дует ветер на улице сильно,
В комнате холодно невыносимо.
Потух камин и уголь тлеет,
Котенок во сне на подушечке млеет.

Месяц усталый смотрит в окно,
Устал он улыбкою быть уж давно,
Он всем улыбается очень светло,
А люди не видят, им все равно!

Им все равно, потому что он мал,
Но как полнолуние в ночь выходило,
Каждый кто мал, луну замечал.
Ведь людям большое все мило.

В ночь полнолуния кто-то гадает,
Ведьма на бал сатаны прилетает,
Волшебные травы колдун собирает

И с жадностью свой эликсир выпивает.

И тот, кто не ростом, душою кто мал,
Ничтожность свою, как умел, прикрывал,
Пред грозным владыкой, пред полной луной
Он выглядел нищим, терял свой покой.

Куда же девался тот властелин,
Что накануне ходил как павлин?
Куда же девался рост тот огромный,
И взгляд тот надменный, всех превосходней?!

2 декабря 1986

ДНИ ЗА ДНЯМИ

Так шли дни за днями. Быт наладился, появились друзья, появились радости жизни на Камчатке. Снега за зиму насыпало по край нашего подоконника на втором этаже с тыльной стороны дома. Менее удачливые соседи с первого этажа копали специальные туннели для прохода света к окнам квартир. А мы, мальчишки, копали «тайные ходы», армейские землянки, строили крепости и замки, благо материала — снега было в избытке.

Приходя домой с мокрыми ботинками и мокрыми варежками, приятно было греть ноги и руки, приближая, пока станет очень горячо, к раскаленной топке буржуйки. К моему приходу квартира наполнялась ароматами украинского борща, и обычно я устраивался на белом подоконнике на кухне и, сдобрив борщ сметаной, ел его, глядя в окно на заснеженные склоны сопки. Подоконник был деревянный, покрашенный белой краской, и всегда теплый, потому что под ним располагалась чугунная батарея центрального отопления. Когда Таня научилась самостоятельно сидеть, она проводила на этом подоконнике почти все свое детское время. То, сидя на нем, она постигала женскую науку, наблюдая за работой мамы по стирке, по готовке, то наблюдала за птичками и кошками на заборе напротив дома, то вечером, когда уже ничего кроме звезд и одинокого фонаря не было видно, слушала сказки, рассказываемые мамой или читаемые мной. Но это будет немного позже. А пока…

Одна среди снегов

Весна принесла солнышко и новые запахи. Город стоял посреди поистине девственной природы на склонах сопок. И когда пришло тепло, ручьи текли и текли, и с ними в город врывались ароматы природы. Однажды, когда я сидел и делал уроки, мама развешивала мокрое белье на веревках за окном, а в него врывался студеный, еще не по-весеннему ветерок, сестра, нахмурив брови, казалось, ее чем-то озаботил мамин труд, неожиданно для нас встала на ноги и побежала в соседнюю комнату. Мы, оторопев на секунду, кинулись за ней. А она уже сидела на полу около родительской кровати и, сняв телефонную трубку, кричала, продолжая хмурить брови: «Алеля, Алеля». Девочка, наблюдая, как тяжело маме вести хозяйство, по-женски решила, что мужу пора идти домой и помогать жене и, она подражая маме, звала «Валеру».

Среди камчатских сугробов. Февраль 1974

Последний снег сошел только к маю. А май прекрасный месяц еще и потому, что это конец занятий в школе, а значит, начало каникул, и не только у первоклассников. И опять в путь… денег у родителей на отпуск всем не хватило, поэтому отправили отдыхать тех, кому это важнее после полугодовой зимы — детей. Опять Украина, бабушка с жалостливыми глазами, дедушка с вечно оптимистичной улыбкой…

ПРОШЛО ДВА ГОДА

Прошло два года. Опять долгожданная весна. Ноги скользили по мокрой земле. Я жмурил глаза, но они все равно слезились. Слезились от многочисленных, приятно ослепляющих мириадов солнечных зайчиков, солнца, раздробленного в лужах и ручьях

весенней земли. Слезы холодились студеным ветерком, долетавшим с просторов бухты и… от этого глаза слезились еще больше. Но это было приятно и радостно. Воскресенье! Мы вместе! Путешествие в дикий лес! И мы с папой идем жечь костер, пить березовый сок, есть шашлык и, может быть, нам встретится медведь. Да, настоящий медведь. Нам папа часто рассказывает, как жители окраин видят их на подходах к городу. А сейчас они проснулись от спячки и голодны, вот и рыщут вокруг человеческого жилья. И будет это настоящее приключение. «Р-р-р» — изобразил я медведя сестренке. Она почему-то звонко засмеялась и стала подпрыгивать на руках у мамы. Общее отличное настроение передавалось и ей.

Весна. Воскресенье. На сопке

Мы шли вверх по склону сопки. То там, то здесь над ней поднимались клубы сизого, еле заметного дыма от костров. По щекам уже текли редкие слезинки, а ноздри жадно ловили этот дымок среди ароматов весны. В нем чувствовался уксусный привкус — народ жарил первые шашлыки, в первое по-настоящему теплое воскресенье. Весна! Воздух все сильнее пах дымком и еще звонкими ручьями и солнышком.

Сумка тяжелая. Иду, тащусь. Ее ручки больно врезаются в руки, несмотря на частую их смену. Но это моя ноша. Я —

настоящий мужчина и путешественник! В ней большой термос с горячим чаем, бутерброды с колбасой и красной рыбой. Эту сумку тащу я, мама — Таню, а папа несет из зеленого брезента рюкзак. Я знаю, в нем настоящий топор, чтоб рубить деревья на дрова, маринованное мясо на шампурах и еще много других интересных вещей, которые есть только у моего папы, — армейский фонарик, охотничий нож, транзисторный приемник, его сам спаял мой папа, и фотоаппарат… Выйдя за границу последних домов и углубляясь в заросли дикой рябины, которой покрыт крутой склон сопки, мы вышли на заветную тропинку, еле различимую среди выбивающейся уже из холодной земли травы, и отец пересадил Таню себе на шею поверх рюкзака. Она явно этому рада. Еще бы, наконец-то папа выступает в роли лошадки. Она периодически кричит «и-и-го-го» и делает ногами движения, как будто его пришпоривая. Ему не обидно, он улыбается и левой рукой тащит на «буксире» маму, мама — меня, взяв вторую ручку моей тяжелой сумки.

В горку идти трудно и жарко. Солнце уже нагрело одежду, тело вспотело, дышать тяжело. Но вот она, спасительная вершина. Грудь разрывается частым дыханием, но на душе весело и хорошо. Мы останавливаемся на несколько минут на небольшой привал. Папа спускает на ближайший камень юную наездницу, и мы любуемся открывшейся панорамой — снежные вершины, отражающиеся вместе с небом в синеве глади бухты, солнце, опять слепящее глаза своими зайчиками на ней, военные корабли и рыболовецкие сейнеры… и город лежащий у нас под ногами. Отсюда был виден наш дом, наша улица, моя школа. Наблюдая, как мальчишки соседские лазят по заборам, мне почему-то делается смешно и одновременно гордо за то, что мы здесь с отцом, и мы занимаемся куда более интересным делом.

Передохнув, мы продолжили наше путешествие. Удалившись немного вглубь леса и найдя укромную, скрытую от еще прохладного ветерка с бухты, но очень живописную полянку, мы разбили наш лагерь. Потом такие краски весны с яркими пятнами солнышка на зеленой молодой траве я увижу только на картинах Моне.

Усадив Таню на извилистый ствол камчатской березы, мы с мамой собрали хворост, и наконец папа, показывая мне, как это надо делать, разжег костер. Я рядом, чтоб никому не мешать, учась, пытаюсь разжечь свой. Таня наблюдает за хлопотами мамы. Такой экзотики на Украине не было — мама с видом опытной натуралистки на светлых полянках просыпающегося от зимнего сна леса собрала немного дикой черемши, которая позволит нам почувствовать себя окончательно героями настоящих приключений, прямо как в «Детях капитана Гранта». Я по указанию паны сбегал к ближайшей лесной ложбинке и набрал в большую алюминиевую кружку последнего снега ушедшей зимы. Пока жарятся шашлыки из маринованной говядины, пьем чай. Такого чая я больше не пил никогда, он пах весной, лесом, растущими вокруг и пошедшими на дрова ветками кедрача и его шишками, а вкус, вкус был сладкий и без сахара, потому что, чтоб не обжечься, мы топили в нем снег. А снег на Камчатке не только чистый, конечно же, не такой, как в Москве, он еще и сладкий… Ну, так нам казалось в детстве. А еще мы пили березовый сок. И вообще, разве передашь словами все чувства, которые возникали

в душах нас — детей замечательных родителей, тогда, когда весна, скоро каникулы, настоящий поход, костер, чай со снегом, и мы все вместе, и нам от этого хорошо.

ШЛИ ГОДЫ

Шли годы. Мы продолжали мечтать, сидя на подоконнике. Книги, которые я читал себе, а потом сестре, остались навсегда любимыми: Волшебник Изумрудного города, Гулливер. Прекрасное время. А потом на кухне с мамой, обсуждали прочитанное, благо были библиотеки хорошие и в школе и, недалеко от дома, районная. Вообще, каждый вечер в семье заканчивался чтением книг. Если книга попадалась хорошая, то каждый ждал своей очереди… В доме постепенно стала создаваться своя маленькая библиотека. Толстой, Серафимович, Ожешко, Пушкин, Грин, Джек Лондон — с этого она начиналась, и это были не просто бумажные тома, это были целые миры, которые вначале проходили родители, а потом мы. Нередки были обсуждения прочитанного. Читали не только книги. Как-то с тех пор повелось и продолжается до сих пор, что мама, прочитывая по несколько газет за день, или делала вырезки, или ручкой помечала наиболее интересные статьи для меня и отца. Читали письма. Это было время писем, настоящих, на бумаге. Писала мама, писал папа, писали им… бабушки, дедушки, дяди и тети. Письма тогда шли неделю, иногда две. Потому что, как поется в песне: «А Камчатка, а Камчатка от Москвы далековата, и в том что вовремя не прибыл самолет, лишь погода, лишь погода виновата…» Иногда приходили посылки от бабушки с украинской колбасой, шоколадными конфетами, халвой.

Однажды папа купил проигрыватель пластинок. И он стал на долгие годы лучшим другом и собеседником для маленькой Тани. «Ослик Мафин», «Златовласка», «Бременские музыканты» ни на секунду не покидали наш дом до прихода с работы отца. Общую картину дополняла радиоточка, по которой постоянно транслировали постановки спектаклей. Конкуренцию ей не мог составить даже телевизор.

А скоро первой дорогой покупкой на новом месте стал подарок любимой жене — пианино. Тихие вечера наполнились божественными мелодиями Шопена и Бетховена. Сама Татьяна потом вспоминала о том, что ее музыкальное восприятие мира формировали «завывания пурги за окном, треск березовых

поленьев в печи и нежные мамины руки, рождающие на свет незабываемые мелодии». Первые уроки музыки Татьяна получила от мамы еще в совсем детском возрасте, годика в три. Позже, в четыре года, Татьяна начинает проявлять задатки актерского мастерства, устраивая различного рода домашние представления для родных. Тогда же появляются первые собственные «стишки».

Вскоре наступил год, когда однажды в майский денек сестре исполнилось шесть лет, в год, когда осенью Таня пошла в музыкальную школу.

МУЗЫКАЛКА

Пацаны ждут. Сегодня очередной тур игры в «Банку», и моя «шпага» — настоящая рапира, подаренная отцом, опять пропылится в углу. А тут… сестру вести в музыкалку. Это, пожалуй, то, что я точно не любил в своих семейных обязанностях. Не потому, что вести, а потому, что у меня было потом только два варианта проведения своего времени — ждать конца ее занятий и валять при этом дурака, шатаясь вокруг музыкальной школы, или идти назад к нашему дому, а потом обратно за Таней. Но я нашел однажды поинтереснее занятие — подсматривать. Подсматривать в окна за играющими, это было очень интригующе: прокравшись за кусты, окаймляющие зеленые доски стен школы, опершись только кончиками пальцев ног об их выступ, и, подтянувшись на руках, заглядывать в наполненный светом класс. Это было здорово! У них светло и тепло, а ты в сумраке цвета сирени, и студеный ветерок неприятно холодит тебе оголившуюся спину — рубашка предательски вылезла из штанов при вскарабкивании по стене. Но холод это ничего, потому что тепло от зрелища и забавно. Улыбка почти никогда не

покидала меня при этом. Я здесь, они там, и они меня не видят, а я их вижу. Интересно было наблюдать за девчонками, особенно если они красивы. В этой школе иногда занималась и девочка Ира, самая красивая девочка нашего 6 «а» класса. Она была вся такая… отличница одним словом… косы-бантики, вечно чистенький белый воротничок. Еще была красивая девочка — моя сестра, поэтому, когда не было Иры, я находил окно, где она занималась. И наблюдал…

То, что происходило за стеклом, если честно, первоначально иногда мало напоминало мои представления о «занятиях музыкой»… Так и я могу… Таня зачем-то плясала танец лезгинку, потом лезгинку, как маленький, плясал этот взрослый дядька — учитель, зажав, как кинжал, во рту большой карандаш, а Таня отбивала музыку на крышке пианино. А потом под его танец моя сестра пыталась придумать и сыграть свою мелодию. Конечно, так уроки проходили не всегда… Шопена так не сыграешь, и моя «несчастная» сестренка вместо того, чтобы лепить «куличи» из грязи вместе с дворовыми подружками, часами, «держа спинку» и контролируя локти, терзала мой слух первыми шагами в

классической музыке, повторяя и повторяя гаммы.

И так — каждый вечер. Позже, оценивая по-своему жизнь сестры, размышлял, повезло ей или не повезло с тем, что наша мама играла на пианино. Потому что, с одной стороны, у нее был свой настоящий учитель дома, который мог заново повторить все сказанное на занятиях, объяснить и помочь, а с другой — это был строгий цензор, которого не обманешь и, сфальшивя при исполнении домашнего задания, не убежишь гулять.

ТВОЕ СЕРДЦЕ ОТТАЕТ

В городе нашем снова темно,
В доме напротив я вижу окно,
В него смотрю с надеждой давно,
Но не выйдет он все равно.

А в городе холодно, снег там идет,
По улицам белым метель метет,
Метет, заметая те следы,
Что оставил в памяти ты.

Но сердце мое все сильнее «бьет»,
Растопит оно равнодушия лед.
Растает лед, и любовь придет
По дорожке той, что к тебе ведет.

Твое сердце оттает, и ты
К порогу моему принесешь цветы.
С улыбкой в глазах, с цветами в руках.
«Я люблю тебя», — скажешь ты.

17 января 1987

СОВРЕМЕННОСТЬ

Вы скажете: «Рок — современность,
Металл — это мода теперь»!
А знаете ль, вы, Поколенье,
Что есть современность теперь?

Современность — все тот же джаз, блюз,
Современность — всего лишь к прошедшему плюс.
Современность — это ваш рок и металл,
Современность сегодня — был и не стал!

28 января 1987

ЛЮБВИ РОСТОК

Мечтать и думать о тебе…
Прекрасен этот ныл,
Но у нее глаза в дожде,
У той, что ты не полюбил.

Но почему ты так жесток?
В душе ты не таков!
Не затопчи любви росток
Камнями лживых слов.

Прими любовь как свет зари,
Как мать младенца бережно.
Ты дверцу в сердце отвори
И сразу вдруг поверишь ей.

Любовь ее, как ручеек,
Тонка, добра и ласкова.
Любовь ее, как родничок,
Чиста и жизнью счастлива.

Не окунай нечистых рук
В ручей любви умышленно.
Он станет водопадом вдруг
И силою немыслимой.

Тогда тебе несдобровать!
Придется покориться.
Придется прыгнуть в водопад,
Из родничка напиться.

Тогда познаешь ты любовь
И счастье неземное.
Уже не скажешь лживых слов
Про доброе, родное!

2 апреля 1987

Москва

ПИСЬМО

Ты пишешь, что я лучше всех,
Отзывчива, скромна, добра.
Но почему ты пишешь все в письме,
А не тогда, когда с тобою я была.

Тебе меня не достает?
Ну что же, может быть…
А может, все-таки он лжет,
Твой сердца первый крик?

А если б ты писал не мне,
Моей подруги адрес знал?

Ты в жажде нежных слов и чувств
Ей то же самое писал?

15 лет, август

Евпатория

ИЗ ДУШИ

Как плачет соловей,
Как только дождь пройдет.
И ворон, спрыгнувший с ветвей,
Кружит день напролет.

Все это странно происходит
На протяженьи сотен лет.
Любовь весною к нам приходит,
Чтобы зажечь огонь в душе твоей.

Как дождь обрушился на землю,
Внезапно так любовь пришла.
И как туман опутал небо,
Мне помутила разум мгла.

Вдруг мне сказали, тебе я нравлюсь,
И вот так быстро сон прошел.
С подругой в классе я осталась,
А ты из школы в жизнь ушел.

25 мая 1987

«Вдохну я полной грудью запах липы…»

Вдохну я полной грудью запах липы
И стану возле дома твоего.
Увижу снова ту скамейку,
Где мы сидели так давно.

«Лист с ветки тополя упал…»

Лист с ветки тополя упал,
И прямо в грязь.
Прошу я, — ты любовь свою,
Пожалуйста, не сглазь.

Ты говоришь об этом всем,
Не зная, что со мной?
Но не тешь гордыню тем,
Что буду я с тобой.

30 июня 1987

«На звездных крыльях я лечу…»

На звездных крыльях я лечу,
Ветер обгоняя.
Над городом огней я восхожу

Как ночь…

Какую тайну ты хранишь,
Волшебница веков?
И в воздухе мерцает тишь
В оковах облаков.

Чародейка ночь,
Открой бессонниц тайну.
Наколдуй мне, ночь,
Счастье и удачу.

Август 1987

Евпатория

«Три белых чайки…»

Три белых чайки
На волнах качались,
Когда с тобою, Море,
Мы прощались.

И каждый раз,
Во все года,
Я прощаюсь
С морем навсегда.

К его волнам
Я подхожу вплотную,
И пусть кроссовки
Намочить рискую,

Я руки в пену
Окунаю вновь.
О, Море, как с тобой
В разлуке я тоскую.

19 августа 1987

Евпатория

ПРОЩАЙ

Прощай, прощай…
Быстро промчалось лето.
Снова спешу я в путь,
Пусть повторится это,
В жизни когда-нибудь.

Прощай, прощай…
Быстро промчалось лето,
Нельзя его вернуть.
Я вспоминаю все это
И ты, прошу, не забудь.

Снова спешу я в путь…

Август 1987

Евпатория

Вечер поэзии с братом Вадимом. Москва, 1985 г.

«Вдали от дома, а значит…»

Вдали от дома, а значит,
Вдали от тебя,
Среди простора лишь только
Природа и я.

Я в речку лучистую
Свой взор окуну,
В ее отраженьи тебя узнаю,
Трава мне нашепчет святые слова.

И сердце подскажет —
Трава та права.
На небо взгляну, и там в синеве
Мираж меня манит, словно во сне.

Август 1987

Ворошиловград

ПОЭТ

Поэтом быть не так легко,
Как кажется сперва.
Поэтам очень тяжело
Найти души слова.

Поэт не может
И не должен лгать.
Поэт обязан
В минуте трудной людям помогать.

Но никто, ни за что, никогда не поймет,
Что бывает у поэта время,
Когда душа у него совсем не поет,
И хочется забыть человеческое племя.

Но должен поэт все писать и писать,
В стихах своих ни за что не лгать,
Чужие чувства в них отражать,
Но дайте поэту и о своем слово сказать.

Он любит, поймите, так же, как вы,
Он верит, надеется, ждет, как вы,
Но только лишь скажет о своем он, увы,
Пред ним сразу встанут преграды судьбы.

О чувствах ему сказать не дадут,
В его глазах огоньки умрут,
Но люди жестоки, его не поймут,
Для этих людей поэт, словно шут.

Для тех, кто жесток, поэт только шут,
Читают его лишь в свободное время,
Серьезным стихом пренебрегут,
Предпочитая свободную тему.

Последним дыханьем
Стих свой согрев,
Поставив точку,
Скончался поэт.

А люди в метро,
У которых времени нет,
Спокойно скажут —
Умер поэт…

22 сентября 1987

Москва

ЗАДУМАЙТЕСЬ

Тихий вечер, где-то смех,
Во дворах утихших лежит снег.
Иду, осторожно ступая ногой,
Чтоб не разбудить тополь нагой.

Старинный дом в воспоминаниях спит,
И лишь на первом этаже окошко горит,
Телевизор мигает и рама скрипит.
В лепной узор на стене крюк ржавый вбит.

Шагаю дальше с непонятной тоской.
Душа потеряла почему-то покой.

Подхожу к Александровскому дворцу,
И будто бы с прошлым лицом к лицу:

Чуть правее таинственный свет…
Но мечтаниям моим оправдания нет,
И совесть душит, будто бы яд —
На гвозде канцелярские счеты висят.

30 сентября 1987

Москва

ПОСЛЕ СМЕРТИ

Как холодно лежать в покрытом белым кружевом гробу.
Ах, думала ли я, что когда-нибудь вот так умру!
Дорога, слякоть, мчится грузовик,
Вдруг поскользнулась я! Никто не слышал даже крик.

И вот я здесь,
Нелепо так лежу,
И руки на груди,
Хоть непривычно, но держу.

Ко мне подходит мать,
Прильнув к моей груди,
Рыдания не в силах все унять,
Вспоминает, что давно уж позади.

Вот подошел отец.
Слезы не проронил
И горьким лишь молчанием
Мне намять он почтил.

Вот брат пришел,
Не помнящий себя,
Букетик желтых роз
Кладет он на меня.

А вот и ты, моя подружка,
Ну, сколько можно ждать тебя?
Но по щекам твоим стекают слезы,
Как я хочу обнять тебя,

Но не могу. А где же он?
Он подойти не в силах к гробу.
Что ж он стоит, как бедный родственник, в углу
И утирает рукой слезы.

Но что это, куда меня несут?
Ну, прекратите эту музыку!
Довольно вам кричать и причитать!
Я не какой-то там вам уникум.

Ах, ну теперь начнут все речи говорить
И соболезнования родственникам сыпать,
И даже, кто меня здесь ненавидит, —
Прекрасные и лестные слова мне будут говорить!

Конечно, так оно и есть!
Еще слезами подлецы посмели обливаться,
Нет, чтобы во всем достойно им признаться,
Так будут все стоять и нагло завираться!

Но вот настал их звездный час —
Горстями землю мне в лицо кидают.
Они, конечно, понимают,
Что не отвечу я сейчас!

Но что вы делаете, не забивайте доски!
Ведь я не слышу щебет птиц.
Я только слышу, как жестоко
Упал мой гроб, и мир притих.

Я только слышу, как комочки
Сухой земли о крышку бьют.
И вот умолкло все, в загробном мире
Все сковано и мертвенный уют…

22 сентября 1987

Москва

«Я стою на высокой горе…»

Я стою на высокой горе,

Окаймленной глубоким туманом,
И как будто лечу в вышине
В беспредельном небес океане.

НО ВОТ ОПЯТЬ

Ну, что со мной?
Ведь я тебя забыть хотела.
Тетрадь вот эта в ящик
Из прошлого, как птица, улетела.

Но вот опять непроизвольно
Рука достала чистый лист
И фотографию достала,
Где ты танцуешь, мой брейкист.

И вот слова.
За словом строчки,
И запятые, словно кочки,
Преграды ставят мне назло.

23 сентября 1987

«Окинуло взором туманным…»

Окинуло взором туманным
Утро осеннюю тишь,
Солнечный зайчик обманный
Сверкнул вдруг на инее крыш.

1987

Москва

ЗАПИСКА ИЗ БЛОКАДЫ

Они лежат все на снегу…
Мне очень холодно и голодно…
Ах, руки зябнут, не могу!
А им не холодно… уже не холодно.

С застывшим воском бледных лиц,
В предсмертных судорогах не корчатся.
Глаза спешат в спокойный мир…
И мне вдруг хочется порою кончиться.

Уже нет больше силы ждать.
Что будет время, все изменится.
Мне хочется спокойно спать,
Но где-то теплится надежда, теплится.

В продрогшем сердце огонек
Разлился в гулкий жар по телу.
Найдите мне воды глоток.
Иль закидайте меня снегом!

Глотаю с жадной дрожью снег,
Уже не чувствую я голода.
Я где-то слева слышу смех…
И мне не холодно… Уже не холодно…

22 декабря 1987

Москва

Я И ВЫ

Люблю в грозу я в море плавать,
Осенний дождь в ладонях держать.
Люблю я под музыку грустную плакать,
Чтоб горю для счастья все слезы отдать.

Мне хочется миру отдаться,
Стихии себя посвятить.
Мне хочется в бурю ворваться
И молнию в море вонзить.

Мне хочется быть одинокой
В бесчувственном токе людей.
Хочу я душою открыться
В пространстве вселенских огней!

Хочу во все верить, поверьте,
Но лава обмана с вершины ползет,

Ее невозможно измерить,
Раздавит меня и сожрет!!!

24 декабря 1987

Москва

САМ СЕБЯ НАЙДИ

Бесконечная вечность —
Бурная стезя.
Обуздай беспечность,
Так шутить нельзя.

Нечего от жизни ждать,
Сам себя найди!
Чтобы чистым стать,
Грязное пройди.

Если в мире мрачном
Даже нет свечи,
В облаке прозрачном
Камень поищи.

Солнце раскаленное
Раствори в волнах,
Чтоб вода соленая
С берега ушла.

30 декабря 1987

…Куда податься человеку, подошедшему к тяжелым дверям адского храма жизни? Ведь за дверями так много манящего, тянущего, отпугивающего, злого, доброго, прекрасного и ужасного…

И хочется идти прямо к манящему, доброму и прекрасному, но на пути обязательно есть что-то отпугивающее, злое, ужасное. И хочется обойти стороной это зло, но оно все равно обязательно встретится на пути. Не сейчас, так позднее…

1988 год, Москва.

«Зашнурованы ботинки…»

Зашнурованы ботинки,
Перепутаны шнурки.
Плащ, застегнутый на кнопки,
А как будто на замки.

В шевелюре его кепка
С козырьком зад наперед.
В правом ухе есть сережка
С надписью: «А мне везет».

На перчатках его дыры,
Весь в заплатках старый джинс,
Хулиган он и проныра,
Старых улиц новый принц.

«Свеча на ветру…»

Свеча на ветру,
Пламя трепещет.
Свеча на ветру,
Жизнь скоротечна.

Ладонью прикрою
Жизни цветок,
Под пальцами
Сердце забьется.

МНЕ ЦЫГАНКА НАГАДАЛА

Мне цыганка летом нагадала,
Что мне недолго жить осталось на веку.
Я думать об этом часто стала,
И поняла, что права не имею и больше не могу.

Нам нельзя быть больше вместе,
Я жизнь ему калечить не хочу.
Я ночью лишь сижу в любимом кресле
И созерцаю тусклую свечу.

И жизнь была как тусклая свеча,
Скупа теплом и быстро истекает.
В текущий воск смотрю, в душе крича:
«Остановись на миг…» Но ничего не помогает.

Мне цыганка летом нагадала,
Что мне недолго жить осталось на веку.
Я думать об этом часто стала,
И поняла, что права не имею и больше не могу…

17 января 1988

Москва

ПЕРВЫЕ МЕЛОДИИ

Помню точно. Первые мелодии Таня написала еще в старой квартире на Камчатке. Такое забыть нельзя и не с чем спутать. Это сейчас девочки роняют слезы над ее песнями, а звезды эстрады вторят ее нотам, а тогда… Мне иногда казалось, что моя голова не выдержит этой «какофонии» звуков: пианино, ритмичного перестукивания ног и «завывания» сестринского голоса. Она по десять раз переигрывала написанные ею мелодии. А мне уроки делать, за окном уже темно, воют собаки на непогоду, идти гулять тоже уже не с руки, опять же почитать хочется новую книжку. Мне хотелось хотя бы нескольких минут тишины. «Таня! Хватит ерундой заниматься. Иди лучше книжку почитай!..» «Отстань, иди сам читай», — это был достаточно традиционный диалог брата и сестры в те годы. И предлагаемые мной «Алые паруса» Грина или «Вурдалаки» Толстого не оказывали должного действия на сестренку. Тогда я переходил к «силовым методам». И сестра бежала жаловаться… Если успевала добежать до мамы, я получал словесные объяснения своей неправоты, если до папы, читавшего книгу в другой комнате, то… я получал… «невербальными методами» разъяснения, что я «уже мужчина» и должен уступать сестре.

Соблюдать тишину и, идя мне навстречу, читать книги Таня явно не хотела. Звуки… звуки… можно было с ума сойти. Но однажды, как в далеком детстве, я, впечатленный прочитанным, стал пересказывать ей историю Дона Рамиро Гейне и для пущей достоверности изобразил призрак влюбленного рыцаря и процитировал из книги строки: «…Отпусти! Пусти! Рамиро! Выдох твой — дыханье смерти!» И в ответ — все то же слово: «Ты велела — я явился!» Сестренка ухмыльнулась, искоса глядя на мою клоунаду. И продолжила, как ни в чем не бывало, мучить клавиши. Но вечером я обнаружил пропажу… пропала книга немецкого поэта. А еще через неделю она вернулась на место, но в ней я обнаружил закладки из фантиков конфет «Белочка» и карандашные пометки на полях.

Тогда еще не было Цоя, Лозы и Макаревича, поэтому русскоязычное песенное творчество, понятное мальчишке, помимо песен военной тематики из приключенческих фильмов, было скорее ближе к дворовому и блатному шансону, распространенному достаточно в портовом городе. Был, конечно, еще и Высоцкий, который не умолкал, когда отец был дома, но… И единственный, кто, с моей точки зрения, был близок к любовной лирике для девушек, конечно, Есенин. Пришлось сбегать в библиотеку, а вечером с безразличным видом спеть так,

чтоб слышала сестра: «Ты меня не любишь, не жалеешь…» Книга исчезла опять. Постепенно стали появляться островки тишины… И появилось первое ее стихотворение. Но зря я надеялся на покой. Поэзия породила у сестренки новое направление ее творчества… Однажды, выполняя домашнее задание учителя, и, наверное, вдохновленная гением Есенина, она сочинила свою мелодию к бессмертным строкам: «Ты поила коня из горстей в поводу», и этот романс Татьяны надолго вошел в песенный репертуар наших женщин — мамы и дочки.

Мама и дочь

СВЕЧА (песня)

Тревожный лепесток свечи
Коснулся тайного немого,
Что по дороге от былого
Идет тихонько и молчит.

Густая тусклая печаль,
Слетая с пламени живого,
Меня укутывает в шаль
Из пряжи вечера слепого.

Играют блики на лице,
Проигрывая все, что было,
Стекает воск горячей жилой,
Не зная о своем конце.

Но будет ли конец ему?
Вдруг кто-то труд возьмет на плечи,
Расплавит вновь его в аду
И отольет в немые свечи.

И будет снова воск стекать,
В такт мыслям прошлым поспевая,
Свое же тело обнимая,
Он будет мертво застывать.

И кто-то вновь издалека
В себе мечтания разбудит,
И, в забытьи вздохнув слегка,
Дыханьем жизнь свечи погубит.

Дыханьем жизнь свечи погубит…

25 января 1988

Москва

КАМЧАТКА

Только там так прекрасен закат,
Только там так прекрасен восход!
Там зима превосходит в сто крат
Зиму, что в Подмосковье идет!

На Камчатке суровой и властной
Солнце утренней лавой польет
Седые склоны вулканов,
И морозец чуть в щеки кольнет.

Разбегусь я и прыгну в сугробы —
Пусть покроют меня с головой.
Или в лес к уснувшей природе,
Что так манит меня за собой.

Разбушуйся же, о Непогода!
Ты так славишь камчатский наш край!
Вихрем взвей голубые сугробы!
Все вокруг и меня засыпай.

Небеса вширь Авачинской бухты
Протянулись, не зная границ.
Заглушая холодный плеск моря,
Дикой чайкой кричит стая птиц.

Только там так прекрасен закат,
Только там так прекрасен восход!
Там зима превосходит в сто крат
Зиму, что в Подмосковье идет!

30 января 1988

Москва

НЕ ЗАБУДЬ МЕНЯ

Среди ночи и дня
Я прошу об одном —
Не забудь меня,
Словно дождь проливной.

Не оставь меня,
Словно прожитый день,
Не беги от меня —
Я с тобою, как тень.

Ну а если ты вдруг

Разучился мечтать,
И тебе, мой друг,
Никогда не летать,

Ты, конечно, увидишь
С собою лишь тень,
Ты мгновенно забудешь
Прожитый день.

Если дождь проливной,
Ты пойдешь под зонтом
И от встречи со мной
Схоронишься в свой дом.

1988

Москва

ДИКИЙ ВЕК

Слегка опустим тени век
И вспомним все, что было с нами,
Под кроной грусти и печали
Забудем вмиг наш дикий век.

Ты помнишь, как с тобой беспечно
Мы мчались, весело смеясь,
Бежали только в бесконечность,
Ну а теперь куда бежать?

Ведь с виду все пути открыты,
А ступишь шаг и вдруг — стена!
И мы всем миром позабыты…
Жизнь впереди? Но в чем она?!

В мечтаньях странных о высотах?
В наивной вере в чистоту?
Душою взмыли мы высоко
И вдруг упали в пустоту.

И стали лгать, что жизнь прекрасна,
Тогда как в ней есть ложь и дым.
Мы часто лжем, а ложь ужасна,

Раз лгать пристало молодым.

Мы лжем в любви, мы лжем в признаньях,
И в клятвах лжем и без причин.
Мы часто жаждем пониманья,
Но разум лжет, душа молчит.

О, будет ли за то отмщенье?
Когда вползает ночи тень,
Душа вновь жаждет очищенья,
Пред тем как впиться в грязный день.

И сердце в муках искупленья,
Так страшно рвется из груди,
Разум, застывший в исступленьи,
Обратно хочет знать пути.

Но мы бежим все дальше стадом,
Гася сомнения в груди,
И ложь былая станет правдой,
Пред ложью той, что впереди!

Настанет час, придет затменье,
Замрет весь мир на полпути.
В финале жизни, как знаменье,
Правда заставит ложь уйти.

Мы все опустим тени век
И вспомним все, что было с нами.
Холодной вечности устами
Касаясь, вспомним дикий век.

1988

Москва

«Весной во сне приснилось счастье мне…»

Весной во сне приснилось счастье мне.
Приснилось и исчезло в прозрачной тишине.
Я радостно кружилась вдвоем с ним налегке,
Но счастье не удержишь на крепком поводке.

Во сне весной ты часто был со мной,
Любил меня и был самим собой.
Но сон прошел, осталась лишь весна.
Весна уйдет — останусь я одна…

1988

Москва

Новогодние праздники с братом Вадимом

ОДИНОЧЕСТВО (песня)

Верный друг моей судьбы — Одиночество.
Друг во сне и наяву, как пророчество.
Я из дома ухожу с Их Высочеством,
Возвращаюсь и молчу, хоть не хочется.

Одиночество — мой век. Одиночество.
Рядом с именем моим, словно отчество.
На подушке моей спит Одиночество…
С Одиночеством моим день короче стал.

День укутает меня Одиночеством,
С Одиночеством моим ночь чиста…

На дорожке мокрой дождь тихо топчется,
Тоже хочет стать моим Одиночеством…

Верный друг моей судьбы — Одиночество.
Друг во сне и наяву, как пророчество.
Одиночество — мой век. Одиночество…
Одиночество…

Апрель 1988

Москва

ДЫМ СИГАРЕТ (Песня)

Слепой туман
Окутал ночь,
И дождь стучит
В мое окно.

Стекает тушь
Огней реклам,
Дым сигарет
Слепит глаза.

Уходит год
Последний прочь,
Со мной осталась

Только ночь.

Торшера свет
Давно молчит,
Заменит он мне
Свет свечи.

Напомнит мне
Дым сигарет —
Моих друзей
Туманный след.

И только тот,
Кто дорог мне,
Лишь тень
Оставил на стене.

Последний танец
Под танго
С тобой иль с тенью
Все равно…

И этот аромат
Ночных цветов
В плену зеркал
И хрупких снов.

Слепой туман
Окутал ночь
И дождь стучит
В мое окно.

Последний танец
Под танго,
С тобой иль с тенью —
Все равно…

1988

Москва

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

Страдать, мечтать, надеяться и ждать,
Идти сквозь все ненастья.
Любить, забыть, ласкать и гнать —
Вот сущность счастья!

Все кроется за этими,
Семью простыми буквами,
Но хорошо ли знаем их,
Ты, он, да и вообще все мы?

Люди отвыкли от слова СЧАСТЬЕ.
В погоне за будничным сумраком дел,
Твердим мы всегда: «Счастья нам, счастья»,
В лихорадочных судоргах тел.

Последняя буква гласит — «За себя».
Она все твердит: «Только мне, только Я».
Она в этом слове будто бы дверь.
Надеюсь, ты понимаешь теперь,

Что люди забыли, что счастья хотеть —
Это прежде всего долго терпеть.
Счастье твое, если счастье у всех!
А счастье сейчас — на горе — успех.

И люди зациклились только в себе,
Хотят видеть солнце в своем лишь окне.
В погоне счастью крылья ломали,
Своими руками Солнце марали.

А если все вместе протянете руки,
Исчезнут мгновенно все ваши муки,
Солнце одарит всех вас теплом.
А счастье придет своим чередом!

Апреля 1988

Москва

СКАЗКА

В небе темном летела звезда
И в полете собой наслаждалась.
И не думала, что не года,
А секунду лишь жить ей осталось.

Она думала только о том,
Что живет и свободно летает,
Что вдруг залетит в чей-то дом
И звездою любви засияет.

И летела она, так чиста,
Исполняя желанья влюбленных.
Все неслась, озаряя места,
Где была тень лесов затаенных.

Вот секунда прошла, как столетье,
И звезда, улыбаясь, погасла.
Нету больше звезды, но заметьте,
Что Земля ее светом прекрасна.

В небе тучка за всем наблюдала
И от чего-то вдруг захохотала,
А потом громко зарыдала
И дождем летним наземь упала.

Утром солнце взялось за работу,
Сразу стало высушивать воду.

И вода, солнышку покоряясь,
Быстро ввысь понеслась, испаряясь.

А на небе собралась вновь в тучку
И сказала: «Бедняжка звезда,
Протянула к любви земной лучик
И погасла. Ах, как же глупа!

То ли дело вот я — бесконечна —
С неба наземь, с земли в небеса.
Солнцу, Ветру покорна извечно —
Мне не страшны веков голоса».

Над Землею когда-то сияла Звезда,
Исполняя желанья влюбленных,
И земная Любовь ее светом жива…

Апрель 1988

Москва

«Я зажгу свечу, и лучик ее света…»

Я зажгу свечу, и лучик ее света
Стал дорогой вдруг на другой край света.
Я канатоходцем по нему наверх взбегу
И посидеть на краешке Млечного Пути смогу.

Поболтаю со звездами, в путь их провожу,
И земную сказку вслед им расскажу.
Вместе с тучкою ночною солнце встречу,
На все вопросы дождика, как смогу, отвечу.

А на земле ночь, ночь, ночь…
Тучи мчатся прочь, прочь, прочь…
Людям опять невмочь — ночь.
Месяц — балетмейстер звездный
Дает балет звезд.

А когда розовый, как нега, рассвет
Нежный, ласковый,
Приоткроет мои веки
И прохладный свой пошлет привет,

Я умоюсь снегом, а может, из ручья,
И пойду заре навстречу, так как верю я —
Там, где кончится земля
И начнется небо, счастье ждет меня.

А сейчас ночь, ночь, ночь…
Тучи мчатся прочь, прочь, прочь…
Мне спать невмочь — ночь, ночь,
С месяцем, танцором звездным,
Мы даем балет.

31 июля 1988

Ялта

Я МОЛЮ ТЕБЯ, СТИХИЯ

Дождь, когда все небо мглой закроет
И в окно мне пальцем погрозит,
Встрепенется сердце, и натянет струны
Та гитара, что покой любви хранит.
Та гитара, что тепло любви хранит.

Одолею все невзгоды-непогоды,
Выйду из дому, сквозняк захлопнет дверь.
Пусть хлестает дождь меня, покуда сможет,
А устанет, сам отстанет, не встревожит,
А устанет, сам отстанет, не встревожит.

В силуэте вижу облик твой тревожный,
Ты пытаешься укрыться от дождя,
Я молю, молю тебя, моя стихия,
Отхлестай его покорно за меня,
Приюти его покорно за меня.

«Звездный вечер склонился над морем…»

Звездный вечер склонился над морем,
Млечный Путь надо мною повис,
Бледный диск занял место в просторе,
Нежит сердце ночной легкий бриз.

Протянулась по глади дорожка
И, сверкая, зовет за собой.
Но наступлю на нее хоть немножко,
Меня тут же проглотит прибой.

Та дорожка похожа на путь тот,
Что манит меня к счастью с тобой.
Прикоснусь, и затянет в болото,
Та страна, что зовется судьбой.

И любой бы в стране той был счастлив,
Если б птицу надежды, тепла
Ты не прятал в своем бы кармане
И не путал бы птице крыла.

И живешь ты один, наслаждаясь
Одиночества счастьем, теплом.
Плотной дверью от всех закрываясь,
Ты не думаешь больше о том,

Что звездный вечер склонился над морем,
Млечный Путь надо мною повис,
Бледный диск занял место в просторе,

И нежит сердце тоскою ночной легкий бриз…

31 июля 1988

Ялта

ВДАЛИ

Как я скучаю по дождю.
Ах, если б знал кто, боже!
Как я Москву свою люблю,
Москву, что всей земли дороже.

В стране, где солнце постоянно,
Хочу идти, бежать туда,
Где есть та улица Солянка,
Туда, где дождь и суета.

Я не хочу туманов Лондона,
Там мы не встретимся с тобой.
Любовь моя столице отдана,
И счастье здесь найдет любой.

Как я скучаю по дождю.
По той квартирке в центре города,
Которую я так люблю,
С ее высокой дверью гордою…

1 августа 1988

Ялта

«Судьбе в угоду ждать приказа?..»

Судьбе в угоду ждать приказа?
И ничего не сделать самому?
Как низко, свыше ждать указа!
Когда ты сам не веришь никому.

Эй, слышишь, ты, Судьба!?

Эй, слышишь, ты, Судьба!?
Склоняйся предо мною!
Я больше не боюсь тебя,
Я властна над тобою!

Твой перст мне больше не указ,
Уйди с моей дороги.
Я не приму твоих проказ,
Что как в реке пороги.

Тобой отныне правлю Я.
Ты слышишь, я не верю,
Что сможешь ты сломить меня,
Закрыв за плотной дверью.

1 августа 1988

Ялта

ХВАТИТ, УСТАЛА (песня)

Сможешь простить,
Сможешь прийти,
Зачем так долго мучаешь меня?
Я дверь уже открыла,
На стол давно накрыла.

Если не придешь, так и скажи.
Я дверь закрою за тобой,
В окно ко мне влетит покой,
Не буду больше ждать твоей любви.

Хватит, устала.
Я не о том мечтала.
Не могу я больше быть одна.
Ты придешь, уйдешь,
Словно летний дождь,
Больше не хочу быть радугой твоей.
Все фотографии сожгу,
Где ты со мной, где я живу.
Я не хочу твоих улыбок ледяных.

Слышишь, уйди,
Сам себе не лги,
И меня избавь от этой лжи.
Звезды зажгу,
В ночь одна уйду.
Так давно хотелось звездной тишины.
Я распахну свое окно,
На крыльях ночи далеко
Меня умчит судьба в мерцанье темноты.

Сможешь простить,

Сможешь прийти,
Зачем так долго мучаешь меня?
Я дверь уже открыла,
На стол давно накрыла.

Если не придешь, так и скажи.
Я дверь закрою за тобой,
В окно ко мне влетит покой,
Не буду больше ждать твоей любви.

1988

Москва

НАЧЕРТАЛА ОСЕНЬ СТИХ (песня)

Он ушел, сказав, что навсегда,
Но я знаю, он придет наверняка,
Когда любовь наполнит вновь
Русло высохшего сердца,
Испарившейся любви.

Ну а мир волшебной краской расцветет,
Снова снег с высот ручьями запоет,
Когда любовь наполнит вновь

Русло высохшего сердца,
Испарившейся любви.

Снова я волшебной тропкою пройду,
Разбужу ногой опавшую листву.
Когда мечты вдруг завянут как цветы,
Белый пух укроет землю
И уснувшие листы,

На которых так небрежно
Начертала осень стих
О любви моей безбрежной…
Сохрани на память их.

1988

Москва

НЕ ЗАБУДЬТЕ ЛЮБОВЬ

В доме моем темно за окном,
Кто-то шумит за стеною.
Что-то такое вселилось в мой дом,
Кто-то стоит за спиною.

Кто ты и что ты, не буду гадать!
Просто оставлю свой домик,
Буду вне дома я продолжать
Записи в жизненный томик.

Встану, покуда не видит никто,
Начну собираться в дорогу.
Возьму с собой туфли, любовь и пальто,
А дома оставлю тревогу.

С тревогою нечего делать в пути,
Пусть с нею живет этот Кто-то,
Когда нет тревоги, чуть легче идти,
Куда не летят самолеты.

Поклажи значенья не знает никто,
Хотя догадаться несложно,
Что туфли — на праздник, а в беды — пальто.

Любовь? — Без нее невозможно!

Бегу от кого-то, любовь берегу,
В пальто ее кутаю, прячу!
Чтоб ей не замерзнуть на том берегу,
Еще, как котенку, незрячей.

А станет теплее — любовь расцветет.
На праздник я туфли надену,
И счастье ко мне, несомненно, придет,
И трудность ему будет сменой.

Но жизнь меня не учила тужить,
Накинув пальто, двинусь дальше,
Ведь жизни бояться — значит не жить.
А жизнь не приемлет злой фальши.

Вот туфли сносились, порвалось пальто,
И кажется, вот-вот погибну.
Грохочет все небо, как горный поток,
Подобно небесных сил гимну.

Но то, что спасала я день ото дня,
Любовь, что с собою носила,
Меня вырывает из злого огня
Своею огромною силой!

И, если у вас закипит в жилах кровь,
Бегите со мной что есть силы.
Но главное, вы не забудьте Любовь!
Она все в себе воплотила!

1988

Москва

«А я иду босая без удержи…»

А я иду босая без удержи,
А я в окна бросаю свои гроши.
И хочется войти, да боязно,
И хочется уехать на поезде.

А дождик в ладони морошкою,
Вода бежит моею дорожкою.
Листок — изумруд нечаянный,
Ах, ветер, сорванец отчаянный!

Стихия все живет без умолку,
Кукушка все зовет: «Ку-ку, ку-ку»…
А тот говорит: «Слепая ты…»
А тот говорит: «Немая ты…»

А я иду босая без удержи,
И в окна бросаю свои гроши…

1988

Москва

ПОЗДРАВЛЕНИЕ (песня)

Позволь тебя, мой друг, поздравить
С такою датой, боже мой,
Тут ни прибавить, ни убавить —
Семнадцать лет прошли гурьбой.

И в этот день ты стал добрее,
Как жаль, не вижу я тебя
В тот миг, когда ты стал взрослее.
Как жаль, как говорится, не судьба.

В семнадцать лет уже за уши не потянут,
Целуют в щечку, так примета говорит.
И в праздник твой все поцелуями тебя завалят,
Лишь только мой не долетит.

Но все же я тебе желаю
Остаться навсегда таким, как есть.
О, это трудно, понимаю,
Но для тебя такой проблемы нет.

Будь милым, добрым, сильным, нежным,
Цени людей и не зови печаль.
Будь умным, искренним, как прежде,
И говори: «В прошедшем ничего не жаль».

Да, не жалей того, что было в прошлом,
Лишь постарайся вспоминать
Все то, что для тебя всего дороже,
И тех, тебя кто будет вспоминать.

Позволь тебя, мой друг, поздравить
С такою датой, боже мой,
Тут ни прибавить, ни убавить —
Семнадцать лет прошли гурьбой.

1988

Москва

ПРОСТО ЖИЗНЬ ЛЮБЛЮ (песня)

Вот и снова хлещет ливень
И стоит сплошной стеной,
Так что и не разглядим мы,
Что с тобой, а что со мной.

Я люблю смотреть на дождь,
Так как в дождь не видно слез.

Я люблю его, и что ж,
Я полна надежд и грез.

Я люблю дарить гвоздики,
Так как нет на них шипов.
Я люблю дарить, простите,
Радость всем без лишних слов.

Я люблю смотреть на небо,
Ведь на небе столько звезд,
Я люблю кормить птиц хлебом
И смотреть на их полет.

Я люблю не спать ночами,
Потому что мир весь спит.
Я люблю быть со свечами,
Когда город снегом скрыт.

Я люблю все, потому что
Просто жизнь люблю.
Я люблю жизнь почему-то,
Каждый миг ее ловлю.

И вот снова хлещет ливень,
И стоит сплошной стеной.
Знаешь, почему день длинен?
Потому что ты со мной.

1988

Москва

НОЧЬ ПРИШЛА

Ночь пришла и вместе с ней
Вспыхнул ураган огней.
Я в такси спешу к тебе,
Ты не знаешь обо мне.

Ты меня встречал не раз,
Но не встретил моих глаз.
Я теперь спешу туда,
Где горит твоя звезда.

Звездные огни плывут
И куда-то ввысь зовут.
Мне бы крылья за спиной
И умчаться ввысь с тобой.

Но зеленый огонек
От полета так далек,
Он везет меня домой,
А я в мыслях лишь с тобой.

Ночь пришла, и вместе с ней
Вспыхнул ураган огней.
Мысленно спешу к тебе,
Но такси перечит мне, во сне.

1988

Москва

«Вот снова день прошел…»

Вот снова день прошел,
И укатился солнца шар.
Вот снова час настал,
И гаснет день.
И опускает ночь вуаль,
А с нею тень.

ЛУННЫЙ САКСОФОН (песня)

Надо мной в тихой мгле
Вьется сладкий сон,
И звучит в тишине
Лунный саксофон.

Ухожу сквозь себя
В этот звездный дом.
Лишь во сне живу, любя,
Не зная, что потом.

Восхожу до звезды

И сияю с ней.
Мне волшебные сады
Всех земных милей.

Здесь не тронет меня
Благородный лев,
И укроет от дождя
Самый добрый лес.

Только здесь лунный блик
Это солнца луч.
Только здесь тихий крик
Станет вдруг могуч.

Только здесь мне к тебе
Можно руку протянуть.
Руку ты сожмешь в руке,
И я вдруг проснусь.

Надо мной в тихой мгле
Вьется сладкий сон,
И звучит в тишине
Лунный саксофон.

Лунный саксофон —
Это только сон…

1988

Москва

«Смотрю на мир сквозь тюль занавески…»

Смотрю на мир сквозь тюль занавески,
Плывет он предо мной в какой-то дымке.
Я вижу звезд хрустальные подвески
И новый месяц с вечною улыбкой.

МНЕ БЫ БЫТЬ СОБОЙ (песня)

Мне бы быть собой и не быть,
Мне бы обмануться.
Полюбить и разлюбить
И ни с чем вернуться.

В белом саване белых роз
И с шипом на сердце
То ли в шутку, то ль всерьез
В рану всыпать перца.

Боль цветами заглушить
И с любой преградой
Путь Христа бы совершить
И не ждать награды.

Странной странницей в ту страну,
Где моя страница,
Я когда-нибудь все ж дойду,
Долечу, как птица.

Там сотку себе полотно
Из счастливых строчек,
Завернусь в него так тепло
И поставлю прочерк.

Можно быть собой и не быть,
Можно обмануться,
Полюбить и разлюбить,
Но назад вернуться.

1988

Москва

НИ СЛОВОМ, НИ ВЗГЛЯДОМ (песня)

Которую ночь я не сплю по причине,
Что ты от меня так далек.
И смотрят в окно ко мне звезды ночные
И лунный безликий рожок.

А утро настанет, и снова в пучине
Неясных дорог и тревог
Ты снова пройдешь и холодный взгляд кинешь,
За что же ты так жесток?

Ни словом, ни взглядом тебя не обижу,
Пускай за любовь ты меня ненавидишь,
Но утром однажды откроешь глаза
И сам ты поймешь, кем я тебе была.

Порою мне очень тебя не хватает,
Что жить и не жить — все равно.
В невинной любви моя жизнь угасает.
Не всем это счастье дано.

Пускай за любовь ты меня презираешь,
Тебя я за это не виню.
Ты этим презреньем меня убиваешь,
Но я тебя все же люблю.

Ни взглядом, ни словом тебя не обижу,
Будь счастлив, ты больше меня не увидишь.
Когда среди ночи откроешь глаза,
Увидишь, как тает моя звезда.

Ни словом, ни взглядом тебя не обижу,
Пускай за любовь ты меня ненавидишь.

А утром однажды откроешь глаза,
И сам ты поймешь, кем я для тебя была.

Ни взглядом, ни словом тебя не обижу.
Пускай за любовь ты меня ненавидишь.
А утром однажды откроешь глаза —
Увидишь — упала моя звезда,
Там…

1988

Москва

ШЕСТЬ МАГИЧЕСКИХ БУКВ (песня)

Мне шептал морской прибой:
«Утони в моей любви,
Будем вечны мы с тобой
В глубине одной судьбы».

Только я все пишу
На мокром его песке
Шесть магических букв,
Окрыливших душу мне.

Океан руками и волнами.
Губами своими,
Делал гладким
Вновь песок.

Только я все пишу
На мокром его песке
Шесть магических букв,
Окрыливших душу мне.

Захлебнувшись в моей любви,
Говорил мне небосвод:
«Будем счастливы в ночи,
Ты не будешь знать невзгод».

И душа моя взлетела,
Не удержалась. Как же быть?
Заблудилась в звездах ночи

И стала звездой светить.

Только я смотрю на небо,
Под нежный шепот волн,
Звезды ночи и души моей,
Словно взгляд твой — это он.

Шесть магических букв
Смотрят с неба на меня,
Их волна мне раздает,
Их никогда не смыть дождям.

1988

Пищунда

ПУРГА, СНЕГА, МЕТЕЛЬ, ДОМА (песня)

Пурга, снега, метель, дома.
Кружится вьюга.
И мы не сможем никогда
Найти друг друга.

Быть может, это навсегда,
И в мире снежном
Я не узнаю никогда
О взгляде нежном.

Ах, мне бы сердцем растопить
Весь зимний лед и снег,
Тебя найти и полюбить,
Но так не будет, нет.

Снежинки тают на щеках,
Как будто слезы,
И я в снежинках, как в мечтах,
Я в царстве грезы.

Увы, не кончится зима,
Пурга не стихнет,
Пока я не найду тебя
В снежной стихии.

Ах, мне бы сердцем растопить
Весь зимний лед и снег,
Тебя найти и полюбить,
Но так не будет, нет.

Тебя никак не разгляжу
За белой вьюгой.
Боюсь, никак не отвяжусь
От злой подруги.

Кружится снег под фонарем,
И в снежных тучах
Забилось сердце снегирем —
«Ты самый лучший».

Ах, мне бы сердцем растопить
Весь зимний лед и снег,
Тебя найти и полюбить,
Но так не будет, нет.

Пурга, снега, метель, дома,
Кружится вьюга.
И мы не сможем никогда
Найти друг друга.

Быть может, это навсегда,
И в мире снежном
Я не узнаю никогда
О взгляде нежном.

1988

Москва

«Как мне воспеть мучительную думу…»

Как мне воспеть мучительную думу,
Что накипела в разуме моем?
Как воссоздать упущенную сумму
Высоких слов, что сказаны о Нем?

Кто предсказал на будущее путь
С его замаскированной завесой?

Мне хочется Тому в глаза взглянуть —
И убедиться, что он не повеса.

Убедиться, что путь его правдив,
И, приоткрыв завесу времени былого,
Найти свои следы, на прошлое ступив,
И убедиться, что не смогу иного.

1989

Москва

БИЛЕТ ДО ЛЕНИНГРАДА (песня)

В кармане билет до Ленинграда,
В кармане потертых изношенных джинс.
Теперь ничему здесь, увы, я не рада…
Я даже не знаю, придет ли мой принц.

Когда совершит в замочном просвете
Последний свой круг усталый мой ключ,
Замкнется кольцом все, что было на свете,
И новую эру начну я свою…

По лужам, по грязи, в избитых кроссовках
Дорогой к вокзалу, с вокзала в вагон.
Участвуя в вечной вокзальной массовке,
Оставлю Москву, не взглянув на перрон…

И будут мелькать за окном век за веком,
Когда проводница мне чай принесет,
Застынет слеза за опушенным веком,
И пусть меня поезд везет и везет…

Пусть он увезет меня прочь от судьбы злой,
Пусть стуком колес ее смех заглушит,
Пускай для меня он отцепит вагон свой
И вместе со мной бросит в этой глуши.

И будут в купе мое звезды тянуться,
И резать стекло алмазом лучей…
И некому мне в темноте улыбнуться,
И не дотянуться до дальних огней.

Но есть лишь билет до Ленинграда
В кармане потертых джинсовых брюк.
От мира сего ничего мне не надо,
Чтоб тихо докончить песню свою.

1989

Москва

НЕОЖИДАННЫЙ ЗВОНОК

Ты позвони мне завтра утром.
Я завтра все тебе скажу.
Ой, подожди, сейчас, минутку,
Ребенка спать я уложу.

Алло, послушай, уже поздно,
И муж не спит из-за меня.
Что? Да нет же, я серьезно!
Вот так сложилось у меня.

А что, тебя это тревожит?
Да что ты! Да не может быть!
На тебя это не похоже.
Неужто камень смог любить?!

Я говорила? Ой, да брось ты,

Ведь это было так давно!
К тому же ты смотрел так просто,
И не ответил ничего…

Ах, ты сейчас решил ответить?
Ну что ж, мой милый, опоздал.
Хотел ты славу в жизни встретить,
Но вот, как видно, проиграл.

Ну, ничего, не огорчайся.
Тебе ведь только тридцать шесть.
Ты утром бегай, обтирайся,
Быть может, сбросишь ты лет шесть…

Меня ты любишь? Нет, не верю!
С чего бы это, так вот, вдруг?
Ушел тогда ты, хлопнув дверью,
И я ушла! Вот так, мой друг!

Не можешь жить? День непогожий…
Тревожат сны? Смотри-ка, дождь пошел…
Нет, на тебя он не похожий.
Кто, я? Нет, он меня нашел!

Ты не звони мне завтра утром.
Я думаю, ты все сказал?
Сегодня я устала жутко
И завтра еду на причал.

Что? Провожаю в рейс я мужа.
Да, капитан. Не ожидал?
Тебя никто не провожает?
Ну что ж, ты этого искал!

Да ты не слушай бога ради!
Одна живу я, знай, одна!
Я не боюсь тебе сказать так!
Я не пропала без тебя!

Свиданье? Нет! В киношку? Что ты!
И в ресторан я не пойду!
Да не старайся ты! Я просто
Тебя и видеть не смогу!

Нет! Не звони мне завтра утром!
Нет, дома! Трубку не сниму!
Напрасно! Двери не открою!
И письма я, как ты, сожгу!!!

1989

Москва

«Я слишком много обещала…»

Я слишком много обещала,
Но все сдержать я не смогла,
Тебе не все я рассказала,
Ты ничего не знал тогда.

Тогда другого я любила,
Назло ему с тобой была.
Ты извини, что все так было,
Ведь я иначе не могла.

Ты в вечной мне любви все клялся,
Просил навеки быть с тобой,
Вдруг с сердца занавес сорвался…
Я обещала. Я обещала, боже мой!

В висках гудел шум беспокойный,
Я верной быть клялась тогда,
Глаза глядели лживой правдой,
И вот одна я навсегда.

Ушел любимый от неверной…

НИ СПИЧКИ, НИ СВЕЧИ (песня)

Когда на исходе летний день за окном,
Тогда ты приходишь в дом ко мне.
И вдвоем С тобой мы проводим солнце в путь
И отправимся взглянуть,
Где начнется ночь и тень.

С тобой мы окажемся в ночи под луной.

С собой нет ни спички, ни свечи в час ночной.
Порой мы от звездного дождя
Прячемся, как от огня,
Но ты все же посмотри.

Звезда в черном бархате ночном, как на бал,
Пришла, приглашая нас с тобой в звездный зал.
Она с миллионами подруг
Закружила звездный круг,
И мерцает все вокруг.

Смотри…
Ах, прости, не знала я, что ты спишь,
Склонив голову мне на плечо, и сопишь.
Тогда я не буду говорить,
Чтоб тебя не разбудить.

Ведь ты видишь сладкий сон
О том, как с тобою мы в ночи,
Нет ни спички, ни свечи,
Но нам так светло вдвоем…

1989

Москва

А.Л

Как я хочу расцеловать
Мужчину, который мира дороже,
Ночами его рисовать,
Как это глупо! О Боже!

Хочу любоваться его тьмою глаз
Часами, неделей, годами.
Хочу, чтобы счастье мечтало о нас
И радость штормила над нами…

Об этом мне лишь остается мечтать,
Я вижу его лишь на фото.
На фото могу лишь его целовать,
А счастье разделит с ним кто-то.

1989

Москва

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Вот снова слезы капают
С лица на чемодан,
Словно дождинки крапают,
Вещая ураган.

Оставлю здесь картины,
В которых ветер грез,
И веки, как плотины,
Задержат реки слез.

Взгляну в твои озера,
И все ж спадет слеза.
Я улетаю скоро,
Как будто навсегда.

Нет, провожать не надо,
Иначе разревусь.
Не нужен блеск парада,
Я все равно вернусь.

Я снова улетаю в путь
И не хочу прощанья.
Мы встретимся когда-нибудь,
А значит — до свиданья!

22 сентября 1989

Москва

FASTEN SEAT BELTS

Осталось немного,
Чтоб взмыть в небеса.
Там где-то дорога,
А здесь полоса.

Осталась Москва
В аэропорту.
Наш самолет
Набрал высоту.

Мелькают дома,
Квадраты нолей.
А я здесь одна
Во власти ремней.

23 сентября 1989

Москва — Евпатория

«Мне тяжело от дома отрываться…»

Мне тяжело от дома отрываться,
И все, что сердцу дорого, лишь в памяти держать.
Я не могу без слез в путь дальний отправляться
И всю дорогу, и потом о доме вспоминать.

Взлетай, не бойся,
Расправь крылья и лети.
Взлетай, не бойся
И счастливого пути…

«Не свисти, соловей…»

Не свисти, соловей,
Душу щебетом раня.
Не молчи, соловей,

Омрачая мой путь.
Не грусти соловей,
Грустью взор мой туманя.
Просто ты прилети
И со мною побудь.

2 октября 1989

Евпатория

ЗА ОКНОМ

На улице ветер гуляет,
А здесь у меня тишина.
Все свищет, летает, стонает,
А здесь все под крылышком сна.

На улице осень витает,
Но скоро уйдет и она.
Зима о приходе вещает.
Всю власть возьмет в руки Зима.

Покроет зеркальною гладью
Поверхности рек и озер
И ляжет заманчивой сладью
На окнах, оставив узор.

Но спать долго ей не придется,
Глядишь, на носу уж Весна.
Весенняя жизнь не уймется,
И мир отойдет ото сна.

Ручьи побегут по дорогам,
В ветвях запоют соловьи,
И Лето стоит на пороге,
Ну что ж ты стоишь? Проходи!

В ответ только ветер стонает,
Но здесь у меня тишина,
Здесь память о лете дремает,
И я рядом с ней не одна.

2 октября 1989

Евпатория

«Да кому вы нужны…»

Да кому вы нужны,
воробьишки-трусишки,
Разве только коту,
хулигану-мальчишке?
И какое до вас дело
может быть мне…

12 октября 1989

Евпатория

НОЧЬ

Ветер прохладный, контур луны,
По небу катятся туч валуны.
Шар лунный глотают, потом отпускают
И тащатся в дальние дали страны.

Бурлящую гладь разрывает волна,
Ползет лунным светом и тайной полна.
На берег вползает и исчезает,
Звенит на песке под волною струна.

В блестках луны море светлей.
Как светлячки, огоньки кораблей
На волны взлетают и угасают…
О, эта ночь, словно бал королей.

16 октября 1989

Евпатория

«Я решила твердо…»

Я решила твердо,
Что тебя забуду,
С головою гордой
Я уйду отсюда.

Не ищи напрасно
Ты в дожде слезинку.
Помни, я опасна,
Если в сердце льдинка.

Не ходи налево —
Там тебя я встречу
Снежной Королевой,
Холодом отвечу.

Не ходи направо —
Бойся поворота,
Там за переправой
Очень злое что-то.

2 ноября 1989

Москва

«Мы, женщины, в душе немного Маргариты…»

Мы, женщины, в душе немного Маргариты,
Вот только Мастерами мы давным-давно забыты.

2 ноября 1989

Москва

СПАСИ И СОХРАНИ (песня)

Может быть, ему я не нужна,
Но мне до этого нет дела.
Ведь все, чего я так хотела,
Достигнуть все же не смогла.

Может быть, он счастлив без меня,
Мои напрасны все тревоги,
И я уйду с его дороги,
И буду ночью ждать огня.

Господи, спаси и сохрани
Того, кто мне всего дороже,
Того, — с кем я чуть-чуть моложе,
Того, кто больше всех раним.

Господи, спаси и сохрани
Того, с кем боль моя слабее,
Того, кто всех друзей вернее,
Спаси и сохрани,
Спаси и сохрани,
Аминь!

Я хочу, что б мне хватило сил
Любить его совсем другого,
Сберечь его совсем чужого.
О, боже, дай мне столько сил.

Господи, всесилен твой указ,
И я смогу согреть дыханьем,
Украсить роз благоуханьем
Того, чьих нет роднее глаз.

Господи, спаси и сохрани
Того, кто мне всего дороже,
Того, с кем я чуть-чуть моложе,
Того, кто больше всех раним.

Господи, спаси и сохрани
Того, с кем боль моя слабее,
Того, кто всех друзей вернее,
Спаси и сохрани,
Спаси и сохрани,

Спаси и сохрани. Аминь.

1989

Москва

ДРУГ

Друг не сможет обмануть,
Не навеет грусть.
Друг поможет выбрать путь
На любом распутье.

Пусть кругом идут снега,
Пусть метет в глаза пурга,
Пусть дожди, гроза и зной,
Был бы друг всегда со мной.

Пусть со мною будет та,
Кто всегда во всем проста.
После долгих злых разлук
Будь со мной, мой верный друг.

И когда я буду там,
Где мне будет туго,
Я найду душе бальзам —
Это письма друга.

Знаю я лишь слово «друг»,
Не люблю «подруга».
Друг всегда, везде есть Друг,
А другое — полдруга.

1989

Москва

«Человеческое сердце…»

Человеческое сердце…
Сколько в нем глубин и гор,
Сколько в этом малом сердце
Силы, и какой простор.

Сердце может сильно сжаться,
Когда внемлет не свое,
Плакать может и смеяться,
Распахнуться широко.

1989

Москва

«Фонари рыжеволосые…»

Фонари рыжеволосые
Ночной мне шлют привет,
«Жигули» разноголосые
Поют мне что-то вслед.

Погоди, брюнетка жгучая,
Ночь! Постой, не уходи
Наколдуй, о ты, могучая,
Что б не наступили дни.

Ведь так чудесно рядышком
Здесь с ветерком пройтись
И еле видным камушком
Гладь пруда разбудить.

А днем мечтать нелепо,
Так душно, солнце жжет.
И здесь, у старой липы,
Меня никто не ждет.

Но вот спускает занавес
На город мой закат,
И вновь играет «Полонез»
Мой месяц — сводный брат.

И ветер, нежный спутник,
Обнимет вновь меня.
В ночи я вечный путник,
Бегу быстрей себя…

1989

Москва

Я ГОД УЖЕ С ТОБОЙ ЗНАКОМА

Вот уже год с тобой знакома,
Второй пошел, как ни крути.
Брожу по-прежнему у дома,
Но силы нет к тебе зайти.

Тебя я знаю. Что ж поделать?
Твое я имя и во сне шепчу.
Души моей не переделать,
На крыльях сердца я мысленно к тебе лечу.

ЧЕЛОВЕКУ

Высокому полету птицы будь подобен.
И избегай тот путь, что более удобен.
Люби людей, будь предан одному из них.
Будь милосерден с душами больных

Людей, больных несчастною любовью,
И гениев с судьбою роковой…

1989

Москва

Что может быть чудеснее, чем синий вечер с огромными белыми звездами, отражающимися в бескрайнем окружающем тебя океане?! Что может быть чудеснее вечера на крохотном островке в морской пустыне, пальм, испаряющих солнечный дневной зной, раскаленного песка, согревающего ноги в вечерней прохладе, и двух влюбленных, при дающих всему вышеперечисленному волшебству непередаваемое очарование и непостижимость Вселенной?

Из повести «Дождь»

ТЫ ГДЕ-ТО ТАМ (песня)

Поездом ночным
Уеду прочь из этих мест,

Где в небе чайки плавный жест,
Где море стало мне родным.

Поезд мой ночной
Отправит город в дальний путь.
И пальмы ветками взмахнут,
Прощаясь навсегда со мной.

А где-то там спадет печальная слеза,
И вспыхнет там на ясном небе вдруг гроза.
Ты где-то там сидишь у моря на песке,
И в эту ночь ты нежно помнишь обо мне.
Ты где-то там… Ты где-то там… Ты…

Поездом ночным
Слегка я город разбужу.
Не просыпайся, я прошу.
Ты так мне нравишься таким.

Южный аромат
Последний раз в себя вдохну
И поездом ночным — в Москву,
Туда, где волны не шумят.

А где-то там спадет печальная слеза,
И вспыхнет там на ясном небе вдруг гроза.
Ты где-то там сидишь у моря на песке,
И в эту ночь ты нежно помнишь обо мне.
Ты где-то там… Ты где-то там… Ты…

Сердце так стучит
Мгновениям последним в такт.
Сейчас колеса застучат,
И поезд в ночь меня умчит.

Смотрят фонари
Желтым взглядом мне в глаза.
И в ожиданьи спит вокзал,
А ты все где-то, где-то там…

А где-то там спадет печальная слеза,
И вспыхнет там на ясном небе вдруг гроза.
Ты где-то там сидишь у моря на песке,
И в эту ночь ты нежно вспомни обо мне.

Ты где-то там… Ты где-то там… Ты…

1989

Москва

«Я люблю терпкий запах полыни…»

Я люблю терпкий запах полыни
И траву в алмазной росе…

«Моя подруга…»

Моя подруга —
Тень длинноногая.
Моя порука —
Осень глубокая.

Родные глаза
Холодом лютым
Меня и тень
Лишают уюта.

Иду рядом с тенью,
И с ней откровенно
Решаю вопрос —
Предать ли забвенью

Все то, что мне дорого
Было весной?
Все то, что исчезло
Этой зимой?

Забвенью предать
Или верить —
Весна вот придет,
Все вернется, быть может.

1989

Москва

ЛУГАНСК

Весна, май, конец учебного года… Достать билеты на первые авиарейсы с Камчатки «на материк» — в июне было очень сложно — начало школьных каникул, и сотни школьников с родителями стремились как можно раньше улететь туда, где теплей. И наши родители немного «хитрили» — уговаривали учителей нас с сестрой отпустить из школы раньше, в мае, на денька три-четыре. А мы, в свою очередь, каждую весну учились напряженней и изучали материалы школьных уроков самостоятельно, забегая вперед преподавателей, и сдавали учебные задания «экстерном», заканчивая тем самым проходить годовую программу уже к первым числам мая. Кстати, эта привычка потом осталась и в

студенческие годы у нас обоих и была не только полезной, приучая к самоорганизации, но и приятной — хоть на пару дней удлиняя каникулы.

Но вот билеты куплены. Груженные чемоданами и сувенирами «дикого края» мы вылетали в Москву. Летали с многочисленными пересадками, и поэтому вкус «странствий» у нас с сестрой с детства был уже в крови. Магадан, Хабаровск, Якутск, Красноярск и другие города, где мы, стоя в аэропорту, в ожидании дозаправки самолета или пересадки, слушали звуки этих городов, голоса людей и пытались уловить новые запахи неизвестных нам мест — когда днем, когда ночью, а иногда и на рассвете. Самолет, как правило, прилетал в столицу утром и мы сразу на перекладных добирались до железнодорожного вокзала. Павелецкий. Кто бывал в Москве или там живет, поймет восторги детей, которые едут к этому вокзалу после многочасового перелета — он расположен почти в сердце этого прекрасного города. Мы гарантировано были обеспечены часовой «экскурсией» в такси или троллейбусе по улицам столицы. Лишь однажды отец заказал гостиницу, и мы остановились в Москве на пару суток. Газировка «Саяны», эскимо, усталые ноги, несущие нас по улицам самого красивого города на земле — нужно идти быстро, чтоб успеть и Красную площадь, и ВДНХ, и Воробьевы горы увидеть с Университетом. А сестра маленькая, иногда, хоть и первоклашка, на руках нести приходилось. Каникулы, мечты когда-нибудь жить в этом городе и… непременно чтоб из окна виден был МГУ… Но это я увлекся воспоминаниями.

С аэропорта на вокзал и к концу майского денька, начиная с обеда в купе с традиционной «курицей» путешественников и чаем «от проводницы», мы отправлялись дальше, на юг — в Луганск.

Не знаю, как у кого, а у меня и у Татьяны звуки и запахи путешествия всегда ассоциировались с железной дорогой. В те времена пассажиры могли открывать окна в купе, и мы устраивались вдвоем с сестренкой на верхней полке и наблюдали за проплывающими пейзажами. Гудели встречные тепловозы, люди, ожидавшие пока пройдет пассажирский, махали нам в ответ на наши радостные «махания», на бесконечных полустанках весело кричали местные бабульки, наперебой предлагавшие пирожочки, клубнику, отварную картошечку и вяленую рыбу. А по ночам, когда глаза уже слипались, а лицо горело, слегка обветренное весенним ветерком из окна купе, мы засыпали под перестук колес и эхо командных окриков диспетчеров на погруженных в темень сонных перегонах и вокзалах.

А утром вставали рано, на рассвете, давала себя знать разница во времени с Камчаткой — девять часов. Мы выскакивали

в проход вагона и не уходили от окон, пока вдалеке, на горизонте не появлялась верхушка телевышки родного города, куда мы ехали. И тут же, как по команде, вагон начинал суетиться, сдавалось белье проводнице, гремели собираемые ею по купе стаканы в подстаканниках, шуршали газеты, народ закрывал чемоданы, переодевался в «парадное» — этого требовали традиции таких городов, и вагон наполнялся ароматами одеколонов и духов… наступали самые ожидаемые и потому, радостные минуты.

Перрон, дедушка Георгий… Жора, как любя мы его называли, холодная, до синевы выбритая щека, и запах «Шипра», оставленный в воздухе с поцелуями внука, внучки и дочки — нашей мамы. Мы в Луганске.

Луганск… Этот город в жизни Татьяны занимал особенное место. Город, где познакомились и полюбили друг друга наши родители, где она родилась. Город, где жили наши бабушки, дедушки, дяди, тети, друзья детства. Город тружеников и добрых, душевных людей.

Каждое лето «камчатского периода» мы с сестрой прилетали в этот теплый край, в котором неизменно благоухала сирень, и позже цвели каштаны.

Дедушкина библиотека, которая пахла старой бумагой, с сотнями интересных книг: энциклопедиями, технической литературой, брошюрами по изобретательству, русской и зарубежной классикой и конечно… с приключениями. Как волшебный таинственный мир эта библиотека манила нас к себе и, впустив, дарила радости и печали, воспитывала. Бывало даже, что в погожие летние деньки, когда со двора доносился шум игр детворы и зазывный свист друзей, выкрикивавших наши имена на всю округу, нас было сложно выманить из ее полумрака.

В каждый наш приезд нас ждала обязательная культурная программа, устраиваемая дедушкой Жорой: прогулки по паркам с многочисленными кустами роз, уютными скамейками и искрящимися фонтанами, походы в музеи, рассказы об истории края, страны. А парк «Культуры и отдыха»! Колесо обозрения, карусели, аттракционы и неизменная газировка в розлив с двойным сиропом. Ходили даже на завод, где работал ведущим конструктором наш дед, где раньше работала конструктором и мама. Интересно, что запомнилось нам, детям, на заводе — всеобщее уважение к деду, вкусный обед в заводской столовой и хлеб… бесплатный.

Бабушка Валентина… Наверное самый строгий человек в нашей семье. Вернее она такой хотела казаться. «Порядок должен быть во всем…» и ее неизменно добрые глаза, знаменитые

украинские борщи, пирожки с вишней и клубника любимым внукам. Наверное, как имя Мама может носить только одна женщина на свете, так и имя Бабушка на всю жизнь у нас ассоциируется с бабушкой Валей.

Старинное, черного цвета с резными ножками, пианино, на котором училась в детстве наша мама. Прекрасная возможность Тане проявить таланты «внучки с Камчатки» перед новой публикой… тем более публикой, которая ее обожала. Собиралась вся семья, шире приоткрывались двери балкона в гостиной, и…. Музыку сестры могли слышать не только соседи, но большая часть двора. Вообще, музыка и Луганск — отдельная тема. Я с улыбкой вспоминаю, что когда мы приезжали, то сразу становились объектом музыкального влияния нашего дяди Виктора. Модный интеллигентный молодой мужчина, он, как сейчас говорят, был меломаном. Такую современную музыкальную технику, коллекцию разнообразных виниловых дисков, редких для советской страны, мы видели только у него. И конечно, воспоминания, впечатления от впервые услышанных записей Битлз, Дип Пёрпл, Пинк Флойд неразрывно были связаны у нас с этим человеком.

Иногда своим модерновым проигрывателем Виктор благосклонно разрешал пользоваться и дедушке, и тогда для внуков в доме звучала музыкальная классика: Моцарт, Вагнер, Чайковский.

Любили мы ходить на городской рынок, или как его называли местные жители — «базар». А там… бродить среди рядов, где торговали речной рыбой, клубникой и помидорами. Множество неизвестных и таинственных запахов с бескрайних просторов страны, улыбающиеся люди и разные вкусности. Как правило, отправляясь на базар, мы с сестрой хитрили и в первую очередь тащили дедушку в павильон, где торговали сахарной ватой по 10 копеек. Город был многонациональный, дружный, на рынке можно было встретить и узбеков с дынями, и армян со сладостями и запорожских казаков с их неизменной рыбой, я уж промолчу про сало.

Улетев с Украины в раннем детстве мы, конечно, говорить на украинском языке не умели. Но прилетая на каникулы в Луганск, в полной мере ощущали многоязыковой уклад города — русский, украинский, цыганский языки и, конечно, тот неповторимый диалект, который называется суржиком. Из-за этого многоязычия, казалось, город был наполнен поэзией. Не зря, наверное, Луганск — это родина таких людей как В. И. Даль, автор знаменитого Толкового словаря русского языка, великий поэт-песенник М. Л. Матусовский, замечательный актер Павел Луспекаев…

Однажды, не сумев купить билеты на нужный рейс до Камчатки, мы на неделю вынужденно припозднились в Луганске и… пришлось идти в местную школу. Разница чувствовалась. Первое сентября — тепло, солнечно, море цветов, выращенных местными бабушками и мамами к этому празднику, детишки без зонтов, курток и плащей и… уроки литературы на украинском языке. М-да… стыд незнания, смешанный с любопытством. Как странно было слушать на уроке друзей по двору, с которыми еще вчера носился по улицам и общался исключительно на русском, и которые неожиданно заговорили на непонятном языке — чистом украинском. А Тарас Шевченко? На его родном языке? Это впечатление! Признаюсь, мы с Татьяной, потом, прилетев на Камчатку, нашли в домашней библиотеке «Кобзаря», еще какие-то детективы на украинском и пытались читать. А на переменах тоже неожиданность — по коридорам развозили пончики, ватрушки, пирожки с повидлом и свежее молоко… тоже бесплатно. Процветающий и благополучный край. Хорошее время.

Но это будет потом. А пока — утро «огромных» каникул, дедушкина квартира, рассветный заводской гудок, зовущий на работу, в окне солнце, встающее из-за отвальных холмов угольных шахт в пригородах Луганска и легкий аромат угольного дымка, которым тянуло из старинного района города Камброда, «Каменного брода», воспетого в городских легендах — народ просыпался, разжигал печи, прогоняя остатки ночной прохлады, готовил завтраки. Несмотря на каникулы, я частенько, превозмогая сон, вставал пораньше, чтобы насладиться таким утром, благо солнце вставало как раз со стороны комнаты дяди Виктора, которую отдавали мне на время каникул.

Прадед Иван. Его можно было слушать часами. Основу его незатейливых, рассказов составляли воспоминания о годах войны. О горящих танках, о погибших товарищах, но чаще… истории про простой люд и его страдания во время немецкой оккупации. Про голод, сгоревшие житницы, бесчеловечность фашистов. На всю жизнь нам с Татьяной врезалась в память картина суровая описанная дедом. Война, зима 42 года, окружение, плен, голод, гибель красноармейцев, лютый мороз и дед, ползущий ночью к бывшему колхозному полю и пытающийся негнущимися пальцами выскрести из ледяной земли клубни картошки, чтобы прокормить себя и спасти товарищей… Его поймали фашисты и избили. И зверство… в назидание другим пленным — деда перед всем строем раздевают и из шланга поливают водой… Зима… Лед… Жить остался, славяне крепкие. И до Победы дошел. А картошка… мерзлая, она была сладкой.

Вспоминаются и поездки к бабушке Анне в Торез, где вырос

наш папа, вырос настоящим мужчиной. В его еще неполные пятнадцать лет умер его отец, наш дедушка Павел. Вернувшись с фронта, дед самоотверженно восстанавливал угольные шахты Донецка в послевоенном порыве энтузиастов советской эпохи, да и большую семью кормить надо было. Тяжело было… Его не стало. Нашему отцу пришлось с малолетства быть хозяином в доме и помощником матери, воспитывающей его младших сестер. В моей памяти остались и песни кубанских казаков, которые в наш приезд разносились под аккомпанемент аккордеона над вечерней ковыльной «степью донецкою». Тогда мы с Татьяной узнали о казачьих станицах Тихорецкая, Охтарская, Бриньковская, где в прошлые века наши предки по отцовской линии несли службу, охраняя рубежи Империи. Революция… брат на брата. Когда позже мы читали Шолохова, трагедия человеческих судеб, разделенных гражданской войной, нашим сердцам была уже понятна.

Любили мы ездить и в Лутугино, городок недалеко от Луганска, где жили наши прадедушка Захарий и прабабушка Прасковья. Она всегда звала его Зорик, Зоренька, а он ее, любя, Панечка. Старая, дореволюционная интеллигенция. Чай, печенье, беседы об истории нашего рода, истории страны, о непростых судьбах наших предков, о чести, Родине и долге в служении ей. Прабабушкины уроки для Тани — вязание кружев, дедушкины — каллиграфии для меня, настоящей, «с завитушками», и, конечно, уроки этикета. Этикета тоже настоящего, который основывался не на заумных правилах, а на строгости к себе и уважении к другим. Патефон и довоенные пластинки. Надо признаться, что когда удавалось уговорить бабушку, мы слушали старинные романсы «вживую». «Не уходи, еще не спето столько песен, еще звенит в гитаре каждая струна…» и мир, казалось, погружался в звуки этой мелодии, и вместе с летним вечером в наш дом возвращалась та эпоха, когда девушки были барышнями, а мужчины сударями.

Радушные соседи, которые сбегались посмотреть на «внучков» своих друзей. Мороженщица на углу дома, в белом фартуке и белом огромном колпаке. Крики, разносимые утренним эхом по всем дворикам этого милого городишка: «Молоко, свежее молоко…». И моя сестренка, в первый приезд, в двухлетнем возрасте, неумело вторящая молочнице — «Паляпо… паляпо»

Эти воспоминания — неделимая часть наших душ. Повторю известную истину — без прошлого нет настоящего… тем более, когда прошлое такое светлое.

Недавно мне стало известно, что решением Луганского горсовета, в центре этого города на входе в центральный сквер им. Молодой гвардии, где мы любили с сестрой гулять, будет

установлен памятник Татьяне Снежиной. Таня любила город, в котором родилась, его люди любят ее песни, а город теперь отдает ей дань уважения и памяти. Луганск…

* * *

Под небом голубым есть старая Москва,
Где улицы печальные и грустные дома.
По улицам бредут две тени — Он и Ты,
Но жаль, они невидимы, они твои мечты.

Одна мечта — остаться рядом с ним,
Другая — быть всегда его судьбой.
И не знать разлук и расстояний,
Остаться с ним на веки вечные.

А тени те бредут по улицам своим,
По улице Солянка до Яузских ворот,
И там их ждет судьба. Она верна лишь им…

1989

Москва

МОСКВА

Хорошие годы… жизнь постепенно вошла в свою колею, появились друзья, вокруг красота дикой природы, уют и особая атмосфера приморского города. И… семья вместо предусмотренных службой трех лет остается на Камчатке на целых девять.

Однажды, летом 1981 года, улетев после второго класса на каникулы к бабушке на Украину, Татьяна уже не смогла вернуться на Камчатку — отца вновь откомандировали, на этот раз в Москву.

Было ощущение нечестности и того, что это неправильно. Лето прошло классно. Отдых в Ялте… Ласточкино гнездо, Гурзуф, персики и море. Ныряние с маской, ракушки и чайки. Умный дедушка и заботливая бабушка. Возвращение в Петропавловск приближалось и не радовало неизбежностью конца каникул и началом осени. Но тут неожиданный прилет отца и сообщение, что мы остаемся. Остаемся, будем жить в Москве и на Камчатку

не возвращаемся. В те мгновенья мы до конца не осознали, что больше того прекрасного мира, который на всю жизнь будет у нас ассоциироваться с родиной, мы не увидим. Это чувство потери останется щемящей болью в наших сердцах на долгие годы. В том краю, помимо волшебных закатов, кристально чистого воздуха, метелей и ветров, вулканов, сопок, океана… останется наш дом, в котором прошли самые счастливые дни нашей жизни — дни детства, останутся люди, которые были частью нашего мира: друзья, соседи, учителя… любимые. Наверное, тогда и Таня впервые ощутила чувство потери «любимого», первого… ну такого любимого, который бывает у каждого из нас в детстве, в начальных классах, романтичного, как сказочный принц, который писал тебе записки, а ты о нем шепталась на переменах с подружками.

Новые впечатления… Всегда манящая и чужая Москва теперь становилась нашим городом, и судя по всему, надолго. Постоянно шуршащие по мокрому асфальту шины вездесущих снующих машин. Серые куртки, серые плащи, серые лица. Новоселье в большой и светлой квартире в высокой по камчатским меркам многоэтажке. С высоты нашего этажа открывался вид на пруд, окруженный непривычно высокими березами. А за ним… за ним располагалась ТЭЦ, эдакий шедевр урбанизации с дымящимися трубами и это все на фоне прекрасного горизонта, особенно, в часы заката. А с балкона открывался вид на новую школу с привычно большим для столицы номером — № 874. Новые одноклассники… Конечно, снобизм они не могли скрыть. Особенно в первые дни общения, к приезжим с «края Земли», из провинции. Но знания, которые нам с сестрой дали в нашей старой камчатской школе, достаточно быстро позволили заслужить авторитет не только у сверстников, и даже учителей заставить по-другому взглянуть на далекий край. Таня, достаточно быстро освоившись, найдя себе подруг, заинтересовалась школьной театральной студией. С Камчатки мы вернулись не одни — Таня в последнюю весну в этом краю «притащила» с улицы полудикого котенка, который своими глазами и пушистостью напоминал своих диких родственников из леса. Напоминал нам и прежнюю жизнь, тихую и уютную, наполненную теплом и добром маленького приморского города. И новые впечатления в первые годы не могли вытеснить тоску по нашему краю вулканов и вечных ветров. И потому…

Потеря друзей, тоска по родному дому, удивительному и прекрасному камчатскому краю рождают первые лирические наброски в тетрадях Тани. В поисках сопереживания она

увлекается чтением поэзии. Особенно ее привлекают произведения Цветаевой, Пастернака, Гейне. Постепенно ее наброски начинают обретать уверенные стихотворные формы. Все больше и больше времени она проводит у пианино. Стихи ложатся на музыку, иногда музыка рождает поэзию… Тогда же в ней обнаруживается талант художника. Первая любовь, новые друзья, красота природы — вот основные мотивы ее творчества в школьные годы.

В 1989 году Татьяна поступает во Второй медицинский институт. Именно в этот период у Татьяны появляется первая публика. Любительские записи ее песен, сделанные на магнитофоне, начинают расходиться по знакомым, друзьям, родственникам. Частыми становятся «творческие» вечера с друзьями у пианино. В лирике Татьяны в этот период появляется много веселых и шуточных песен и стихов.

МОЕ ОТРАЖЕНЬЕ (песня)

Мое отраженье, кто ты?
Я или нет. Я или бред.
Мое отраженье, что ты?
Вопрос и ответ? Мрак или свет?

В зеркале хрупком и гладком
Те же глаза и губы те.
Ты, как утенок гадкий,
Внешности верят, а не душе.
Но не душе.

Мое отраженье смотрит
Прямо в глаза — свет — бирюза.
С моим отраженьем тоже

Дружит слеза, дождь и гроза.

В зеркале хрупком и гладком
Те же глаза и губы те.
Ты, как утенок гадкий,
Внешности верят, а не душе.
Но не душе.

Мое отраженье, что ж ты
Вторишь за мной каждый мой жест.
Мое отраженье, стой же,
Смейся, когда я плачу, в ответ.

В зеркале хрупком и гладком
Те же глаза и губы те.
Ты, как утенок гадкий,
Внешности верят, а не душе.
Но не душе.

Не плачь, отраженье, видишь,
Я ж не плачу, я смеюсь.
Ты же меня не обидишь,
Ты лишь мой друг, и я не боюсь,

Что в зеркале хрупком и гладком
Те же глаза и губы те,
Что ты, как утенок гадкий,
Ведь внешности верят, а не душе.
А не душе…

Мое отраженье, кто ты?
Я или нет? Я или бред?
Мое отраженье, что ты?
Вопрос и ответ? Мрак или свет?

1989

Москва

МОСКВА ЗАПЛАКАНА ДОЖДЕМ (песня)

Москва заплакана дождем.
И, серых глаз не поднимая,

Москва заплакала о том,
Что стала вдруг совсем седая.

А прядь тяжелых облаков
Легла Москве на лоб высокий.
В ее дыханьи семь ветров,
В дыханьи легком и глубоком.

Москва, любимая, не плачь,
Пускай седая ты навечно,
Пусть и с весною сердце вскачь,
И пусть так будет бесконечно.

Но, если даже ты всплакнешь,
Я так люблю твои слезинки.
Я выхожу тогда под дождь,
В ладонь ловлю твои дождинки.

А время бешено спешит,
Стуча все громче каблуками,
Меня оно не пощадит,
Оставив с белыми висками.

И мы вдвоем тогда всплакнем
Над тем, что обе мы седые.
И будет осень за окном,
И с неба слезы проливные.

1989

Москва

…И вновь, как всегда, шел дождь… Почему-то всегда, когда они были вместе, шел дождь. Почему так получалось, не было понятно ни ей, ни ему.

Она стояла на остановке и, поглядывая на часы, поджидала автобус. Где-то в душе была уверенность, что в следующем автобусе, именно в том, в который сядет она, едет тот, которого она периодически встречает по утрам. Наконец подошел ее автобус. Она затянула поясок на талии, взбила левой рукой новую прическу, поправила сумку на плече и двинулась к входу автобуса. Сразу, без труда, узнав знакомый профиль на фоне окна, она, приняв безразличный вид, примостилась по другую сторону от Него. Как можно элегантней, Она обхватила правой рукой

поручень, левую руку изящно опустила в карман плаща, подражая манекенщицам, выставила вперед ножку, слегка склонила набок голову и, с видом томного безразличия ко всему, стала разглядывать пассажиров автобуса. Рядом с ним стояла девушка, как назло, почти с такой же прической…

Из повести «Дождь»

НЕЗАБУДКА

Мне страшно признаться, но я не хочу,
Любить беззаветно лишь только мечту,
Любить только образ, которого нет.
Душа вся в вопросах, но где же ответ?

Мне горько и больно. Не по плечу,
Такая болезнь не под силу врачу,
Микстурой, таблеткой любовь не убить,
Но что же мне делать, как же мне быть?

Забыть и забыться! Уйти от себя!
Но как я смогу разлюбить любя?
О боже! Ведь можно с ума так сойти.
Нет, все же должна от мечты я уйти!

Довольно уж сердце болело и жгло,
А время мое беспрестанно текло.
Я долго пыталась дойти до мечты,

Но ты не хотел, мечтою был ты!

Ты был равнодушен и горд, как скала.
А там незабудка в ущелье цвела.
В ущелье так сыро, злой холод, темно…
Незабудка все помнит и вянет давно.

1989

Москва

КВН В МГИМО
Шутка

КВН в МГИМО.
Я с трудом билет взяла туда.
Сцена не видна,
Но ты знаешь, это не беда.

На тебя смотрю
И улыбку ловлю,
И сама себе улыбаюсь,
А ты даже не глядишь сюда.

Ты был серьезен, как всегда,
И молчалив, как зимняя вода.
Твой взгляд был — мрачный небосвод,

Моя любовь, как розовый восход.

Весь вечер ты горой сидел,
Поднявшись властно над землей,
Улыбки краток был удел,
Тебе был тошен смеха зной.

Ты на людей смотрел очами,
Как будто звездными ночами.
Желая уловить небесный образ твой,
Моя душа парила над тобой.

Не замечая мой полет,
Из сердца лил в глаза ты лед.
Я, утопая в глубине своих мечтаний,
Наивно от тебя ждала признаний.

Закончен КВН,
А на сцене скачет диск-жокей,
И с тобою стало все о'кей,
На помост взошел и запел в микрофон.

Все! Я ухожу!

1989

Москва

ДОМОЙ (песня)

Снаряжай сани,
Лошадь запрягай,
Да не слишком, слышь,
Быстро погоняй.

Пусть дорога длинная,
Грусть — тревога винная.
За метелью, за пургой,
По дорожке неухоженной домой.

Я бокал вина
Не допью до дна,
Чтоб за ним я
Вернуться бы могла.

Пусть дорога длинная,
Грусть — тревога винная.
За метелью, за пургой,
По ухабистой дороге я вернусь домой.

1989

Москва

СНЕЖНЫЙ ОСТРОВОК (песня)

Вьюга, странница зимы, скажи,
Скажи, куда метешь снега?
Может быть, мне с ними по пути,
И я тогда пойду с тобой.

Колкий снег мне братом стал,
Зима — холодною страной,
Где любовь замерзла навсегда,
Где я не думаю о нем.

В море зимы ищу я островок,
Чтобы на нем разжечь свой огонек.
Пусть до него путь слишком далек,
Но растоплю я снежный островок.

Ветер, друг мой и мой враг, со мной,
Со мной. А вот уже и против.

Я иду дорогою своей,
А может, сбилась я с пути.

В снежной буре маяком звезда.
Звезда мерцает, как слеза,
В небесах, покрытых снежной мглой.
Звезда манит меня на свет.

В море зимы ищу я островок,
Чтобы на нем разжечь свой огонек.
Пусть до него путь слишком далек,
Но растоплю я снежный островок.

1989

Москва

«Мой друг, страдаешь ты, любя?..»

Мой друг, страдаешь ты, любя?
Прости меня, что так случилось,
Что солнце счастья закатилось,
Оставь меня!

Я оказалась злою кошкой,
Пригревшись, ласково мурчала.
О тайне злостно я молчала,
И вот теперь темно в окошке.

Под нежной шерсткою пушистой
Таился острый коготок,
Но кто мог знать, что так случится?
Не яда ж мне искать глоток?!

1989

Москва

«Ну, здравствуй, юный мой поэт!..»

Ну, здравствуй, юный мой поэт!
Шлю из Москвы тебе привет.
Сейчас читала твой сонет,

Ты гений, будущий атлет.

Ты просишь критики. О, нет!
Я не могу критиковать,
А лишь с надеждой уповать,
Что не последний сей сонет.

«В груди стучит молоточком…»

В груди стучит молоточком,
Как в кузнице узник — любовь.
Мне чудится стук каблучков…
Бегу. Но обманут я вновь…

За окном беспощадно темнеет
Без того пересыщенный день.
Сердце плачет, тоскует, жалеет,
Что со мной без тебя только тень.

Мне так хочется с тенью обняться.
Но она растворяется в ночь.
И приходится с ночью слоняться,
Ветер жар из груди гонит прочь.

В груди стучит молоточком.
Как в кузнице узник — любовь!
Мне чудится стук каблучков…
Бегу. Но обманут я вновь…

СОН ЛУННЫЙ (песня)

Мигают рекламы.
И рядом пока мы.
Танцуют ламбаду
На яркой площадке.

И мы с тобой мило
Плывем в автомобиле.

…Сон лунный…

Звездные огни

Мелькают за стеклом.
Плывут мимо
Фары машины.
А мы с тобой рядом
И смотрим в окно.

…Сон лунный…

Декабрь 1989

Москва

«Я жду тебя, Счастье! Я жду во сне, когда ночь тихонько опускает вуаль на мои ресницы, когда холодные сияющие звезды уносят меня в просторы вселенной. Я жду тебя, когда вступает в права суетный день, затягивающий меня в круговорот забот, дел и проблем, и даже под тяжестью неразрешимости я жду и жду тебя, Счастье!

Я ищу тебя, Счастье! Ищу тебя повсюду, даже там, где, казалось бы, бессмысленно искать. И все же я ищу, перебирая возможное и невозможное. Я надеюсь на тебя, Счастье! Надеюсь, когда все потеряно, когда нечего вернуть, когда уже нет места надежде, я надеюсь, что не забыта тобою, Счастье, и что ты различишь меня в лабиринте судеб и надежд. Но, может быть, в этом и есть сущность твоя, чтобы искать, ждать и надеяться, о Счастье?!»

Из повести «Дождь»

НА СЕРДЦЕ ЖЕЛТОЕ ПЯТНО

Знаешь, что-то не пойму тебя,

То ты согреешь, то остудишь,
То приласкаешь, то осудишь,
То рассмеешься ты с меня.

На словах моих одно —
Веселье, радость, как пушистый мех,
А в сердце желтое пятно
И горьким ядом стал твой смех.

От разлуки после встречи,
Что с тобой, что без тебя.
Мне не смыть с моего сердца
Ядовито-желтого пятна.

На сердце желтое пятно,
Все больше жжет мне грудь…

МНЕ НЕ СТАНЕТ БОЛЬНЕЕ (песня)

Мне, наверно, не станет больнее,
Если ты, дверью хлопнув, уйдешь.
Может, даже вздохну с облегченьем,
Только ты это вряд ли поймешь.

Мне не станет труднее, не станет.
Не отправлюсь я вслед за тобой.
Может, сердце болеть перестанет,
Когда ты ему дашь вновь покой.

Я не буду, конечно, не буду
Горько плакать и слезы скрывать.
Я забуду, мгновенно забуду,
И не буду тебя вспоминать.

То, что было, прошло и уплыло.
Ничего не исправишь теперь.
Я остыла, теперь я остыла.
И забудь, как стучать в эту дверь.

Было больно так жить в ожиданьи
Редких встреч и столь частых разлук.
Было больно бежать на свиданье,
Чтоб почувствовать холодность рук.

И теперь мне не станет больнее,
Если ты, дверью хлопнув, уйдешь.
Может, даже вздохну с облегченьем,
Только ты это вряд ли поймешь.

1990

Москва

ДИСКОТЕКА

Иду между черных танцующих пар.
Музыка. Вертится огненный шар.
В вспотевшие лица смотрю свысока.
Хотя бы увидеть Вас издалека.

Испуганный ветер в страхе затих.
Дождь свои тучи угнал, спрятал их.
Небо очистилось, словно умылось.
Звезды с высот на землю спустились.

Здесь пели Битлы, надрывался «Вояж».
В зале царил ажиотаж.
Там диск-жокей был, увы, не ахти.
Ну, что Вам стоило просто прийти.

Без Вас здесь было очень скучно,
И праздник потерял задор.
Без Ваших слов здесь было душно,
Заполнен шумом был простор.

Вы не пришли. Что, испугались?
Или надо мною посмеялись?
А может, просто не смогли?
Свободный вечер не нашли?

Ну что ж, приходится смириться.
Как то ни грустно, это так.
А может, все же веселиться?
Вы не пришли… Какой пустяк!

Февраль 1990

Москва

«Не попутный ветер…»

Не попутный ветер,
Снег, снег…
Только синий вечер
Весь век…

Долгою дорога
Будь в путь.
Подожди немного,
Чуть-чуть…

Март 1990

Москва

«Ночь спускается и вдруг…»

Ночь спускается и вдруг
Зажигает звездный круг.
Мы с тобой, мой старый друг,
Этот круг совьем из рук.

И пускай потом пурга
Наметает нам года.
Мы дыханием тогда
В пар превратим снега.

Март 1990

Москва

ОТДАВШИ ВЕТРУ ВЛАСТЬ

Опять зима метет дороги…
И снова снежные тревоги
Заполонили разум мой,
И мне так хочется домой.

А дома так уютно, тихо,

И ветер в раме воет дико.
И серый мрак, слетев с небес,
С огнем играет, словно бес.

А я иду вся в белом снеге,
В порывах ветра не до неги,
И ни одной живой души
Среди беснующей глуши.

Лишь птица против ветра рвет,
Никак бедняга не поймет,
Что, если ветру покориться,
В два раза выше можно взвиться.

Я так же против ветра шла,
Но снег колючий бил в глаза,
Сугробом ноги заплетал
И ни на шаг не отпускал.

И я, отдавши ветру власть,
Полетом наслаждаюсь всласть.
Я выше, чем деревьев крона…
Но дальше… Дальше все от дома…

6 марта 1990

Москва

«Вот и все! На этом точку ставлю…»

Ты с птицею схож

окольцованной.
Окольцованной. Не свободною.

Вот и все! На этом точку ставлю…
А рядом с ней еще, еще…
Моей слезы горячей капля
Не обожжет любимое плечо.

Из памяти своей тебя стираю,
Но образ твой крадется в сердце мне.
Мы друг от друга убегаем,
Бегу, а сердце тянется к тебе.

Как мне уйти от этой мысли,
Что ты сейчас совсем с другой.
Имею ль право я так мыслить?
Ведь ты ни разу не бывал со мной.

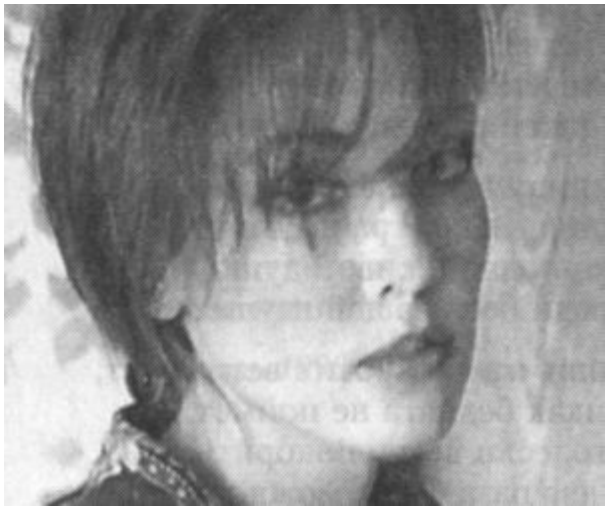
Ты о любви не говорил мне,
И что не любишь не сказал.
Ты очень вежливо, надменно
Письмом на двери указал.

Я лишь затем, чтоб голос слышать,
Дрожа, звонила в пустоту.
И сердце билось тише, тише,
Вливаясь в эту немоту.

Ты окольцованная птица,
Ты не свободен, ну и пусть.
С тобою в небо мне не взвиться,
И я одна пройду свой путь.

8 апреля 1990

Москва



У ОКНА

Как здорово, что есть весна,
Вопящие на крышах кошки!
Как хорошо, что мир сполна
Весной врывается в окошки!

Как сладок теплый ветерок,
С собой несущий пробужденье!
Ему поддавшись, двадцать строк
Рука напишет в наважденье.

Как чудно, что бывает ночь,
Пруд серебрится лунным светом.
В такую ночь уходят прочь
Печаль и боль, и сон. И нету

Прекрасней места на Земле,
Прекрасней ночи и покоя,
И только я, торча в окне,
Сумела разглядеть такое.

Апрель 1990

Москва

«Ты был один лишь только миг…»

Ты был один лишь только миг,
И вдруг исчез, как будто не был.
Ведь ты из ничего возник,
И так же в ни во что ты канул.

В тот миг ты для меня был тем,
О ком мечтала дни и ночи.
И вдруг так сразу стал ничем,
Ты к этому стремился очень.

И можешь больше не звонить,
Не верить в то, что вместе были.
Ты можешь обо мне забыть,
Сердца ведь все равно остыли.

Май 1990

Москва

«Почему, если любишь…»

Почему, если любишь, —
Ревнуешь?
Если ждешь ты с надеждой —
То зря?

Почему, если правда, —
Не веришь.
Если радость —
То тут же беда.

Май 1990

Москва

Звезды… Как часто мы смотрим в ночное небо! Как возрождается, излечивается наша душа, наполняясь звездным сиянием, идущим из далекого ночного неба…

Звезды… Звезды — это счастливые мгновения, которые, отслужив свое на Земле, возвысились в небо и остались там, чтобы вечно напоминать о себе по ночам, когда люди освобождаются ото всего, могут поднять головы и устремить свои взоры туда, где светит их ушедшее когда-то счастье. Но иногда звезды покидают небо и вновь спускаются на Землю, чтобы озарить счастьем своего избранника. Наверное, поэтому мы так часто с тоской смотрим в глубине ночи на звезды, боясь пропустить свою счастливую звезду. И даже если не находим ее, то все равно звездный свет, подобно целебному бальзаму, смазывает наши душевные раны, сглаживает рубцы на сердце и очищает нас от земной суеты.

Из повести «Дождь»

«Ты придешь ко мне с этой далекой звезды…»

Ты придешь ко мне с этой далекой звезды,
Спускаясь по лестнице света Луны.
Я знаю — так будет! И каждую ночь,
В любую погоду запрет с окна прочь.

И каждую ночь, лишь восходит звезда,
Я душу свою устремляю туда,
Где ясно мерцает ее теплый свет,
Где, как говорят мне, тебя совсем нет.

Но сердце мое мне другое стучит,

А сердце твое мне звездою блестит.
Я знаю, что встречу, но где и когда?..
Молчит и любовью мерцает звезда.

О, как бы хотелось мне к этой звезде
Умчаться на звездном крылатом коне,
Присесть отдохнуть на Млечном Пути,
Тогда бы друг друга смогли мы найти.

Ах, где ты, любимый? С далекой Звезды
Меня в этом темном окне разгляди,
Найди меня на огромной Земле,
Скажи, что ты есть, тем придав силы мне.

2 мая 1990

Москва

«Пустой звук — весна…»

Пустой звук — весна,
Трель птиц не слышна,
Когда нет тебя.
Застыла Земля,
Не тают снега,
Метель да пурга,
Когда нет тебя
Там, где Я.

«Печаль рисует на стене…»

Печаль рисует на стене,
На снеге, в небе, на окне.
Я образ твой рисую на стене
И взгляд, что снова чудится в окне.

Я нарисую только для тебя
Равнины, горы, реки и моря.
Пускай печаль обходит стороной
Тот мир, в котором мы с тобой.

1990

Москва

«С восходом солнца приходишь ты…»

С восходом солнца приходишь ты
В автобусе ранним утром.
Не знаю, как стало,
Но любуюсь я тобой ежеминутно.
Пускай некрасив ты и склада плохого,
Взгляни на меня, я мнения другого.
Не прячь ты свой взгляд
В заоконной картине,
Скажи мне хоть слово,
И станешь красивей.

КАК МНЕ ТЕБЯ ЗАБЫТЬ?

Ах, как бы мне тебя забыть?
Ведь вместе нам уже не быть.

Но память — тонкая струна,
Чуть тронешь, и она звучна.

Ах, как же мне тебя забыть?
Свечой растаять и не жить.
Не видеть гордого лица,
Что гордым будет до конца.

Не надо скрипку трогать вновь,
Смычком она задета в кровь,
И порвана одна струна,
Осталось три и я одна.

Но как же мне тебя забыть?
Как эту память мне убить…

8 сентября 1990

Москва

«Церковные купола…»

Церковные купола
Вселяют в сердце страх.
Мой разум обессилел
В божественных дверях.

И тени окружили
Меня со всех сторон,
Кадил священный запах,
Зловещий свет икон.

«Сделай шаг», — сказал мне кто-то.
Оглянулась — никого.
«Оглянись», — сказал мне кто-то.
Оглянулась — вижу в мир окно.

И в этом мире,
Новом для меня,
Как и в прежней жизни,
Нет тебя.

Слезы текут

От яркого света.
Появись хоть на миг! Кто ты?
Но нет ответа.

А жизнь, как свеча,
Скупа теплом
И быстро истекает.
«Остановись на миг!» —
Кричит душа,
Но ничего не помогает.

1990

Москва

Душа всегда стремится к свету.

И в грешном теле ей все одно, что в клетке под замком. Пока она в нем, страдания и муки, редкие радости будут тяготить ее. Но эти муки неизбежны для души, заключенной в тело.

ДУША — КАК СКРИПКА

Душе порою трудно так излиться
И выплеснуть все то, что накопилось в ней.
И бесполезно в этот миг молиться,
Чтобы вернуть мгновенья светлых дней.

И как в часах песочных тонкою струею,
Тоска и боль струятся с края в край.
Душа как скрипка с порванной струною,
Надтреснут голос, как ты ни играй…

И тихо возвращаясь в день ушедший,
Глаза слезами наполнялись вновь,

Стучало сердце в ритме сумасшедшем,
Пытаясь вспомнить прежнюю любовь.

И мечется душа, как будто в клетке птица,
И, силясь полететь, взметает крылья ввысь,
Так близко воля, но разве к ней пробиться?
Лишь тихо кто-то скажет: «Помолись…»

Да, Бог все видит, но и он бессилен
Помочь душе, что стонет так во мне.
Такая боль всевышним не по силам,
А Сатана сожжет боль на огне…

Ни Бес, ни Бог ничем мне не помогут,
В конце концов душа найдет себе исход.
Ведь это с ней бывает лишь порою.
С исходом проще… В чем искать исток?

13 октября 1990

Москва

ПОЖЕЛАНИЕ

Я вам, о сударь мой, желаю
Таким, как есть, остаться навсегда.
Я для того все силы призываю,
Чтоб счастьем наполнить вам года.

Пусть силы небесные вам дарят вечность,
Пусть силы земные вам твердость дадут,

Пусть звезды ночные в вас вселят нежность,
Пусть солнце и дождь дарят вам доброту.

Пусть каждый ваш шаг будет смелым и прочным,
Пусть чья-то любовь вас спасет от беды,
Пусть ваша душа будет так непорочна,
Как непорочны лесные цветы.

Желаю вам быть разнообразным,
Ангелом будьте и демоном враз,
Но оставайтесь таким же прекрасным,
Каким для меня вы явились сейчас…

21 октября 1990

Москва

«О, где вы, дамы, в пышных кринолинах?..»

О, где вы, дамы, в пышных кринолинах?
Где рыцари с щитом и на коне?
Ужель ли в сказах вы остались и былинах?
Ужель ли только видеть вас во сне?

О нет, неправда, все вы рядом.
Я каждый день вас вижу, каждый час.
Вас просто отравило время ядом,
Немного изменило время вас.

В коротких юбках, узких джинсах,
В машинах, с плеером, в кроссовках на «липах»,
Но девушки все так же бредят принцем,
Мечтая о любви на долгие века.

Декабрь 1990

Москва

«Стремительна жизнь в начале…»

Стремительна жизнь в начале.
Потом приходит усталость,
И безвкусно вино в бокале,
От прошедшего боль и жалость.

А время в ворота жизни
Забьет первый свой гол.
И станет привычным
В кармане… холодок — валидол.

1990

Москва

«Так холодно живем…»

Так холодно живем,
Теряем день за днем.
И не хотим понять
Друг друга в этой суете.

А время все вперед
Торопится, спешит.
И нас оно не ждет
И тает, тает — словно лед.

1990

Москва

«Фонари ночные…»

Фонари ночные,
Как тиски стальные,
Город свой сковали
Темнотой печали.

Пустая ночь и ветры,
На всей Земле без света.
И темные глазницы
Призраков чужих домов.

Ночное небо бредит,
Устало-звездно светит
Тому, что на границе
Реальностей и снов.

Фонари ночные,
Как тиски стальные,
Город свой сковали
Тишиной печали.

А я в бетонном доме,

Стоя на балконе,
В сердце ночь впускаю
И душой взлетаю.

1990

Москва

«Мелькают за окном фонари рыжеволосые…»

Мелькают за окном фонари рыжеволосые,
Спешат по шоссе «Жигули» разноголосые.
А я бегу в туман выхлопных газов,
Туда, где не была еще ни разу.

И ветер мне поможет долететь,
И месяц мне поможет не сгореть,
И звезды мне украсят блестками глаза,
И дождь случайный мне отключит тормоза.

1990

Москва

МУЗЫКА (песня)

Когда бессильно руки упадут
На клавиши души,
Прольется музыка
Чрез край тиши.

И слезы упадут куда-то вниз,
И прорастет росток,
Что был в пустыне сух
И ждал воды глоток.

И вдруг появится зеленый лист,
Завяжется бутон,
И через пять минут
Расцветет цветок.

И алый цвет спалит завесу тьмы,
И в зареве цветка

На клавишах рука…
И льется музыка…

О музыка моя, ты часть меня,
Ты часть моей души,
Ты — нежность вся моя,
Воплощенная в тебя.

Когда бессильно руки упадут
На клавиши души,
Прольется музыка
Чрез край тиши.

Я так люблю тебя, о Музыка,
Богиня дней моих.
В твоей моя рука…
Ты счастье, Музыка…

1990

Москва

Я люблю солнце, но почему-то, когда идет дождь, у меня сладко замирает сердце, по спине пробегают легкие мурашки, и сознание настраивается на что-то непонятное, приятное, нежное, лирическое и ностальгическое.

ДОЖДЬ (песня)

Дождь от неба до земли.
Дождь в серебряной пыли.
Дождь, ты путь на небеса.
Дождь — Вселенной голоса.

Дождь струится от звезды.
Дождь не только от воды.
Дождь из жизни и судьбы.
Дождь из были и мечты.

Дождь стекает по стеклу.
Дождь склонился на ветру.
Дождь стоит сплошной стеной.
Дождь всегда-всегда со мной.

Дождь, умыться бы тобой.
Дождь, намокнуть с головой.
Дождь — чтоб ближе к небу быть.
Дождь — тебя чтоб не забыть.

Дождь — связующая нить.
Дождь от неба до земли.
Дождь, ты путь на небеса.
Дождь — Вселенной голоса.

1990

Москва

«Пока ты еще со мной…»

Пока ты еще со мной,
Я верю в то, что я не одна.
Что вслед за седой зимой
Наступит весна. Наступит весна.

Наобещай с три короба,
Пусть даже и соврешь,
Скажи, что лунной ночью
Меня ты украдешь.

Я В ЛЮБОВЬ СТАЛА ВЕРИТЬ (песня)

Я невольно в любовь
Стала верить однажды.
Свою гордость забыв,
Я влюбилась в тебя.

Может, это лишь сон,
Только шаг мой отважный,
Слишком сердце щемит,
Когда вижу тебя.

Может, эта любовь
И все взгляды напрасны.
Может, слезы мои
Не тревожат тебя.

Даже если мой путь
Будет самым опасным,
Я его пробегу,
Лишь твой образ любя.

Ангел ты во плоти
И мой демон прекрасный.
В каждый жест, в каждый шаг
Верю, как в божество.

Взгляд темно-синий,
Широкие плечи.
Пружинка походки и мраморный лоб.
Под взглядом твоим я, словно свечка,
Таю, сжигаемая этим огнем.

1990

Москва

«Я невольно в любовь погружаюсь…»

Я невольно в любовь погружаюсь,
Гордость не помня, в тебя я влюбляюсь.
Может, ты ангел, а может быть, бес,
Только любовь все растет до небес.

ТЫ

Ты в засуху — дождь с небес,
В час грусти — ты веселый бес.
В метель, в пургу — огонь ты жаркий,
И в темноте — луч света яркий.

Глоток воды в исчадьи ада.
Ты в жажде смерти — капля яда.
Тонущему — ты жадный глоток.
И разума и сердца — Бог.

1990

Москва

«Плачут свечи…»

Плачут свечи
В тихий вечер.
На ссутуленные плечи
Постепенно ляжет вечность.

Как хочется порою отдохнуть
От суеты, от шума, от заботы.
Как хочется порой душой прильнуть
К прохладной, тихой лунной ноте.

Ведь так давно слеза томится,
Все ожидая тишины.
Ведь так устало сердце биться
В такт ритмам бешеным судьбы.

1990

Москва

А зачем все? Зачем Я? Зачем ты? Почему мы вместе? Случайно? Или кто-то уже все заранее наметил?

1991 год, Москва.

ТВОЙ ОБРАЗ

Соринкою ветра
Он в сердце попал,
Горою Ай-Петри
На путь он мой стал.

Он звонкой серьгой
В моем ухе звенит.
Цепочкой златой
Вокруг шеи обвит.

Он в клетке груди,
Он бьется в висках,
Он эхом гудит
В лесных голосах.

Навек заключен,
Словно в келье монах.
Запутался он
В моих волосах.

В ресницах моих
Он тенью застыл,
Он словно сон тих
Меж перьями крыл.

Он крыльями врос
В плечи мои,
Он цвет алых роз,
В моей он крови.

Его образ живет
В моем ночнике,
Он лодкой несет
Меня вниз по реке.

С моей судьбой
Он идет по годам.
И образ твой
Никому не отдам.

13 января 1991

Москва

ТОГДА, КОГДА ВСЕ ПЛОХО

Господи, услышь мою молитву.
Господи, дай выдержать мне битву,
Дай снести пощечину судьбы
И прости предательства мои.

Господи, я знаю, не достойна
Уповать на помощь сил Господних.
Я грешна, но дай мне искупиться
И милости твоей добиться.

Господи, я знаю, что не смею…

21 января 1991

Москва

«Свобода в отреченьи?..»

Свобода в отреченьи?
Но это не для меня.
Я обрету свободу,
И кандалами звеня.

1991

«Улетает юность…»

Улетает юность
Легким перышком.
Детская бездумность
Выпала из гнездышка.

Вроде все как было,
Только все иначе,
И весною с милым
Сердце так не скачет.

Улетает юность
В синеву далекую,
Наступает мудрость
И печаль глубокая.

Крылья стали крепче,
А летать не легче…

30 января 1991

Москва

ЕСЛИ…

Если я сегодня твой голос не услышу,
Если он ко мне не будет обращен,

Я этот день тогда возненавижу
И никогда не будет он прощен.

Если твои губы мне не скажут слова,
Если их улыбка будет не со мной,
Я буду умолять покорно Бога,
Что б тоску мою он одарил тобой.

Если в день какой-то я тебя не увижу,
Если не коснусь тебя рукой,
Знай, что в этот день я ничего не вижу,
Вся жизнь и мысли далеко, с тобой…

6 апреля 1991

Москва

ПЕЧАЛЬ

Я уже ни во что не верю.
Не могу, не хочу, как жаль…
Как всегда, за закрытой дверью
Нажимает звонок печаль.

Произносит печаль свой пароль,
Что созвучен с дождем и тоской,
И проснется сердечная боль.
Ах, забить бы дверь эту доской!

Как всегда, я опять дверь печали открою
И впущу в свой пустынный дом.
Она сядет за стол со мною,
И усилится дождь за окном.

Вот опять мы с печалью вместе
Проведем вечер весь вдвоем,
И дождливою грустною лестью
Вновь печаль настоит на своем.

Я ее не гоню — привыкла,
И уже каждый вечер жду
Я печального в дом визита,
Открывая окно дождю.

Я уже ни во что не верю,
Потому что устала ждать,
Что откроет закрытые двери
Тот, за кем я хочу убежать.

7 апреля 1991

Москва

«Тихую мелодию…»

Тихую мелодию
Дождь в окно стучит.
Амебы, псевдоподии
Надо мне учить.
Брошу все учебники
И распахну окно…

ГДЕ ТЫ, КТО ТЫ?

Где ты, кто ты? Тебя мне не видно
За дымом проблем, суеты и забот.
Я знаю одно — без тебя я погибну,
Без взгляда в синь глаз, без ласковых слов.

Ты веришь? Мне очень тебя Не хватает.
Хочу, чтобы рядом со мной был всегда.
И сердце мое по тебе изнывает,
Плывут, уплывают впустую года.

Ты веришь? Мне очень бы, очень хотелось
Так нежно коснуться родного плеча,
Так, чтоб предо мной все вскружилось, взвертелось,
И мир стал другим, лишь в любовь облачась.

Но только тебя я еще не встречала,
Не видела глаз, широких плечей.
И сколько же раз я судьбу проклинала,
И сколько за ночи спалила свечей!

И я иногда уж теряю надежду
На то, что ты встретишься в жизни моей.
Во сне вижу образ, лицо и одежду.
Проснусь и ловлю взгляд вселенских огней.

Быть может, ты там, и с далеких созвездий
Не спишь так же в ночь и ловишь взгляд звезд,
И ждешь от меня с нетерпеньем известий,
А я жду, когда ты меня позовешь.

И пусть будет так — мгновенье или вечность,
И будет всю жизнь в небе ночью звезда,
Я верю, что мы улетим в бесконечность,
Друг друга любя, сквозь миры и года.

1991

Москва

«Время катится по склону…»

Время катится по склону
Дней, ночей, недель, веков,
Разрывая слой озона
И дробя Земли покров.

Но когда-нибудь упрется
В кочку на своем пути…
Интересно, что начнется,
Куда станет все идти?

Разбредется по просторам?
Или каменно замрет?
Или спрячется по норам,
Пока время не придет?

Что же в мире воцарится?
Будет ветер? Будет свет?
Чем тогда мир озарится?
Будет жизнь в нем или нет?

Апрель 1991

Москва

«Мне хотелось прижаться губами…»

Мне хотелось прижаться губами
К свежей, только с мороза щеке.
Мне хотелось вскружиться над Вами
И парить над собой в высоте.

Но любовь оказалась пустою.
Сказка в ней совсем не видна.
Даже не было встречи с тобою,
И не было счастья вина.

Апрель 1991

Москва

«Если как-нибудь буду я одна…»

Если как-нибудь буду я одна,
Если на глазах заблестит слеза,
Я найду в лесу на траве росу,
Что оставил дождь в прошлую весну.

Научиться бы понимать грозу,
Приловчиться бы целовать росу,
Научить бы глаз видеть ночью свет
И попробовать не давать совет.

А когда в душе будет только ночь,
Занавес с жизни будет сброшен прочь,
В мире я найду хоть кого-нибудь,
Чтоб потом ему вдруг сказать: «Забудь».

«Как же глупо все!» — кто-то скажет вдруг,
Но не знаю я, кто он — друг? Не друг?..

Апрель 1991

Москва

СЛЕД (песня)

Тройка бубенцами звонит,
И несется прочь,
Оставляя след копыт,
Что уводят в ночь.

Острым каблучком
Оставив след в земле,
С тем, кто мне знаком,
Я уйду при луне.

В дырочку каблучную
Набежит песок,
Тени неразлучные
Стелятся у ног.

Озерцо прозрачное
Не хранит следов,
Тех, что неудачные —
Из-под каблучков.

Травами затянется
Ранка на Земле,
Но со мной останется
Тот, кто дорог мне.

Снова сапожком своим
Я сомну траву
По дороге к снам моим,
В домик на плаву…

Тройка бубенцами зазвонит
И промчится прочь,
Оставляя след копыт,
Что уходит в ночь.

4 апреля 1991

Москва

«Твои слова так больно сердце режут…»

Твои слова так больно сердце режут,
Зачем же их ты произносишь вслух?
Ведь мы и так встречаться стали реже,
И я уже в числе твоих подруг.

Любимый мой, ты современный парень,
А я живу еще в средних веках.
Когда была любовь у той влюбленной пары,
То женщину, любя, носили на руках.

А ты твердишь, что нынче надо проще,
Что я без слов сама должна понять
Того, что от меня в момент ты данный хочешь,
И предложение твое без слов должна принять.

В блокнотный лист мое запишешь имя,
Мой телефон пополнит ряд других,
И вслед за мною Лена и Марина
Продолжат список Афродит твоих.

Когда-нибудь перелистнешь страницу,
И лист пустой, быть может, отрезвит,
Но к прошлому не сможешь возвратиться…

2 мая 1991

Москва

Я НЕ МОГУ БЕЗ ТЕБЯ (песня)

Так не бывает,
Чтобы все хорошо.
Так не бывает,
Чтоб все время везло.

Лист упадет в траву,
В лужу — капля дождя.
Осенью я пойму —
Я не могу без тебя.

Мы расстаемся
И не встретимся вновь.
И остается

Одинокой любовь.

Скованный снежный покой
Белого зимнего дня.
Холодно мне одной,
Я не могу без тебя.

Может, когда-нибудь
Где-то сойдутся пути,
Снова тебя найду,
Только ты не уходи.

Солнце согреет мир,
Синь разольет в небесах,
Весенним днем сиреневым
Я не смогу без тебя.

Лист упадет в траву,
В лужу — капля дождя.
Осенью я пойму —
Я не могу без тебя.

Скованный снежный покой
Белого зимнего дня.
Холодно мне одной,
Я не могу без тебя.

Солнце согреет мир,
Синь разольет в небесах,
Весенним днем сиреневым
Я не смогу без тебя.

Лист упадет в траву,
В лужу — капля дождя.
Осенью я пойму —
Я не могу без тебя.

15 мая 1991

Москва

«Моя верная подружка…»

Моя верная подружка,
Молчаливая подушка,
Мои слезы все впитай
И назад не отдавай.

«Ты говоришь, устал от этой жизни…»

Ты говоришь, устал от этой жизни.
Устал со мной. Нет меня капризней.
Ты сказал — уйдешь, хочешь ты покоя.
Знаешь ли ты, мой друг, покой что есть такое.

В тихом омуте черти водятся,
В море штормовом нет чертей.
Эй, дорогой, чем в омут броситься,
Лучше в море плыть на корабле.

Неужто хочешь залечь на дно болота
И, прожив всю жизнь, не знать любви, заботы.
Тебя страшит характер мой штормящий,
Меня ты морем называл, пучиною бурлящей.

В тихом омуте черти водятся,
В море штормовом нет чертей.
Эй, дорогой, чем в омут броситься,
Лучше в море плыть на корабле.

Но если так решил, не буду я перечить.
Все равно ты не поймешь, что море все из речек.
Что на море штиль и чудная погода.
Шторм лишь пережди, а не лезь в болото.

В тихом омуте черти водятся,
В море штормовом нет чертей.
Эй, дорогой, чем в омут броситься,
Лучше в море плыть на корабле.

Май 1991

«Если снег метет пушистою стеной…»

Если снег метет пушистою стеной,
Если я с тобой, а ты уж не со мной,
Если ветер рамы рвет и холодно нам,
Значит, в этом виновата лишь зима.

Ведь мы с тобою взрослые люди,
Давай друг другу лгать мы не будем,
Давным-давно прошло наше перепутье,
Дороги разошлись, кто-то должен уйти,
Дороги разошлись, и разошлись пути.

Если дождик первый намочил траву,
Если солнце красит зеленью листву,
Если в майский день, как прежде, холодно нам,
Разве может виноватой быть весна?

Ведь мы с тобою взрослые люди,
Давай друг другу лгать мы не будем,
Давным-давно прошло наше перепутье,
Дороги разошлись, кто-то должен уйти,
Дороги разошлись, и разошлись пути.

20 мая 1991

Москва

ЖДАЛА…

И снова шел дождь.
И падали звезды.
Я снова в тетради
Писала стихи.

Ждала, что придешь,
Утрешь мои слезы,
Проблемы уладишь,
Отпустишь грехи…

Ждала, что начнется
Вся жизнь по-другому.
И знала одно —
Мне нужен лишь ты.

Ничто не вернется.
Стучит дождь по дому,
Колотит в окно,
Размокли мечты…

21 мая 1991

Москва

«Серые с карим сольются…»

Серые с карим сольются,
Теплые алых коснутся,
Сильные с хрупким совьются,
Мгновения с вечным сплетутся

21 мая 1991

Москва

«Я люблю странное время года…»

Я люблю странное время года,
Его осенью кто-то назвал.
Я люблю в пасмурную погоду
Наблюдать листьев желтых карнавал.

ГРУСТЬ ПЕЧАЛЬНАЯ… (песня)

Грусть печальная, тоска бездонная,
Жизнь туманная, любовь бездомная.
Бездна сумрака с тусклым лучиком.
Пыль дорог и свет зари.

Коршун над горой парит.

Над избушкою дымок.
В лесу дремучем теремок.
Путь широк-далек лежит.

Грусть печальная, тоска бездонная —
Колечко обручальное виделось во сне.
Жизнь туманная, любовь бездомная —
Музыка венчальная плачет не по мне.

Белый свадебный наряд
Не к лицу мне, говорят.
Под венец пойду одна,
А за мной разлучница судьба.

29 мая 1991

Москва

«Где тот, кто меня беззаветно полюбит?…»

Где тот, кто меня беззаветно полюбит?
Где тот, без кого я бы жить не смогла?
Быть может, мечты эти нас только губят?
Но только мечтою я этой жила…

Пусть проходят ночь и день,
Пусть за светом ляжет тень,
Путь я свой пройду одна,
Если встреча мне не суждена…

29 мая 1991

Москва

ЕСЛИ БЫ ТВОЙ ГОЛОС БЫЛ ДРУГИМ

Если бы твой голос был другим,
Я бы не смогла счастливой стать.
Я бы не смогла спокойно спать,
Если бы твой голос был другим.

Если бы твой голос не был таким,
Я бы утонула в темноте,

Я бы заблудилась в пустоте,
Если бы твой взгляд не был таким.

Если бы немного выше был,
Я бы затерялась в той толпе,
Взгляд бы мой не замер на тебе,
Если бы немного выше был.

Если бы ты был чуть-чуть другим,
Разве я смогла б тебя узнать.
Голову сломя к тебе бежать,
Если бы ты был чуть-чуть другим.

2 июня 1991

Москва

ДЕТСТВО УШЛО

Ты куда, мое Детство, ушло,
Почему от меня убежало?
Незаметно меня занесло
От милого берега в даль океана.

И плывет незатейливый плот
Сквозь шторма, бури, штиль и туманы,
Не укрыться от грез и невзгод
На плоту бедному капитану.

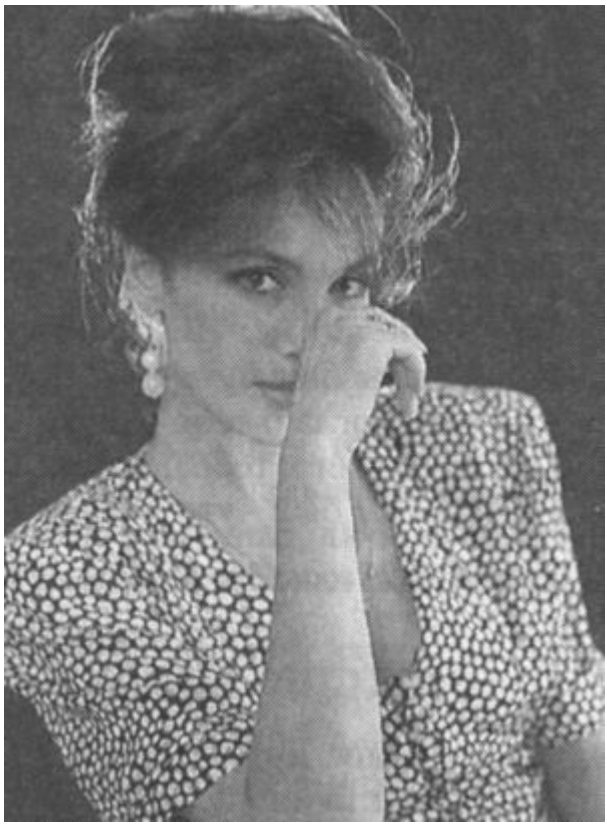
Все сильнее качает волна,
И чуть-чуть до девятого вала.
Капитан натерпелся сполна,
Эх, да где наша не пропадала!

Шторм окончен, и все позади,
Позади все, что крылья ломало.
Поднимай паруса и плыви,
Только сил уж совсем не осталось.

Капитан, твое сердце живет
Там, где все почему-то сбывалось.
А теперь твой маршрут недалек —
Ближний берег по имени Старость.

10 июня 1991

Москва



«Необъяснимый взмах крыла…»

Необъяснимый взмах крыла,
И птица в небо унесла
Восторг невинных чистых глаз
И эхо нежных тихих фраз.

12 июня 1991

Москва

«Я Вас люблю…»

Я Вас люблю…

Помилуйте, казните —
Мне все одно…
Но только лишь, молю,
Из сердца моего не уходите,
Без Вас оно
Равняется нулю.

Оно без Вас
Не перестанет биться,
Хоть удалитесь Вы,
Возвысясь на Парнас.
Вот только что-то с ним случится,
Мир пустоты
Возникнет сей же час.

12 июня 1991

Москва

«Небо перечеркнул самолет…»

Небо перечеркнул самолет.
Это не посадка, не взлет,
То был безмятежный полет…
Небо разрезал самолет…

«Тихое слово „прости“…»

Тихое слово «прости»,
Смелое слово «прощай»,
Не удалось нам снасти
То, что пытались начать.

«Зажглась и погасла звезда на востоке…»

Зажглась и погасла звезда на востоке,
Упала луна за горизонт.
От капель дождя расплываются строки.
От влаги глаза скрывает мой зонт.

Скользит, как по льдине, перо по бумаге,

Томится неволей в горячей руке,
Сильней все нажим, и больше отваги
Несут с собой рифмы в бурлящей реке.

Вдруг чувственней слог, неуверен стал почерк,
Но я же ведь клятву давала себе.
И вот не сдержала! Пора ставить точку.
И все-таки снова пишу о тебе…

Ночь на 25 июня 1991

Москва

АНАТОМИЧЕСКОЕ (песня)

ЖКТ, ЦНС, МПСы…
Анатомию нужно учить!
Мне не стать никогда поэтессой
И мечты эти нужно забыть!..

Куликов говорит, что халтура
То, что я выношу на зачет,
Но моей рифмоплетской натуре
Это впрок ну никак не идет.

Я ребром называю ключицу,
Печень с легкими путаю вновь…
Хоть не пью я, но взять бы напиться
И сказать бы: «Эх, вы, Куликов!

Вы когда-нибудь видели Музу?
С Вдохновением под руку шли?»
А он скажет, что нашему вузу
Болтовня и стихи не нужны!

Я тогда заберу документы
И в другой вуз учиться пойду,
Но потом я пойду к Президенту,
На Второй Мед. управу найду!

И скажу я: «Борис Николаич!
Так и так, мол, В. В. Куликов,
Наш анатом, считает, что Галич…

Ну… короче, не любит стихов!»

И подымется мощно и властно
Президентище из-за стола…
Знаю, месть его будет ужасна
За зачеты, что я не сдала!

Формалин разольется морями,
Поплывут препараты к чертям!
Люди, что Эверест покоряли,
Удивятся подобным вещам.

Вот тогда я взойду на подмостки,
В целом мире лишь Муза и Я…
Но на них что-то слишком уж жестко,
И опять кто-то будит меня…

И вручает мне Привеса важно…
ЖКТ, МПС, ЦНС…
И опять я завою протяжно —
Эти темы — не для поэтесс…

25 июня 1991

Москва

«Было время…»

Было время —
Она была,
Она жила,
Она писала в никуда,
Она любила,
Она ждала.
Но час пришел —
Она ушла…

НЕ РУГАЙТЕ МЕНЯ…(песня)

Не ругайте меня, нерадивую,
Пожалейте меня, несчастливую,
Вы утешьте меня вашей жалостью,

Осчастливьте меня этой малостью.

Я хотела до неба ладошкою
Дотянуться, побыть хоть немножко там,
Только небо уж слишком высокое,
А Земля крепко держит, жестокая.

Я хотела взлететь вместе с птицею,
Полететь за мечтой-небылицею,
Только крыльев совсем мне не дал Господь,
И мечта улетела до дальних высот.

Вот живу на Земле я совсем одна,
По рукам, по ногам крепко связана,
Знаю — в небе есть птицы крылатые,
Только все лягут в землю горбатую.

И я тоже когда-нибудь вдруг умру.
Похоронят меня с честью на миру.
Вот тогда полетает душа моя…
А пока не ругайте, прошу, меня…

Не ругайте меня, нерадивую.
Пожалейте меня, несчастливую,
Вы утешьте меня вашей жалостью,
Осчастливьте меня этой малостью.

30 июня 1991

Москва

«Спасибо воле провиденья…»

Спасибо воле провиденья
За те недолгие часы,
За те безумные мгновенья,
Когда мы клали на весы

Налево — быт, заботы, славу,
Направо — слезы, веру и любовь…
Та чаша, что лежала справа,
Была весомей вновь и вновь…

3 июля 1991

Москва

ЖЕНЩИНЕ

Ты та, о ком сплетни разносят.
За сорок тебе, ты одна.
А что на душе — и не спросят.
Быть может, твоя в том вина?

О принце всегда ты мечтала,
Ты многих любила, ждала.
Когда же любовь ты теряла,
Что счастлива, всем ты лгала.

Кожа устала от грима,
А хочется так быть красивой.
Совсем ни к чему та морщинка,
Что прячешь под прядью волос.

Труднее все плечи расправить,
Мешают года за спиной,
Так трудно что-либо исправить,
Трудней это сделать одной.

За день так уставшие ноги
От туфель спешишь отделить.
Высокий каблук сейчас в моде,
Хоть больно, а надо носить.

В душе поселилась разруха,
У зеркала дома застыв,
В глазах промелькнет — ты старуха,
А руки докажут, косметику смыв.

А сердце так часто порою
В груди о себе дает знать.
Ты раньше болела любовью,
Теперь — к врачу надо бежать.

Ты та, о ком сплетни, разносят.
За сорок тебе, но стройна.
А годы все дальше уносят,

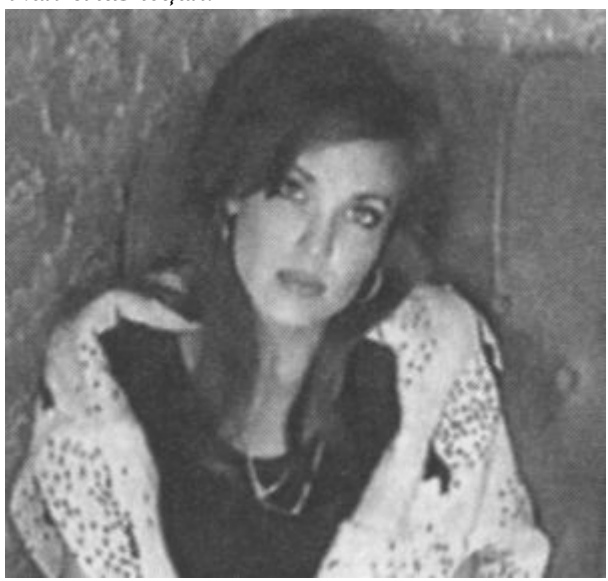
Как прежде, идешь ты одна.

Ночь на 29 июля 1991

Москва

Как на меня влияет музыка!

Вот и сейчас звучит надо мной какая-то опустошающе-обогащающая мелодия. И я, еще не зная о чем писать, уже держу «перо» в руке. И оно уже вырисовывает что-то похожее на слова на моих листочках-близнецах.



НОЧЬ

Когда мудрая ночь
На Каспий спускалась,
Чья-то блудная дочь
По ночи скиталась.

Ни руки, ни плеча,
Ни заветного слова,
Когда кровь горяча,
Когда в мире все ново.

Не найти ей того,
Чьи следы возле моря,
Кто оставил ее

В эту ночь с счастьем в ссоре.

Нету рядом того,
С кем безумие в радость,
С кем простой разговор —
Не пустое, а сладость.

Дули ветры всю ночь,
Волны в небо взметались,
Чья-то блудная дочь
В этом море осталась…

13 августа 1991

Азербайджан, г. Баку, пос. Бильгя

Э.Г

Ты исчезнешь навсегда
Вместе с дымом сигарет.
Уходя, ты скажешь: «Да»,
А сказать бы должен: «Нет».

Ты меня коснешься нежно
Чуть колючею щекой,
Ты уйдешь и будешь прежним,
Но вот только не со мной.

На прощанье мне оставишь
Лишь небрежный взмах руки.

Ничего тут не исправишь…
Жаль, что мы так далеки.

Промелькнешь в фонарном свете,
Черный путь себе открыв,
Неизменной сигаретой
Лишь дорогу озарив.

Больше мне тебя не встретить,
Странный парень, милый лжец.
Если нет любви на свете,
Пусть всему придет конец.

Я уеду в шумный город,
Увозя с собой туда
Шемаханские Царь-Горы,
И оставлю навсегда,

Зачерпну бакинский ветер,
В банку Каспий наберу,
Лишь за то, что ты на свете,
Смесь — «Эльшаном» назову.

16 августа 1991

Бильгя

«Я жизнь провела бы на горных хребтах…»

Я жизнь провела бы на горных хребтах,
Под небом Азербайджана,
Где все будто только что создал Аллах,
Где все по законам Корана.

Где ветер безумствует в травах сухих,
Где только легенды и скалы,
Где мудрые змеи и царствие их
За то, чтобы я здесь осталась…

20 августа 1991

Бильгя

«О тихий месяц, что ты скажешь?..»

О тихий месяц, что ты скажешь?
Прошу тебя, ну не молчи.
Ты звезды-блестки по небу размажешь
И вновь застынешь хрусталем в ночи.

Под утро, дымкой укрываясь,
Ты упадешь за горизонт.
И вновь, рассветом улыбаясь,
Утро свой раскроет зонт.

20 августа 1991

«Эта песенка моя печальная…»

Эта песенка моя печальная
Громко, тихо ли звучит в ночи.
Только звезды в такт ее качаются.
Эта песенка моя прощальная
Вслед тебе так бешено звучит,
Заглушая шум шагов прощания…

«О тебе я пытаюсь не думать…»

О тебе я пытаюсь не думать
И стараюсь не плакать глазами.
Я по ночи безмолвной скитаюсь,
Ухожу не своими ногами.

Промелькнула тень мыши летучей,
И упал лист бумаги в ладонь,
А на нем ветви ивы плакучей,
Рядом с ивою — буйный огонь.

21 августа 1991

Бильгя

«Если создана жизнь для чего-то…»

Если создана жизнь для чего-то,
Как понять безрассудство людей?
Почему кто-то верит в кого-то,
И откуда мир страшных идей?

Понимая нелепую сущность,
Восхваляем мы жизнь так и сяк…

21 августа 1991

Бильгя

«Проплывают на чистых страницах…»

Проплывают
На чистых страницах
Чьи-то судьбы
И разные лица.

Умершие души
В живых оживают,
Когда их молитвами
Согревают…

«Грусть моя…»

Грусть моя,
Зачем ты рядом,
Разве я звала?
Грусть моя,
Ты стала ядом,
Отпусти меня!

«Тот, кто жизни построил фундамент…»

Тот, кто жизни построил фундамент,
Не учел то, что будет все так —
Не горит со стихами пергамент,
И не греет огонь на холстах.

Получив от судьбы по заслугам,

Я от мира хотела уйти,
Только Божьи архангелы туго
Завязали узлом все пути.

Жизнь меня одарила ненастьем,
Неудачи кругом — там и тут.
Полоснуть бы ножом по запястью,
Так опять же уйти не дадут.

Жизнь несется привычным галопом,
Оставляя следы вкривь и вкось.
Мы за нею спешим шумным скопом
И хотим, чтобы что-то сбылось.

Не исправить ничто в этой жизни,
Ни добавить нельзя, ни отнять,
И от этого жизнь все капризней,
Я смогла только это понять.

Пусть министры спешат в департамент,
Пусть брильянты на каждом персте,
Не сгорит, лишь сотлеет пергамент,
Не согреет огонь на холсте.

25 августа 1991

Бильгя

ЧТО СТОИТ ЖИЗНЬ МОЯ? (песня)

Скажи, что стоит жизнь моя?
Рисунков пару черно-белых
Да несколько стихов незрелых?
Ответь мне, правду не тая.

Скажи, что стоит жизнь моя?
Мечтания у тусклой свечки
Да слезы у ленивой речки?
Вот все, что ценно для меня.

Скажи, что стоит жизнь моя?
Мелодий грустные мотивы,
Дождей осенних переливы?..

Вот это все, что стою Я…

25 августа 1991

Бильгя

«Ты стоишь все, что стоит жизнь…»

Ты стоишь все, что стоит жизнь, —
Ее волнующие грезы,
Мечты, загадки, тайны, розы
И странный облик новизны.

Проходят дни в находках милых,
Тревогах, встречах с пустотой,
На деле же, как в сказке той,
Все славно, просто и красиво.

27 августа 1991

Бильгя

А ЗА ОКНОМ…

Уже прошел осенний дух,
И мир был далеко не молод,
И за окном лебяжий пух,
Спускаясь, нежно кутал город.

Уже прошла пора разрух,
Прошел и злой свирепый голод,
А за окном лебяжий пух,
Спускаясь, нежно кутал город.

Уже не слышно песен вслух,
И это замерзанья повод,
А за окном лебяжий пух,
Спускаясь, нежно кутал город.

И превратились девочки в старух,
И облетал их прежней жизни овод,
А за окном лебяжий пух,
Спускаясь, нежно кутал город.

А тут прошел недавно слух,
Что скоро будет сильный холод,
А за окном лебяжий пух,
Спускаясь, нежно кутал город.

А за окном лебяжий пух,
Спускаясь, нежно кутал город.
И тишина молчала вслух.
И город стал красив и молод.

А дерева, укрывшись шалью,
Задумались, а может быть, уснули,
И пруд, закованный печалью,
Все вспоминал, как ветры лета дули.

Август 1991

Москва

«Забыть — не дано…»

Забыть — не дано.
Любить — не судьба.
Не помнить — грешно.
А помнить — беда.

Печальная суть
Счастливых тех дней
Мне давит на грудь
Больней и больней…

Август 1991

Москва

«Поцелуй меня в глаза…»

Поцелуй меня в глаза,
Пусть меня согреет лето твоих губ.
Мне с тобою быть нельзя,
От тебя я голову сломя бегу,
Но с каждым шагом ближе я к тебе.

Мир безумный наших встреч,
Он остался там, где плещется прибой.
Как бы мне суметь сберечь
Все минуты те, что связаны с тобой,
В Москве они со мною как костер.

Ты живешь в стране мечты,
Там, где море, солнце, пальмы и песок.
Окружен друзьями ты.
Среди них ты без меня так одинок,
Зовешь меня, но голос твой далек.

И снова дождь осенний
В окно стучит,
А мне уже все равно,
Размыло дороги к тебе,
О, Боже, как подвластны мы судьбе.

Соленой капелькой из глаз
Пробежит, исчезнув, искорка слезы.
Это мне прислал Кавказ
Брызги вольной, необузданной волны,
Которая ласкает берег твой.

А здесь осенний дождик В окно стучит,
А мне уже все равно,
Размыло дороги к тебе,
О, Боже, как подвластны мы судьбе.

27 августа 1991

Москва

«Снова — эти фразы банальные…»

Снова — эти фразы банальные.
Снова — эти взгляды печальные.
Их дополнят слезы прощальные.
Но не прозвучит крик отчаянный.

Мне надоела игра в любовь.
Встречи, расставания, блеск лживых слов.
Пылкие страданья — лишь только роль.
Значит понарошку — ты мой король.

В результате некоторого смещения во временном пространстве те события, которые должны произойти через несколько лет, отразившись в многомерном пространстве, влияют на память и сознание людей, с которыми эти события еще не произошли.

В КОНЦЕ ПУТИ (песня)

Белые крылья ранней зимы
Путь перекрыли, где были мы.
Нас разлучили снежной стеной
Седые крылья жизни самой.

И будет день за днем лететь упрямо жизнь,
И будет год за годом уноситься вдаль.

И если встретимся в конце пути,
То разве повод есть искать печаль?

В конце пути — в финале всех тревог,
В конце пути — на стыке всех дорог
Навстречу мы друг к другу подойдем
И за руки возьмемся, и не упадем.
В конце пути…

Мы и не знали, что кого ждет.
Не понимали, к чему нас жизнь ведет.
Дальние дали теперь уж позади,
А мы и не узнали, что было впереди.

И только день за днем летит упрямо жизнь,
И только год за годом убегают вдаль.
И если встретимся в конце пути,
То разве повод есть искать печаль?

В конце пути — в финале всех тревог,
В конце пути — на стыке всех дорог
Навстречу мы друг к другу подойдем
И за руки возьмемся, и не упадем.
В конце пути…

Жизнь справедливо рассудит нас.
Хоть миг счастливый должен быть в последний час.
Кончатся сроки вдали от суеты,
По вечной дороге уйдем мы — я и ты.

И будет день за днем лететь упрямо жизнь,
И будет год за годом уноситься вдаль.
И если встретимся в конце пути,
То разве повод есть искать печаль?

В конце пути — в финале всех тревог,
В конце пути — на стыке всех дорог
Навстречу мы друг к другу подойдем
И за руки возьмемся и не упадем.
В конце пути…

12 сентября 1991

Москва

«Старым смычком…»

Старым смычком
По тонкой струне,
Словно кнутом
По хрупкой спине.

Это взял в руки
Скрипку скрипач,
Чуткие руки,
Творящие плач.

15 сентября 1991

Москва

Почему, когда приходит любовь, сердце больше становится, душа наполняется чем-то непонятным, и ей становится так тесно и вместе с тем уютно и тепло.

Почему так?

Любовь не бесплотна, и к ней можно прикоснуться… Не руками… Сердцем, душой. Но стоит протянуть руку, вымаранную проблемами и пыльными делами окружающего мира, — Любовь исчезнет.

БЛАГОСЛОВИ МЕНЯ (песня)

Благослови меня, когда уйдешь,
Благослови в путь дальний и безмолвный,
Ты без меня дорогу сам найдешь
В страну любви, в страну, где плещут волны.

И две руки с ладонями пустыми,
В которых грелась только что любовь,
Опустятся, и сердце вмиг остынет —
Останусь я одна наедине с душой.

Когда уйдешь, благослови меня.
Опережая боль моих мучений,
В лоб мой высокий поцелуй, любя,
И отпусти во храм мечты священной.

Благослови меня на одинокий путь

И уходи. Даст Бог тебе прощенье…
А обо мне?.. Ты обо мне забудь.
Я не одна. Со мной благословенье…

23 сентября 1991

Москва

ЕСЛИ Я УМРУ РАНЬШЕ ВРЕМЕНИ (песня)

Если я умру раньше времени,
Вы отдайте меня белым лебедям,
Между перьев их крыл я запутаюсь
И умчусь вместе с ними в мечту свою.

И не надо священника в дом мой звать,
Да и в церкви не надо меня отпевать.
Пусть меня отпоют ветры вольные,
Отпоют мою душу обездоленную.

Ну а тело мое опустевшее
Забросайте землей отсыревшею,
Да поставьте ему, некрещеному,
Крест, чтоб Богом была я прощенная.

На могилку мою не кладите цветов,
Пусть она зарастет буйною травой.
Пусть весной незабудки распустятся,
Да зима белым снегом опустится.

Если я умру раньше времени,
Пусть меня унесут белы лебеди,
Далеко, далеко в край неведомый,
Высоко, высоко в небо светлое…

29 сентября 1991

Москва

ВСПОМИНАЮ ЭТО ЛЕТО (песня)

Я вспоминаю это лето,
Его увядшие цветы,

И снятся сны мне до рассвета,
И в снах опять приходишь ты.

Ты входишь тихо, невесомо,
Едва рукой коснувшись сна.
Рукою нежной и знакомой,
Такой же легкой, как весна.

Дыханьем чистым и прохладным
Ты входишь в спящий грустный дом,
И вновь уходишь утром ранним,
Мне обжигая сердце льдом.

И одиночество, как прежде,
С утра до ночи надо мной.
Вдаль гонит облако надежды,
Надежды встретиться с тобой.

И в этот город зимний, белый
И опустевший без огня,
Спускаясь, легкий снег несмелый
Напомнит нежностью тебя.

И снова в суматохе будней
Меня закружит рой проблем,
В толпе безликой, равнодушной
Тебя забуду я совсем.

На миг забуду, но напомнит
Твои глаза мне свет звезды,
И запахом твоим наполнят
Мой дом ожившие цветы.

Я вспоминаю это лето,
Его увядшие цветы…

2 октября 1991

Москва

ПОСВЯЩЕНИЕ И.Т. (песня)

Всегда был грустен, чуть устал

И не снимал с груди креста.
О, как же ты напоминал
Душой и внешностью Христа!

Ты за Россию был в бою
И горькой правдой бил врага.
Об веру в Родину твою
Сам дьявол обломал рога.

О, Гения короткий век,
Гонимый тупостью и хамством,
На белизну недвижных век
Улегся траурным убранством.

Погасли звезды, а рассвет
За серой дымкой не поднялся.
Исчезло все, и сгинул свет
Для тех, кто без тебя остался.

О, Господи, за что я так слаба,
Что не могу вернуть того, кто должен жить?
О, Господи, бессмысленны слова,
Когда прервали путь и оборвали нить.

Всесилен твой закон среди веков,
Тот, что любой огонь обязан догореть.
Но почему ушел Игорь Тальков?
Им не оседлан конь, он должен был допеть!

Всегда был грустен, чуть устал
И не снимал с груди креста.
О, как же ты напоминал
Душой и внешностью Христа!

7—13 октября 1991

Москва

ОЙ, ДА МНЕ ПРИСНИЛСЯ СОН… (песня)

Наступают сумерки
Войском белых звезд,
Там, где птицы суетно

Кружат возле гнезд.

Ой, да мне приснился сон,
Как на вороном коне
Под громкий колокольный звон
Я умчалась при луне.

И от черной стаи той
Черный ворон отлетел,
Средь степной травы густой
На мое плечо он сел.

Ах ты, ворон, ворон мой,
Ворон, черное крыло,
Отчего грустишь со мной?
Аль не повезло?

Может, ветерок шальной
Твои гнезда разорил,
И со стаей вороной
Черный сумрак разлучил?

Аль подругу потерял
Среди темени ночной,
Черных глаз не увидал
И теперь грустишь со мной?

Ах ты, ворон, мой дружок,
Друг моей печаль-тоски,
Полети на бережок,
На другой берег реки.

Уголек там тлеет мой,
Пепел счастья моего,
Ты возьми его с собой,
Донеси ко мне его.

Уголек там тлеет мой,
Догорают угли там,
Угли счастья моего
Донеси назло ветрам.

Только ворон распластал
Свои крылья на ветру,

Вороной конь ускакал,
След оставя на снегу.

И тот ворон мне сказал:
«Не разжечь уж уголек,
От тебя конь ускакал,
Да и берег так далек.

Счастье ищешь далеко,
Лучше рядом поищи,
Вдруг увидишь ты его,
А поймаешь, так держи».

А когда пришел рассвет,
Ворон к стае улетал.
Оглянулась — счастья нет.
Что ж ты, ворон, мне солгал.

Ой, да мне приснился сон,
Как на вороном коне
Под громкий колокольный звон
Я умчалась при луне.

15 октября 1991

Москва

СТАРЫЙ ФОТОАЛЬБОМ (песня)

Я случайно на Старом Арбате,
Где схоронен разрушенный дом,
Отыскала в кирпичных объятьях
Кем-то брошенный старый альбом.

Проплывают на пыльных страницах
Чьи-то судьбы и разные лица,
Чья-то радость и чья-то беда,
Миг мечты и века бытия…

Осенний вальс,
Зимнее танго,
Весенний джаз
И летний блюз.

Одна другой
Сменяются даты,
Нас уводя
В страну свою.

Проплывают минувшие годы,
Лето, осень, зима и весна,
Подарившие тень непогоды
Тем, кто солнца просил и тепла.

И чем дальше листаю страницы,
Тем старее становятся лица,
Вот уже и не стало кого-то,
Уместилась жизнь в нескольких фото.

Осенний вальс,
Зимнее танго,
Весенний джаз
И летний блюз.
Одна другой
Сменяются даты,
Нас уводя
В страну свою.

Словно памятник в этих руинах
Люди бросили память свою,
А я зачем-то рукою наивной
Жизнь чужую сейчас повторю.

Круг замкнувшийся фотоальбома,
Жизни нить и печати судьбы,
Грохот в прах разнесенного дома
Разорвал и запутал следы.

Осенний вальс,
Зимнее танго,
Весенний джаз
И летний блюз.
Одна другой
Сменяются даты,
Нас уводя
В страну свою.

19 октября 1991

Москва

Я НЕ ВОВРЕМЯ ПРИШЛА…

Наверно, я не вовремя пришла,
Но вот не знаю, поздно или рано.
И, может быть, все то, что я нашла,
Принадлежит не мне, и я кажусь вам странной.

Была душа дана мне в мае.
Как всем Господь мне выбрал путь.
И там, вдали, я, ничего не зная,
Свой первый шаг оставила, едва сумев шагнуть.

И первый шаг мне стал судьбою.
И жизнь мою всем предсказал.
И я пошла, горда собою,
Не зная, что Господь во всем мне помогал.

Я шла вперед, к мечте заветной
И до прозрачной вдруг дошла стены.
А за стеною прочной, безответной
Была другая жизнь, где все мечты верны.

Была и я за той стеною,
Но я — другая, та, что не сбылась,
Та, что за чужой спиною,
Не пряталась, а смело в бой рвалась.

И мне назло Она сумела
Попасть за эту грань мечты…
А я ломиться не посмела
В божественный мир света и вечной красоты.

И я пошла, судьбу читая,
Вдоль той стены прозрачной и немой,
И, в жизни дыры кое-как латая,
Я любовалась тем, что за стеной…

21 октября 1991

Москва

ОСЕНЬ (песня)

Пестрым шарфом закутанная,
По тропкам лесным перепутанным,
По лужам серым прыгающая,
Носом громко шмыгающая.

В широком плаще разлетающемся,
С зонтом под дождем купающимся,
Под небом грозою хохочущим
По ветру листвою грохочущим.

От лета к зиме бегущая,
Листву за собою зовущая,
Красивая, мудрая очень,
Ревущая, рвущая Осень.

23 октября 1991

Москва

МОИМ ДРУЗЬЯМ (песня)

Мне бывает так грустно порою,
Не до смеха бывает иногда.
Если друг мне свою дверь откроет,
Вмиг исчезнут и грусть, и беда.

Если друг в моем доме бывает,
Значит, будет в моем доме свет,
Значит, в доме моем оживают
Воск свечи и засохший букет.

Акварель на стене оживает
И вливается в мой интерьер,
Домовой свой секрет раскрывает,
Выходя из-за темных портьер.

Если друг в моем доме бывает,
Значит, будет в моем доме свет,
Значит, в доме моем оживают
Воск свечи и засохший букет.

А когда я с друзьями в разлуке,
Я о них помню ночью и днем,
В памяти согревает мне руки
Дальний дом со священным огнем.

Чай на столе и бисквитный пирог,
Лишь ступлю на порог,
В дом, где друзья ожидают меня
У святого огня…

25 октября 1991

Москва

Я — ПАМЯТЬ (песня)

Старыми листьями осени
Ветер метет путь,
Вновь я непрошеной гостьей
В дом постучу чей-нибудь.

В доме уютном, маленьком
Ласково примут меня,
И, пледом закутавшись стареньким,
Я обсушусь у огня.

Пусть тихо скажут хозяева дома,
Что им лицо мое чем-то знакомо.
Пусть мне расскажут о бедах своих,
Боль станет меньше, делясь на троих.

За окнами вечер дождливый,
Прилипший к стеклу мокрый лист.
Бревенчатый дом молчаливый
И ветра тоскующий свист.

И двое усталых людей,
Что приютили меня,
Словно на Страшном суде,
Расскажут мне все про себя.

Еще тихо скажут хозяева дома,

Что им лицо мое чем-то знакомо.
Так же расскажут о бедах своих,
Боль станет меньше, делясь на троих.

Я память, я грусть, я осень,
Я прихожу под вечер,
Меня никогда не гонят,
При мне зажигают свечи.

Со мной всегда так тихо,
Меня знает каждый в лицо,
И как ни несется жизнь лихо —
На мне все замкнется кольцом.

Под песню мою и ветра
Двое людей уснут.
А я, обогревшись пледом,
В другой дом стучаться пойду.

Вновь тихо скажут хозяева дома,
Что им лицо мое чем-то знакомо.
Так же расскажут о бедах своих,
Боль станет меньше, делясь на троих.

31 октября 1991

Москва

«Замерли сумерки, замерли…»

Замерли сумерки, замерли,
Время у вечера заняли…

Что-то мы оба не поняли,
Прошлые дни не запомнили.
И за безумными фразами
Главное что-то не сказано.

Руки протянешь беспомощно.
Быстро темнеет — промолвишь ты.
Дни межсезонья закончатся,
Как расставаться не хочется…

3 ноября 1991

Москва

Я БОЛЬШЕ ТЕБЯ НЕ ЖДУ (песня)

Я больше тебя не жду,
Стирая в памяти дни.
И больше к тебе не приду,
Мы больше не будем одни.

Теплые руки остыли,
А сердце, да что говорить,
Друг друга с тобой мы забыли,
К чему нам кого-то винить.

Боль стала тише,
Горечь ушла,
Над сердцем, чуть выше,
Замерзла тоска.

Грусть по стеклу
Каплей дождя
Скользит, как по льду,
Всю ночь до утра.

Конечно, тоска незаметно
Покинет мой сумрачный дом.
Я стану к любви безответной,
Все станет иначе, но только потом.

По мокрой ночной дороге
Друг к другу спешат огоньки.
Уж я не жду на пороге,
Но как мне сбежать от тоски?

Боль стала тише,
Горечь ушла,
Над сердцем, чуть выше,
Замерзла тоска.

Грусть по стеклу
Каплей дождя
Скользит, как по льду,
Всю ночь до утра.

4 ноября 1991

Москва

В ДЕТСТВЕ ДАЛЕКОМ (песня)

В детстве далеком,
Светлом и высоком,
Маминой рукой
Прикрытом от ветров,

Добрые сказки,
Когда, закрывши глазки,
Лежала я во сне,
Рассказывали мне.

В сказке о волшебстве
Розовый конь на траве

Крылья сложил, ожидая меня.
В синей далекой стране
Я побываю во сне
И разыщу крылатого коня.

Там летать легко, беды далеко,
Там неба чистота…
В синей стране нет места тьме,
Каждый живет мечтой.

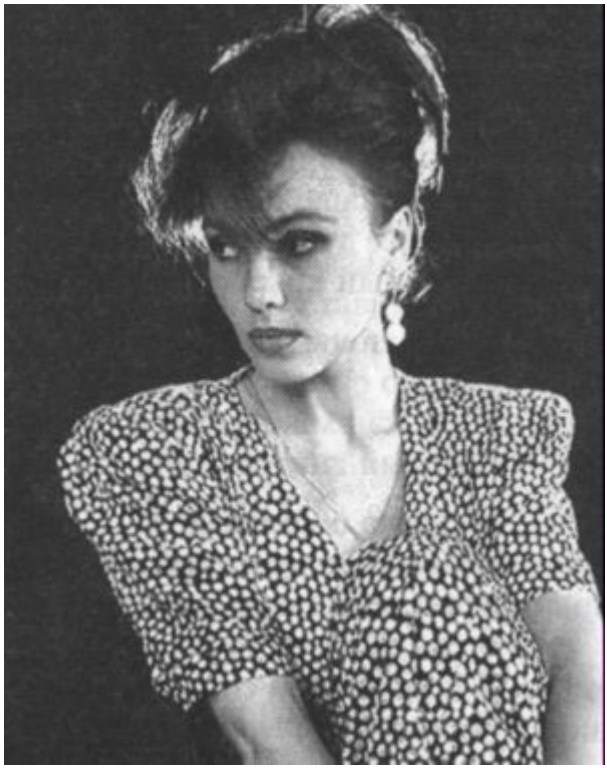
Годы прошли, сказки ушли,
Но все чаще снится:
Детская душа, мамина рука
И добрый крылатый конь.

Тихая ночь, спит моя дочь,
Сладко сжав кулачок.
И ей, как мне, в синей стране
Розовый снится конь.

В сказке о волшебстве
Розовый конь на траве
Крылья сложил, ожидая меня.
В синей далекой стране
Я побываю во сне,
И разыщу крылатого коня…

24 ноября 1991

Москва



«Все, что было вчера…»

Все, что было вчера,
Повторится однажды —
Листьев желтых пора,
Время ветров отважных.

Время мокрых ночей,
Время дымки небесной,
Холод близких очей
И туманов словесных.

Ноябрь 1991

Москва

«Давай вспомним…»

Давай вспомним
С тобой года
Разлук странных

И ссор пустяковых.
Давай вспомним
И сразу забудем.
И больше вспоминать их
Не будем.
Как мы прощались,
Ведь мы навечно
С тобой расставались.
С тобой расставались,
И больше расставаться
Не будем.

24 ноября 1991

Москва

* * *

Но тут снова судьба вмешивается в ее жизнь — в 1991 году отца переводят служить в Сибирь, в город на Оби, Новосибирск.

Опять тоска… тоска по тому, что успела полюбить, к чему успела прирасти. Эти чувства дают новый толчок творчеству. Песни рождаются одна за другой… особенно ночью… когда никто не мешает, когда не нужно притворяться… иногда две-три за ночь. Убитое постоянными перевозками старое пианино помогает вспоминать, мечтать, творить… но только для себя. Отец, видя «мучения» дочери, делает дорогой для военнослужащего тогда подарок — синтезатор «Электроника», и отдает свой магнитофон «Юпитер». Теперь ее маленькая комната превратилась в предел ее мечтаний — в «настоящую студию»! Одна за другой пишутся пленки. По просьбе друзей, родных они переписываются и переписываются, дарятся. Иногда просто отдаются. Никто до сих пор не знает точно, сколько песен было написано и просто отдано в чужие руки…

МОЙ СТАРЫЙ ДОМ (песня)

Меняется все, проходит боль и радость.
И горькой сквозь годы покажется прежняя сладость.
И ветры судьбы нас уносят по разным дорогам,
И я покидаю свой дом, убегая к тревогам.

Прости меня, дом, но мне самой больно поверить,
Что звуки замрут, как только закроются двери.
Ты будешь пустым и отсутствием жизни напуган,
И будет тепло забирать твое белая вьюга.

Я покину этот дом,
Но, может быть, вернусь,
Чтобы забрать саму себя,
И радости, и грусть.

Покину я дом свой, но, может быть, вернусь,
Чтобы забрать саму себя, и радость, и грусть.
А дом мой остывший за дверью печаль свою скроет,
Не впустит уже — узнает, но мне не откроет.

И будет по дому пустому гулять ветер,
Не будет никто свечей зажигать под вечер,
И будет немое окно с ливнями спорить,
И будет лишь эхо шорохам ветра вторить.

Я покину этот дом,
Но, может быть, вернусь,
Чтобы забрать саму себя,

И радости и грусть.

Покину я дом свой, но, может быть, вернусь,
Чтобы забрать саму себя, и радости, и грусть.
И дом мой остывший безжизненно двери откроет,
Он впустит меня, узнает, и радость не скроет.

Я буду вспоминать тебя, мой старый дом.
Я прибегу к тебе, мой добрый дом.
Мне будет не хватать тебя, мой милый дом.
Я буду так скучать…

2 декабря 1991

Москва

ВЕРА

Когда судьбы замкнулся круг,
Когда не вторит эха звук,
И не нужна рука руке,
И умерла вода в реке;

Когда твой дом тебя изгнал,
Когда все то, что ты искал,
Вдруг оказалось миражом,
И в самый раз взмахнуть ножом,

Собраться с силой и бежать
Так, чтоб никто не мог догнать!
Побитою собакой прочь,
От тени в свет, от зноя в ночь.

Прозрев, ослепнуть в тот же миг,
Оглохнуть, издавая крик.
Утратить все, но не терять
Лишь только веру, и бежать…

18 декабря 1991

Москва

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД

Здесь был когда-то дивный сад,
И за чугунною оградой
Машинный не вздымался чад,
И небо не дышало смрадом.

Тут было чисто и светло,
Ласкало солнце птиц и травы,
Пока в наш век не занесло
«Брильянт в серебряной оправе».

Погнули люди серебро,
Алмаз ломают, делят, точат.
А там, глядишь, не за горой
Все то, что черти нам пророчат.

Но в чем же сад был виноват?
Невинный, вечно бессловесен!
И вот поруган чудный сад,
Затихли звуки птичьих песен.

В беседке с рухнувшею крышей
Гуляет ветер с вороньем,
И далеко гимн черный слышен,
Гимн веку, окрещенному враньем.

Но иногда сквозь сумрак ночи
Я прихожу в умерший сад
И вижу — бродит призрак — зодчий,
Скорбящей тенью — сада брат.

Здесь был когда-то добрый сад.
Он очищал сердца и души,
Пока взошедший полуад
Нам не закрыл глаза и уши.

И мы с ослепшими глазами,
Руками шаря наугад,
Ступаем грязными ногами
На покаянье в бывший сад…

20 декабря 1991

Москва

«ЗОЛОТАЯ»

Вслед за лучом последним солнца,
За летним дуновеньем ветерка,
От холода, свистящего в оконцах,
Улетают птицы в косяках.

Бог с ними! Пусть летят за летом,
Пусть догоняют летнее тепло.
Я грусть свою пошлю за ними следом —
Пусть улетит, забившись под крыло.

Ах, осень! К радостям скупая,
Кленовым листиком прильнувшая к стеклу.
Тебя все называют «золотая»,
А я тебя «блаженной» нареку.

Ты ностальгии верная подруга,
С тобою рядом бродит грусть моя.
О, сумасшедшая! Как схожи мы друг с другом!
Грусть, ностальгия, осень, дождь и я…

И сердце мокнет в лужице печали,
О прошлом ностальгия рвет струну.
На крыльях птицы грусть мою умчали,
Покинули холодную страну.

А осень — музыкант со скрипкой старой,
Остановившись под моим окном,
Взмахнет смычком и по струне ударит,
И грусть, и музыку вернет в мой дом.

О, осень! Как схожи мы друг с другом,
Грусть, дождь, ностальгия, ты и я…

22 декабря 1991

Москва

СЕРЕНАДА

От Севильи до Гренады
В тихом сумраке ночей

Тихо льется серенада.
Слышен голос, только чей?

Эй-эй-эй, милый рыцарь из мечты,
Мы давно с тобой на ты.
Каждой ночью под балкон
Ты приходишь, словно сон.

С белой розою в руке
И на белом скакуне,
Синим взглядом ворожишь,
Песней голову кружишь.

А как только темень сгинет
Синий взгляд меня покинет,
Легким облаком умчится
В синем небе белой птицей.

1991

Москва

КАЗАНОВА

На площади дворцовой
Весь город собран был.
Судили Казанову
За то, что влюбчив был.

И палач кровавый
Секиру поднимал.
И трижды Казанова
Невредим вставал.

По городу большому
Легенда пронеслась,
Что парня Казанову
«Нечистая» спасла.

Царскою элитой
Был издан вновь Указ:
«Спалить дом с Казановой
Народу напоказ».

Вспыхнул костер огромный,
И рухнул старый дом.
Но вышел Казанова
Ничуть не обожжен.

Ветерок прохладный
Гуляет в волосах,
Пламень беспощадный
Горит в его глазах.

И, не тая обиды,
Покинул город он.
И знал, что не погибнет,
Покуда он влюблен.

И гордый Казанова
Ушел куда-то вдаль.
С тех пор на город злобный
Обрушилась печаль.

Была Любовь забыта
В том городе большом.
Она прислала сына,
Но был не понят он.

Погиб тот город славный,
Не повидав зари.
Он погребен под лавой
Разгневанной Любви.

1991

Москва

СТИХ СНЕГОВ

Белым-бело,
И снег летит,
Подобно белой пыли.
Весь день мело.
Мне по пути
С метелью снежной было.

Вертелись рифмы
Невпопад,
Кружились южным вальсом
По снежным рифмам,
Наугад,
Тихонечко, на пальцах.

То затихали,
Вмиг застыв,
И ласково манили,
То рассыпались,
В небо взмыв,
Рабами зимней были.

Они дразнили
Блеском слов
И западали в душу,
Они лепили
Стих снегов,
Рисуя белой тушью…

Белым-бело,
И снег летит,
Подобно белой пыли.
Весь день мело.
Мне по пути
С метелью снежной было.

13 января 1992

Москва

«Зачем от меня ты уходишь?…»

Зачем от меня ты уходишь?
Что «там» в стороне ты находишь?
Что ты потерял вдалеке от меня?
Ведь в поисках «там» ты теряешь меня!

ДО СВИДАНИЯ, МОСКВА

Узкая дорога,
Камнями мощенная
И осторожный стук

Каблучков моих.

До свидания, Москва,
Скоро я уеду.
Прибыл поезд на вокзал,
И в руках билеты.

За каких-то десять лет
Как же ты изучена.
И «друзьями», коих нет,
До крови измучена.

Из последних сил старалась
Из руин подняться.
Чуть поднявшись, вновь срывалась,
Чтобы унижаться.

Я жила твоей судьбою,
Облачась в терпенье.
Были схожи мы с тобою,
Находясь в забвенье.

Десять лет мы вместе были,
Пробил час — мы врозь.
Колокола ожили —
«Что-то не сбылось».

Узкая дорога,
Камнями мощенная,
А в душе тревога,
В грудь закрепощенная.

20 января 1992

«О, как же твой прыжок царил…»

О, как же твой прыжок царил,
Над изумлением партера!
И легкий жест восторг творил,
Как взмах тростинкой дирижера.

И в вечном танце жизнь прошла,
В полете вдруг ослабли крылья.

И ты со сцены в зал сошла,
Кусая губы от бессилья…

Январь 1992

Москва

СЮДА Я УЖЕ НЕ ВЕРНУСЬ

Сюда я уже не вернусь,
Останется все как было —
Книги вразброс и грусть
В глаза попадет, как мыло…

Я слишком уже далеко,
Чтоб руку пожать на прощанье.
И мне непонятно легко
Расплавиться в этом молчанье.

Теперь не вернуть меня,
Не стоит тревожить былое,
Прошедшее день ото дня
Все дальше уходит со мною…

А жизнь уже входит в азарт,
И нужно успеть быстрее
Стрелки на час назад
Поставить на зимнее время…

Продлить на какой-то час
Холодные зимние сутки,
На целый огромнейший час,
И не уступить ни минутки!

Себя обманув, вздохнуть,
Взглянув на часы с облегченьем.
Но время, увы, обмануть
Совсем уж пустая затея…

Мы вязнем в сугробах забот
И тащим года за спиною,
И путь выбираем не тот
В сумерках ранних зимою…

И мне так отрадно уйти
В далекую тишь неземную,
С ума чтобы здесь не сойти,
За жизнью гоняясь, беснуя.

Я в путь не возьму ничего,
И лишь оглянусь на пороге,
Уйду от земного всего,
Чтоб ближе стать к Господу Богу…

21 января 1992

Москва

«Закрой на мгновенье глаза…»

Закрой на мгновенье глаза,
Забудь все, что было с тобой.
Соленою каплей слеза
С собой унесет эту боль.

МОНОЛОГ К СУДЬБЕ

Отрекись от меня, злая судьба.
Отдохни без меня хоть чуть-чуть.
Не держи, отпусти, обойдусь без тебя,
Дай спокойно пройти мой путь.

А хочешь — предай! Я за это прощу,
И за счастье сочту измену.
Ты меня обижала, но я не ропщу,
Я терплю и иду на арену.

Выхожу без ботфорт, без щита и кнута…
Эй, смотрите, какой поединок!
Становитесь за мной, в ком трепещет мечта,
Обещаю вам бой без запинок.

Раскаленное жало скользит под рукой,
Обжигая мне душу безбожно…
Я уже не могу быть покорной такой,

Жить, как прежде, уже не возможно.

Отрекись, отвернись, не преследуй меня,
За себя я уже не ручаюсь,
Не боюсь твоего хулигана-огня,
Об него я уже обжигалась…

Поиграли и хватит, давай отдохнем,
Помолчим, чтоб утихли тревоги.
Мы рукой на прощанье друг другу махнем
И по разным пойдем дорогам.

Отрекись от меня, злая судьба,
Отдохни без меня хоть чуть-чуть.
Не держи, отпусти, обойдусь без тебя,
Дай спокойно пройти мой путь…

23—28 января 1992

Москва

ВСЕ ПРОШЛО (песня)

Которые сутки метет февраль,
Зима разгулялась, бушует ветер.
И не покидает мой дом печаль —
Прощальная песня забытого лета.

Все прошло, в даль ушло.
Мы с тобой далеки друг от друга,

А теперь рвутся в дверь
Только ветер и белая вьюга.

Засыпана снегом любви строка,
Размыты дождями весны чернила.
И ветер уносит листы в века,
Где мы написали о том, что было.

Все прошло, вдаль ушло.
Мы с тобой далеки друг от друга,
А теперь рвутся в дверь
Только ветер и белая вьюга.

Мы стали другими, и ты, и я,
И нас разделяет пол планеты.
Я вспоминаю во сне тебя
И верю, что помнишь и обо мне ты.

Все прошло, в даль ушло.
Мы с тобой далеки друг от друга…

12 февраля 1992

Москва

Я НЕ ПРОЩАЮСЬ (песня)

Я не прощаюсь. До свиданья, город мой.
Быть может, встретимся с тобой
Седой зимой.
По старым улицам вдвоем
С тобой, как прежде, мы пройдем.
И, ожидая ночь, зажгутся фонари.

Когда снега укроют пальмы и дома,
Гирлянды ветер оборвет,
По городу их разметет,
И Ялта уснет.

Когда снега укроют пальмы и дома,
Гирлянды ветер оборвет,
И Ялта уснет.

Принцесса ночь тебя укроет потеплей,
И от звезды ночной сон станет твой светлей.
Под нежный шепот волн морских,
Под эту сказку для двоих
И я с тобой усну, о город добрый мой.

Когда снега укроют пальмы и дома,
Гирлянды ветер оборвет,
По городу их разметет,
И Ялта уснет.

Когда снега укроют пальмы и дома,
Гирлянды ветер оборвет,
И Ялта уснет.

И лето я увижу в этом снежном сне,
Когда из сказки Грей плывет навстречу мне,
Когда под солнцем день-деньской
Искала я в тени покой.
Ну, а теперь прошу хоть луч того тепла.

Когда снега укроют пальмы и дома,
Гирлянды ветер оборвет,
По городу их разметет,
И Ялта уснет.
Когда снега сотрут из памяти века,
И жизнь былая вдруг замрет.
И Ялта уснет.

Я не прощаюсь. До свиданья, город мой.
Быть может, встретимся с тобой
Седой зимой.
По старым улицам вдвоем
С тобой, как прежде, мы пройдем.
И, ожидая ночь, зажгутся фонари.

Февраль 1992

Ялта

МОРЯЧОК (песня)

В приморском парке до утра

Играла музыка вчера.
Гуляли пары — брюки клеш и мини-юбки.
Гулял весенний ветерок,
И теплый выпал вечерок,
Невесел лишь один притихший паренек.

Ну от чего ж веселым быть,
Коль завтра в море уходить
И снова волны бороздить
В соленом море…
А тут кипит, бурлит весна,
И потому вот не до сна,
Побывка кончится, и завтра снова в море.

С печалью снимешь брюки клеш,
Наденешь форму и пойдешь,
Взмахнет платком с причала верная подруга.
Качнется берег за кормой,
И только чайки над волной
Тебе споют о том, о чем ты так грустишь…

Ну от чего ж веселым быть,
Коль завтра в море уходить
И снова волны бороздить
В соленом море…
А тут кипит, бурлит весна,
И потому вот не до сна,
Побывка кончится, и завтра снова в море.

Прошел как день в заботах год,
Корабль твой вернулся в порт,
И ты вразвалочку проходишь по бульвару.
Встречает город моряка.
Заметен ты издалека.
Цветут каштаны, снова бесится весна…

Ну от чего ж веселым быть,
Коль завтра в море уходить
И снова волны бороздить
В соленом море…
А тут кипит, бурлит весна,
И потому вот не до сна,
Побывка кончится, и завтра снова в море.

И вот уж вечер твой настал,
Ты брюки клеш свои достал,
Но коротки они, ты вырос, ты мужчина.
Всплакнула мама, скрыв слезу,
Отец похлопал по плечу,
И ты от этого немного стал смелей.

Ну от чего ж веселым быть,
Коль завтра в море уходить
И снова волны бороздить
В соленом море…
А тут кипит, бурлит весна,
И потому вот не до сна,
Побывка кончится, и завтра снова в море.

На танцы в форме ты идешь.
В ней ты стройней, чем в брюках клеш.
И смотрят на тебя все девушки Одессы…
Для них завидный ты жених,
Но ты проходишь мимо них
И с грустью смотришь на бушующий прибой..

Ну от чего ж веселым быть?
Тебе ведь моря не забыть,
И волн тебе не бороздить
В соленом море.
И не нужна тебе весна,
Когда зовет тебя волна,
Ты для себя уже решил —
Уходишь в море!

22 февпаля 1992

Ялта

В ЯЛТЕ ЗИМА (песня)

Между ладонями гор
Под покрывалом легким из неба
Ночь расстелила ковер
В Ялте, уснувшей под белым снегом.

Снегом укрыты дома,

Пальмы согреты белою шайкой.
В Ялту пробралась зима
И остудила город украдкой.

В Ялте зима, и куда-то летит за снежинками ветер.
Ночь и зима, только снег, только тьма, и луна тускло светит.
В Ялте зима, волны зябко на пляж выползают погреться.
Ночь и зима, чайки просят тепла, чтоб согреть свое сердце.

Я убегу из Москвы
Прочь от погони бед и печали
В маленький город мечты,
Где летом громко чайки кричали.

Море рукой зачерпну,
В душу проникнет эта прохлада.
В Ялте я встречу весну,
И ничего мне больше не надо.

В Ялте зима, и куда-то летит за снежинками ветер.
Ночь и зима, только снег, только тьма, и луна тускло светит.
В Ялте зима, волны зябко на пляж выползают погреться.
Ночь и зима, чайки просят тепла, чтоб согреть свое сердце.

17 марта 1992

Москва, (после Ялты)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ (песня)

Землю окутала тихая ночь,
Сжав кулачок, сладко спит моя дочь.
Сон безмятежный склонился над ней,
Тихо качая ее колыбель.

Я укрою дочку свою,
Я ей тихо песню спою
Про волшебный сказочный край,
Где все так похоже на рай.

Я в ладошку звезд наберу,
Я развею их на ветру.
На шершавом небе ночном
Звезды вспыхнут светлым огнем.

Фонари ночные зажгу
И луне сойти помогу,
Пусть придет, светла и нежна,
В целом мире только одна.

Соловей мне песню споет,
И сверчок всю ночь напролет
Будет серенаду играть,
Соловью и мне подпевать.

Землю окутала тихая ночь,
Сжав кулачок, сладко спит моя дочь…

21 марта 1992

Москва

ТЫ С ДРУГОЙ (песня)

День уходит, и, прощаясь,
Солнце дарит луч тепла.
Небо солнце отпускает —
Бесконечная игра…
День пройдет, придет другой.
Бесконечная смена картин —
Ты с другой.

И хочется порой вернуть те дни,
Когда вдвоем с тобой
Мы счастливы одни.
Когда морской прибой
Ласкает ноги нам,
Я слышу голос твой:
«Я тебя никому не отдам».

Все проходит, все забыто.
Только ночь сильнее дня,

Сердце памятью избито,
Память жжет сильней огня.
Боль пройдет вслед за тоской,
Все равно я забуду, но будешь ты с другой!

И хочется порой вернуть те дни,
Когда вдвоем с тобой
Мы счастливы одни.
Когда морской прибой
Ласкает ноги нам,
Я слышу голос твой:
«Я тебя никому не отдам».

Год за годом пролетает,
Все слабее память жжет,
Постепенно память тает,
Сердце превратится в лед.
Ты ушел, взмахнув рукой.
Я тебя отпускаю, будь счастлив с другой.

25 марта 1992

Москва

«Ушли навсегда те минуты…»

Ушли навсегда те минуты,
Когда я кричала со зла,
И жаль, что уже не вернуть их,
Чтоб скрасить хоть каплей добра.

И что-то навечно ушло,
И стали другими лица,
И стало слабее крыло,
И жизнь моя не повторится.

Исчезнут навечно с Земли
Улыбка моя и походка,
Застрянет на ранней мели
Моя незаметная лодка.

И станет кому-то легко,
И станут шаги чьи-то шире,

А кто-то слезинку платком
Смахнет за меня в этом мире.

Укроются пыльной вуалью
Тетради мои со стихами…

5 апреля 1992

Москва

«Что дано, то дано…»

Что дано, то дано,
Не сбежишь никуда,
То, что сбыться должно,
То настигнет всегда.

И жизнь взмахнет крылом,
Пыль смахнув с окна…

6 апреля 1992

Москва

РАСТАЕТ СОН (песня)

Растает сон как горстка снега,
Сиреневым лучом блеснув во тьме,
И ночь скрипучею телегой
С упряжкой звезд везет к тебе.

А ты далеко, там за робким рассветом,
Живешь одиноко, не зная меня,
Твой голос далекий доносится ветром,
То робким, то смелым, то ночи гоня.

Попутчик дождь неловко спросит —
Почему одна среди темной ночи?
А месяц усталый уже звезды косит,
А мне до рассвета опять не дойти.

Отзовись, моей печали друг,
Прикоснись теплом усталых рук,

Отрекись от странствий и разлук,
Улыбнись мне, неизвестный друг.

8 апреля 1992

Москва

«Вихрем листья сорвала…»

Вихрем листья сорвала
Осень лютая,
Закружила, замела
Лихой удалью.

На березе у окна
Одинокий лист.
Вот и ты, как он, одна
У окна стоишь.

Виновата ли зима
В том, что ты одна?
Виновата ли весна
В том, что холодно?

Сердце мается в груди,
Словно в месяц май.
Ты, весна, скорей приди
С криком птичьих стай.

Ты все ждешь, что он придет,
Твой далекий принц?
Замерзает за окном
Одинокий лист.

Сердцу грустно одному,
Сердце ждет тепла,
Разве объяснишь ему
То, что ты одна?

Виновата ли зима
В том, что ты одна?
Виновата ли весна
В том, что холодно?

Сердце мается в груди,
Словно в месяц май.
Ты, весна, скорей приди
С криком птичьих стай.

Зима, зимушка, зима,
Зима белая,
Белым снегом замела
Вьюга смелая.

Скоро ли придет весна,
Скоро ль солнышко?
Может быть, ты не одна
Встретишь вёснушку.

Виновата ли зима
В том, что ты одна?
Виновата ли весна
В том, что холодно?

Сердце мается в груди,
Словно в месяц май,
Ты, весна, скорей приди
С криком птичьих стай.

12 апреля 1992

Москва

ТОЛЬКО БЫ ПОВЕЗЛО (песня)

В пыльный мой чемодан,
Тосковавший давно
По дорогам, по солнечным странам,
Уложу балаган,
Моей жизни кино,
Маски, роли, костюмы и грим.

Выйду из дому в ночь,
Дверь запру на замок.
И по зимней холодной дороге
Ветра зимнего дочь,

Нервы сжаты в комок,
Я уйду от родного порога.

А зима, как назло,
Закружила метель,
И дороги не видно за снегом.
Только б мне повезло!
Эта вся канитель
Так некстати. Нельзя мне назад.

Я поймаю такси
В океане зимы,
В вихре снега зеленую искру.
Друг, прошу, помоги,
Ты меня довези,
Мне успеть бы, мне в аэропорт…

Людный аэропорт,
Тихий гул голосов,
Третий час дожидаюсь я рейса.
Снегопад, гололед…
Не взлетит самолет,
И погода нелетная здесь.

А зима, как назло,
Закружила метель,
И дороги не видно за снегом.
Только б мне повезло!
Эта вся канитель
Так некстати. Нельзя мне назад.

Поднят мой воротник,
Вьюга плачет навзрыд,
И мерцают огни самолетов.
Мне б забыться на миг
И смирить свой порыв,
Только нет мне другого полета.

А зима, как назло,
Закружила метель,
И дороги не видно за снегом.
Только б мне повезло!
Эта вся канитель
Так некстати. Нельзя мне назад.

Я за этот полет
Что имею — отдам,
Но со мною останется вера.
Где лежит горизонт,
Может быть, где-то там
Я найду свое место под небом.

А зима, как назло,
Закружила метель,
И дороги не видно за снегом.
Только б мне повезло!
Эта вся канитель
Так некстати. Нельзя мне назад…

14 апреля 1992

Москва

«Мне остаться без тебя…»

Мне остаться без тебя
В этой жизни страшно очень,
Сердце тянется, любя,
За тобой в пустые ночи.

А тебя уносит вдаль
Скорый поезд, будто в вечность,
В душу селится печаль,
Боль ютится в бесконечность.

Должен ты вернуться, знаю,
Нежный, дерзкий, как всегда.
В ноябре, а может, в мае.
Ах, не все ль равно, когда?

Только поезд дальше мчится,
И пути обратно нет.
Что с тобой должно случиться —
Лишь судьба нам даст ответ.

На перроне буду ждать
Возвращенья нереального,

Будут мне с небес сиять
Лишь глаза твои печальные…

Я осталась без тебя…
Больно, горько, одиноко…
И, по прошлому скорбя,
Жду тебя из стран далеких…

21 апреля 1992

Москва

Я ТЕБЯ ПОКИДАЮ, ПРОЩАЙ

Я тебя покидаю, прощай.
Улетаю в чужой, дальний город.
Знаю, встретит меня дикий холод.
Ты меня не согреешь, прощай.

Я уже не вернусь никогда.
Эх, прощайте московские будни,
Полуночный автобус безлюдный
Увезет меня в ночь навсегда.

Далеко, далеко
На карте где-то с краю
Белый мой самолет
В небесной дымке тает.

От тебя далеко
Я завтра улетаю,
А зачем, для чего,
Да я сама не знаю.

Я тебе позвоню, не скучай.
Телефонная трубка глухая
Передаст голос твой, затихая.
Я тебя не услышу… Прощай!

Вот подкралась дорога ко мне
И змеей обвивает мне ноги.
Тяжело будет в этой дороге,
Без тебя тяжелее вдвойне.

Далеко, далеко
На карте где-то с краю
Белый мой самолет
В небесной дымке тает.
От тебя далеко
Я завтра улетаю,
А зачем, для чего,
Да я сама не знаю.

Мне так больно от мысли такой,
Что поверишь ты шумной столице,
Будто я перелетною птицей
Улетаю за лучшей судьбой.

Без тебя разучусь я мечтать,
Окунусь с головой в ностальгию,
Окружат меня люди другие,
Но я буду тебя вспоминать.

Далеко, далеко
На карте где-то с краю
Белый мой самолет
В небесной дымке тает.
От тебя далеко
Я завтра улетаю,
А зачем, для чего,
Да я сама не знаю.

Ах, как жаль мне прощаться с тобой.
Далеко, далеко от столицы
Я как будто невольная птица
С клетки в клетку лечу за судьбой.

Понимаешь, иначе нельзя.
Паруса уже ветры надули,
И от берега бриг оттолкнули,
И плывет он, по жизни скользя.

Далеко, далеко
На карте где-то с краю
Белый мой самолет
В небесной дымке тает.
От тебя далеко Я завтра улетаю,

А зачем, для чего,
Да я сама не знаю.

26 апреля 1992

Москва

Самолет развернулся на взлетную полосу, разбежался и взлетел над багровым закатом. И еще в течение часа я летела, созерцая это колоссальнейшее зрелище за стеклом иллюминатора — слегка изогнутая каемка «края Земли» и растянутая над ним ослепительная золотисто-алая полоска заката с полу закатившимся диском гранатового солнца. А выше только небо, небо и небо. Полоска желтого, зеленоватого неба, голубого, синего, лилового, фиолетового, а дальше цвет уже неописуем, потому что дальше космические масштабы.

ПРОЩАЙ, МОСКВА

Прощай, Москва! Отныне
Запомни навсегда
Мое простое имя
И юные года.

Уж если и придется
Нам встретиться с тобой,
То облик мой вернется
Уже совсем другой.

В стекле витрин арбатских
Наивные глаза
Уже не отразятся,
Застынет в них слеза.

Не знаю, буду ль сниться
Тебе, Москва моя,
Ты все-таки столица!
А кто такая я?

Таких, как я, здесь сотни…
А может быть, и нет.
И все же ты запомни
Безумство юных лет.

А я тебя запомню
Такой, какая есть,
По вечному закону
Единства душ, сердец.

30 апреля 1992

Москва-Новосибирск

Я ЕЩЕ РЯДОМ, МОСКВА (песня)

Десять лет, десять лет
Провела я рядом.
Десять лет, десять лет
Твоим была согрета взглядом.
Как будет нелегко от тебя далеко.

Десять лет, десять лет…
Десять лучших лет из Детства.
Добрый свет этих лет
Как вернуть не знаю средства,
Зеленых глаз тепло?
Солнечный луч хрупкий, словно стекло.

Когда ночь укрывает мой дом
Черной тенью, застыв за окном,
Просыпается вновь ностальгия,
Что спала в бедном сердце моем.

Память еще не жалит,

Я еще рядом, Москва, с тобой.
И ты меня провожаешь
В город другой.

Вслед за весеннею птицей
Мой самолет улетит.
Вот и пора проститься,
Мне нужно идти.

Ты будешь долго мне сниться,
Будет пустынным мой дом.
Только свеча загорится
За мокрым окном.

Память еще не жалит,
Я еще рядом, Москва, с тобой.
И ты меня провожаешь
В город другой.

3 мая 1992

Новосибирск

«Перекинула через город ночь…»

Перекинула через город ночь
Млечного Пути мостик.
Пронизала тьма сонный дом насквозь,
Месяц заглянул в гости.

Ну, привет, дружок, как у вас дела?
Что на небесах было?
С самого утра я ночи ждала,
Золотой рожок милый.

Слушай, у меня дело есть к тебе,
Выручишь меня, знаю.
Где-то там у вас, в звездной вышине,
Человек один скучает.

Если вдоль идти по Млечному Пути,
А потом чуть-чуть выше,
Сможешь только ты до него дойти.

Для меня предел — крыша…

Передай ему весточку мою,
Мой привет земной робкий.
Ну а я ему песенку спою,
Чтоб услышал он — громко…

Как он там живет, за какой звездой?
Я приду к нему в сон.
Он меня посадит рядышком с собой,
В память превратив дом.

Посидим вдвоем, тихо погрустим,
Поглядим в глаза молча,
Друг у друга в снах снова погостим
Летней дождевой ночью.

От его щеки не отнять руки,
Обжигает грудь память,
По течению жизненной реки,
На пути моем встанет камень.

Может быть, и я — если б только знать,
Через сколько лет, весен,
Унесусь туда, где он будет ждать,
Где уже давно осень.

Посидим вдвоем у его огня,
А вокруг лишь звезд холод.
Мне нравится смотреть из его окна
На спящий на Земле город.

Перекинула через город ночь
Млечного Пути мостик,
Пронизала Тьма сонный Мир насквозь,
Месяц заглянул в гости…

6 мая 1992

Новосибирск

ВОТ И ОПЯТЬ ОДИНОЧЕСТВО (песня)

Вот и опять, как не хочется,
Мне прописала судьба
Строгий режим одиночества.
Против него я слаба.

Седою дымкой затянута
Моя голубая мечта,
Прогнозом погоды обманута,
Бродит, дрожа, темнота.

Как мне сбежать
От серого неба тоски,
Как удержать
Несмелого счастья ростки?

Вновь за окном
С утра небо плачет дождем.
Вновь пуст мой дом,
Мы с ним так давно счастья ждем.

Так тяжело в одиночестве
С ним же бороться одной!
То оно жалит пророчеством,
То — леденящей тоской.

Скоро ли тучи развеются,
И как назло ветра нет.
Не на что больше надеяться,
Так далеко солнца свет…

Как мне сбежать
От серого неба тоски,
Как удержать
Несмелого счастья ростки?

Вновь за окном
С утра небо плачет дождем.
Вновь пуст мой дом,
Мы с ним так давно счастья ждем.

7 мая 1992

Новосибирск

ГРУСТЬ КРЫЛОМ ВЗМАХНУЛА (песня)

Грусть крылом взмахнула,
И, вспорхнув с крыла,
Память легким пухом
Мне в ладонь легла.

И, задев живое
Трепетной души,
Лишь для нас с тобою
Память зазвучит.

Станет память таять,
Прошлое даря,
Только наша память,
Наша и ничья!

Не опускай ресницы,
В глазах святая грусть.
Исписана страница.
А знаешь? Ну и пусть!

И пусть порою
Очень не везло,
Мы из рук с тобою
Не выпустим весло.

И даже если беды
Захочешь ты забыть,
Знай, это наши беды,
И память их хранит.

Не сбывались грезы,
Были слез ручьи,
Но это наши слезы
И уже ничьи!

Мы с тобой поплачем,
Грусти не тая,
Ведь это наша память
И уже ничья!

8 мая 1992

Новосибирск

«Меня не зови…»

Меня не зови.
Я знаю, все будет не так.
Для нашей любви
Наши встречи пустяк.

«Если рядом…»

Если рядом
Одиноко вдвойне,
Чем наедине,
Лучше далеко
Друг от друга быть,
Чем встречаться, но…
Но не любить.

Лучше быть нам врозь
И помнить, любя,
Чем расстаться вновь,
Души не найдя.

9 мая 1992

Новосибирск

КАК Я ТЕБЯ ОСТАВЛЮ (песня)

Как я тебя оставлю,
Зная, что врозь нельзя.
Выпьем последнюю каплю
За нас — за тебя, за меня.

Злые ветра разлуки
В разные стороны рвут,
Болью связали мне руки
И вдаль от дома зовут.

Небо над нами, земля под ногами.
Все будет как прежде и впредь.
Только ночами тоску мне ключами
В душе своей не запереть.

Как я смогу, не знаю,
Жить без тебя одна.
Может быть, птичьей стаей
Увижу тебя из окна.

Ну, а пока мы рядом,
Давай о разлуке молчать.
Согреем друг друга взглядом,
Чтоб вечер не омрачать.

Небо над нами, земля под ногами.
Все будет как прежде и впредь.
Только ночами тоску мне ключами
В душе своей не запереть.

10 мая 1992

Москва

«Вот опять в сезон дождей…»

Вот опять в сезон дождей
угораздило,
Пронесла меня судьба мимо
праздника.
Разогналась и так мило
проехала
Мимо лета, прямо в осень
свирепую.
Пронеслась моя весна
незамеченной,
Словно хрупкая газель
недоверчива,
Промелькнул за поворотом
легкий шлейф ее.
Не догнать и не вернуть
даже тень ее.
Слезы ветер подхватил
и унес с собой,
Полетел с моей слезой
за своей грозой.
Разразится небо громом
и молнией
И наполнит мою душу
безмолвием.
А сезон дождей над городом
хмурится.
И рекою по заплаканным
улицам
Разноцветные зонты
разливаются
За весной, что за спиной
улыбается.

21 мая 1992

Москва

ВЕДЬ ВЫ НЕ ЗНАЛИ ОБО МНЕ…

Уж сколько лет промчалось мимо,
Не отличить день ото дня.
А Вы все тот же для меня.
О Боже, как я вас любила…

Я Вами бредила, а Вы…
Вы были заняты собою.
Карьера, дом, друзья, заботы.
Вам было некогда, увы.

За Вами по морям и странам
Стремилась вслед душа моя.
А Вы не видели меня
И тешили себя обманом.

Была я тенью Вашей славы,
Прохладной тенью в знойный день.
Тогда Вы не любили тень,
И, может быть, Вы были правы.

И я решилась к Вам писать,
Но я себя не называла.
Я и без этого не знала,
Куда мне от стыда сбежать.

И Вы не знали обо мне,
Для Вас была я незнакомка.
И Вы, письмо мое искомкав,
Сожгли признанье на огне.

Ведь Вы не знали обо мне.
И только это оправданье,
Что назначали Вы свиданья
Любимой Вашей при луне.

Ведь Вы не знали обо мне…

5 июня 1992

Москва

«Не отпускай меня…»

Не отпускай меня,
Пусть бесится стихия,
Ведь здесь остались
Только ты и я.
И ни к чему теперь
Слова пустые,
Ты ни на шаг
Не отпускай меня.

Ты удержи меня,
Когда ветрам поддавшись,
Я побегу за счастьем
В край иной.
Пусть голос твой,
За мною вслед сорвавшись,
Вернет меня,
И будешь ты со мной.

Не отдавай меня,
Когда пришли за мною
Посланцы смерти
У конца пути.
Когда разверзлась
Пропасть меж землею,
И в этот час
Меня не отпусти.

Не отпускай меня,
С тобою я сильнее.
Сильнее горя,
Страха и разлук.
С тобою вместе
Мы сумеем
Пройти по краю,
Не разнявши рук.

15 июня 1992

Москва

НОСТАЛЬГИЯ (песня)

Я хочу забыть о том,

Что было раньше.
Только память входит в дом
Все чаще, чаще…

По ночам преследует меня
Ностальгия…

Ностальгия по прошлому,
Прошлому хорошему,
Где я встретила тебя,
Где жила я, искренне любя.

Мне бы скорей забыть,
Ведь я не знаю,
Как теперь мне дальше жить,
Когда тебя теряю.

Вот и все, теперь ты далеко,
Только сорвала замки легко.

Ностальгия по прошлому,
Прошлому хорошему,
Где я встретила тебя,
Где жила я, искренне любя.

Так живу я день за днем,
Как быть — не знаю,
С ностальгией мы вдвоем
Все возвращаем.

Может быть, когда-нибудь к тебе,
В сердце постучится в тишине…

Ностальгия по прошлому,
Прошлому хорошему,
Где я встретила тебя,
Где жила я, искренне любя.

24 июня 1992

Новосибирск

«Я знаю, что в сердце творится твоем…»

Я знаю, что в сердце творится твоем.
Твоя печаль бежит по щеке.
Лишь только вчера были рядом вдвоем,
Но птичку любви не удержишь в руке.

«Вот и день прошел…»

Вот и день прошел,
Так медленно и тихо,
Мой первый день
Безмолвный без тебя.

Время гаснет, тает лед.
Все проходит. Все пройдет.
Рана в сердце заживет.
Все забуду. Вспоминать не буду.

24 июня 1992

Новосибирск

«Мне кажется, там за огнями…»

Мне кажется, там за огнями,
Где ночи сливаются с днями,
Там синее море широко,
От запада и до востока.

29 июня 1992

Новосибирск

ТОСКА (песня)

Как всегда некстати
Дождь среди весны.
Да и мне не снятся
Розовые сны.

Вроде все как было,

Только что-то вдруг
Так легко уплыло
Из ослабших рук.

А за моим окном
Серого неба тень.
С осенью спит мой дом
В тихий дождливый день.

Все бы ничего,
Да только вот тоска,
Что взялась ниоткуда,
Словно грустное чудо — тоска.

Одинока так же,
Как я, тоска моя.
Доброго не скажет
Никто, тоску гоня.

Вот и приютила
Я в своей груди
Путников унылых —
Тоску, ветра, дожди.

А за моим окном
Серого неба тень.
С осенью спит мой дом,
В тихий дождливый день.

Все бы ничего,
Да только вот тоска,
Что взялась ниоткуда,
Словно грустное чудо, тоска.

Ты, весна, не бейся
Мне в окно крылом,
Не тревожь мне сердце,
Тронутое льдом.

И уже не стоит
Исполнять мечты,
Ведь с моей тоскою
Мы давно на ты.

А за моим окном
Серого неба тень.
С осенью спит мой дом,
В тихий дождливый день.

Все бы ничего,
Да только вот тоска,
Что взялась ниоткуда,
Словно грустное чудо — тоска.

3 июля 1992

Новосибирск

«О память…»

О память,
Как безжалостен твой взгляд,
Испепеляющий сердца.
Смертельно действующий яд,
В крови живущий до конца.
Как милосердна суть твоя,
В унынье вздрогнувшая память.
Все ставишь на круги своя,
Когда надежда станет таять.

6 июля 1992

Новосибирск

НА ДАЛЕКОЙ СТАНЦИИ (песня)

На далекой станции
Мой поезд остановится,
Лишь на три минуты
Все затихнет, успокоится.

Только не понять ему
Тоску мою бездонную.
Душу не понять мою,
Как ветерок свободную.

На далекой станции, там,
Где ветра берут разгон,
Веря лишь в мечту,
Не в силах устоять,
Я покину свой вагон.

Спрыгну из вагона
Прямо в травы незадетые,
И росой умоюсь,
Солнцем утренним согретою.

На далекой станции,
Где степь и небо чистые,
Где река прозрачная,
Как мои годы, быстрая,

В травы упаду, забыв тоску
В далеком городе.
Здесь покой найду в сказочном лесу,
Забыв о поезде.

Только здесь сумею я
Забыть о прошлом холоде,
Холоде любимых рук
И глаз в холодном городе.

Здесь листва нашепчет мне
О том, что скоро все пройдет,
Пламя отгорит, сердце отболит,
И тоска уснет.

На далекой станции
Мой поезд остановится,
Лишь на три минуты
Все затихнет, успокоится.

Только не понять ему
Тоску мою бездонную.
Душу не понять мою,
Как ветерок свободную.

16 июля 1992

Новосибирск

О ЯЛТЕ (песня)

Маленькая Ялта,
Почему в слезах?
Может, это чайка
Плещется в волнах?

Или это море —
Каплей на лице,
Или дождь в ладонях —
Вестник о конце.

О конце сезона,
О конце игры

Пляжного сезона,
Лжи, любви, жары?

Песенка допета,
Догорел пожар.
И напомнил лето
Твой бархатный загар.

Стали дни другими,
И все чаще дождь.
В мире, как в пустыне,
Ты один идешь.

В легкий плащ одета,
Все забуду я.
Но кусочек лета
В сердце у меня

Мне напомнит море,
Что умчалось прочь
За стеклом вагона,
В ялтинскую ночь.

В луче последнем света
Мелькнул судьбы удар —
Прощальный отблеск лета —
Твой бархатный загар.

Набережной волны —
Ялтинский мотив
Навсегда запомню,
Все тебе простив.

21 августа 1992

Новосибирск

А В ЯЛТЕ ТЕПЛО (песня)

Как две точки на карте
Мне соединить?
Я в Москве, а ты в Ялте,
Можно лишь позвонить.

И мне, идущей под зонтом,
Так зябко без тебя.
Я верю в то, что телефон
Вернет на миг тебя.

А в Ялте тепло, в Ялте — лето.
Солнцем Ялта вся согрета.
И за синей волной ветер шальной
Гоняется ночь до рассвета.

А я жду тебя
Там, где дождь льется на ресницы,
Когда ты ко мне теплою птицей
Прилетишь и согреешь, любя.

Который день
Молчит мой телефон,
Как будто он со мною
Незнаком.

Не звонишь ты,
И город мой
Давно скучает за тобой.
Ты в Ялте, там, где плещется прибой.

А в Ялте тепло, в Ялте — лето.
Солнцем Ялта вся согрета.
И за синей волной ветер шальной
Гоняется ночь до рассвета.

А я жду тебя
Там, где дождь льется на ресницы,
Когда ты ко мне теплою птицей
Прилетишь и согреешь любя.

И мне, идущей под зонтом,
До Ялты, до тепла
Лишь телефон
Достать поможет. И до тебя.

Гудком протяжным
Из дождя
До ялтинского солнечного

Дня…

А в Ялте тепло, в Ялте — лето.
Солнцем Ялта вся согрета.
И за синей волной ветер шальной
Гоняется ночь до рассвета.

А я жду тебя
Там, где дождь льется на ресницы,
Когда ты ко мне теплою птицей
Прилетишь и согреешь, любя.

Так холодно, особенно одной.
Иначе было б, если бы со мной
Хоть часть любви твоей была.
Хватило б этого тепла надолго,
Если вдруг придет зима.

А в Ялте тепло, в Ялте — лето.
Солнцем Ялта вся согрета.
И за синей волной, ветер шальной,
Гоняется ночь до рассвета.

А я жду тебя
Там, где дождь льется на ресницы,
Когда ты ко мне теплою птицей
Прилетишь и согреешь, любя.

26 августа 1992

Новосибирск

СЕГОДНЯ ВСЕ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Судьбе угодно в этот час
Над кем-то посмеяться.
Сегодня все в последний раз,
Дана лишь ночь прощаться.

Последний раз рука в руке,
И ночь неумолима.
И тени душ на потолке
Сольются воедино.

А белый пух спускался в ночь
И кутал спящий город,
И чьи-то сны летели прочь,
Теплом пугая холод.

Пустые улицы, дома,
Укрытые снегами,
Украсит город ночь сама
Застывшими слезами.

А утром город оживет,
И ночь развеет ветер.
И в город белый принесет
Лишь белый снег на белом свете.

И будет все, как будто нас
И не было на этом свете,
И мягким снегом в тот же час
Следы засыплет ветер.

Все поспешит занять свой путь,
Свой зыбкий путь в пустыне,
И, может быть, когда-нибудь
Мы встретимся другими.

Ну а сегодня нам дано
Всю жизнь прожить за ночь.
Что будет дальше? Все равно.
Отныне — только ночь!

В ней будет все в последний раз
Касанье рук незримых
И взгляд любимых синих глаз,
Как эта ночь, неповторимых.

Судьбе угодно в этот час
Заставить нас расстаться.
Сегодня все в последний раз.
Дана нам ночь прощаться…

13 сентября 1992

Новосибирск

ПИСЬМА ТВОИ… (песня)

Строки о нас, одетые в саван,
В сердце моем опять оживают.

Когда от забот опускаются руки,
И больше нет смысла о чем-то мечтать,
Проходит печаль от долгой разлуки,
Когда я сажусь твои письма читать.

И память ушедшая в дом мой вернется,
И пусть ненадолго, но будет весна.
И сердце уснувшее, вздрогнув, забьется.
И руки согреются строчкой письма.

Письма твои — тихая гавань,
Куда от разлуки и слез убегаю…

Белый конверт как парус уносит
В далекую проседь растраченных лет.

На белых страницах вся жизнь проплывает,
Рисуя мне твой забытый портрет.
И кажется мне, что чудес не бывает,
Когда от тебя письма долго нет.

Года облетают, как осенью листья,
Цветным покрывалом на память ложась.
И с каждой прочитанной жизнью страницей
Все больше люблю твои письма читать.

Письма твои — тихая гавань,
Куда от разлуки и слез убегаю…
Белый конверт как парус уносит
В далекую проседь растраченных лет.

Только теперь я годы считаю,
От них убегая в белый конверт,
Тонкую нить свечи зажигаю,
Как светоч оттуда, где нас больше нет.

Письма твои — тихая гавань,
Куда от разлуки и слез убегаю…
Белый конверт как парус уносит
В далекую проседь растраченных лет.

Письма твои, хрупкое чудо…

29 сентября 1992

Новосибирск

ДО ЗАВТРА (песня)

До завтра, нам расставаться не впервой.
До завтра, останься в памяти со мной.
До завтра, а завтра к нам придет другим,
И станем мы другими,
Пусть сумасшедший этот мир
Изменится отныне.

И сумасшедший этот мир
Закружит нас, неся к забвенью.
Он предназначен был двоим,
Но стал чужим в тот день последний.

И я забуду о тебе,
Я буду крепко спать ночами,
Но ты живешь еще во мне,
Осталась память между нами.

Но я забуду обо всем,
Черты лица твои сотрутся.
И память мой оставит дом,
Чтоб ночью вновь в него вернуться.

Но я забуду, так и знай.
Дай только время — я сумею
Забыть наш первый теплый май
И ту последнюю неделю.

Давай о нас не говорить,
К чему пустые эти речи?
Ведь нам уже не повторить
Ни боль разлук, ни радость встречи.

И если ты еще со мной,
То это значит —
Свою любовь возьми с собой,
А я свою надежно спрячу.

1 октября 1992

Новосибирск

«Ты моя печаль…»

Ты моя печаль.
Ты мой дождь.
И немного жаль,
Что ты больше не придешь.

Тихо погрущу
И забуду навсегда

Больше не впущу
В сердце никогда.

«Забудь меня, я не вернусь…»

Забудь меня, я не вернусь.
Любовь ушла, осталась грусть.
Сожги за мною все мосты,
Размой дождем мои следы.

24 ноября 1992

Новосибирск

«Мы стали другими…»

Мы стали другими,
Прежних нас нет.
Есть только привычка и все.
Мы больше не видим
Розовый свет,
Ласкающий утром окно.

20 сентября 1992

Новосибирск

Я ВОЗВРАЩАЮСЬ СКОРО (песня)

Я возвращаюсь скоро
В забытый мною город,
Ты там меня не встретишь,
Тебя в нем больше нет.

Я выйду из вагона
В безлюдный мрак перрона,
И мокрый ветер встретит
Меня из прошлых лет.

Я помню этот ветер,
Он был со мной в тот вечер,

Когда я уезжала
Отсюда навсегда.

Он провожал мой поезд,
Все набиравший скорость,
И долго за окошком
Летел на облаках.

Где ты сейчас — не знаю.
Я просто вспоминаю,
Как мы с тобой бродили
До первых фонарей.

Вот тихий пруд знакомый
У старенького дома,
Где мы с тобой кормили
С ладони лебедей.

Все было очень просто,
С небес светили звезды,
И нам никто не нужен,
Есть только ты и я.

Как все промчалось скоро.
И вот остался город
Совсем один, и грустно
Ему теперь без нас.

Жаль, ты не дашь ответа,
Что, может быть, и нету,
Что, может быть, придуман
Наш город был тогда.

Быть может, мне приснилось,
Что без ума влюбилась
Я в тот волшебный город,
А вместе с ним в тебя.

Но этот мокрый ветер,
Он был со мной в тот вечер,
Когда я уезжала
Отсюда навсегда.

Он провожал мой поезд,

Все набиравший скорость,
И долго за окошком
Летел на облаках.

Я возвращаюсь скоро
В забытый мною город.
Ты там меня не встретишь,
Тебя в нем больше нет.

И пусть все будет так же,
Как было лишь однажды —
Свеча и мокрый вечер,
Но только без тебя…

26 октября 1992

Новосибирск

МОЙ ГОРОД

Пускай мы порой расстаемся,
Пускай нам разлука — судьба,
Но город всегда остается,
В нем память жива навсегда.

Когда сердце биться устанет
О стены проблем, суеты,
Я в город приду, где когда-то
Мои все сбывались мечты.

19 ноября 1992

Новосибирск

РАССТАВАЯСЬ ВНОВЬ С МОСКВОЙ (песня)

Первый снег растаял,
Словно он и не бывал,
За последней стаей
Лист осенний улетал.

Птицы улетели,
Вслед за ними я лечу,
Белою метелью
В город сердца прилечу.

Пусть меня не встретит
В аэропорту никто,
Только снег облепит
Серое пальто.

В этой ранней стуже
Сяду в теплое такси.
По замерзшим лужам
Ты, такси, меня вези.

Я пройдусь под небом
В парк на Чистые Пруды,
Где под хрупким снегом
Есть еще мои следы.

Где всегда ходила
С грустью я наедине,

И слезу дарила
Чистой ласковой воде.

И опять, как прежде,
Город мой узнал меня,
Пусть в другой одежде,
Но ведь я — всегда есть я.

И никто не знает,
Как мне дорог город мой,
Сердце замирает,
Расставаясь вновь с Москвой.

19 ноября 1992

Новосибирск

«Ко мне пришел…»

Ко мне пришел
Незваный гость.
Одинокий, как и я.
Он постучал,
И, словно ночь,
Проник в мой дом,
Обняв меня.
Его объятья холодны
И неразрывна цепь
Его вопросов.

РОЗА (песня)

На чистой поляне, где нежились грезы,
Сама по себе вдруг выросла роза.
Нежна и бела, как облако в небе,
Одна среди трав, где растет только клевер.

Любовь ей казалась тем счастьем безумным,
Что долго скрывалось на небе лазурном,
Как сладостный плод, нежно солнцем согретый,
Обласканный ветром и птицей воспетый.

Ей пел соловей серенады ночные,
Он каждую ночь объяснялся в любви ей,
Но роза отвергла любовь соловья,
И он, взяв шипы, вонзил их в себя!

Но разве могла соловью верить роза,
Когда так ждала и лелеяла в грезах
Другой настоящей и светлой любви,
У солнца парящей в счастливой дали.

Так лето промчалось, и хлынула осень
Потоком бурлящих дождей в неба просинь,
И ливень потоком стан хрупкий сломил,
И розу жестоким ветрам подарил.

И дождь лепестками на небо взметнулся,
И скоро снегами на землю вернулся.
Любовь оказалась тем счастьем безумным,
Что так и осталось на небе лазурном.

На чистой поляне, где нежились грезы,
Когда-то давно появилась вдруг роза,
Нежна и бела, словно облако в небе,
С тех пор среди трав растет только клевер…

ноябрь 1992

Новосибирск

УХОДИТ ПРОЧЬ ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ

Уходит прочь тяжелый день,
На город мой ложится тень.
Закат упал за горизонт,
И ночь раскрыла звездный зонт.
Упала синяя звезда,
Как будто льдинкою слеза.

А я бегу вслед за звездой,
Оставив в прошлом свой покой,
И, оторвавшись от Земли,
Исчезну я в ночной дали.
В небесной вечной высоте
Умчусь к мечте.

В глубоком сумраке ночном
Я покидаю сонный дом,
По следу звезды
Сквозь ночи и дни
Лечу к мечте
В ночной высоте.

28 ноября 1992

Новосибирск

НАДЕЖДА

Безымянная моя,
Неразлучная с душой.
Одинокая моя,
Ты всегда, всегда со мной.

И, когда меня не станет.
Мир весь для меня растает,
Только ты, моя Надежда,
В эту землю не уйдешь.

Ты пойдешь по белу свету…

9 декабря 1992

Новосибирск

Я ДОМ ПОСТРОИЛА ИЗ ЛЬДА

Я дом построила из льда.
В хрустальных тонких льдинках,
Увы, была одна вода,
Остывшая в снежинках.

Мой дом был сказочно красив,
Сияя лунным блеском,
Он возвышался, в небо взмыв,
До самых звезд чудесных.

И я вошла в него, предав
Свой теплый день и грезы,
И жертвой трепетной отдав
Дожди весны и грозы.

Сверкали дни в кусочках льда,
Все было, как и прежде,
Холодный дом и я одна,
Забытая надеждой.

И мой волшебный, зимний дом
Вдруг стал прозрачной клеткой,
И я мечтала об одном,
Что день наступит летний.

Что перевернутый вверх дном
Мой зыбкий день остынет,
Спустится ночь, растает дом,
И все, что было, минет.

Но дом был крепок, как скала,
Оберегал надежно
Мой крепкий сон, и я спала,
Забыв про все безбожно.

Я стала просто привыкать
К мерцанью стен холодных
И перестала вспоминать
Страну ветров свободных.

Среди бездушных льдин остыв,
Я о любви забыла,
И, все себе самой простив,
Свой дом боготворила.

Мне нравились его сады,
Укрытые снегами,
Где свежие мои следы

Мгновенно исчезали.

Я в нем как будто не жила,
Не отражалась в льдинках,
Мечтала я, но я спала
В огромнейших перинах.

Там все сверкало чистотой,
Нетронутостью детской,
И вдруг сосулькою простой
Растаяли надежды.

Качнулись стены, и тогда
Пронзилось сердце жаром,
И дом растаял без следа,
Став облачком из пара.

И я опять иду одна
Вновь в раскаленном солнцем мире,
Ведь я когда-то в нем была,
Но мне чего-то не хватило.

Я дом построила из льда.
В хрустальных тонких льдинках,
Увы, была одна вода…

26 декабря 1992

Новосибирск

ВРЕМЯ — СУДЬБА

Время — путник усталый.
Что ты мне нового скажешь?
Сколько жить мне осталось?
Или сгинуть прикажешь?

Я однажды дорогой длинной шла,
Дорогой пустой.
Вдруг услышала позади слова:
«Эй, девушка, постой»!

И как будто бы из самой земли
Вырос вдруг старик
С бородой седой и плащ в пыли,
И хрипло говорит:

«Девушка, я совсем уж ослеп,
Дай руку мне свою.
Иди прямо и там увидишь свет,
И всю судьбу твою».

Уцепившись костлявой рукой
За мое плечо,
Он сказал мне: «Иди, иди со мной,
Я — Время твое».

Впереди вдруг открылся светлый Рай
В сияньи золотом.
Был он счастьем заполнен через край,
Сумрак там незнаком.

И старик проскрипел мне сквозь тяжесть лет:
«Это все твое… Все твое здесь.
Даже этот Свет,
И птица и зверье.

Ты возьмешь это и будешь здесь
Вечно расцветать,
А взамен дашь мне Жизнь,
И буду на Земле Я тихо умирать».

Время — путник усталый,
Ты прости за отказ мой,
Но дорогу земную сначала
Мне б хотелось пройти самой…

До конца дослушав мой ответ,
Вдруг исчез старик и Тот Свет.
С тех пор не вижу никогда
Ни Старика, ни Рая. А года…

Года бегут, и все быстрей.
Время — судьба, ответь:
«Сколько песен осталось спеть»?

30 декабря 1992

Новосибирск

«Что пожелать?! Изведать все стихии…»

Что пожелать?! Изведать все стихии,
Гроз не искать, но встретить их суметь,
увидеть дальние края чужие,
Средь чуждых языков и свой язык воспеть.
Из тяжких пут земных взлететь в простор небесный
И шеи гордой ни пред кем не гнуть,
И душу устремить, забыв про мир телесный,
В полет высокий, в дальний светлый путь.

Лети к любви, к мечте, за счастьем быстрокрылым,
Чтобы в полете сердце отошло,
А в миг усталости, спустясь в наш мир постылый,
Презренью и отчаянью назло, ты призови улыбку на чело

Под впечатлением от Байрона, 1993

Новосибирск

«Снова праздник наступает…»

Снова праздник наступает,
И сегодня все не так,
И в волшебный вырастает
Даже маленький пустяк.

Фонари зажгут ночные
Гномы маленькой страны,
Голубые, золотые,
Разноцветные огни…

13 января 1993

Новосибирск

«Постой, не уходи, я не сказала…»

Постой, не уходи, я не сказала…
Еще на пару слов ты задержись.
Послушай, я сама устала.
Но минет ночь и вновь начнется жизнь…

Поставь мою любимую кассету,
И ни о чем сейчас не говори…

СЕМЬ ДНЕЙ (песня)

Бывало, дни кружились шумной стаей,
Бывали дни, как небо и земля.
Но все они так далеко остались,
Лишь семь из них со мной, где Ты и Я.

Семь дней с тобой в дождливую неделю.
Семь дней с тобой, но, что ни говори,
Семь дней прошли, и мы уже не делим,
Окно с дождем и первый луч зари.

Семь дней вдвоем, как будто не бывали,
Семь дней с дождем умчались в никуда.
И что-то мы друг другу не сказали
И уж теперь не скажем никогда.

Все осталось позади, но день не настал еще другой,
Нас укрыла на прощанье тень с тобой.
Все пройдет, и закружатся дни, унося с собой меня,
Только не вернут они уже тебя.

Промчалась ночь, но утро не проснулось,
И ветры прочь угнали семь дождей,
Разлука нас уже рукой коснулась,
Так холодно, но ты молчи о ней.

Я ухожу и ты, как ветер вольный,
Я не скажу ни слова о любви.
И все же мне немного в сердце больно,
Забудь меня, пусть смоют все дожди.

Ну вот и все, осталась только память.
Ну вот и все, и тают облака.
Рассвет придет, все по местам расставив,
А я уйду, наверно, навсегда.

Я возьму с собой остаток дней,
С ними радости и грусть.
Вслед за мной прольются семь дождей,
И пусть…

На неделе семь дождей, семь дней,
Семь ночей в слезах дождя,
Только нет в моем остатке дней
Тебя…

Все осталось позади, но верь, день не настал еще другой.
Нас укрыла на прощанье тень с тобой.
Все пройдет, и закружатся дни, унося с собой меня,

Только не вернут они уже тебя…

Я возьму с собой остаток дней,
С ними радость и грусть.
Вслед за мной прольются семь дождей,
И пусть…

12-17 января 1993

Новосибирск

«Я твоими глазами все вижу…»

Я твоими глазами все вижу.
Я твоими руками творю.
Я твоих всех врагов ненавижу,
И твоим словом я говорю.

Я твоими мечтами мечтаю,
И во сне я твои вижу сны.
Я на крыльях твоих грез летаю,
И твоим чувством жду я весны.

АХ, ЕСЛИ Б (песня)

Ну вот, окончен дождь,
И с ним умчалась ночь.
А там, в лучах зари,
Одна чайка парит.

Ах, если б я могла,
Как птица, два крыла
Небу открыть, про все забыть
И, землю покинув, парить.

Ах, если б я могла,
Как птица, два крыла
Небу открыть
И все забыть…

Когда растает лед,
Весна в сердце придет.

И расцветут сады,
В садах чудо-цветы.

Ах, если б только знать,
Когда цветы срывать —
Ранней зарей, поздней звездой
Или в полуденный зной.

Ах, если б только знать,
Когда цветы срывать —
Ранней весной,
Поздней зимой…

Когда снега придут,
Цветы мои опадут,
И птица улетит
Туда, где счастье спит.

Ах, если б я могла
Сады спалить дотла.
В них мои сны, бури весны
И белый холод зимы.

Ах, если б только знать,
Как птицу мне догнать,
Чтобы сказать,
Что буду ждать.

31 января 1993

Новосибирск

ПЕСОЧНЫЙ ЗАМОК (песня)

И вновь волна смывает
Песочный замок мой,
И только пена тает,
Сползая за волной.

Я снова строю замок,
И снова в нем живу.
И миг мне этот сладок,
Пока я жду волну.

И в этот миг звенящий
Проходит жизнь моя,
Цветной и настоящей,
И жаждущей огня.

В ней все так, как мечталось.
Живыми стали сны,
И я бы в ней осталась,
Когда б не шум волны.

И жаль, что слабы стены
Песочного жилья,
И от шипящей пены
Вновь рухнет жизнь моя.

Ах, если б было можно
Подальше от волны
Все тот же дом несложный
Построить без беды.

И можно жить в покое,
Но вот что между строк:
Чем дальше от прибоя,
Тем суше был песок.

И совершенно ничего, ну абсолютно ничего
Нельзя построить из этого сухого горячего песка.
Он просто рассыпается в руках,
И какие-то холмы получаются вместо замков.

И вновь волна смывает
Песочный замок мой,
И только пена тает,
Сползая за волной.

Я снова строю замок
И снова в нем живу.
И миг мне этот сладок,
Пока я жду волну.

И в этот миг звенящий
Проходит жизнь моя,
Живой и настоящей,

И жаждущей огня.

В ней все так, как мечталось…

1 февраля 1993

Новосибирск

Я И ТЫ (песня)

Я и ты нашли друг друга в мире,
Где лишь зло и ненависть — друзья.
Мы с тобой мишени в этом тире,
Мы шуты у трона короля.

И нас никто здесь не поймет,

И только жизнь одна рассудит —
Кто потеряет, кто найдет,
Кто счастлив в этом мире будет.

Я верю в то, что повезет,
Ведь мы нашли любовь на свете.
И пусть никто здесь не поймет,
Нас унесет отсюда ветер.

Этот мир давно забыл о чуде,
Черным стал от войн и суеты.
Свет любви от сна людей разбудит,
Но сгорим в нем только я и ты.

И нас никто здесь не поймет,
И только жизнь одна рассудит —
Кто потеряет, кто найдет,
Кто счастлив в этом мире будет.

Я верю в то, что повезет,
Ведь мы зажгли любовь на свете.
И пусть никто здесь не поймет,
Нас унесет отсюда ветер.

Мы с тобой других миров посланцы,
Я и ты — два ангела в аду.
Нас сожгут в огне непостоянства,
И развеют пепел на ветру.

И нас никто здесь не поймет,
И только жизнь одна рассудит —
Кто потеряет, кто найдет,
Кто счастлив в этом мире будет.

Я верю в то, что повезет,
Ведь мы зажгли любовь на свете.
И пусть никто здесь не поймет,
Нас унесет отсюда ветер.

14 февраля 1993

Новосибирск

ЗИМА МНЕ ВЕСНУ НАПРОРОЧИТ (песня)

В пустынной задумчивой ночи,
В усталых глазах фонарей
Зима мне весну напророчит
И много расскажет о ней.

Опустит прохладные очи
И скажет, что этой весной
Полюблю, полюблю тебя очень,
Что будешь всегда со мной.

Однажды весна незаметно
Растопит мороз на окне.
На смену зиме беспросветной
Придет снова солнце ко мне.

И то, что зима говорила,
Весна не замедлит свершить.
Что же ты, ой, зима, что же ты натворила?
Скажи мне, как дальше жить.

Весна, как зима обещала,
Судьбы две зачем-то свела.
И друг с другом нас повстречала,
Любовь в моем сердце зажгла.

Но как же, зима, так случилось?
Любимый теперь не со мной.
Ах, зачем, ах, зачем же, зима, я влюбилась?
Зачем повстречалась с весной?

Весна пролетела мгновеньем,
И лето прошло как всегда.
Осенних ветров дуновенье
Сменила колдунья-зима.

И снова в задумчивой ночи,
В усталых глазах фонарей
Зима мне весну напророчит…

20 февраля 1993

Новосибирск

«Мы в этой жизни только гости…»

Мы в этой жизни только гости.
Немного погостим и станем уходить,
Кто раньше, кто поздней.
Все поначалу было просто.
Чем дальше, тем трудней, и жизнь летит быстрей,
И мы бежим за ней.

Как свеча горяча,
Стекает струйкой воска
Тихо жизнь твоя,
И нет пути назад.
Никогда не клянись,
Не обещай, что проживешь
Как надо жизнь.
Взгляни судьбе в глаза.

Мы в жизнь приходим по закону
Всевластвующей судьбы, на смену тем, кто был,
И тем, кто не успел.
Все будет, как угодно Богу.
И может, я спою все то, что до меня
Ушедший не допел.

Два пути не пройти.
И от судьбы, как ни старайся,
Не уйти.
И жизнь возьмет свое.
А назад не смотри,
Не вспоминай свои ошибки
На пути, иди,
И все пройдет.

Нам в жизни так бывает больно,
Израненной душой стремимся к небесам,
И можно быть судьбой довольным,
Но так и не понять, что есть ты на земле,
Отдавшись в небеса.

А душа улетит
И все забудет.
Ну, а Бог ей все простит,
Была б душа легка.
Просто так надо жить,
Чтоб неустанно радость и любовь дарить,
Всем тем, кто здесь в гостях.

Мы в этой жизни только гости.
Немного погостим и станем уходить,
Кто раньше, кто поздней…

22 февраля 1993

Новосибирск

«Остывшие сумерки весеннего дня…»

Остывшие сумерки весеннего дня
Тихо спускаются по облакам.
И почему-то сегодня так холодно,
Сердце дрожит и неуютно рукам.

ТВОЙ ПОРТРЕТ (песня)

Сколько прошло с той поры, не помню,
Сколько минуло лет?

Только еще я ношу с собою
Маленький твой портрет.

Он и еще тот цветок засохший
В книге между страниц
Напоминает
Время счастливых лиц.

Время безумных надежд,
Время рядом с тобой.
Время, когда казалось, что нас
Навеки связала любовь.

Что-то случилось со мной?
Время стерло следы,
Где мы ходили недавно с тобой
В стране с именем Я и Ты.

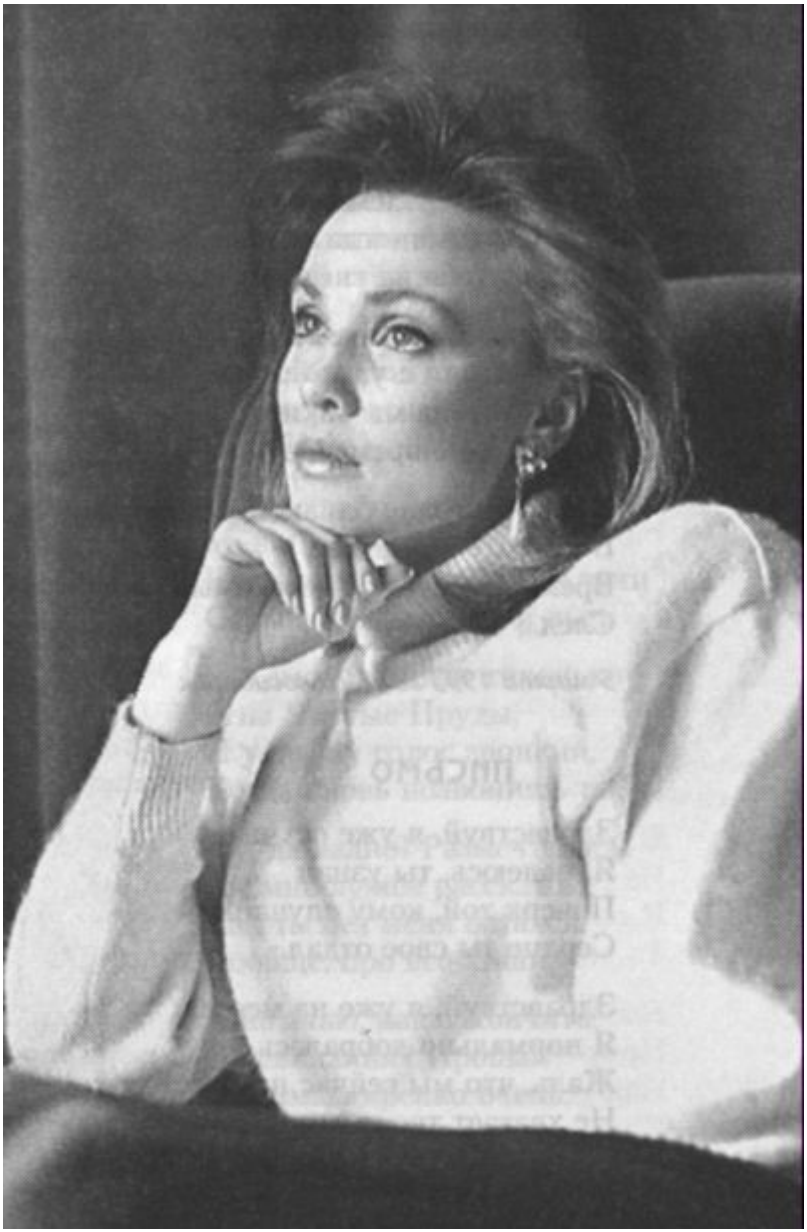
Где ты сейчас, да и с кем, не знаю,
На огромной Земле.
Знаешь, а я иногда скучаю
И вижу тебя во сне.

Боже, как искренно мы любили,
Как сходили с ума.
Только тогда мы такими были,
В те добрые времена.

Где-то в стране близкой и далекой,
В чистоте юных лет,
Время хранит тот невесомый
След…

5 марта 1993

Новосибирск



ПИСЬМО (песня)

Здравствуй, я уже скучаю.
Я, надеюсь, ты узнал
Почерк той, кому случайно
Сердце ты свое отдал.

Здравствуй, я уже на месте.

Я нормально добралась.
Жаль, что мы сейчас не вместе,
Не хватает твоих глаз.

Знаешь, здесь все по-другому,
Чуть прохладней, чем в Москве.
Очень мерзкая погода,
Я хочу назад к тебе…

Знаешь, не могу представить,
Что теперь и навсегда
В городе чужом и странном
Буду жить совсем одна.

Буду жить вдали от близких
И испытанных друзей,
Буду жить в Новосибирске,
Узнавать других людей.

А сейчас хотя и тщетно,
Но стараюсь привыкать
К ностальгии беспросветной
И самой себе не лгать,

Что когда-нибудь случится
В моей жизни светлый день,
И смогу я возвратиться
Под берез московских тень.

И кто знает, может, случай
Меня все-таки вернет
В шумный город, где из тучи
Серый дождик льет и льет.

Где смогу прийти тихонько
Я на Чистые Пруды,
И услышу голос звонкий,
Когда вновь позвонишь ты.

Ну, да ладно! Размечталась.
Ты мне лучше расскажи,
Как ты без меня остался.
Вообще, про все пиши.

Я не знаю, как закончить.
До свидания? Прощай?
Обнимаю крепко очень.
И целую. Не скучай.

Вспоминай меня, любимый,
И хоть изредка пиши,
Чтобы мне здесь, на чужбине,
Были праздники души.

Чтоб могла я временами
Верить в то, что ты со мной
За большими городами,
Мой любимый, мой родной.

Еще маленький постскриптум —
Я не знаю, как сказать…
Но прошу, чтоб не звонил ты —
Голос твой боюсь узнать.

6 марта 1993

Новосибирск

НАС БОЛЬШЕ НЕТ (песня)

Как жаль, но нам уже не быть вдвоем,
Никто из нас, поверь, не виноват,
Что все ушло с осенним тем дождем
И что пришла на землю вновь зима.

Нас больше нет в стране любви и счастья.
Никто из нас не властен остановить рассвет.
Наш путь назад… Он заметен снегами,
И разделен меж нами слезами на глазах.

Последний раз прошел осенний дождь,
И, загрустив, опал последний лист.
И лишь за ночь зима прогнала прочь
Последний крик, последней стаи птиц.

В который раз синица улетит,
Из рук моих за стаей журавлей,

И если Бог и в этот раз простит,
То, может быть, я снова встречусь с ней.

Нас больше нет в стране любви и счастья.
Никто из нас не властен остановить рассвет.
Наш путь назад… Он заметен снегами,
И разделен меж нами слезами на глазах.

Зачем тебе последние слова,
Когда уже у двери ты стоишь,
И плащ надет, и синие глаза
Уже не те, и ты теперь молчишь.

Молчат глаза, в которых я жила,
Как прежде, в них уже не отражусь,
Но если так важны тебе слова,
То ты иди, а я их вслед скажу.

Нас больше нет в стране любви и счастья.
Никто из нас не властен остановить рассвет.
Наш путь назад… Он заметен снегами,
И разделен меж нами слезами на глазах.

Все лишь мечта, и это все, что было.
Неведомые силы все сделали не так.
Тот, кто хранит любовь и наши грезы,
На небесах, на звездах, поймет и все простит.

Но нас больше нет в стране любви и счастья.
Никто из нас не властен остановить рассвет.
Наш путь назад… Он заметен снегами
И разделен меж нами слезами на глазах.

Как жаль, но мы никогда уже не будем рядом.
Нам никогда уже не вернуться туда,
Где мы были так счастливы.

8 марта 1993

Новосибирск

«Я сегодня далеко…»

По переулкам детства моего
гуляет тихо память…

Я сегодня далеко
От того святого места,
Где все было так легко,
Потому что было детство.

Все ушло куда-то вдаль,
И меня забросил ветер
На далекий на край света,
Где живет со мной печаль.

И когда приеду вновь
Я на пару дней в столицу,
Где в висках стучала кровь,
Где знакомы даже птицы,

В старый дворик заверну,
Где, как прежде, еле-еле
Две скрипучие качели
Песню старую поют.

Вот скамейка, где с тобой
Вечерами расставались,
Мы сидели под луной,
До рассвета не прощаясь.

И лягушки у пруда,
Соловьиные свирели,
И котов весенних трели —
Все осталось, как тогда.

И, наверно, не пройдет
Эта злюка-ностальгия,
Мы давно уже другие,
Только прошлое зовет…

9 марта 1993

Новосибирск

ТЫ УШЕЛ…

Ты ушел, а за тобою
Уносились пестрой стаей
Дни, знакомые до боли,
Дни, что в памяти остались.

И минорная соната
На твои следы прольется
Тем дождем, что был когда-то
Тем, что больше не вернется.

И минорная соната
За тобою вслед сорвется,
Понимая, что напрасно,
Зная, что ты не вернешься,

Ты ушел…

16 марта 1993

Новосибирск

«А сегодня так пахнет весною…»

А сегодня так пахнет весною…
Этот вечер совсем не такой,
Как все те, что бывали зимою,
Потому что сейчас ты со мной.

Далеко или близко, не знаю,
Та разлука, что вдруг украдет
Этот вечер в безумии мая
И тебя за собой уведет.

26 марта 1993

Новосибирск

«Моя любовь, моя беда…»

Моя любовь, моя беда,

Как одинокая звезда,
Что лунным светом не согрета.
Лето пройдет, осень пройдет,
И за зимней пургой,
За весенней водой
Все плохое уйдет…
Где ты мечта, тайна из сна?
За холодной зимой
Прилетай же за мной
Вместе с новой весной.

3 апреля 1993

Новосибирск

БЫЛО ВРЕМЯ… (песня)

На тихой улочке за дальним горизонтом,
В кирпичном домике, всего в три этажа,
Мальчишка худенький, почти что беспризорный,
Играл на деньги острым лезвием ножа.

Было время, были все дома большими,
И деревья до небес росли вокруг.
Птицы с крыльями, как небо, голубыми
Крошки хлебные из наших брали рук.

И я с мальчишкой этим, помнится, дружила
И голубей гоняла с крыши по утрам…
Но ветер перемен подул, и я забыла,
Что было времечко, то времечко, когда…

Было время, были все дома большими,
И деревья до небес росли вокруг.
Птицы с крыльями, как небо, голубыми
Крошки хлебные из наших брали рук.

Умчались птицы синекрылые куда-то,
Кирпичный домик затерялся меж домов.
Мальчишка худенький, что бегал здесь когда-то,
Уже в Америке, на Брайтоне давно, но, но, но…

Было время, были все дома большими,

И деревья до небес росли вокруг.
Птицы с крыльями, как небо, голубыми
Крошки хлебные из наших брали рук.

Менялось время, ветры разные бывали,
И с тихой улочки по свету разнесло
Кого в Америку, ну а кого в Израиль,
И лишь мое не поднялось лететь крыло…

Было время, были все дома большими,
И деревья до небес росли вокруг.
Птицы с крыльями, как небо, голубыми
Крошки хлебные из наших брали рук.

Здесь пролетело мое время золотое,
И каждый дождь напоминает мне о нем.
И пусть в Америке совсем и все другое,
Там все чужое и, конечно, не мое.

Было время, были все дома большими,
И деревья до небес росли вокруг.
Птицы с крыльями, как небо, голубыми
Крошки хлебные из наших брали рук.

Пусть в Америке и солнце по-другому
Светит, греет и на Запад всех зовет,
Небоскребы мне не по душе, ей-богу,
Мне милее в небе ласточки полет.

Было время, были все дома большими,
И деревья до небес росли вокруг.
Птицы с крыльями, как небо, голубыми
Крошки хлебные из наших брали рук.

5 апреля 1993

Новосибирск

ПЕРЕКРЕСТОК (песня)

Последний взгляд, последний сон,
Последний след слезы напрасной
Уже исчез с моей щеки давно.

Тебя забыть мне не дано,
Тебя любить мне не судьба, но
Твои глаза, как ночь, еще со мной.

Кажется, меня ты ждешь,
Стоишь на перекрестке,
Хлещет дождь.
В рисунке призрачном дождя
Я вижу тебя!

Каждый день жду встречи с тобой,
Слепо иду я за судьбой.
Снятся мне ночи твоих глаз.
Покорись, судьба, хотя бы раз.
В безумном сумраке ночном
Покину я не нужный дом свой,
Он стал чужим, когда в нем нет тебя.
Уйду одна в пустую ночь,
И одиночество рукою
Мне нарисует чей-то силуэт.

Кажется, меня ты ждешь,
Стоишь на перекрестке,
Хлещет дождь.
В рисунке призрачном дождя
Я вижу тебя!

Каждый день жду встречи с тобой,
Слепо иду я за судьбой.
Снятся мне ночи твоих глаз.
Отзовись, судьба, хотя бы раз.

Вот чья-то тень, тебя в ней нет.
Холодных, одиноких звезд свет
Мне озаряет одинокий путь.
Едины в этом ночь и я.
И мы друг другу так понятны,
Но как же ночь похожа на меня.

Кажется, меня ты ждешь,
Стоишь на перекрестке,
Хлещет дождь.
Сквозь стену серого дождя
Я вижу тебя!

Каждый день жду встречи с тобой,
Слепо иду я за судьбой.
Снятся мне ночи твоих глаз.
Отзовись, судьба, хотя бы раз.
Прости меня, я не смогла
Понять, забыть и не вернуться
В ту ночь, что ты не вспомнишь никогда.
Но вижу я все тот же сон —
Пустой безлюдный перекресток,
И ветер, перепутанный с дождем.

Кажется, меня ты ждешь,
Стоишь на перекрестке,
Хлещет дождь.
В рисунке призрачном дождя
Я вижу тебя! Я вижу тебя!

Каждый день жду встречи с тобой,
Слепо иду я за судьбой.
Снятся мне ночи твоих глаз.
Отзовись, судьба, хотя бы раз.

Прости, наверно, я не та,
Кого ты ждешь, о ком мечтаешь,
А может, ты не знал меня.
Но снится мне все тот же сон —
Пустой безлюдный перекресток,
И ветер, перепутанный с дождем.

Кажется, меня ты ждешь,
Стоишь на перекрестке,
Хлещет дождь.
Сквозь стену ветра и дождя
Я вижу тебя!

Я бегу обнять тебя,
Укрыть собой от ветра и дождя.
И сильной нежною рукой
Ты ведешь меня с собой.

Снятся мне ночи твоих глаз.
Отзовись, судьба, хотя бы раз.

27 июня 1993

Новосибирск

ОБЬ-РЕКА (песня)

Не гони птичью стаю на юг,
Пусть немного задержится лето,
Пусть еще раз споет до рассвета
Нам сверчок серенаду свою.

Мы сегодня с тобой убежим,
Есть на поезд на скорый билеты.
Пусть немного задержится лето,
Пока поезд не скроется в дым.

За окном вдаль летят облака,
И колеса стучат вслед за ними.
Мы с тобою навеки покинем
Этот край, где течет Обь-река.

Мы умчимся туда, где тепло,
Где сибирский мороз не достанет,
Где всегда до последнего тянет
Летний день, где до ночи светло.

Мы раскинем у моря шатер,
Окунемся в соленую воду,
В ней останутся наши невзгоды,
И согреет нас ночью костер.

Здесь до звезд дотянуться рукой
Мне раз плюнуть, но мне их не надо,
Я вдыхаю морскую прохладу,
Просто здесь климат жаркий такой.

Ах, куда бы сбежать от жары?
Даже море уже не спасает.
И везде, где лишь взгляда хватает,
Раскаленный песок и шатры.

И припомнится в этом аду —
Ветерок и равнины из снега,
И осенне-дождливое небо,

И река, и дороги во льду.

Мы сегодня с тобой убежим,
Взяв на поезд на скорый билеты,
Поскорее покинем все это,
Пока не превратились мы в дым.

Мы вернемся в родные места,
Где дожди размывают дороги,
Где остались все наши тревоги,
Где беседуют с ветром леса.

И с тоской птичью стаю на юг
Провожать будем мы до рассвета.
Только больше ни слова о лете,
Пусть о нем лучше птички поют.

За окном вдаль летят облака,
И гудят поезда вслед за ними,
Мы с тобой никогда не покинем
Этот край, где течет Обь-река.

Этот край, где течет Обь-река…

29 июня 1993

Новосибирск

ЭТИ ГЛАЗА (песня)

Эти глаза никогда, никогда
Не отразят мою душу и боль.
Эти глаза никогда, никогда
Не застынут на мне,
Не узнают в толпе
Никогда и нигде.

Эти глаза никогда, никогда
Не воплотят мою жизнь и любовь.
Эти глаза навсегда, навсегда
Я забуду, и мне
Не приснятся во сне,
В той ласковой тьме.

Эти глаза навсегда, навсегда,
Я отпущу в синеву, в небеса.
Эти глаза навсегда, навсегда
Мне неверность храня,
Отпускают меня от себя,
От себя…

В этих глазах нет тепла, нет тепла.
Счастьем моим в них замерзла слеза.
В этих глазах не смогла, не смогла
Зажечь искру огня
Среди белого дня,
Злые вьюги гоня.

В этих глазах навсегда, навсегда,
Брошу себя в пропасть небытия.
В этих глазах навсегда, навсегда
Там, где тайна твоя,
Тень осталась моя,
Серой тучей дождя.

В эти глаза я вернусь, я вернусь.
В жизни другой снова буду с тобой.
В эти глаза окунусь, окунусь,
И, не помня себя,
В омут брошусь, любя,
В холод пошлого дня…

4 мая 1993

Новосибирск

«Мне зима за все отплатила…»

Мне зима за все отплатила,
Припорошила снегом ноги,
За любовь и за нежность лета,
За счастье под самым небом.

У счастья не может быть
Счастливый конец, а жаль.
Заставит зима забыть,
Повесит на сердце вуаль,

Заставит забыть глаза,
Что грусти полны такой,
Что в тысячный раз слеза
На снег упадет горячей тоской.

Мне зима отплатила за все…

8 мая 1993

Новосибирск

«За самой синей высотой…»

За самой синей высотой,
За чистым горизонтом
Есть город, созданный моей
Мечтой.

Его не видно в суете
Стремительного мига,
Он спрятан в звездной высоте
Ночей.

В небе, чистом безупречно,
Облака плывут,
И святой заре навстречу
За собой зовут.

Распрощаюсь с этой былью,
В небыль улечу.
Небо мне подарит крылья
В путь, куда хочу.

Мой город сделан из добра,
Из чистоты небесной,

В нем свежесть раннего утра
Весны.

К нему дорога так светла,
И выстлана цветами.
Я долго по дороге шла
Сквозь сны.

В небе чистом безупречно
Облака плывут,
И святой заре навстречу
За собой зовут.

Распрощаюсь с этой былью,
В небыль улечу.
Небо мне подарит крылья
В путь, куда хочу.

Мне в этом мире не найти
Пристанища такого.
Я в этой жизни лишь в пути
К нему.

Его не видно в суете
Бушующего Мира.
Я улетаю на мечте
К нему.

В небе, чистом безупречно,
Облака плывут
И святой заре навстречу
За собой зовут.

Распрощаюсь с этой былью,
В небыль улечу.
Небо мне подарит крылья
В путь, куда хочу.

За самой синей высотой,
За небесным горизонтом
Есть город, созданный моей мечтой…

14 мая 1993 года

Новосибирск

ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЬЯ (песня)

Солнце на запад, ласточка в небо
Крестиком черным в дали голубой…
Лето — забава. Осень — надежда
Счастье укрыла опавшей листвой.

Желтые листья, что же вам надо?
Что же кружитесь вы над головой?
Я ли последняя ваша отрада?..
Слышу последний ваш вздох под ногой…

Что же вы, листья, разве не знали?
Век ваш короткий, как счастье мое…
Желтые птицы лето умчали,
Счастье мое вдруг приняв за свое.

Зря вы кружитесь, с ветром взлетая.
Птиц не догнать. Всем дорога своя.
Не по пути вам с птичьею стаей.
Небо ее ждет, а вас лишь земля…

Тянутся к югу сильные птицы
Черною стайкой в дали голубой…
Мне бы с тоски в самый раз бы напиться,
Тихо забыться с опавшей листвой.

23 мая 1993

Новосибирск

ВЕРНИСЬ

Мне такого, как ты,
Еще раз не найти,
А значит, еще раз не потерять…
Перепутаны следы,
Заблудилась я в пути.
Никто мне не заменит тебя!

Как мне назад

Твои глаза вернуть.
Как же убить мне эту боль.
Не успела я сказать,
А теперь сказать кому,
Что люблю тебя, люблю тебя, люблю.

Жизнь так пуста.
Идет за мигом миг.
Сердце кричит, почти остыв.
И, быть может, где-то там
Ты услышишь этот крик
И вернешься, и обнимешь, все простив.
Твое лицо и душу мне не забыть,
Ты нужен мне. Вернись! Вернись!

20 июня 1993

Новосибирск

Я ЗАКРЫВАЮ БИБЛИЮ СВОЕЙ ЛЮБВИ (песня)

Ты моих слез никогда не увидишь,
Влажных ресниц не коснешься губами,
Никогда ты меня не обидишь,
Зачеркнув то, что не было с нами.

Где и с кем ты, скоро станет не важно,
Я должна с этой болью сразиться.
Никогда в темень глаз твоих влажных
Я себе не позволю влюбиться.

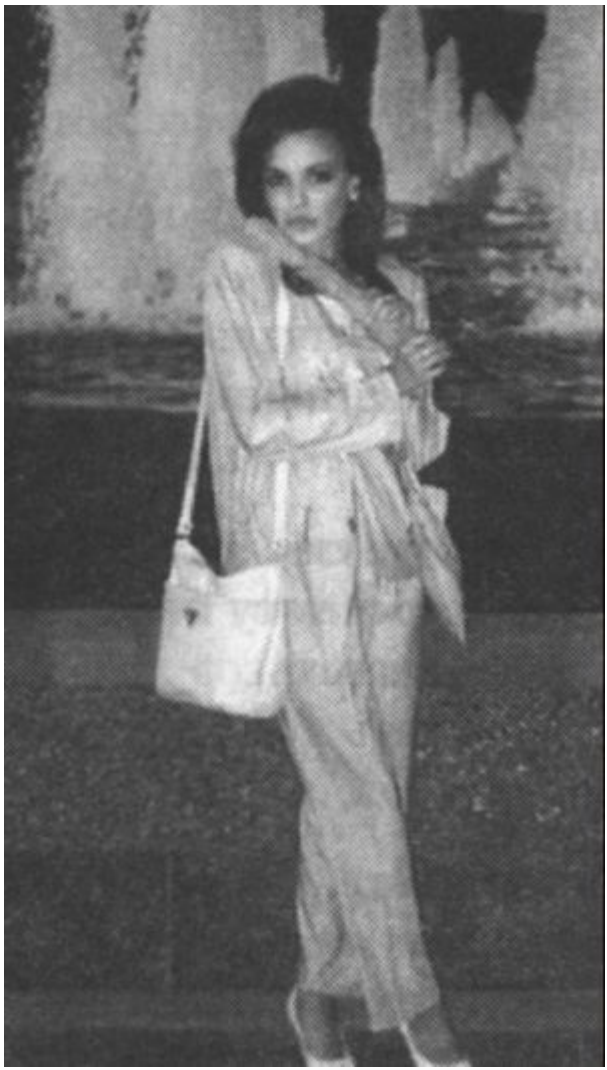
Ах, зачем я так мечтала о встрече?
Знала ведь, что пустая затея.
Для чего был тот ласковый вечер,
Где, пройдя, ты меня не заметил?

Я закрываю библию своей любви.
Пусть не прочитана она, но я должна,
Должна поверить в то, что не смогла
Зажечь огонь, сжигающий дотла.
Должна поверить в то, что не найду
Мою с небес упавшую звезду.
Должна закрыть глаза и сердце сжать,

Как можно дальше от любви бежать,
И библию своей любви спасти
На крыльях улетающей мечты…

11 июля 1993

Новосибирск



«Рассыпься, растай, как хрупкая льдинка…»

Рассыпься, растай, как хрупкая льдинка
Меж пальцев моих весенней водой.

Стекай по щеке последней слезинкой,
И капля за каплей верни мне покой.

15 июля 1993

Новосибирск

«Давай не будем замыкать этот круг…»

Давай не будем замыкать этот круг.
Пусть никогда не кончится лето.
Не отпускай меня из ласковых рук,
Я не хочу быть песней допетой.

Я не хочу опять вернуться назад
Туда, где сердце от холода жмется,
Туда, где были далеко те глаза,
К которым все существо мое рвется.

Но даже, если суждено повторить
Мне этот путь по кругу исканий,
Я снова буду тебя лишь любить
И жить в стране своих грез и мечтаний.

Я робко вновь по кругу пойду,
Я буду знать, что там за поворотом
Тебя я снова, как прежде, найду…

23 июля 1993

Новосибирск

«Я вновь больна…»

Я вновь больна,
Сильнее, чем когда-то.
Больна душой и сердцем за него.

Я вновь вольна,
Листая дни и даты,
Страдать и ждать мгновенья одного.

10 августа 1993

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ОСЕНИ (песня)

Как грустного ангела тихий полет,
Последний день осени тает.
Уже ничего этот день не вернет.
Уже ни о чем не узнает.

Умоется утренним ветром рассвет,
И сердце ничто не встревожит,
Меня в этом мире чудес больше нет.
И снова все дни так похожи.

Святым откровением лягут снега.
И робкая капля надежды
Замерзнет, упав, разобьется в ногах
О зимние, белого цвета одежды.

За все мне предъявит счет зима,
И я возразить не посмею…
Наверное, я виновата сама,
Что счастье сберечь не умею.

А небо внезапно подарит весну,
И жизнь пойдет в ритме аллегро,
Но я в этот день уже не проснусь,
Не стану счастливой, наверно…

Умоется утренним ветром рассвет,
И сердце ничто не встревожит.
Меня в этом мире чудес больше нет,
И снова все дни так похожи…

2 сентября 1993

Сочи

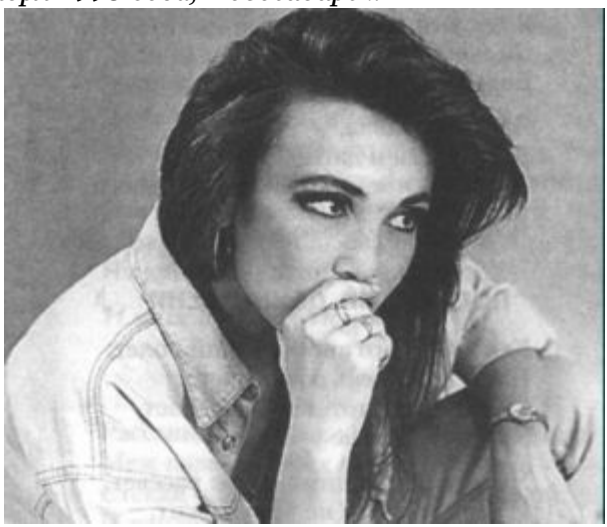
Когда ночь опускает свой тяжелый шелковый занавес на театральную сцену дня, начинается совсем другая — тихая, у каждого своя, закулисная жизнь.

Настает очередной антракт в спектакле. Мы уходим за кулисы, чтобы подправить грим, немного отвлечься от своей роли и попросить еще раз «Главного Режиссера» дать распоряжение, в

конце концов, сменить декорации, которые уже совсем некстати и только мешают актерам видеть друг друга.

Я тоже ухожу за кулисы, чтобы там, в темноте, на ощупь, вслепую найти тебя, мой Нежный Ночной Мираж. Я нахожу тебя, моя Песня, пестую, как дитя, и отпускаю навстречу утренней звезде: «До встречи в следующей сцене спектакля, но пока в тех же декорациях…»

4 сентября 1993 года, Новосибирск.



ФИГАРО (песня)

Когда сумрак ночи погасит свечи
И рампы свет даст отдых глазам,
Усталость тебя обнимет за плечи
И волю даст запретным слезам.

Тяжелой рукой ты снимешь маску,
Что тяжко сковала чувства твои,
Уйдешь от дневной придуманной сказки,
Чтоб снова вернуться под своды свои.

В усталых глазах ночное молчанье,
Ночная дорога в кайме фонарей.
Луна озарит твой профиль печальный
И боль одиночества станет острей.

Блуждающий сон крылом не укроет
Усталого тела бессильный покой,
Ты сильной рукой слезы слабости скроешь,

Сейчас ты один и будешь собой.

И все промелькнувшее за день сольется
В единый поток разноцветных огней.
Еще день один пролетел, не вернется,
Но вновь повторится сюжет этих дней:

«На след от слезы, скупой и соленой,
На тень в уголках губ печальных Пьеро
Кладешь каждый день для публики вольной
На хрупкую душу свой грим — Фигаро…»

Ведь им все равно, кто есть ты под гримом,
Как бьется в груди и что на душе,
Ты стал среди них давно пилигримом,
Откуда пришел, не помня уже.

Всю ночь проведешь без сна и без ласки,
С тоскою своей один на один,
А утром наденешь привычную маску.
Ты вновь Фигаро! Ты всеми любим!

4 сентября 1993

Новосибирск

«Ранняя осень, дождь, листопад…»

Ранняя осень, дождь, листопад…
Тихо ты спросишь: — Кто виноват?..
Кто виноват, что все прошло, словно сон,
Что листопад желтый украсил наш дом?..

НЕ УЛЕТАЙ, ЛЕТО (песня)

Не улетай, лето яркое,
Не улетай, лето жаркое.
Ты задарило подарками,
А осень их отняла.

Пусть ты немножечко горькое
И долгожданно-короткое,
Но все же песнями звонкое.
Я их тебе отдала.

Уже подались птицы к югу,
Так долго тянутся назло.
А в сердце маленькая вьюга
Пытается убить тепло.

Уже деревья простывшие,
Стоят, раздевшись, бесстыжие,
А небо, в лужах застывшее,
Все чаще плачет дождем.

Ах, осень, дама капризная,
Все зиму прячет под ризою,
Вот лета жизнь закулисная,
А мы спектакль летний ждем.

Уж птицы все еще до юга
Так долго тянутся назло.
А в сердце маленькая вьюга
Старается убить тепло.

Не улетай, лето яркое,
Не улетай, лето жаркое.
Ты задарило подарками,
А осень их отняла.

Ну, задержись на мгновение,
Пусть это солнце последнее,
Последнее солнце летнее
Оставит лучик тепла…

6 сентября 1993

Новосибирск

ПАСТОРАЛЬ (песня)

Если бы я была принцессой
И в каменном замке прекрасном жила,
Я бы из принцев всего королевства
За пастушка бы лишь замуж пошла.

Я бы сменила трон на полянку,
Жезл и корону на милый рожок,
И беззаботной веселой селянкой
Бегала бы к пастушку на лужок.

Мой пастушок, разве могут сравниться
Принцы холодные с нежным теплом?
От важности их лучше уж утопиться
В море любви на лугу твоем.

Никогда я не стану принцессой
И тебя, пастушок, не найду.
Ты не принц, но ищешь принцессу
И не видишь меня на беду.

Если бы я была принцессой,
Я бы покинула мрачный дворец
И нашла бы с тобой рядом место,
Мой пастушок, со стадом овец.

Но никогда я не стану принцессой,
И тебя, пастушок, не найду…

7 сентября 1993

Новосибирск

«Как часто мы грустим…»

Как часто мы грустим
И ждем годами,
Чтобы звезда упала
В ладони нам.

«Дождь… Осенний дождь…»

Дождь… Осенний дождь.
Совсем не тот, что летом.
Дождь, мой грустный дождь,
Ты напомнил мне об этом.

Ты напомнил, что лето прошло,
Необузданной каплей сорвал листья.
Листопада время пришло,
А я еще не успела с летом проститься.

12 сентября 1993

Новосибирск

ЛИСТОПАД (песня)

Эта осень пришла так рано,
Не спросившись и не постучав,
В незажившую в сердце рану
Вихрем огненным ворвалась.

Умылась ночь дождем,
Остыл мой теплый дом,
Уснул сад, укрывшись льдом,
Чуть слышно за окном —

Будет тихо мне шептать
Этот ранний листопад,
Что мне долго ждать,
Когда вновь оттает сад.

Будет долго слезы лить
Эта осень за окном,
И заставит все забыть
Мой уставший серый дом…

Эта осень так непохожа
На другие из жизни моей,
Как уставший в пути прохожий,
Постучалась она в мою дверь.

Эта осень пришла не в срок,
Но, перешагнув порог,
Любовь отняла в залог,
Сказав, что рассудит Бог!

Будет тихо мне шептать
Этот ранний листопад,
Что мне долго ждать,
Когда вновь оттает сад.

Будет долго слезы лить
Эта осень за окном,
И заставит все забыть
Мой уставший серый дом…

Осень, я на твои вопросы
Так устала уже отвечать,
Ты стихи превратила в прозу
И поставила на сердце печать.

Я раньше тебя ждала,
За летом ко мне ты шла.
И вот ты все отняла,
Но как же ты так могла?..

Будет тихо мне шептать
Этот ранний листопад,
Что мне долго ждать,
Когда вновь оттает сад.

Будет долго слезы лить
Эта осень за окном,
И заставит все забыть
Мой уставший серый дом…

21 сентября 1993

Новосибирск

ПАТЕФОН (песня)

На теплую землю, живую еще,
Упал первый снег, укрыв собой все,
И тихо светили на снег фонари,
Которым он пышные шапки дарил.

А где-то в распахнутом настежь окне
Горел мягкий свет, и словно во сне
Летели снежинки на свет в окне том,
Под музыку, что напевал патефон.

В уютном тепле, про все позабыв,
Кружились под этот несложный мотив,
Под вальс, не заметив прихода зимы,
Усталые люди, вернувшись с войны.

И этот покинутый Господом рай
Прошел стороною вороний грай,
Играй же еще, патефон, вальс играй
И тех, кто остался, в свой круг собирай.

Каждый, кто мог, этот вальс танцевал,

Сколько сердец патефон согревал,
В стужу великого горя войны
Он провожал и встречал до весны.

И сколько бы лет на земле ни прошло,
Сколько бы зим по земле ни мело,
Сколько бы жизней ни кануло в сон,
В памяти будет жить тот патефон…

29 сентября 1993

Новосибирск

ТЫ ГОВОРИЛ О ЛЮБВИ (песня)

Когда-то с тобой мы были вдвоем,
Мечта нас кружила в танце своем,
И небо так близко было тогда,
И прямо нам в руки летела звезда.

И ты говорил о любви,
Я голову рядом с тобой теряла,
В глазах я тонула твоих
И весь этот мир напрочь забывала.
Было все лишь для нас двоих,
Мы летали в мечтах своих.
Были дни, были вечера,
Мы расстались с тобой, словно только вчера.

Уходит любовь, как все на земле,
Мечты улетают к далекой звезде.
За ними угнаться мы не смогли.
Разрушило время наш храм любви.

И ты говорил о любви,
Я голову рядом с тобой теряла,
В глазах я тонула твоих
И весь этот мир напрочь забывала.
Было все лишь для нас двоих,
Мы летали в мечтах своих.
Были дни, были вечера,
Мы расстались с тобой, словно только вчера.

А может быть, где-то мы встретимся вновь,
Воскреснет ли снова наша любовь?
Быть может, оттают наши сердца
И мы песню нашу споем до конца.

И ты скажешь вновь о любви,
И я все забуду, как прежде, снова.
В глазах утону я твоих,
И мир этот станет опять знакомым.
Будет все лишь для нас двоих,
Мы воскреснем в мечтах своих,
Будет все так, как в первый раз —
Сладкий плен теплых губ и слияние глаз.

24 октября 1993

Новосибирск

«Слова, слова мы говорим…»

Слова, слова мы говорим,
И в их огне мы заживо горим.
Слова, слова… Слова, как меч,
Нам головы срубают с плеч.

Слова, слова мы говорим,
И чудеса, не ведая, творим.
Бывают и как мед слова,
От слов кружится голова.

21 ноября 1993

Новосибирск

КАССЕТА

Мне очень нравились песни Татьяны, особенно того периода, когда она только приехала в Новосибирск. Я, прилетая иногда в гости на новое место службы отца, часами сидел с ней в ее комнате, слушая новые «шедевры». Слушал и увозил то, что нравилось с собой, а нравилось многое. В Москве я эти песни слушал довольно часто, и вовсе не потому, что это было творчество моей сестры. Я как брат-ценитель на самом деле был строг и, если мне не нравилось, говорил открыто. И песни нравились не только мне. Запомнилась одна достаточно характерная история. В 1993 году я, побывав весной в очередной раз в Новосибирске, увез на память одну из нескольких записанных сестрой в домашних условиях кассет. В те годы они уже начали «ходить по рукам» знакомых и друзей, иногда не возвращались, и сестра вынуждена была делать копии. И, кстати, наша семья не исключает, что что-то могло затеряться безвозвратно. Потому что в архиве есть песни, написанные на бумаге, но фонограммы к ним отсутствуют.

Так вот, с этой кассетой я некоторое время спустя, летом, полетел отдыхать в Алушту. Замечательное место, все наполненное духом романтики и особенной атмосферой маленького курортного городка. На набережной каждый вечер вольные художники делали портреты отдыхающих и писали на заказ пейзажи Крыма, там же седой армянин из года в год торговал жареными орехами, и каждый метр земли этого побережья напоминал о старых советских фильмах: «Земля Санникова», «Человек-амфибия», «Сердца четырех», «Кавказская

пленница»… Вот и я, буквально за символическую плату, снял себе маленький старый домик с чудным инжирным садом по соседству той самой, из этого фильма, «дачи товарища Саахова», чем был ужасно доволен. И каждое утро, выходя за калитку, на секунду замирал и улыбался, вспоминая, как на этом самом месте произносил знаменитую фразу киногерой в исполнении Владимира Этуша, сняв кавказскую кепку и подбоченясь: «Ничего… я пока подышу. Подышу воздухом… А то все — кабинет… кабинет… кабинет…» А немного поодаль от моей «фазенды» располагался лагерь студентов-археологов, ведущих очередной год раскопки старой крепостной стены. От их лагеря постоянно пахло ухой, сваренной из пойманной с утра рыбы, и слышались веселые студенческие песни. С одной влюбленной парой из их числа я познакомился, играя в соседнем спорткомплексе в теннис. Вскоре я пригласил их вечером на домашнее вино хозяйки моего дома. Поужинав со мной свежевыловленными мидиями, тут же сжаренными на открытом огне, и салатом из местных помидоров в сметане с чесноком, мои гости спели несколько несен под гитару. Было очень романтично и как-то по-особенному уютно. Над головой сквозь ветки сада светили южные звезды, тишину приморского вечера подчеркивало стрекотание цикад, а темнота окружала нас шатром, образуемым светом одинокой свечи, зажженной нами на столе в осколке старинной амфоры, подаренной мне этими юными археологами. Я петь толком не умел, поэтому в одну из пауз между их песнями, подняв тост «за наших близких», принес и включил магнитофон с кассетой сестры. Слушали вновь и вновь до глубокой ночи.

И вот однажды, несколько дней спустя, когда, гонимый неизбежной осенью и начинающимся учебным семестром, лагерь археологов свернулся, ранним утром, часов в шесть, не раньше, меня разбудил стук в дверь. За ней стояли мои знакомые студенты, с которыми я попрощался еще вчера, зная, что их поезд уходит рано утром. Они, извинившись, признались, что, нарушив все правила приличия, разбудили меня только с одной целью — услышать напоследок еще раз Танин голос и ее песни. Я выполнил просьбу, и над еще тихим холмом старинной крепости Алуштой, в лучах рассвета прозвучала ее музыка. Оттого, что это было так красиво, и оттого, что я был горд своей сестрой, я запомнил это утро на всю жизнь. Может ли большего желать автор, нежели такое признание своего таланта. Я помню точно, в то утро звучали: «Роза», «Перекресток», «Желтые листья» и «Я тебя покидаю, прощай».

Собственно, именно эта, почти случайно выбранная мной кассета и стала впоследствии основной в песенном творчестве

моей сестры. Вернувшись в Москву, погрузился с головой в столичные будни. Иногда вспоминая эту историю, я ставил различным своим знакомым, сослуживцам, друзьям песни сестры. Однажды, купив важную вещь для дома одинокого молодого мужчины — холодильник, я, экономя деньги на грузчиках, попросил ребят со своей работы помочь его сгрузить и поднять ко мне в квартиру. После трудов, как водится, я «проставился» и, сидя за столом, обмывая мою покупку, один из друзей вдруг неожиданно попросил поставить «песни сестренки», которые он уже однажды слышал. А уходя, спросил разрешения взять кассету на пару дней, чтобы переписать для своей молодой жены. Возвращая ее в означенный срок, он вдруг сообщил, что у него в гостях были знакомые музыканты и им очень понравились песни, и они готовы работать с Татьяной.

Это известие для сестры было настолько неожиданным и, одновременно, настолько ожидаемым в глубине души, что она, почти не раздумывая, при поддержке родителей, вылетела в Москву.

Студия находилась в подвале одного из московских театров. Спустившись по бетонным корявым ступенькам, мы постучали в обитую жестью дверь. Не знаю, кто из нас тогда больше волновался, я или сестра. Тогда это были ступеньки в ранее невиданный мир искусства. Распахнутая кем-то, кого не было видно во мраке подвала, дверь пахнула на нас давно не проветриваемым помещением, пропахшим насквозь пылью, нафталином (от хранившихся повсюду декораций и театральной утвари) и сигаретным дымом, который, как потом оказалось, был здесь всегда. Открывший нам дверь оказался парнем невысокого роста, с вьющимися длинными волосами, эдакий типаж вольного музыканта. Он и был тем человеком, кто выразил желание работать с Таней. Усадив нас напротив какой-то звуковой аппаратуры, он ее включил. И тут же это убогое помещение наполнилось волшебными звуками музыки, которые оказались Татьяниной песней «Роза» в аранжировке этого музыканта. Дальнейшая беседа строилась так, что сказка, не успев родиться, тут же умерла. Со мной и с Таней разговаривали вежливо, но так, как иногда «москвичи», недавно приехавшие в столицу из глубинки, изображая из себя коренных жителей Белокаменной, разговаривают с провинциалами. Нам объяснили вскользь, какой суровый и сложный этот шоу-бизнес, как почти невозможно пробиться девушке из провинции со своими песнями, но есть выход — перепоручить их студии с громким названием «КиС-С» найти для этих песен подходящих исполнителей и… продать. Такой поворот дела вызвал полное разочарование у Татьяны.

Зачем было лететь в Москву, когда речь шла лишь о сделке и никто не собирался с ней работать по-настоящему, творчески. Сестра, ни на секунду не задумываясь, заявила, что в таком случае отказывается работать, так как хочет свои песни петь сама. Дальнейшие несколько попыток «хозяина подвала» вернуться к теме продажи не возымели действия, и после ставшей впоследствии «крылатой» в тех стенах фразы: «поймите, нам тоже кушать хочется», стало все ясно — речь идет только о деньгах. Ведь будучи уверенным в ответе и результате, он даже начал работать над аранжировками… Но от этого разговора стало ясно и другое — «профессионалы» увидели потенциал в ее творчестве. Когда я выказал готовность обсудить работу над песнями сестры «на материальной основе», Александр, так звали нашего собеседника, сыграл нам вживую музыкальный набросок к еще одной песне сестры. Видя, как расцветает лицо Тани, когда она слушала то, что может стать аранжировкой ее песни, я вернул тему к «материальному вопросу». Договаривались достаточно долго, так как первоначально названные суммы были явно завышены. Позже, когда мы уже стали разбираться в этих вопросах, я узнал, что нам называлась сумма, которую обычно брали маститые специалисты за работу с песенным материалом. Снизив ее размер в несколько раз, мы договорились. Договорились на написание двух аранжировок с последующей записью песен с Таниным вокалом. Когда мы обсуждали эту часть, я видел некое лукавство в глазах собеседника — он не верил, даже не прослушав, в способности сестры. Впрочем, может, я и был предвзят в тот момент, просто я — старший брат, и если не я, то кто отстоит интересы Татьяны. В тот вечер оставил ее в студии, договорившись заехать за ней к полуночи. Когда вернулся через четыре часа, в студии я обнаружил еще трех молодых людей, которые с воодушевлением рассказывали моей сестренке столичные истории шоу-мира. Оказалось, что это и есть все участники студии. За время моего отсутствия они умудрились записать один куплет «Розы» в исполнении Татьяны. «Ну, что ж, неплохо, неплохо, я думаю, может получиться что-нибудь вкусненькое», — с видом мэтра произнес наш новый знакомый. Последующие беседы с другими работниками этого подвала убедили меня в том, что они достаточно талантливые ребята и вынужденно ютятся здесь, пытаясь выжить в сложном мире поп-музыки. Также я убедился, что деньги, на которых мы остановились, были оптимальны. Через три дня Татьяна вернулась в Новосибирск с первой готовой фонограммой «Розы». Когда она прилетела спустя несколько недель опять в Москву, ее ждала аранжировка песни «Было время». Понравилось всем…

Неизвестно, то ли желание заработать, то ли вера в ее талант, но студийцы убедили Татьяну, за ее счет, записать с ними музыкальный альбом из двадцати песен.

Видя счастливое состояние Тани, на семейном совете по телефону решили, что «да». Всем было ясно, что на этих двух песнях останавливаться нельзя и, используя вдруг появившуюся, как тогда казалось, калитку в мир искусства, надо довести работу до логичного конца — ее песни должна услышать публика. Александр вызвался быть неформальным «продюсером», уверяя, что дальнейшую «раскрутку и реализацию при его связях в Москве» они возьмут на себя. Мечта Тани казалось такой близкой… Двадцать песен, раскрутка на телевидении и радио, магнитоальбом… Профессиональная студия. Это для моей сестры казалось сказкой, а человек, это обещавший, — неким волшебником. Но всему была своя цена. На которой мы и остановились. Эти деньги были заоблачных размеров для моей семьи, у которой на тот момент не было ни своего автомобиля, ни дачи. Шли тяжелые девяностые. Но все же деньги удалось собрать. И Татьяна стала работать с этой студией, прилетая иногда в Москву для записи вокала и сведения фонограмм.

«Летит самолет над грешной землей…»

Летит самолет над грешной землей,
Уносит на крыльях меня за собой.
Спускаясь по звездам ночной высоты,
Я вижу тот город, в котором есть ты.

Коснутся асфальта шасси,
И ночь мне откроет дорогу в память.

Я сяду в пустое такси,
И сердце от счастья вдруг станет таять.

Этот город знаком до слез,
От мокрых улиц до света звезд,
В этом городе где-то ты
В этот час в переулке моей мечты.

Увозит такси все дальше в огни,
В забытое счастье, в ушедшие дни,
И тщетно в прохожих тебя узнаю,
Твой взгляд и улыбку, походку твою.

Под музыку «Европы плюс»
И плавное звезд за окном качанье
Дождливый ночной летний блюз
Напомнит твоих серых глаз молчанье.

Ты сейчас где-то и видишь сон,
Только вряд ли о прошлом он.
Ты не знаешь, что в этот час
Я вернулась туда, где нет больше нас.

Пусть снится тебе в эту ночь
Тот сон, где мы рядом опять с тобою,
А завтра умчит меня прочь
Мой ветер, туда, где мне все чужое…

В этом сне я найду тебя, обниму и скажу, любя:
«Если сможешь, меня прости,
И хотя бы в свой сон
Еще раз впусти…»

21 ноября 1993

Новосибирск

«Когда ушедший в вечность день…»

Когда ушедший в вечность день
Кладет мне под ресницы тень,
Я выключаю в доме свет…
Вдруг оживает твой портрет…

И мы опять с тобой вдвоем,
И прядь волос на лбу твоем
Влетевший ветер шевельнет,
И память мне тебя вернет.

Вернет твой взгляд в мои глаза,
И руку обожжет слеза,
Когда погаснет в доме свет
И оживает твой портрет.

6 декабря 1993

Новосибирск

«Сегодня весь вечер и ночь вся моя…»

Сегодня весь вечер и ночь вся моя,

Я улетаю из прошлого дня,
В погоне за ветром безумной мечты
Лечу я в тот город, в котором есть ты.

Прошло больше года с тех пор, как мы врозь,
И кто виноват в том, что не сбылось.
И редкие письма не смогут спасти
То счастье, уснувшее на полпути.

И, если бы время вспять повернуть,
Ошибки исправить, на тот же встав путь,
Я знаю, что больше уже никогда,
Тебя никому бы не отдала.

Тебя я любила, и даже сейчас
В остывшей душе огонь не погас,
И в городе этом он ярче горит,
И пусть в эту ночь он твой сон озарит.

В погоне за ветром безумной мечты
Лечу я в тот город, в котором есть ты…

ТЫ ТАК ДАЛЕКО (песня)

Ты так далеко сейчас от меня,
За тысячей верст, за вечностью дня,
За ночью, споткнувшейся о пояса,
За разницей в три бесконечных часа.

Ты так далеко от этого дома,
За сотнями гнезд аэродромов,
За тысячей станций железных дорог,
За вихрем надежд моих и тревог.

За гордостью влажных, соленых ресниц,
За морем не высланных почтой страниц,
За млечным туманом остывшей мечты…
Вот как далеко от меня сейчас ты…

И я далеко теперь от тебя…
В толпе не ищи — не встретишь меня.
Я — за горизонтом, я там, где закат,
Я там, где свой путь завершил звездопад,

За толпами лиц чужих, незнакомых…

7 декабря 1993

Новосибирск

СНЕЖИНКА (песня)

Первый снег. Первый след зимы.
Первый шаг от лета к холоду.
Первый лист, белый лист зимы,
Как пролог рассказа долгого.

Снежинка за снежинкой
Спускаются в ладонь мою.
Ошибка за ошибкой
Прощаются мне вьюгою.

Первый снег, как любовь твоя,
Может быть, растает, может, нет.
Первый свет ледяного дня
Между нами лег как первый снег.

Снежинка за снежинкой
Спускаются в ладонь мою.
Ошибка за ошибкой
Прощаются мне вьюгою.

Первый снег, как моя душа,
Смелые твои хранит следы.
Может быть, не стоят и гроша
Я и первый снег твоей судьбы.

Снежинка за снежинкой
Спускаются в ладонь мою.
Ошибка за ошибкой
Прощаются мне вьюгою.

Первый снег, я его ждала,
Знала, что придет, и верила,
Верила, что он не заметет
Все, что я тебе доверила.

Снежинка за снежинкой
Спускаются в ладонь мою.
Ошибка за ошибкой
Прощаются мне вьюгою.

Снежинка за снежинкой
Спускаются в ладонь мою.
Ошибка за ошибкой
Прощаются мне вьюгою.

7 декабря 1993

Новосибирск

«Пусть в этот вечер праздник будет мой…»

Пусть в этот вечер праздник будет мой,
Пусть даже он придуман мной самой.
Пусть в этот вечер будет так, как я хочу и верю,
Пусть свечи не сгорают до утра,
Пускай придет счастливая пора,
Я в этот вечер приглашаю всех — открыты двери.

Прилетайте ко мне друг за другом,
Прилетайте с осеннею вьюгой,
Прилетайте в заброшенный дом,
Где лишь крыши видны за окном…
Прилетайте ко мне в этот праздник.

Я в этот вечер у окна ждала
Всех тех, кого я в гости позвала,
И с каждым самолетом в небе
Сердце гулко билось.

Зажгла я свечи и накрыла стол,
И ожиданьем озарился дом,
Сверкали свечи в зеркалах,
И ночь ко мне спустилась…

Прилетайте ко мне друг за другом,
Прилетайте с осеннею вьюгой,
Прилетайте в заброшенный дом,
Где лишь крыши видны за окном…

Прилетайте ко мне в этот праздник.

В этот вечер прилетели все,
Что так же мне знакомы, но не те!
Холодным ветром в окна ворвались
В мой одинокий вечер.

И свечи догорали до утра,
И проносились дикие ветра,
И прилетали с ними боль, тоска,
И грусть моя…

Прилетайте ко мне друг за другом,
Прилетайте с осеннею вьюгой,
Прилетайте в заброшенный дом,
Где лишь крыши видны за окном…
Прилетайте ко мне в этот праздник.

Я в этот вечер у окна ждала
Всех тех, кого я в гости позвала,
И с каждым самолетом в небе
Сердце гулко билось…

8 декабря, 1993

Новосибирск

«Плачет небо серое дождем…»

Плачет небо серое дождем.
Прохожий под зонтом укутался плащом.
Плачет небо грустное с утра.
Стаи птиц кричат: «Пора!»

Тихо стало в доме над рекой,
Он обрел покой, подаренный тоской.
Тихо что-то бьется о стекло,
Желтым под ноги легло.

Это осень, это просто осень.
Просто желтых листьев пришла пора.
Заглянули вдруг надолго в гости
Стая туч осенних, дожди, ветра.

И ты не спросишь, ты уже не спросишь:
«Сколько же продлится еще жара?»
Подарила после лета осень
Желтую дорогу и дождь с утра.

Осень подарила нам с тобой разлуку,
Под ноги бросив листьев ковер…

10 декабря 1993

Новосибирск

Я БУДУ ЖДАТЬ ТЕБЯ (песня)

Я буду ждать тебя, пока ты не придешь,
Пока дороги всей земли не смоет дождь,
Пока все стрелки не застынут на часах,
Пока душа не уплывет на облаках.

Я буду ждать тебя, пока мне снятся сны,
Пока надеждою жива я до весны,
Пока еще земля и небо далеки,
Пока еще в полете крылья так легки…

Я буду ждать тебя, но только ты приди,
Когда надежды разобьются о дожди,
Ты с каждым годом или днем лишь делай шаг
В пути ко мне… Да будет так, да будет так!

Я буду ждать тебя, и ты ко мне придешь…
И тихим голосом ты боль мою прервешь…
Я буду ждать тебя, я очень буду ждать,
И ты не сможешь не прийти, не вспомнить, не обнять…

Я буду ждать тебя, и днем и ночью ждать,
У мерзлого окна и у двери стоять…
На грани дикого последнего дождя
Я буду ждать тебя, я буду ждать тебя!

11 декабря 1993

Новосибирск

Я ЗАБЫВАЮ ТЕБЯ (песня)

Никто не может заменить
В душе моей тебя.
Наверно, лучше мне забыть
И разлюбить, любя.

И я стараюсь не мечтать,
Не думать о тебе.
Но только ночью ты опять
Придешь ко мне во сне.

Я забываю тебя,
Я забываю, любя,
Неясный образ мечты,
Которым создан был ты.
Я забываю сейчас
Несуществующих нас.
Экспресс надежды слепой,
Летящей вслед за тобой.

И в суете дневной спеша
По краешку проблем,
Ничто не может помешать
Забыть тебя совсем.
Но с каждым днем мне все трудней
От сердца оторвать
Любовь, что жжет еще сильней,
Мешает забывать.

Я забываю тебя,
Я забываю, любя
Неясный образ мечты,
Которым создан был ты.
Я забываю сейчас
Несуществующих нас.
Экспресс надежды слепой,
Летящей вслед за тобой.

15 декабря 1993

Новосибирск

«Розовым утром зимнего дня…»

Розовым утром зимнего дня
Он поцелуем разбудит меня,
Легкою тенью, крылышком птицы,
Коснутся меня глаз любимых ресницы.

17 декабря 1993

Новосибирск

ПРОСТО ТАК…

Эта рваная ночь…
Эта дряхлая луна…
И в бокал вино
Будет литься без конца.

Сигареты на столе,
Сумрак дыма в потолке,
Холодный запах духов,
И пасьянс на полу.

Это все осталось там,
Где я рада была гостям.

Но бокал с вином
Переполнился к чертям.

Сигарет нет на столе,
Белый мрамор в потолке,
И морозный запах зимы
В приоткрытом окне.

Пусть будет так всегда,
Чтоб прозрачной была душа,
Эта ночь и луна
Переполняли бы меня сполна.

Пусть же будет таким финал,
Чтоб искристым был бокал,
Сигареты на столе
И холодный запах духов…

17 декабря 1993

Новосибирск

МОСКВА

Я этот вечер душой обниму,
Всем существом прильну к нему.
Мой город, Москва, ты так на меня не похожа,

Теперь для тебя я только прохожий.

Москва! Ты так на себя, Москва, не похожа,
А я для тебя теперь лишь прохожий.
Я в стеклах витрин не вижу той прежней
Походки плавной, стремительно нежной.

Ты так изменилась, меня изменив.
Остыла, устала, о счастье забыв,
Замкнувшись душой, раскинула руки,
Себя отдала Сатане на поруки.

24 декабря 1993

Москва

ГОРОД МОЙ (песня)

Белая луна льет свет в дома,
В окна сонные.
Снова я с тобой, о город мой,
Вернулась в прошлое.

Город мой, вновь я с тобой,
Взлетной полосы ночной свет голубой.
Город мой, двери открой,
Я войду, и ты за мной на все замки закрой.

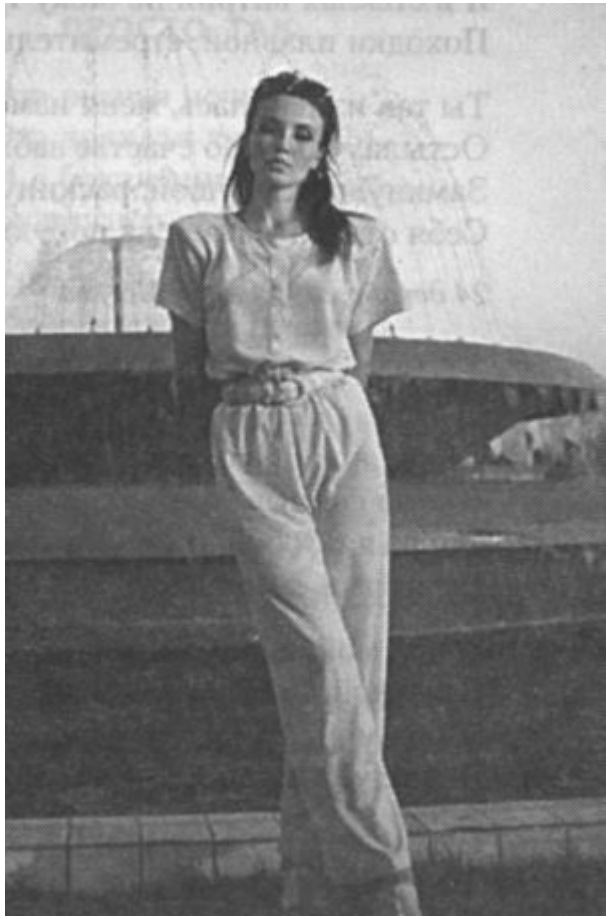
По следам дождя я до тебя дойду, о город мой,
Ты меня не ждешь,
И только дождь
Встретится со мной.

Город мой, вспомни со мной,
Как прощались мы прошлой весной.
Город мой, ветер шальной
Мне расскажет о тебе в песне ночной.

Город мой, вспомни со мной
Тишину осенних снов, ночи с луной.
Город мой, тенью скупой
Я блуждаю где-то здесь каждой весной.

24 декабря 1993

Новосибирск



«Ты меня забыть не сможешь…»

Ты меня забыть не сможешь,
Я останусь тенью рядом,
Ты устало руки сложишь,
В пустоте блуждая взглядом.

Все останется как прежде,
Только нет меня с тобою,
Будешь ты таким же нежным,
Но вот только с пустотою.

И забыть меня не в силах —

Образ мой всегда с тобою,
В буднях серых и унылых
Тихий голос за спиною.

Теплых рук моих касанье
Сохранили твои плечи,
Наших памятей венчанье
Совершат немые свечи.

Ты меня забыть не сможешь,
Я останусь тенью рядом.
Ты обреченно руки сложишь,
В пустоте блуждая взглядом.

26 декабря 1993

Новосибирск

БУДУ НОВЫЙ ГОД ВСТРЕЧАТЬ СО СВЕЧАМИ (песня)

Подходит к концу еще один год, еще один год,
И время под склон устало бредет, устало бредет.
Происходят со мной какие-то сны —
Мне каждую ночь мчаться хочется от этой луны.

Не буду скучать и плакать ночами —
В соленой подушке нет радостных снов.
Я буду встречать Новый год со свечами,
С открыткой, где ты написал много слов.

Подруга метель заснежит окно, заснежит окно
И спрячет тот след, что высох давно, что высох давно.
Я не побегу искать на снегу случайный твой след.
Пусть это грешно, но мне все равно. Тебя больше нет.

Не буду скучать и плакать ночами —
В соленой подушке нет радостных снов.
Я буду встречать Новый год со свечами,
С открыткой, где ты написал много слов.

Пускай близким ты казался всегда, казался всегда,
Разрушить мираж возьмутся года, возьмутся года.
Разрушить мечты, в которых был ты, им будет легко,

Ведь эту любовь не встречу я вновь — она далеко.

Не буду скучать и плакать ночами —
В соленой подушке нет радостных снов.
Я буду встречать Новый год со свечами,
С открыткой, где ты написал много слов.

27 декабря 1993

Новосибирск

КТО Я?

То Пьеро, то Арлекино,
Я сама не знаю, кто я?
В дальних странах половина,
А другая здесь в покое.

В белой маске день встречая,
Я иду навстречу свету,
И сама не замечаю,
Как в ночи меняю цвет я.

Чего ты ждешь, куда идешь,
Девчонка-Грусть из города Дождь?

27 декабря 1993

Новосибирск

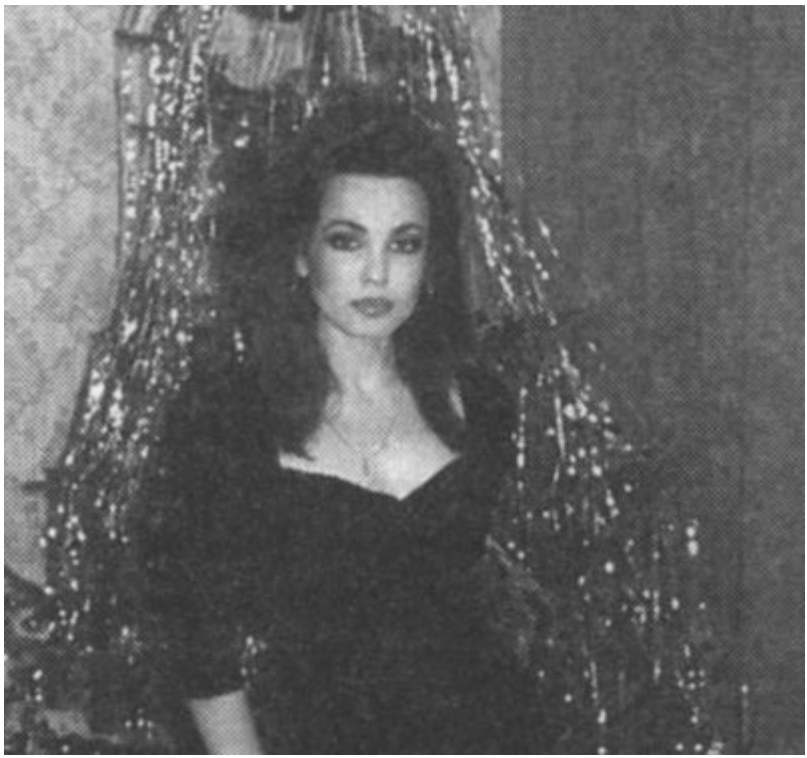
«Морозной коркой мандарина…»

Морозной коркой мандарина,
Смолистой веточкой сосны,
Замерзшей ягодкой малины
Под Новый год так пахнут сны.

Так пахнут сны, когда на елках
Еще гирлянды не зажглись.
Так пахнут сны, когда под вечер
Стоят нетронутые свечи.

28 декабря 1993

Новосибирск



БУДЬ СО МНОЙ (песня)

Сколько лет пустых промчалось мимо,
Словно ступеньки судьбы в пути к тебе.
Я теперь нашла тебя, любимый,
И так хочу в этот день сказать тебе:

Будь со мной, любимый мой,
Звездой ночной, морской волной.
Я прошу, будь со мной в тоске немой,
Моей душой ты будь со мной.

Будь со мной, любовь моя и нежность,
Мой нерастраченный свет, мой рай земной.
Без тебя — пустая бесконечность
Душу разрушит мою, возьмет с собой.

Будь со мной, любимый мой,

Звездой ночной, морской волной.
Я прошу, будь со мной в тоске немой,
Моей душой ты будь со мной.

Будь со мной, и я смогу ответить
Миру всему на вопрос: «Зачем живу?»
Лишь за то, что ты живешь на свете,
Именем теплым твоим мир назову. Ты только

Будь со мной, любимый мой,
Звездой ночной, морской волной.
Я прошу, будь со мной в тоске немой,
Моей душой ты будь со мной. Будь со мной…

15 января 1994

Новосибирск

ТВОЙ ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ (песня)

Когда вспомнишь обо мне
И позовешь, теперь позовешь,
В цветущей твоей весне
Я буду дождь — твой первый дождь.
Услышать тебя смогу,
Но не приду — уже не приду.
Ты слышишь, грохочет гром —
Это с дождем ты будешь вдвоем.

Я буду первый дождик запоздалой весны,
Я буду первой каплей, разрушающей сны,
Я буду первой радугой за мокрым окном
С дождем. Твой первый дождь. Твой первый дождь.

Ты будешь смотреть на дождь,
Но не поймешь, ты вряд ли поймешь,
Что капельками дождя
В сердце твое стучалась я.
Но ты не открыл окно,
В сердце твоем было темно.
И дождь по стеклу окна
Стекал, а за ним сгорала весна.

И скоро пройдет весна,
Лето пройдет, осень пройдет,
Наступит твоя зима.
И первый снег на землю придет.
Ты будешь опять один,
Только теперь среди белых льдин.
А я буду вновь с тобой
Белою снежною вьюгой — пургой.

Я буду первым снегом этой ранней зимы,
Я буду первым холодом, рождающим сны,
Я буду укрывать твой дом до новой весны,
Когда ты позовешь твой первый дождь.

17 января 1994

Новосибирск

ПРАЗДНИК ЛЖИ (песня)

Сегодня будет день неправды,
Сегодня будет праздник лжи,
Сегодня ложь меня заносит
На крутые виражи.
Сегодня я тебе поверю
Или просто вид подам,
Я тебе открою двери
И впущу ко всем чертям.

Сколько раз ты говорил мне
Лживо-нежные слова.
И от слов твоих красивых
Так кружилась голова.
Но теперь я понимаю,
Как же я была глупа,
И со смехом вспоминаю
Твои «честные» глаза.

Я теперь устрою праздник,
Буду врать про что хочу,
И за все мои страданья
Я сегодня отомщу.
Знай, ты навсегда запомнишь

Этот дикий праздник лжи,
Так что больше не захочешь
Строить эти миражи.

Сколько раз ты говорил мне
О любви свои слова.
И от фраз твоих красивых
Так кружилась голова.
Но теперь я понимаю,
Как же я была глупа,
И со смехом вспоминаю
Твои «честные» глаза.

Сегодня будет день неправды,
Сегодня будет праздник лжи,
Сегодня ложь меня заносит
На крутые виражи.
Сегодня я тебе поверю
Или просто вид подам,
Я тебе открою двери
И впущу ко всем чертям.

18 февраля 1994

Новосибирск

«Не жалею ни о чем…»

Не жалею ни о чем,
Все, что было, утекло ручьем.
То, что будет, — все само придет,
За собою следом уведет.

Если солнце, сделав круг,
Вновь вернется, все согрев вокруг,
Значит, будет новый путь с утра,
Будет завтра лучше чем вчера.

Если ветер в парусах,
Если небо синее в глазах,
Значит, твердым будет шаг в пути,
Значит, к счастью мы должны прийти.

3 марта 1994

Новосибирск

РАБОТА НАД АЛЬБОМОМ

Так, с начала 1994 года начинается работа над будущим альбомом. Татьяна дает первые интервью на радио. Именно тогда она берет себе псевдоним Снежина. В марте 1994 года дебют в Театре эстрады. Потом год кропотливого и неимоверного труда с верой в успех. Для нее это было все впервые — репетиции, записи в студии, работа с аранжировщиками… и все это в короткие приезды в Москву, в студенческие каникулы и на выходные.

Понимая, что опыта катастрофически не хватает, Татьяна старается петь где только представится возможность — на студенческих конкурсах, в ночных клубах, дискотеках. Самостоятельно занимается вокалом и хореографией. В одном солидном ресторане Новосибирска, прослушав Татьяну, сделали одолжение, разрешив «бесплатно» исполнять несколько раз в неделю эстрадные шлягеры для их посетителей. Исполненная однажды собственная песня вызвала гром аплодисментов и… постепенно репертуар песен Снежиной почти полностью вытеснил традиционный. Ресторан стал переполняться в вечера ее выступлений — публика «шла на нее».

Дебют в Театре эстрады

Работа шла ударными темпами. Иногда за недельный приезд

сестры в Москву студийцы записывали 2–3 песни. Иногда… А так у меня с теми, кто работал с сестрой, — постоянно возникали ссоры, потому что я будучи человеком строгим, не одобрял их вольный подход к своим обещаниям, нашим договоренностям и к труду самой Татьяны. Нередки были случаи, когда сестра, выкроив время в период учебного семестра, а отец еще деньги, прилетала по согласованию с «продюсером» на неделю в Москву. А прилетев, сутками бесцельно просиживала в этом подвале, слушая душещипательные истории из личной жизни, предназначенные специально для девичьих ушей. Выяснялось иногда, что необходимые аранжировки не готовы или что кто-то из членов студии на других заработках и поэтому нельзя сделать запись. И Татьяна, не сделав запланированного, улетала. Я скандалил, а сестра защищала ребят, очевидно, давая им внутреннюю поблажку, как творческим личностям. Часто камнем преткновения были или на скорую руку «сварганенные» фонограммы, которые я требовал переделать, а с меня в ответ — доплатить, либо требования от «продюсера» дать аванс не только за следующую песню, но и за ряд других, которые были только у них в мыслях, объясняя это особенностями творческого процесса. Но все равно работа шла. Я могу признать, что ребята были талантливы. Мне нравились их аранжировки, и даже сейчас, имея на руках записи звезд нашей эстрады с этими песнями, я люблю слушать те, что записаны в том подвале. И, наверное, также заслуга в том харизмы, таланта и голоса моей сестры.

ЗА ЛЕТОМ ОСЕНЬ СОЖЖЕТ МОСТЫ (песня)

Прошла пора ночных звездопадов,
Прошла пора и нашей любви.
Зачем-то мы расстались когда-то,
Но ты сейчас меня позови.

За летом осень сожжет мосты,
В пожаре листьев сгорят мечты,
За горизонтом погаснет свет,
Зови меня туда, где нас нет.

Бродяга ветер сорвет листву,
Намочит дождь сухую траву,
Помчатся птицы за счастьем вслед,
Зови меня туда, где нас нет.

Забудь на миг о том, что расстались,

Закрой глаза на дождь за окном,
Закрой глаза, и лето настанет,
Закрой глаза — мы снова вдвоем.

За летом осень сожжет мосты,
В пожаре листьев сгорят мечты,
За горизонтом погаснет свет,
Закрой глаза, и осени нет.

Бродяга ветер сорвет листву.
Намочит дождь сухую траву,
Помчатся птицы за счастьем вслед,
Закрой глаза, и осени нет.

Ты не смотри, что листья опали,
Забудь про то, что будет зима,
И может быть, мы просто устали,
А может, я виновата сама,

Что осень снова сожжет мосты,
В пожаре листьев сгорят мечты,
За горизонтом погаснет свет,
Раскрой глаза, меня рядом нет.

Бродяга ветер сорвет листву,
Намочит дождь сухую траву,
Помчатся птицы за счастьем вслед,
Раскрой глаза, меня рядом нет.

Верни меня, что б ни случилось,
Найди меня, где б я ни была,
Верни меня, чтоб вновь повторилось
То время счастья, любви и тепла.

За летом осень сожжет мосты,
В пожаре листьев сгорят мечты,
За горизонтом погаснет свет.
Найди меня, ты знаешь мой след.

Бродяга ветер сорвет листву,
Намочит дождь сухую траву,
Помчатся птицы за счастьем вслед.
Верни меня в ушедший рассвет.

Только, если придется с летом расстаться,
Птицы на юг улетят,
Ты снова будешь по свету скитаться,
Я снова буду счастья искать…

10 марта 1994

Новосибирск

ФАНТАЗИЯ СНЕГА (песня)

Фантазией снега придумана встреча
Сердец одиноких холодной зимой.
В безумие ветра их вел вместе вечер,
И ночь уводила дорогой одной.

Они были рядом, роняя несмело
Хрустальные капельки призрачных снов.
А мерзлые окна зимы черно-белой
Пугали теплом бетонных домов.

По зимней дороге под песню метели
От каменных джунглей больших городов
Они уходили и только хотели
Быть просто вдвоем в реальности снов.

Их кружила ночь и заметала снежной мглой
Хрупкой любви след.
Растворяли звезды в вихре бешеных надежд
Нежной мечты рассвет.

С вьюгой по пути им до рассвета не дойти,
Снег заметает.
С первыми лучами недогадливой зари
Мир их растает.

10 марта 1994

Новосибирск

«Танцуй еще, цыган…»

Танцуй еще, цыган,

Пусть ты немного пьян,
Забудь, что ждет тебя за поворотом,
Ты разбуди коня и увези меня
Туда, где спутаны дороги.

Вольного ветра дочь,
Умчусь с тобой прочь,
Легка и весела, в шумный табор.
И нагадает мне цыганка по руке,
Что будет…

11 марта 1994

Новосибирск

ПОЗОВИ МЕНЯ С СОБОЙ (песня)

Снова от меня ветер злых перемен
Тебя уносит,
Не оставив мне даже тени взамен,
И он не спросит,
Может быть, хочу улететь я с тобой
Желтой осенней листвой,
Птицей за синей мечтой.

Позови меня с собой,
Я пройду сквозь злые ночи,
Я отправлюсь за тобой,
Что бы путь мне ни пророчил.
Я приду туда, где ты
Нарисуешь в небе солнце,
Где разбитые мечты
Обретают снова силу высоты.

Сколько я искала тебя сквозь года
В толпе прохожих.
Думала, ты будешь со мной навсегда,
Но ты уходишь.
Ты теперь в толпе не узнаешь меня,
Только, как прежде, любя,
Я отпускаю тебя.

Позови меня с собой,

Я пройду сквозь злые ночи,
Я отправлюсь за тобой,
Что бы путь мне ни пророчил.
Я приду туда, где ты
Нарисуешь в небе солнце,
Где разбитые мечты
Обретают снова силу высоты.

Каждый раз, как только спускается ночь
На спящий город,
Я бегу из дома бессонного прочь
В тоску и холод.
Я ищу среди снов безликих тебя,
Но в двери нового дня
Я вновь иду без тебя.

Позови меня с собой,
Я пройду сквозь злые ночи,
Я отправлюсь за тобой,
Что бы путь мне ни пророчил.
Я приду туда, где ты
Нарисуешь в небе солнце,
Где разбитые мечты
Обретают снова силу высоты.

13 марта 1994

Новосибирск

СОН (песня)

Город спит, ночь вошла
В эти каменные дома.
Вновь со мной до утра
Будут петь разлук ветра.
Твой силуэт рукой обведу
В дымке ночной у звезд на виду.
Ветер коснется пальцев моих,
Напомнив мне тепло рук твоих.

Сон подарит вновь мне твою любовь,
Нежный сон ночной — встреча вновь с тобой.
Сон любви — мираж, смелых звезд кураж,
Вновь меня зовет в свой ночной полет сон…

Эта ночь не спешит,
Дарит мне в своей тиши
Твоего сердца стук
И тепло далеких рук.
Я голос твой услышу опять,
Только когда я буду спать.

Снова во сне верю, любя.
Войди в мой сон, я жду тебя.

Сон подарит вновь мне твою любовь,
Нежный сон ночной — встреча вновь с тобой.
Сон любви — мираж, смелых звезд кураж,
Вновь меня зовет в свой ночной полет сон…

Знаю я, день придет,
Солнце над землей взойдет.
Вздрогнув, сон умчится прочь
В ту страну, где будет ночь.
Я буду ждать и день торопить,
Чтобы еще сон свой испить,
Чтобы опять увидеть тебя,
В сон улететь, не помня себя.

Сон подарит вновь мне твою любовь,
Нежный сон ночной, встреча вновь с тобой.
Сон любви мираж, смелых звезд кураж,
Вновь меня зовет в свой ночной полет сон…

6 апреля 1994

Новосибирск

«Я шептала во сне это имя…»

Я шептала во сне это имя,
Эти плечи во сне обнимала,
Этих глаз чистый свет темно-синий,
Эти губы во сне целовала.

И не верила в то, что случайно
Я в реальности встречусь с тобою,
Что покину свой образ печальный
И оденусь святою любовью.

Я не знала, что ты так же где-то,
Как и я, видишь сны и мечтаешь.
Так же слепо ты бродишь по свету
И находишь не то, и теряешь.

Так же ищешь тот путь, что однажды
Нам подарит с тобою друг друга.
Что подарит тот сон самый важный,
Нам навеянный белою вьюгой.

Я искала среди равнодушных,
Среди каменных лиц твою душу —
И нашла в мире, темном и душном,
Чистый воздух и свет, что так нужен.

И теперь я шепчу твое имя,
Твои плечи, любя, обнимаю,
Твоих глаз чистый свет темно-синий,
Твои губы целую и знаю,

Что с тобой ни за что не расстанусь,
Не уйду никогда и не брошу,
И навечно с тобою останусь,
Мой любимый и самый хороший.

8—9 апреля 1994

Новосибирск

ДОМ НА ВЫСОКОЙ ГОРЕ (песня)

Я нарисую в свой альбом
Рисунок черно-белый простым карандашом —
Высокую гору, на ней грустный дом,
Печальное небо и дождь за окном.

Ты больше не придешь в наш дом,
Где были когда-то вдвоем.
Ты навсегда теперь забудь,
К солнцу нас ведущий путь —

Вверх по горной реке,
В дом на высокой горе.
Вверх по горной реке,
В дом на высокой горе.

Дом этот создан был давно,
Чьей-то мечтой, словно кино.

Было в нем тихо и тепло,
Только для тех, кто верил в него.
Он укрывал от всех забот,
Был так близко у звезд.
И так любила я идти,
Рядом с тобой в пути —

Вверх по горной реке,
В дом на высокой горе.
Вверх по горной реке.
В дом на высокой горе.

Я из альбома вырву лист,
В небо брошу в полет выше птиц.
Пусть ветер унесет его к тем,
Кто ищет счастье давно.
И снова в доме будет свет,
Свет от новой любви.
Пусть он горит в ночи для тех,
Кто будет за нас идти —

Вверх по горной реке,
В дом на высокой горе.
Вверх по горной реке,
В дом на высокой горе.

Вверх по горной реке,
В дом на высокой горе.
Вверх по горной реке,
В дом на высокой горе, вверх…

12 апреля 1994

Новосибирск

ЭХО ДОЖДЯ (песня)

Пусть гром прогремит над грешной землей,
Листва пусть дрогнет от ветра,
Пусть голос мой в небе предгрозовом
Летит к тебе легким эхом.

Эхо дождя, эхо первой грозы долетит до тебя,

Эхо дождя, эхо крика любви, звон разбитого дня.

Пусть гром прогремит, и в каплях дождя
Земля и небо сольются.
Не нужен мне этот мир без тебя.
Лишь дай к тебе прикоснуться.

Эхом дождя, эхом первой грозы дотянусь до тебя.
Эхо дождя, эхо крика любви, звон разбитого дня.

Гром отгремит, и окончится дождь,
Останется все, как прежде,
Но знаю я, ты меня где-то ждешь
И слышишь эхо надежды.

Эхо дождя, эхо первой грозы долетит до тебя,
Эхо дождя, эхо крика любви, звон разбитого дня.

15 апреля 1994

Новосибирск

ЮНЫЙ КАЗАНОВА (песня)

Твои глаза врасплох меня застали,
Когда я так беспомощна была.
Когда любимый мой меня оставил,
Когда уже любви я не ждала.

Глаза твои меня околдовали,
Ты был так виртуозно смел.
Ты блеском слов любить себя заставил,
Ты был так юн, но врать умел.

Соври мне снова,
Мой юный Казанова,
Скажи три слова
Про вечную любовь.
Пусти слезу,
Мне это так знакомо.
Ведь знаю, врешь,
Но верю в эту ложь.

Ты был так увлечен своей игрою,
И в этой роли был король!
Но эти игры не пройдут со мною,
Не первый ты придумал эту роль.

Ты так увлекся, что и не заметил,
Что стал моим теперь навек.
Ты сам себя поймал в расставленные сети.
О Боже, как слаб человек.

Соври мне снова,
Мой юный Казанова,
Скажи три слова
Про вечную любовь.
Пусти слезу,
Мне это так знакомо.
Ведь знаю, врешь,
Но верю в эту ложь.

Теперь ты стал моей марионеткой,
И нити все в моих руках.
Упала на ребро твоя монетка —
Не решкой, не орлом, а просто так!

Но я тебе не расскажу об этом.
Зачем тебе об этом знать.
Ты так красив был в этом пируэте —
Ты будешь снова мило врать.

Соври мне снова,
Мой юный Казанова,
Скажи три слова
Про вечную любовь.
Пусти слезу,
Мне это так знакомо.
Все это ложь,
Но как ты сладко врешь!

24 апреля 1994

«Вечер, как обычно, начат…»

Вечер, как обычно, начат,
Просто не могу иначе,
Просто ты пришел, как прежде,
Тот же, но уже не прежний.
Тихо сядешь и закуришь,
Снова боль мою разбудишь.

Ты со мной, как прежде, танцуешь,
Обнимаешь плечи мои.
Снова мои губы целуешь,
Но глаза погасли твои.

Что-то мы в пути потеряли,
Дальше ты меня не зови.
Мы давно уже отыграли
Роли в старой пьесе любви.

Вечер, ты пришел, как прежде,
Тот же, но уже не прежний.
Вечер как обычно начат,
Просто не могу иначе.
Тихо сядем и закурим,
Снова боль мою разбудим.

28 апреля 1994

Новосибирск

«Окончен праздник, проиграна игра…»

Окончен праздник, проиграна игра,
Мы проиграли времени с тобой,
Вечер ложится шалью пуховой
На плечи красавицы нашей еловой.

И вновь с утра помчится со двора
Людская жизнь мирскою суетой.

28 апреля 1994

Новосибирск

СПРОСИ МЕНЯ (песня)

Как трудно в этом мире жить,
Ждать счастья, верить и любить.
Как сложно верный путь избрать,
Где зло, а где добро узнать.
И если ты совсем устал,
Упал и нет уж силы встать,
Дай руку мне, не надо спать,
Мы вместе будем свет искать.

Спроси меня, и я тебе отвечу —
Где солнца свет, где бледная луна,
Где ураган, а где всего лишь ветер,
Где шторм, а где спокойная волна.
Спроси меня, и я смогу ответить,
Где счастье ты найдешь, а где беду,
Спроси меня, я знаю все на свете,
Лишь потому, что я тебя люблю. Я тебя люблю…

Когда удача ослепит,
И вдруг собьешься ты с пути,
Я снова рядом окажусь,
И у обрыва удержу.
Я покажу тебе рассвет,
На все вопросы дам ответ,
И мы войдем в начало дня,
Ты только лишь спроси меня.

Спроси меня, и я тебе отвечу —
Где солнца свет, где бледная луна,

Где ураган, а где всего лишь ветер,
Где шторм, а где спокойная волна.
Спроси меня, и я смогу ответить,
Где счастье ты найдешь, а где беду,
Спроси меня, я знаю все на свете
Лишь потому, что я тебя люблю. Я тебя люблю…

Когда в кармане пустота,
И есть последняя черта,
Та, за которой больше нет
Ни страха, ни любви, ни бед,
Я покажу тебе рассвет,
На все вопросы дам ответ,
И мы войдем в начало дня,
Ты только лишь спроси меня.

Спроси меня, и я тебе отвечу —
Где солнца свет, где бледная луна,
Где ураган, а где всего лишь ветер,
Где шторм, а где спокойная волна.
Спроси меня, и я смогу ответить,
Где счастье ты найдешь, а где беду,
Спроси меня, я знаю все на свете,
Лишь потому, что я тебя люблю. Я тебя люблю…

1 мая 1994

Новосибирск

«Сколько раз я пыталась пройти…»

Сколько раз я пыталась пройти
Длинный путь до тебя.
Сколько раз я сбивалась с пути,
Но шла дальше, любя…

Сколько раз я стучала в ту дверь,
Где не ждали меня…

ЗВЕЗДА МОЯ (песня)

Звезда моя, ты не сияй в печали,
Не обнажай души моей при всех,
К чему всем знать, что нас с тобой венчали
И райский ад, и непорочный грех.

Зачем теперь ты светишь бесполезно
На боль мою, сломавшую мне грудь?
Мы встретимся с тобой у края бездны,
Я прилечу к тебе когда-нибудь…

Ты знаешь все — то много или мало,
Была со мной ты в каждый миг земной,
Ты в счастье мне так ласково сияла
И плакала в тоске ночей со мной.

Мы прятали за светом дня пороки
И падали бессильно в ночь страстей.
Звезда моя, мы слишком одиноки
В потоке лет и беспросветных дней.

Штыками лжи изранена в сраженьи,
Душой скитаясь в глубине веков,
Я не смогла признаться в пораженьи,
И исповедь не снимет всех оков.

И вот теперь твой свет, как откровенье,
Из чистоты не плачущих небес
Зовет меня к спасению забвеньем…
Звезда моя, ты Ангел или Бес?..

1994

Новосибирск

КАК ВСЕГДА (песня)

С летом все приходит,
С осенью уходит.
Как всегда.
Я теряю снова
И люблю другого.
Как всегда.

Только я не знаю и не понимаю,
Отчего тоска? Если все, как всегда.
Как всегда, сердце плачет за летом.
Как всегда, на душе пустота.
Как всегда, я не сплю до рассвета.
Как всегда, как всегда, как всегда.

Счастье быстро тает,
Будни наступают,
Как всегда.
Рой забот глотая,
Я себя спасаю,
Как всегда.

Только я не знаю и не понимаю,
Отчего тоска? Если все, как всегда.
Как всегда, сердце плачет о прошлом.
Как всегда, душу греет мечта.
Как всегда, думаю о хорошем.
Как всегда, как всегда, как всегда.

Дни летят за днями,
Не считаясь с нами,
Как всегда.
Жизнь проходит мимо,
Улыбаясь мило,
Как всегда.

Только я не знаю и не понимаю,
Отчего тоска? Если все, как всегда.
Как всегда, птицы тянутся к югу.
Как всегда, замерзает вода.

Как всегда, мы теряем друг друга
Навсегда, навсегда, навсегда.
с летом все приходит,
С осенью уходит,
Как всегда…

15 июня 1994

Новосибирск

ПРОЩАНЬЕ (песня)

Вот и пролетел мой краткий миг забвенья,
Время мечты, время спасенья
От суеты, от серой суеты,
Миг, где рядом ты, рядом ты, рядом ты, милый мой.

Еще одно прощанье,
Еще одна разлука.
Любви с тоской венчанье,
Души избитой мука.
Последняя минута
Пройдет, и будет вечность
Ожиданья новой встречи.

Еще одно прощанье,
Еще одна разлука,
Ненужных слов звучанье
Жестокая наука.
И губ немых дрожанье,
Разнятых рук страданье
Навсегда оставит память.

Вихрем птичьих стай и желтым листопадом
Мокрый сентябрь душу изранит.
Не отпускай, не отпускай меня,
Не дай мне уйти, мне уйти, мне уйти, милый мой.

Сколько было встреч и сколько расставаний,
Сердце болит в предчувствии скитаний
По той земле, где нет следов твоих,
И нет тебя, нет тебя, нет тебя, милый мой.

25 июня 1994

Новосибирск

РЕГГИ (песня)

Лето далеко было лишь вчера.
Я его ждала, тайну берегла,
И несло меня в дальние моря.

Чтоб не занесло, ты держал меня.
За тобой парус нес меня в синюю даль,
Но немножко на сердце печаль —
Просто лето окончилось. Жаль…

Регги, грустный мотив
Нам дарила волна.
Солнце, в море остыв,
Грело нас дотемна.
Где ты, нежный каприз,
Тайна звездных миров,
С моря ласковый бриз
Из сиреневых снов?

Небо нам дарило звездные дожди.
Тихо ночь шептала утру: «Подожди».
В этом мире лета были мы одни.
И любовь несла нам сказочные дни.
А теперь, остудив раскаленный асфальт,
Небо стало холодным, как сталь.
Вот и кончилось лето, как жаль…

Регги, грустный мотив
Нам дарила волна.
Солнце, в море остыв,
Грело нас дотемна.
Где ты, нежный каприз,
Тайна звездных миров,
С моря ласковый бриз
Из сиреневых снов?

Было так тепло душам и телам.
Солнце и луну делили пополам.
Пеною морской таяла мечта,
И сменила сон птичья суета.
Горизонт стал тропой улетающих стай,
И разбилась любовь, как хрусталь.
Наше лето окончилось. Жаль…

Регги, грустный мотив
Нам дарила волна.
Солнце, в море остыв,
Грело нас дотемна,
Где ты, нежный каприз,

Тайна звездных миров,
С моря ласковый бриз
Из сиреневых снов?

3 июля 1994

Новосибирск

ТЕПЕРЬ Я НЕ ТА (песня)

Боль стерлась годами,
Теперь я не та.
И в дальние дали
Умчалась мечта.
Я больше не плачу,
Я стала другой,
И вижу иначе
Разлуку с тобой.

От этой разлуки
Стараясь бежать,
Ломала я руки,
Чтоб сердцу не дать
Упасть и разбиться
С той высоты,
С которой тогда ты
Сказал мне: «Лети».

Но даже, если ты потом придешь
После долгой разлуки,
В сердце ты не войдешь,
И не поймешь тогда,
Когда придешь,
Что мы стали чужими,
Что назад не вернешь,
Что было.
Даже, если ты придешь,
Сердце вновь не забьется,
Даже если придешь…

3 июля 1994

Новосибирск

«Ты любишь солнце — я люблю дождь…»

Ты любишь солнце — я люблю дождь.
Ты любишь день — я люблю ночь.
Два разных берега моря любви.
Пусть далеко я, но ты доплыви.

Я не могу без тебя одна
Ждать одинокую ночь у окна.
И пить разлуки бокал до дна
Я не могу без тебя одна.

Мне очень плохо так жить одной,
Грустить в ночи на пару с луной.
И только в памяти ты со мной…
Мне очень плохо так жить одной.

На море шторм, но я доплыву
На корабле из грез наяву.
Я заберу тебя в город мечты,
В котором вместе давно я и ты.

Я не могу без тебя одна
Ждать одинокую ночь у окна.
И пить разлуки бокал до дна
Я не могу без тебя одна.

Мне очень плохо так жить одной,
Грустить в ночи на пару с луной.
И только в памяти ты со мной…
Мне очень плохо так жить одной.

Я буду долго у берега ждать,
День и ночь волны считать.
Наступит миг — мы будем вдвоем
На корабле твоем и моем.

Я не могу без тебя одна
Ждать одинокую ночь у окна,
И пить разлуки бокал до дна
Я не могу без тебя одна.

Мне очень плохо так жить одной,
Грустить в ночи на пару с луной.

И только в памяти ты со мной…
Мне очень плохо так жить одной.

17 июля 1994

Новосибирск

«Брызги дождя…»

Брызги дождя
И соленой волны,
Ты без меня,
Ты в объятиях тьмы.

Тьма ночная,
Дрожь немая,
Рук твоих
В блестках звезд.

Ночь слепая,
Нас не зная,
Пьет вино
Твоих грез.

28 августа 1994

Новосибирск

«Когда разрушит сентябрь…»

Когда разрушит сентябрь,
Что было лишь для нас двоих,
Осеннего храма звонарь
Пробьет время — все забыть.

И эти слезы не помогут,
Наши души воскресить не смогут.
Эти слезы опоздали…

8 сентября 1994

Новосибирск

ПЕСНЯ ДЛЯ ТЕБЯ (песня)

Я спою сегодня эту песню для тебя,
Пусть ее никто не слышит, кроме нас.
Сколько лет сгорело там, где был я без тебя,
Сколько рядом было незнакомых глаз.

Сколько лет, сколько зим,
Как судьба меня бросала.
Я пришел, я простил,
Если ждать меня не стала.

На меня поднимешь те же гордые глаза,
Я еще их помню столько лет.
Так же вслед смотрела, не вернув меня назад,
Так же молча без меня гасила свет.

Сколько лет, сколько зим,
Как судьба меня бросала.
Я пришел, я простил,
Если ждать меня не стала.

Что же ты не спросишь, где я был, кого любил,
Может, ты совсем забыла обо мне.
Ну а впрочем, я ведь просто мимо проходил,
И напомнил прошлое мне свет в окне.

Сколько лет, сколько зим,
Как судьба меня бросала.
Я пришел, я простил,
Если ждать меня не стала.

Я сегодня без цветов и ты меня прости.
Я растратил все — и деньги, и года.
Там, где я бывал, такие не растут цветы,
И время нас с тобой излечит навсегда.

Сколько лет, сколько зим,
Как судьба меня бросала.
Я пришел, я простил,
Если ждать меня не стала.

8 сентября 1994

Новосибирск

ГИМН СТОМФАКА (песня)

Когда Господь наш мир творил
Из мягкой серой глины,
Он добрым людям подарил
Стремленье к медицине.

Новосибирский институт
Поможет нам в себя поверить,
Ведь не напрасно все мы тут
И в мудрость приоткрыли двери.

Судьба студента нелегка —
Семестры, сессии, зачеты…
Но всем поможет деканат,
Ему несем свои заботы.

И если вдруг ты станешь слаб,
Поддавшись ложному искусу,
Твой мудрый капитан — Декан
По верному направит курсу.

Пока на свете люди есть,
А у людей есть зубы —

Стомфак со скуки не умрет,
Нам всем работа будет.

Наук нам всех не перечесть,
Не переделать всей работы.
Но гиппократовская честь
Всегда подскажет людям — кто ты!

Сентябрь 1994

Новосибирск

ТРАМВАЙЧИК СТАРЕНЬКИЙ (песня)

Трамвайчик старенький, колесами гремя,
Меня увозит в ночь туда, где ждут меня
Моя тоска и боль.
В мой мир, где ты со мной.

В мой дом, где нет тебя,
Где одиночество и я.
Открою дверь ключом, войду в пустынный дом
И мокрый плащ сниму, намокший под дождем.
И не включая свет, на тихий шаг в ответ
Вдруг скрипнувший паркет
Шепнет — «Тебя здесь больше нет».

Слеза блеснет во мгле, окутавшей мой дом,
В котором лишь вчера ты был со мной вдвоем.
И снова ночь без сна,
И я опять одна.
Любовь, как призрак, вновь
Скользит по стенам в стае снов.

Мерцает свечки свет, твой маленький портрет
Как будто оживет, улыбкой позовет.
И я бегу опять
В ночи тебя искать,
Но отрезвит рассвет —
Тебя со мною больше нет…

15 сентября 1994

Новосибирск

«Ты не слушай эту песню…»

Ты не слушай эту песню,
Лучше потанцуй.
Эта песня не для сердца
И не для ума.
Не ревнуй свою подругу,
Просто поцелуй,
И она тебя на танец
Пригласит сама.

НОВЫЙ ЭТАП

В студии в тот год была записана 21 песня, которые Снежина мечтала объединить в альбом под названием «Вспомни со мной». Как тогда говорила Татьяна: «Это песни, которые получились из моих диалогов с собой, с моей душой, из моих слез и моих радостей, из моей жизни».

В начале февраля 1995 года — очередной приезд в Москву. Приезд за итоговым материалом. Приезд с сердцем, полным надежд на «друзей из студии», которых она полюбила и которые ей много обещали. Обещали… Можно долго писать про низкое качество итоговых записей, про несостоятельность их «прожектов раскрутки», про требование дополнительных денег… Но для молодой девушки это было — просто предательство. Предательство людей, тех, кто называл себя ее друзьями, кого она не забыла в своей автобиографии, предательство рядовое, банальное и, стало быть, не только ранящее, но еще и убивающее что-то светлое в душе. И почти как следствие этого — крушение мечты, веры, творческих планов. Предчувствуя надвигающуюся душевную травму, она еще в 1994 году написала в своей тетрадке строки:

Рассыпались слова.
Как бисер старых бус,
Остыла голова,
Я больше не вернусь.

Не было уже «мечты в душе», «друзей у плеча», и «свет вдалеке» готов был тоже померкнуть. Татьяна на какой-то миг

перестала мечтать, перестала верить в справедливость, перестала творить. Она говорила: «Зачем, кому это нужно, тем более теперь, когда это не нужно даже мне».

И застыла душа, и слова невпопад…
Мысли роем уносят сознание в ад.
Что-то было не так, ничего не вернуть,
И надорванный парус зовет в странный путь…

Но это были эмоции — эмоции молоденькой, ранимой девушки, естественные эмоции простого человека. Конечно, душа страдает и ищет выход. Таня вновь пишет. Но то, что появляется из-под ее пера, пронизано ощущениями бессилия перед жестокостью жизни:

И снова в этой суете,
В потоке серых скучных будней
Пью каплю света в темноте —
Любовь и праздники не те…

Конец февраля 1995 года. Татьяна, пересилив разочарования, начинает поиск в Новосибирске нового творческого коллектива.

Именно в этот момент в ее жизни появился Сергей, человек, которого она полюбила и с которым вместе она уйдет в Вечность… Но это будет потом, а пока преуспевающий российский музыкальный продюсер и руководитель студии «M & L Art» Сергей Бугаев в числе других творческих личностей города получает и прослушивает аудиоматериал очередной «претендентки на эстраду», материал Татьяны Снежиной. Как он потом сам признавался не раз в кругу друзей, кассета с ее песнями незаметно перекочевала из стен студии к нему в автомобиль, и он несколько недель слушал Танины песни, слушал, забывая на миг, что это материал для работы. Слушал как обычный человек, слушал простые проникновенные слова:

Я нарисую в свой альбом
Рисунок черно-белый простым карандашом.
Высокую гору, на ней грустный дом,
Печальное небо и дождь за окном…

Весной 1995 года Татьяне Снежиной поступило предложение от Сергея Бугаева работать в его студии.

Первые этапы этой работы были вначале похожи на бесконечные битвы — Татьяне не нравились трактовки ее песен аранжировщиками, аранжировщики, в свою очередь, не видели «коммерческих перспектив раскрутки ее материала». Эти трения, которым, казалось, не будет конца, возвращали в душу Татьяны боль и неверие, которые стали затихать после неудачного периода работы с московской студией.

А на улице дождь
Льет на окна печаль.
Все, конечно, пройдет,
Только прошлого жаль…

В этот критический момент Татьяне очень помогли талант и работоспособность Бугаева. Где-то терпением, а где-то жесткостью он добился взаимопонимания и творческого настроя в своем коллективе. Сама Снежи на рассказывала: «Работа проходила по-разному. Бывает, спорим, даже ругаемся, но постоянно приходим к какому-то решению и результату. Если речь идет о моем творчестве, о том, что вышло из меня, то Сергей Иванович нередко мне уступает, дает мне больше высказаться, если же речь идет о профессиональной стороне, о сцене, аранжировках — я доверяю больше Сергею Ивановичу…» И стали появляться новые песни Снежиной. Они рождались трудно, работа велась кропотливо и тщательно. Некоторые песни записывались по 2–3 месяца, и это было так не похоже на то, как это делалось раньше, когда «московские друзья» умудрялись сделать аранжировку и запись 4–5 песен за неделю.

В мае 1995 года дебют новой песни Снежиной — «Музыкант».

Музыкант до рассвета
Пел мне песенку эту.
Что найду — я не знала,
Но уже не искала
Я к дороге обратной следы…

Работа шла, и немного менялся Танин стиль, и менялся подход студии к ее творчеству, они взаимно влияли друг на друга, и в воздухе уже витало ожидание рождения гармонии, которой так не хватало нашей эстраде. Как потом вспоминал один из аранжировщиков, «мы слишком долго пытались подтянуть Танины песни под мировые стандарты и неожиданно поняли, что это невозможно. То, что она пишет, не нуждается в

сколь-нибудь серьезных обработках, все, что она пишет, должно звучать почти в нетронутом виде потому, что это то, что мы ждали, искали и долго не могли найти…». Бугаев и сам в одном из телевизионных интервью признался, что это была их удача — найти в одном лице и автора музыки, песен, и талантливого исполнителя. И понимая, наверное, в чем-то порочность современной эстрады, добавил: «В наших планах нет создания поп-дивы… это ни в коей мере не коммерческий проект… мы хотим, чтобы Танины песни просто услышали, чтобы у нее появилась своя аудитория…»

И эта аудитория стала появляться: были первые победы на различных конкурсах, первые овации и первые неудачи, первые телевизионные интервью и выступления, поклонники. Но Татьяну внешняя сторона жизни не прельщала, не являлась самоцелью. Главное для нее было писать песни и петь их для людей, пробуждая давно забытые чувства:

А где-то в распахнутом настежь окне
Горел мягкий свет, и, словно во сне,
Летели снежинки на свет в окне том
Под музыку, что напевал патефон.

Вот что она сказала в одном из интервью: «Я не ставлю сверхзадач, я просто иду шаг за шагом, пока хватает сил и дыхания…» И это не пустые слова. Снежина была очень работоспособным и требовательным к себе человеком. Она постоянно терзала себя вопросом, что живет не так, что еще мало сделала.

Скажи, что стоит жизнь моя?.
Рисунков пару черно-белых
Да несколько стихов незрелых?..

Творила везде, где могла, писала стихи на салфетках в кафе, на билетах в транспорте. Семья Снежиной бывала буквально в шоке, когда ее стихи находились повсюду, в конспектах, в бумажном мусоре и т. д. Она любила говорить: «Вот надоест писать, появится много времени, тогда возьмусь за старые записи — обработаю».

Но жизнь не давала ей передышки — учеба в институте, занятия хореографией, уроки вокала, репетиции, записи…

И казалось, что именно сейчас ей улыбнулась счастливая звезда — у нее была любимая работа, талантливый продюсер и

друг, хороший творческий коллектив, был создан проект развития ее творчества. Планировалось в сентябре выпустить магнитоальбом, потом ряд клипов, к зиме за рубежом — лазерный диск. Но, очевидно, помня о своем нелегком пути к успеху, о тех трудностях, которые предстоит преодолеть молодым талантам, Татьяна вместе с Сергеем создает Благотворительный культурный фонд помощи молодым исполнителям. Впереди было много целей и задач, и она бы с ними справилась… Но в душе было одиночество.

Одиночество — мой век. Одиночество
Рядом с именем моим, словно отчество.

И тут Судьба сделала еще один подарок Снежиной — Любовь…

ПЕВИЧКА (песня)

Ресторанная певичка,
Захмелевших душ отмычка.
Вы шампанское отставьте
И на миг себе представьте:

Я стою, и эта сцена —
Моей жизни Мельпомена.
Вы сидите в дымном зале.
Только, если бы вы знали:

Разменяв мечту на будни,
Праздник жизни на полудни,
Я дарю все, что осталось
На душе…

30 сентября 1994

Новосибирск

«А душа устала изливаться…»

А душа устала изливаться
И держит все в себе,
Чтоб не упасть и не сорваться,
И не разбиться в пустоте.

«Последний день… И я не верю…»

Последний день… И я не верю,
Что можно что-то изменить.
Иду в распахнутые двери
От тех, что не могу открыть.

Последний день… И что там будет
За гранью этой темноты.
Последний день… Он нас рассудит.
Последний день запомнишь ты.

«Рассыпались слова…»

Рассыпались слова,
Как бисер старых бус.
Остыла голова,
Я больше не вернусь.

Не стоит собирать
Обрывки скучных фраз,
Теперь нам не догнать
Летящих в прошлое нас.

1994

Новосибирск

«И застыла душа, и слова невпопад…»

И застыла душа, и слова невпопад…
Мысли роем уносят сознание в ад.
Что-то было не так, ничего не вернуть,
И надорванный парус зовет в странный путь…

И любовь не любовь, и мечта не мечта,
И дорога в цветах оказалась не та…
За туманом судьбы, за кромешною тьмой
Ветер странных надежд снова спорит со мной.

Засосет и утопит болотная мгла,
И у цели сломавшись, собьется стрела…

10 октября 1994

Новосибирск

«А на улице дождь…»

А на улице дождь
Льет на окна печаль.
Все, конечно, пройдет,
Только прошлого жаль

«Мне некому больше звонить по ночам…»

Мне некому больше звонить по ночам.
Теперь я другая и больше не верю
Ни ласковым взглядам, ни сладким речам.
И в душу мою заколочены двери.

18 октября 1994

Новосибирск

«Туман над городом, туман…»

Туман над городом, туман.
Ночной дороги призрачная пыль.
И в лунный бубен бьет слепой шаман…
Все то ли сказка, то ли быль…

От счастья прошлого дурман
Проходит, как похмелье, тяжело.
Я так любила, но любовь — обман…
Мне не поднять теперь крыло.

Туман ночной
Сейчас со мной
Росинкой на душе.
Укрой меня,
Спаси из дня,
Где места нет уже.

Закрыта дверь, обратно нет пути,
Да и не стоит ворошить листву…
Закрыть глаза и наугад идти —
Вот все, что я сейчас смогу.

Туман обнимет и согреет ночь,
Застынет призраком немым в окне,
И дрогнут свечи, если вдруг я прочь
Исчезну в млечной пелене.

Туман ночной
Сейчас со мной
Росинкой на душе.
Укрой меня,
Спаси из дня,
Где места нет уже.

Туман над городом, туман.
Ночной дороги призрачная пыль.

И в лунный бубен бьет слепой шаман…
Все то ли сказка, то ли быль…

19 октября 1994

Новосибирск

«Стой, моя печаль…»

Стой, моя печаль,
Не гони меня
В слез минувших даль,
Не гаси огня.

Ветром перемен
Душу не студи,
Холода измен
Пусть будут позади.

Стой, печаль моя…

25 октября 1994

Новосибирск

«Есть день и ночь в моем окне…»

Есть день и ночь в моем окне.
Я вижу пятна на луне,
Я вижу солнца яркий свет.
Есть только свет, а пятен — нет.

Есть небеса, но высоко.
Есть горизонт, но далеко.
За горизонтом ждет звезда,
Но стынет в сердце пустота.

Есть небеса, но высоко.
Есть горизонт, но далеко.
За горизонт летит мечта,
Есть два крыла и высота.

Мой ангел-хранитель,

Мой ветер в ночи,
Ты держишь в ладонях
Огонь от свечи.

Ты был моей тенью,
Теперь ты мой свет.
Мой ласковый ветер,
Несущий от бед,

Когда я теряю себя в пустоте…

Ночь с 1 на 2 ноября 1994

Новосибирск

«Сон дальних странствий…»

Сон дальних странствий,
Стон птицы ночной,
Тень ночи летящей
Позовут нас с собой.
И руки уставшие
Заденут струну
И выдадут тайну,
Где сны дальних странствий,
Тайна моя —
Ночи и дни,
Ты — мой, я — твоя.
Сны дальних странствий
В долинах мечты,
Дорогой любви
Вдвоем, я и ты.

6 ноября 1994

Новосибирск

Я ВОЗВРАЩАЮ ВСЕ НА СТАРЫЙ КРУГ… (песня)

Я возвращаю все на старый круг,
Где нет печали, боли и разлук.
В тот мир, где крылья были вместо рук,
Я возвращаю все на старый круг.

Я заблудилась в джунглях суеты.
Я дверь закрыла в дом своей мечты.
Из сумасшедшего чужого дня
Я так хочу вернуть саму себя.

Прочь отгоняя грезы,
Перечеркнув вопросы,
Я возвращаюсь на забытый круг.

В тот дом, где музыка моя жила,
Где, как цветок, моя любовь цвела.
Там у окна грустит забытый друг,
Душой остывший без единства рук.

Я с покаянием вернусь в тот дом
И на колени встану пред крестом,
Молитвою святою с грешных губ
Перечеркну немую тишину.

Зажгу, как прежде, свечи,
И лишь прольется вечер,
Я мелом начерчу спасенья круг.

Пусть время вспять уже не повернуть,
В цветок засохший жизни не вдохнуть,
Мой белый круг зовет меня шагнуть,
И я по кругу продолжаю путь.

Я возвращаю все на старый круг,
Где нет печали, боли и разлук.
В тот мир, где крылья были вместо рук,
Я возвращаю все на старый круг.

Я с покаянием вернусь в тот дом
И на колени встану пред крестом.
Молитвою святою с грешных губ
Перечеркну немую тишину.

Пусть будет очень больно
На раны сыпать солью,
Я возвращаюсь на забытый круг…

В ночь с 12 на 13 ноября 1994

Новосибирск

«Пусть я жила без времени…»

Пусть я жила без времени,
Пусть я жила неправедно.
Вы лишь теперь простите мне
И все поймите правильно.

Там, где сойду на полпути,
Тает под солнцем черный снег,
Бродит весна на паперти,
Как подаянья, просит свет.

Там, где сорвется тело вниз,
Душу расправят ангелы,
И со стихами светлый лист
В клочья порвут архангелы.

И если жизнь начать с нуля,
Чтобы не так, как было в ней,
Разве прервет свой путь Земля?
Разве смогу я быть сильней?

Пусть догорит заката луч,
Пусть все пройдет, и ночь, и день,
Там далеко в долине туч
Взмахнет вам на прощанье тень.

И мир забудет обо мне.
Я буду там, где ждут меня.
Только вернусь в глубоком сне,
Если вдруг позовут меня.

Там, где сорвется тело вниз,
Душу поднимут ангелы,
И под звенящий ветра свист
Погасят свет архангелы.

Пусть я жила без времени,
Пусть я жила неправедно.
Вы лишь теперь простите мне

И все поймите правильно.

И будет так, как я хочу.
И будет так, как ждали вы.
Я белой птицей улечу,
Крылами не задев травы.

15 ноября 1994

Новосибирск

МУЗЫКАНТ (песня)

Скрипучей старой телегой устало
Сползала ночь на застывший закат…
И там, где света полоска осталась,
Словно призрак возник музыкант.

Он был послан мне светом далеким,
Сочетаньем таинственным звезд,
Тихим голосом пел невысоким
Мне о том, что меня дальше ждет.

Музыкант до рассвета
Пел мне песенку эту.
Я забыла беды свои.

Что найду, я не знала,
И уже не искала
Я к дороге обратной следы.

В телеге ночи мы ехали рядом,
Упряжку звезд погоняли ветра,
Я согрета была нежным взглядом
И мелодией снов до утра.

И, накинув пиджак мне на плечи,
Этот призрак мне тихо сказал:
«Спой со мной и тебе станет легче,
Я себя только песней спасал».

Музыкант до рассвета
Пел мне песенку эту.
Я забыла беды свои.
Что найду, я не знала,
Но уже не искала
Я к дороге обратной следы.

Музыкант был судьбы воплощеньем,
Зыбкой жизни моей силуэт.
Он был послан ко мне как спасенье,
Словно рифме забытой поэт.

Он меня воскресил из забвенья.
Он мне душу вернул и любовь.
Музыкант стал моим вдохновеньем
И я знаю, что с ним встречусь вновь.

Музыкант до рассвета
Пой мне песенку эту.
Я забуду беды свои.
Что найду, я не знаю,
Но навсегда потеряю
Я к дороге обратной следы.

1994

«Музыка, как море…»

Музыка, как море,

Штормит, меня качает,
Штиль — я на плаву,
Водоворот — и я тону.

«Дождь. И ты не придешь…»

Дождь. И ты не придешь,
Мокрый плащ не снимешь в прихожей.
Не обогреешь рук у огня.
Не обнимешь, как прежде, меня.

Дождь. И ты не ждешь
Встреч со случайной прохожей.
Спешат часы, время гоня,
Против тебя и меня.

«Пообещай, что ты вернешься…»

Пообещай, что ты вернешься,
Не затеряешься, найдешься.
Что ты отыщешь путь назад,
И наши встретятся глаза.

Пообещай мне снова встречу,
Пусть через год, пусть через вечность…

«Я забираю грусть твою…»

Я забираю грусть твою,
Чтоб весел был твой путь,
Я оставляю тень твою,
Чтоб не болела грудь,

Когда в тоске ночей немых
Я не найду тебя,
От дней жестоких и скупых
Тень сбережет меня.

Я начинаю вновь с того,
Что вспоминаю образ твой.
Теперь не будет ничего,

Что было связано с тобой.

Я отрываю эту тень,
Бросаю в бездну прошлой тьмы.
Пускай наступит новый день,
Где разминемся всуе мы…

18 ноября 1994

Новосибирск

«Корнет со страстью руку целовал…»

Корнет со страстью руку целовал
Своей возлюбленной графине,
Огонь, безумствуя, ласкал
Дрова в пылающем камине.

А конь усталый снег топтал…

22 ноября 1994

Новосибирск

«Безумство страсти, ночь без сна…»

Безумство страсти, ночь без сна,
И вновь во власти грез луна.
И холод зимний за окном
Ведет войну с твоим огнем.

Когда рождается мечта,
Теряет власть свою судьба,
Короткой жизни виражи
Растают словно миражи.

Когда ты будешь далеко
От суеты забот мирских,
Взлетишь свободно и легко
Над морем душ и тел людских.

И ты увидишь с высоты,
Каким был Мир, каким был ты,

Как разбиваются мечты
О скалы зла и суеты…

22 ноября 1994

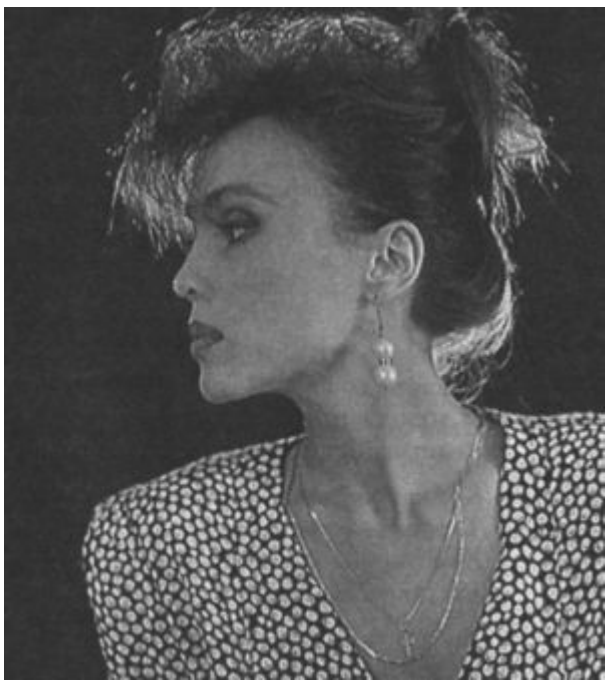
Новосибирск

«Твоей мечтала стать я тенью…»

Твоей мечтала стать я тенью.
А стала тенью над тобой.
Хотела быть попутным ветром,
А стала на пути горой.

Ноябрь 1994

Новосибирск



«В дыму сгоревших дней…»

В дыму сгоревших дней
Тает ночь.
Растаял воск свечи,

Не в силах ей помочь.

И растает ночь, и придет рассвет
В мир, где нет любви.
В жизнь, где счастья нет.
И растает ночь, и придет рассвет.

Туман любви за ночь
Стал росой,
И я шагаю прочь
По ней ногой босой.

И была права ледяная мгла,
Когда все сожгла.
Все сожгла дотла.
Как была права ледяная мгла.

13 декабря 1994

Новосибирск

«Дальние страны, как прежде, влекут меня…»

Дальние страны, как прежде, влекут меня.
Звездные дали манят красотою огня.
Там, где кончается быль, где мечтою взлетала,
Я начинаю свой путь с самого начала.

1 января 1995

Новосибирск

«Ночь на Рождество…»

Ночь на Рождество,
Тайны волшебство,
Приоткрой завесу
И войди в мой дом.

Свечи на окне.
Тени на стене.
Сказка до рассвета
Закружит мой сон.

7 января 1995

Новосибирск

«Зима. Под белым покрывалом…»

Зима. Под белым покрывалом,
В шелках холодных января
Любовь моя летать устала
И спит в заснеженных краях.

И ты моей души не тронешь,
Не смей — я больше не твоя.
В снегах ты счастье похоронишь,
Вернуть его стараясь зря.

Печаль последнею слезинкой,
Упав с моих весенних глаз,
К тебе холодною снежинкой
В окно влетит еще не раз.

Закружит тебя зима, закружит,
Вихрем вьюги ледяной заворожит.

7 января 1995

Новосибирск

ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕР (песня)

Опять метель, рисуя на окне,
Напоминает о зиме.
И ветер призрачных надежд
Рвет тени судеб на стекле.

В огнях ослепли зеркала,
В уставший вечер ночь вошла.
И свет простуженной луны
Мешает с болью дни и сны.

Последний ветер,
Ветер тайны земной закружит надо мной.

Последний ветер,
Он меня унесет и уже не вернет.

Когда я забуду обо всем,
И навсегда покину дом,
Надев на клавиши вуаль,
Оставив тени и печаль,

Огонь погаснет навсегда.
И полетит за мной тогда
По следу гаснущей звезды
Последний ветер от судьбы.

Последний ветер —
Ветер силы чудес из дыханья небес.
Последний ветер —
Ветер синих морей, ветер песни моей

Позовет меня из суеты
За собой туда,
Куда летят мечты,
Унесет в страну, где спят века…

8 января 1995

Новосибирск

«Мы ждали принцев и принцесс…»

Мы ждали принцев и принцесс.
Мы ждали счастье из чудес,
Искали горы до небес…

12 января 1995 года

ОДНА…

Одна… Одна… И дотемна
Разорван день на свет и тень.
Одна… Одна со мной луна
В тоске ночей льет свет ничей.

Льет свет в окно, где так темно,
Где холод рук замкнулся в круг,
Где солнца луч в пучине туч,
Где дотемна одна, одна…

И так устав, и крест приняв,
Глаза пусты, в слезах мечты.
Одна… Одна со мной луна
В тоске ночей льет свет ничей…

15 января 1995

Новосибирск

«Я так стремилась к высоте…»

Я так стремилась к высоте,
Искала счастье в каждом миге.
Любимых лица, все не те,
Теряла, вновь летя к Земле…

Пусть будет холодно в душе,
Я все равно тебя найду.
Пусть ты меня не ждешь уже,
Когда-нибудь, но я приду.

Я замираю в пустоте,
В потоке серых скучных будней,
Пью каплю света в темноте —
Любовь и праздники — не те.

Пусть эта жизнь меня не ждет,
Пусть улетает в никуда.
Секунда счастья не спасет,
Когда погаснешь навсегда.

Я снова в замкнутом кругу
Листаю книгу дней прошедших,
Не различая на бегу
Следов в истоптанном снегу.

И пусть в глазах давно зима,
Ты не со мной еще пока,

Я все придумаю сама
Про счастье в замке из песка.

Ну а потом, когда метель
Поможет мне найти твой остров,
В твоих глазах увижу тень —
И ты окажешься не тем…

И снова в этой суете,
В потоке серых скучных будней
Пью каплю света в темноте —
Любовь и праздники не те…

13 февраля 1995

Новосибирск

«Усталые странники — ночи и дни…»

Усталые странники — ночи и дни,
Идут вслед за мною в тот мир, где огни,
Нежданные встречи, как шутки судьбы,
О боли прошедшей забыть не дадут.

«Плакала ночью звезда…»

Плакала ночью звезда
О том, что ушло навсегда,
О том, что напрасно сияла
И солнце достать не смогла.

10 апреля 1995

Новосибирск

«Постой, звезда…»

Постой, звезда,
Не падай,
Дождись меня,
Мы вместе улетим.

10 апреля 1995

Новосибирск

«Найди меня в стране забытой…»

Найди меня в стране забытой,
Узнай мои следы…

КУКУШКА

Этот звонок был неожидан. Вернее, не он, а то, что я услышал. Звонила мама с сообщением, что, возможно, сестра скоро выйдет замуж. Как выяснилось, тот самый продюсер, который с ней работал последние месяцы, объяснился в любви и собирается сделать предложение. Но сестра была в раздумье и почему-то хотела посоветоваться со мной. Прервать ненадолго рабочий год и немного отдохнуть от московских будней было милое дело, да к тому же по такому поводу. Поэтому, отпросившись у начальства на неделю, я вылетел в Новосибирск. Родители были, как всегда, гостеприимны и хлебосольны. Отец с ходу запланировал для любимого сына мероприятия для отдыха: баня, рыбалка… Но я по природе всегда был любопытен, поэтому не стал «тянуть резину» и сразу приступил к делу. Толком даже не отдохнув после четырехчасового перелета, я предложил познакомить меня с «этим Сергеем Бугаевым». Если честно, я волновался: во-первых, он был старше меня на 6 лет, во-вторых, он был незнакомым для меня человеком, плюс ко всему продюсером моей сестры, а главное — я понимал важность момента — «да» или «нет» в судьбе Татьяны, она сказала еще по телефону, что мое мнение очень важно для нее.

Разговор с самого начала не клеился. Сергей очень волновался, почти заикался, от этого беспрестанно краснел, и мне даже показалось, что у него дрожат руки. Может быть, конечно, виной тому был я, сидевший достаточно картинно за столом, и посадив его напротив, почти как на допросе, задававший ему достаточно непростые и серьезные вопросы. Если честно, я просто первый раз был в такой «серьезной и важной» роли. В какой-то момент, сжалившись над ним и решив немного растопить лед, все же сестренка мне сказала незадолго до этого, что «возможно, любит его», я неожиданно поинтересовался по-мужски — «а

может?», сделав многозначительный взгляд. Сергей понял намек сразу и, обрадованно сообщив, что в багажнике машины есть бутылка текилы, побежал за ней. Когда через час мы ее «приговорили», из-за стола встали почти друзьями. Как можно было плохо относиться к человеку, который без остановки мне говорил, как любит мою любимую сестру, какая она талантливая, чудная, красивая и… самая лучшая на свете и на что он готов ради нее. И говорил он, я уверен, искренне.

А вечером мы семьей поехали на дачу. Над ширью Оби на запад плыли облака, весеннее солнце, уходя за кромку горизонта, наполняло лес золотой дымкой пыльцы цветущих сосен. Пока родители накрывали на стол, мы с Таней пошли прогуляться на берег.

Некоторое время шли молча, смотрели под ноги, нарочито загребая ими опавшие иголки.

— Ну, как он тебе? — нарушила тишину Татьяна.

Я сдержанно поделился своими впечатлениями, в том числе и некоторыми сомнениями. Но, впрочем, все равно мой вердикт звучал скорее положительно, чем нет. Тем более, я видел, что Сергей нравится сестре и нравится моим родителям. Но был главный вопрос в этой истории, который я и задал, закончив свой монолог.

— А что тебя смущает? Ты, что, его не любишь? Тогда о чем говорить? Если нет, хочешь, я ему все объясню? Да и наша мама ничего сейчас не поймет, что с тобой происходит. Она просила меня поговорить с тобой и разобраться. Танюш… ты же знаешь, я всегда на твоей стороне.

— Понимаешь, дело не в любви. Дело в замужестве. Мы не

будем вместе. Нам это не суждено, — продолжая задумчиво смотреть под ноги, как-то очень серьезно и даже поэтому не грустно ответила Таня.

— В смысле? Откуда тебе знать, суждено, не суждено? Если любишь, если уверена, что он тебя тоже, то в чем проблема?

— Я не проживу больше года и поэтому нам не быть вместе. Я знаю.

— Что за бред, Татьяна? И из-за этой ерунды я летел из Москвы? Почему не проживешь?

— Я знаю, я чувствую, что мне осталось очень мало, я предчувствую скорую смерть…

— Чушь! Выброси это из головы! Все были молодыми и всем приходили мысли о смерти. И всем иногда кажется, что скоро смерть, ты не исключение… И это не повод, полагаясь на предчувствия, не жить и не принимать ответственных решений.

— Нет… со мной это точно… серьезно. Я чувствую… Вот хочешь, докажу? — вдруг остановившись и как-то безнадежно улыбнувшись, спросила она. И, не дожидаясь моего ответа, спросила у кукушки, все это время беспрестанно куковавшей в тишине лесного заката:

— Кукушка, кукушка, скажи, сколько лет мне осталось жить?

Вопрос остался без ответа. В этот день мы голоса птицы-пророка больше не слышали.

— Вот видишь? Поверь, это не сегодня мне в голову пришло. Это я точно знаю.

Я молчал… растерянно. Я не знал, что ответить. И дело не в кукушке, а в очень серьезных глазах моей сестры.

— Хотя… может, все это действительно чушь и тем более судьбу не обманешь. Чему быть — того не миновать. Я подумаю.

— Что бы ты ни решила, Танюша, я на твоей стороне и можешь надеяться на мою поддержку, — я обнял ее левой рукой за плечи, и мы вышли на берег. Перед нами раскрылась картина величественного простора сибирской реки и тихого вечера прекрасной жизни.

Через неделю я улетел. В шумном аэропорту, провожая меня, поцеловав в щеку, Татьяна неожиданно весело спросила:

— Ты не против, если я с Сергеем к тебе в гости приеду, Москву покажу? Не поднимай так удивленно бровь, я уже все решила — я дам согласие…

* * *

Свадьбу назначили на 13 сентября.

Люди, которые окружали эту пару в те месяцы их жизни, говорили, насколько они были гармоничны вместе: два красивых человека, русская певица, поэтесса и продюсер, радеющий за славу российской эстрады, любящий мужчина и любящая женщина. Друзья Сергея вспоминают, что у него будто выросли крылья за спиной, что он светился изнутри и выглядел так, словно не было его счастливее на свете. Близкие Тани увидели резкий, как в русской сказке, расцвет девичьей красоты и какой-то внутренней мудрости. Они много пережили до встречи друг с другом: предательства любимых и нечестность друзей, крушение планов и потерю целей, разочарование в своей работе и бессилие перед равнодушием людей, — и теперь казалось, что они нашли то, что искали, к чему стремились, — свою последнюю пристань, пристань любви и счастья.

В конце пути — в финале всех тревог,
В конце пути — на стыке всех дорог,
Навстречу мы друг к другу подойдем,
И за руки возьмемся, и не упадем.

ХОРОШИЙ МЕСЯЦ

Это был удивительно хороший месяц. Я собирался в скорый отпуск. Приехала Таня. С ней Сергей. Правда, я толком его не видел все эти дни, может, он был слишком занят, покупая новое оборудование для своей студии, может, понимая, что я редко вижусь с сестрой, а ей еще хочется повидаться с подружками и друзьями, не мешал нам. Я, встретив их в аэропорту с гордостью за первую в моей жизни машину — «„Волгу“ белого цвета», — повозил немного по Москве, накормил самостоятельно приготовленным обедом, а когда Сергей уехал на постой к знакомым, предоставил квартиру для «девичьих посиделок» с лучшими подружками. Не знаю, то ли у меня появились предчувствия, то ли на меня повлиял недавний разговор с сестрой под молчание лесной кукушки, но я поймал себя на мысли, что мы как-то все не ценим быстро уходящие мгновенья жизни и не оставляем о них себе никакой памяти. Я подумал о фото, о том, что очень давно не снимал сестру, снимая кого угодно, кроме дорогих мне людей. И еще я неожиданно подумал о видеокамере. Взяв ее у своей подруги, я снимал и снимал, как будто это было главное в тот день, мою сестренку и ее жениха. Снимал как гуляли, как она, пританцовывая на аллее, пела нам вполголоса «Позови меня с собой…», как все вместе катались на

аттракционах в парке Горького… снимал так, как будто в последний раз.

В последний день их пребывания произошла история, которая мне запомнилась на всю жизнь. Она, с одной стороны, была обычная, а с другой — она меня научила жестокой правде — мы сильно можем пожалеть однажды, если, вовремя не заглянув в глаза близкого, не поняли его… пока это можно было сделать… а, увы, повернуть назад колесо жизни невозможно, и горечь ошибки мы несем потом до конца дней своих. В тот погожий летний день я гулял в последний раз по Москве с сестренкой. Мы были одни, Сергей вел финальные деловые переговоры, а подружки Тани были заняты. И, если честно, мы были довольны этому. Прошли пешком от Александровского сада до Дома художников на Крымском валу, разумеется, заходя по пути и в Пушкинский музей, и в книжные магазины, и на выставку живописи. Шли, болтали, обсуждали французских живописцев начала века и наших современных мастеров. Уставшие и голодные, чтоб не лишать себя удовольствия незавершенной прогулки, а впереди был еще Нескучный сад, мы решили поесть на ходу и купили на «Октябрьской» мексиканские буррито с перцем чили, сыром и мясом… Я, зная, что холодильник дома уже опять по-холостяцки пуст, а приду я сегодня поздно, и, обожая буррито, покупая их себе и Тане, купил «с собой» еще две дополнительные штуки, предвкушая ужин у телевизора. Поев и погуляв, мы поехали в аэропорт, провожая ее в Новосибирск. Там нас уже ждал Сергей… с неожиданными цветами и багажом, заблаговременно увезенным с моей квартиры. Они улетали. Мы болтали о планах, следующих встречах, смеялись… а я, заглянув в глаза сестры, увидел сквозь веселье грусть… грусть расставания со мной, с Москвой, с этим прекрасным днем… Я не знал, что я еще могу сделать для нее в эти минуты… А она, смеясь, стала рассказывать жениху, как мы ели буррито, и что они очень вкусные, а там, куда они летят, таких нет… Я очень люблю мексиканскую кухню, я устал и мне не хотелось придумывать, что приготовить на ужин, я хотел полакомиться ими вечером… Но она уезжала, и я отдал ей часть нашего города, воспоминаний лета, этого солнечного дня, наших улыбок — эти два буррито… Посторонний человек может сказать, какая глупость, какая мелочь… но ее глаза в эти секунды… я видел их в последний раз…

* * *

15 августа 1995 года радиостанция «Европа плюс» сообщит о

предстоящей свадьбе Бугаева и Снежиной.

Татьяна и Сергей, на миг забыв о творческих планах, окунаются в приятные хлопоты. Уже куплены обручальные кольца и свадебное платье, подготовлены приглашения друзьям. Татьяна дарит чудесные строки своему возлюбленному:

Прости, мой верный талисман,
Что ты хранишь меня надежно,
А я кладу тебя в карман.
Ногтем царапая безбожно.

До венчания оставалось меньше месяца.

18 августа в 12 часов состоялась презентация нового продюсерского проекта.

Телевидение рассказывало об этом событии и молодой талантливой певице Татьяне Снежиной. Настоящим потрясением для собравшихся на этой «тусовке» были неожиданно исполненные Татьяной, вместо ожидаемых эстрадных песен, два романса: «Звезда моя» и «Если я умру раньше времени…».

Звезда моя, ты не сияй в печали.
Не обнажай души моей при всех,
К чему всем знать, что нас с тобой венчали
И райский ад, и непорочный грех.

Она пела, и неизвестно, кто был больше потрясен — публика или те, кто, работая с Татьяной, долго и упорно отвергал эту сторону ее таланта. Можно только предполагать, как бы это повлияло на дальнейшие творческие планы ее коллектива. Через три часа Сергей и Татьяна уедут, и последнее, что услышит публика из ее уст, будут слова романса:

Если я умру раньше времени.
Пусть меня унесут белы лебеди
Далеко, далеко, в край неведомый,
Высоко, высоко, в небо светлое…

18 августа 1995 года в 17 часов они и их друзья отправились в предсвадебное путешествие в горы Алтая.

Последней из близких, кто видел их взаимное счастье, была наша мама, когда из окна своего дома она провожала взглядом маленький микроавтобус. Если бы знать нам всем тогда, что он

увозит их навсегда…

«Забыть все, что было…»

Забыть все, что было.
Начать все сначала.
Пусть памяти птица
Бьется в руке.

Ладони раскрыла,
И птица умчалась,
И я в новый путь
Иду налегке.

«Прости меня, мой нежный друг…»

Прости меня, мой нежный друг.
Прости за боль, за холод рук,
За взгляд, блуждающий в толпе,
Ведь он подарен был тебе.

Прости за то, что не смогла
Пройти сквозь бурю и туман
И что невольно нанесла
Твоей душе так много ран.

Прости, мой сильный, нежный зверь,
Что я, приняв твою любовь,
В своей душе закрыла дверь,
Тебя терзая вновь и вновь.

Прости, мой верный талисман,
Что ты хранишь меня надежно,
А я кладу тебя в карман,
Ногтем царапая безбожно.

Прости, мой теплый лучик света,
Что я, озябнув на ветру,
Могла тобою быть согрета,
А руки греть дала костру.

Прости меня, мой алый парус,
Что я шагнула в тень твою,

Плыла и, даже не покаясь,
Пробила днище кораблю.

Прости меня, что я искала
Другого счастья — как смешно,
Как это глупо! Я ведь знала,
Что Солнце в небе лишь одно!

7 июля 1995

Новосибирск

«За то, что мир изменить хотела…»

За то, что мир изменить хотела,
За то, что гордо себя несла,
За то, что песни свои я пела,
Но только допеть не смогла.

За то, что зла никому не желала,
За то, что радость дарить могла,
За то, что слезы свои скрывала,
Я расплатилась сполна.

За то, что мстить никогда не хотела,
За то, что чистой дорогой шла,
И ненавидеть совсем не умела,
Когда обида мне душу жгла.

За то, что дружбу ценить умела,
За то, что я так любить могла,
За то, что к солнцу взлететь хотела,
За это сломали мне оба крыла.

За то, что я так свободу любила,
За то, что счастья желала всем,
Что за врагов я Богу молилась,
За это проклял меня Эдем.

За то, что душу свою сохранила,
За то, что просто хотела жить —
За это жизнь меня невзлюбила,
И лишь за это смогла убить.

21 января 1995

Новосибирск

«Слышишь, как шумит листва…»

Слышишь, как шумит листва,
Это я шепчу слова,
Слова нежности печальной,
Что не сказала я тогда.
Щебет птичий за стеной —
Это снова я с тобой.
Посмотри в мои глаза —
Я ведь рядом… Я — всегда…

* * *

Моя мама о том дне вспоминала: «Новосибирск. 1995 год. 18-е августа. Утро. Вхожу в Танину комнату. Как всегда с холодным яблоком, которое ее разбудит. Все как всегда. Только висит на плечиках купленное вчера свадебное платье между стеной и шкафом, чтобы не измялось. Таня уже не спит. Сегодня презентация ее нового проекта. Приглашены гости, представители СМИ к 12 часам. Таня должна быть в студии к 10 часам. Под музыку радиостанции „Европа плюс“ долго подбирала прическу, платье. Говорила, что все должно быть просто. Подколола свои пышные волосы коротко на затылке. Очень волновалась. Говорила, что, наверное, рано привлекать к себе такое внимание, что вдруг не понравится журналистам, ведь петь будет „живьем“ под гитару. Но, несмотря на волнение, чувствовалась в ней уверенность. Ушла в половине десятого, сказав, что до 12, до прихода гостей надо успеть подготовить студию и еще запланировано купить обручальные кольца.

Как известно, все подготовили, кольца успели купить, презентация прошла успешно. В 15.30 пришла домой радостная, взволнованная. Все замечательно. Считала, что понравилась фототелекорреспондентам. Фотографы предложили свои визитки с предложением своих услуг. Там пела романсы „Звезда моя“ и „Если я умру раньше времени“. Грустные. Но их из всего материала выбрал ее продюсер Сергей. И, наверное, не напрасно. Она чувствовала, что произвела сильное впечатление на присутствующих. Глядя на эту худенькую девушку в новом спортивном костюме и кроссовках, вертящуюся перед зеркалом, не верилось, что только что она пела свои романсы перед

прессой. Но надо было ей помочь собраться в дорогу. Она с Сергеем и друзьями в 17 часов уезжает на Алтай. Даже не возникла мысль, что может что-то случиться плохое. Ведь он старше, опытнее, защитит от всех невзгод, как обещал, когда просил ее руки.

В 17 часов приехал Сергей, какой-то озабоченный. Сказал, что опаздывают, надо заехать еще за друзьями. Быстро перекусили, что-то дала им в дорогу. Сергей торопил. Уходя, Таня как-то странно на меня посмотрела долгим взглядом, как будто сквозь меня, или запоминая. Второпях даже не обнялись на прощание. Они зашли в лифт. Я побежала к окну. Подоконники высокие, посмотрела вниз и удивилась, стоит микроавтобус с правым рулем. Я не знала, что утром Сергей попал в аварию и решил, что поедут не на своих двух легковых машинах, а в одной. Таня подняла голову, посмотрела вверх на висящую из окна седьмого этажа меня. Помахала рукой. И они уехали».

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

А я в Сочи… Сочи, как много в этом слове. Море, чайки, красивые девушки, классные друзья, веселые компании. 30 лет — прекрасный возраст. Тело работает как часы, французский язык и три высших образования радуют интеллект, служебная карьера в самом начале. И сейчас заслуженный отпуск. Поэтому надо отдыхать, загорать, качаться в тренажерном зале и плавать. И еще приятные мысли о том, что будет после отпуска — поездка в Новосибирск. У сестры ведь свадьба 13 сентября. Что подарить? Никак не могу придумать. Тут звонок из Новосибирска, и мама рассказала, что Таня с Сергеем уехала в путешествие в предгорья Алтая. «Вот молодцы, еще не поженились, а уже путешествия!» — первое что мне подумалось после этой новости. Я сидел на балкончике, жмурился на солнце, слушал звуки моря и пляжа, представлял горы Алтая, их машину… а ведь лучше, если вдвоем путешествовать, то, наверное, на велосипедах. Велосипеды! Горные, для экстремалов. Мне представилось, как они едут на них по горным дорогам Алтая. С их романтичными и творческими натурами — подарок, то, что надо.

Ночью почему-то плохо спалось, было душно, казалось, что приближается гроза. Я ворочался на влажных и горячих простынях, открытая балконная дверь спасительной прохлады не давала, и я, находясь на грани сна и бодрствования, не мог найти покоя. И в тот миг, когда я наконец начал проваливаться в сон, меня словно подбросило на кровати от неожиданного шума хлопающих крыльев — по моей комнате, в темноте, под самым

потолком, неразличимая, словно большая тень, металась птица. Она шумно била крыльями и не могла найти выхода из моей спальни. Я мгновенно, от страха, ледяными иглами ударившим мне в спину, вскочил и включил свет. Птицы не было. Была она или нет? Спустя даже столько лет я отчетливо ее помню и помню этот звук ее крыльев… и шуршание перьев по потолку, но до сих пор не нашел ответ на этот вопрос. Но тогда я почему-то почувствовал, что это дурное предзнаменование.

Я вышел на балкон и, пытаясь унять неожиданный для этой жары озноб, долго курил, глядя на безоблачное небо, яркую ноюжному, красивую луну и на ее дорожку в мирно дремлющем море. Думал о мистике, о приметах и мне было не по себе. Казалось, что санаторий вымер, не кричали чайки, не ходили люди, не светились окна — ничто не нарушало спокойствия ночи. Лезли плохие мысли в голову… почему-то преимущественно о папе, о его здоровье. Почти под утро, когда усталость взяла свое, взглянув на начинающийся рассвет, я упал в постель и сразу провалился в сон. Что снилось мне всю ночь, я не помнил, но проснулся с воспоминанием одного сна — я пересыпал светлый жемчуг из ладони в ладонь, опять и опять, и мне показалось, что

это снилось всю ночь.

Наутро я позвонил в Новосибирск и настоятельно убедил маму, чтоб не отпускала отца в различного рода сауны, куда частенько он в последнее время ходил с друзьями, чтоб он следил за здоровьем и носил с собой валидол. Сказал ей, что у меня плохое предчувствие. В этот день, ближе к вечеру, в соседний номер, с которым у меня граничили балконы, въехала симпатичная пара — импозантная мама и очень миленькая дочка, с красивыми голубыми глазами и ослепительной улыбкой. Но я так был измотан событиями прошедшей ночи, что, познакомившись на скорую руку через перила балкона и получив, после оценивающего взгляда старшей женщины, согласие отметить завтра их приезд «шампанским с персиками», я свалился почти в беспамятстве спать, достаточно рано для Сочи — в полночь. Спал опять беспокойно и утро встретил с воспоминанием о таком же сне, который был прошлой ночью — я пересыпал из руки в руку жемчуг. И еще… я проснулся с первыми лучами солнца и со странным ощущением холодка на спине… сосало под ложечкой, так как это бывает, когда смотришь вниз с высоты и думаешь о том, что будет, если сорвешься. Глаза еще были сонные, хотелось спать дальше, но, я сев на кровати, стал звонить маме. Ее голос был радостный и достаточно удивленно ответил на мой вопрос, что все в порядке. Я, немного успокоившись, сбегав на море и быстро сплавав до буйка, сходил на рынок и купил необходимое для обещанного «приема» — персики, виноград, арбуз, сыр и шампанское. Подумал и купил еще бутылочку коньяка. На всякий случай. Пока ходил между рядами зазывал-кавказцев, вдыхая ароматы пряностей и фруктов, машинально торгуясь, не мог отделаться от необъяснимой тревоги. Поэтому привычного удовольствия от «южного базара» не получил. Вернувшись поскорее в номер, сразу бросив у двери, не распаковав пакеты и даже не смыв под душем липкий пот от жаркого города, присев на кровать, стал опять звонить маме. Поговорили о том, о сем, я не стал уже спрашивать про дела, не стал опять рассказывать о своих предчувствиях, потому что это могло реально ее встревожить. Но слова о том, что отца сегодня неожиданно вызвали в Москву, словно натянули некую струну внутри моей души, которая гулко отзывалась нехорошими мыслями, только я вспоминал птицу, сны и… отца. Зачем вызвали отца и почему так срочно? Наверное, надо было волноваться об этом, но меня мучили другие мысли… реальные проблемы отступали под натиском мистических чувств. Я не выдержал и попросил маму разыскать отца и предупредить строго-настрого, чтобы озаботился своим здоровьем и не участвовал без острой

надобности в застольях.

Успокоенный обещанием, я приступил к организации ожидаемой со вчерашнего вечера встречи. Выставив журнальный столик на балкон, на самое полуденное солнце, расположив вазу с фруктами и запотевшую после холодильника бутылку шампанского на каменном полу террасы в единственной там тени от моего кресла, я пригласил прекрасную соседку на этот импровизированный пикник. Разговор особо не клеился. Может, причиной тому августовская жара, может, то, что мы были мало знакомы, может, то, что в соседнем номере лежала на диване и смотрела телевизор ее мама, и мы отчетливо слышали его звуки, а может… тревога не покидала меня. Не вытерпев, я извинился, вернулся в прохладу номера и еще раз набрал номер родительского дома.

Мама, удивившись третьему звонку за день, сообщила, что папа долетел нормально, устроился тоже хорошо и сейчас поехал в Главк к руководству. Я успокоился… Шампанское, улыбки, неожиданно замолчавший телевизор в соседнем номере — мать девушки ушла в парикмахерскую, растопили лед общения, и мне девушка стала нравиться все больше и больше, и я, с интересом слушая ее милое щебетание с рассказами о студенческой жизни, любовался ее небесно-голубыми глазами, в которых отражались солнечное небо Сочи и я.

Отдых обещал быть прекрасным и романтичным в этом сезоне. Допив шампанское, мы заметили, что немного припозднились на обед. Сходив на него, прихватили с десерта мороженое и, вернувшись на балкон, развалившись в шезлонгах, ели, смеясь, таявший быстро на солнцепеке пломбир. Ели и болтали уже как старые знакомые, любуясь яхтами в далеком море. Вскоре голубоглазка ушла по настоянию своей матери, «повторять язык», а я вернулся в номер. Три часа после полудня… на пляж идти рано, еще пекло. Что делать? Вспомнил про дом.

В Новосибирске сейчас уже вечер… Тревога… тревога опять выползла из глубины души. Я набрал номер. «Все нормально», — как из далека, отдаваясь эхом в эфире, отозвался голос мамы. Я повесил трубку и лег на прохладу простыней поваляться полчасика перед пляжем. Закрыл глаза и старался задремать… тут звонит телефон. Почему-то мое сердце неожиданно затарахтело с большой силой, на секунду страх ударил в спину холодной плетью. Я взял трубку…

* * *

Потом мама рассказывала: «19 августа, 20 августа моя душа спокойна, не летит, распластав крылья, чтоб защитить своего ребенка. Она уже взрослая. Уверена, ей сейчас хорошо, родители и так надоели со своей опекой и наставлениями.

21 августа. С утра стала готовиться к приезду молодых. Ведь они должны к 17 часам приехать обязательно, чтобы обсудить в ресторане меню свадебного стола и сценарий торжества. Как будто не было никакого предчувствия. Приготовила что-то на ужин. Когда поняла, что опаздывают, рассердилась. Очень не хотелось, но поехала сама в ресторан. Казалось, спокойна. Но, как потом вспоминали, я была странной, заторможенной, как будто где-то далеко, с отсутствующим взглядом. Когда шло наше обсуждение свадьбы, детей уже полчаса не было в живых.

Пришла домой. Все время подбегала к окну на шум машин. Как по чьему-то приказу, походила по комнатам, всюду ли порядок. Зачем-то у себя в спальне застелила постель праздничным покрывалом. Зашла на кухню. Остановилась, почувствовав какой-то жар. У стены справа от двери стоял какой-то невидимый столб сильного тепла. Вдруг, как с затуманенным

сознанием, иду к шифоньеру в спальне, достаю Танины черные гофрированные брючки с двумя поясками-ленточками, отрезаю их ножницами, иду к двустворчатой двери гостиной и завязываю на обеих ручках траурные бантики. Нервничаю. Минут через двадцать как споткнулась об эти черные бантики. Пронзил ледяной ужас! Что это я, с ума сошла! Быстро развязала. Раздался звонок в дверь. Иду к двери, смотрю в глазок — милиционер. За спиной голос: „Не открывай! Не открывай!“

По-видимому, молоденький милиционер побоялся сказать страшную весть. Он только спросил, здесь ли живет такая-то и знаю ли я такого-то? „Что случилось?“ „Позвоните по такому-то телефону“. И ушел.

Я в полной уверенности, что задержали за что-то машину Сергея, звоню. В это время на экране телевизора наш папа дает интервью, смотрит на меня с экрана, а мне официальным голосом говорят в трубке: „На таком-то километре в такое-то время произошло ДТП“, — и перечисляют фамилии, а через черточку — „труп“. Я одна в Новосибирске, муж в Москве в командировке, Вадим в отпуске в Сочи. Я стала метаться по квартире с криками — не может быть, не может быть! Потом меня как частично парализовало, когда я кинулась звонить сыну. В то время мобильных телефонов у нас не было. Но накануне Вадиму приснился сон, где он из руки в руку пересыпал жемчуг, он позвонил и дал свой телефон в номере санатория, волнуясь о папе. Скрюченными пальцами еле набрала номер. Сейчас понимаю, что надо было его пощадить, но в тот момент я не понимала, что делаю.

Не помню, что я пыталась сказать, но он не стал слушать, приказал выпить что-то. Я никогда никаких лекарств не пила, но почему-то где-то рядом под рукой оказалось то, что надо. Не знаю, что он пережил, как он долетел до Москвы, а потом в Новосибирск. После разговора с Вадимом, как по чьему-то повелению, я позвонила дежурному Управления мужа. Сказала, что случилось, чтоб его нашли в Москве, но не говорили до его прилета домой о несчастье»…

* * *

Я взял трубку… И услышал женский плач, рыданье… Это была моя мать. Все страхи этих суток мгновенно ворвались в мою душу и тело, вытесняя сознание… Я чувствовал, что мать силится что-то сказать, но не может. Я, боясь услышать что-то страшное, как будто еще на что-то надеясь, закричал скороговоркой, не

слыша своего голоса, в трубку: «Я не хочу тебя слушать! Слышишь! Выпей валидол и успокойся!»… Наконец она смогла произнести первые слова, и я не узнал голоса мамы: «Вадим, Таня погибла…»

Фраза, после которой жизнь делится на до и после, фраза, которую, услышав, ничего не вернешь, и мысли о желании отмотать назад время или то, что это сон, уже не могут спасти, и эта фраза миллионами эх уже стучит вновь и вновь в твоей голове, и тебе становится тошно от страха и неотвратимости сознания, что твоей сестренки уже нет.

Что было в последующие несколько часов до утра, я не люблю вспоминать. Был сплошной туман, я, обычно человек действия, умеющий решать почти нерешаемые задачи, не мог сделать уже ничего. Поэтому, выйдя на балкон, я выпил прямо из горлышка треть уже горячего от солнца коньяка и, вернувшись в номер, выпил две таблетки реланиума, которые с сочувствием мне дала соседка, запивая тем же коньяком. Забылся до утра, чтоб встать в пять, покидать вещи в чемодан и вылететь из Сочи, транзитом через Москву, в Новосибирск, чтоб увидеть Таню в последний раз в холоде и полумраке морга… Но это было уже на следующий день, другой день другой жизни, в которой сестры уже не было…

Апрель 2008, Москва.

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ЛЕТА
ПЯТЬ ТЕТРАДЕЙ МОЕЙ СЕСТРЫ

Вадим Печенкин. Пять тетрадей моей сестры

Грозовые тучи медленно ползли по сумрачному небу. Оно было похоже на темно-серый мрамор. В моем кабинете, за дверью, разрывая тишину, надсадно звонил телефон. Стремительно распахнутая дверь пахнула на меня грозовой свежестью открытой форточки. Почти мгновенно сорванная, трубка ответила короткими гудками. Опоздал. Кто мог звонить? Подруга, родители, друг? Или, может, по делу? Но повторный вызов не дал мне возможности пофантазировать на эту тему.

— Вадим?

— Да…

Этот голос узнавался сразу. И не только благодаря тому, что за прошедший год его обладатель вошел в самый близкий круг моего общения, но и потому, что в наш быстрый, суетливый век, когда за «необходимостью» легко прячется невоспитанность, этот голос выделялся интеллигентностью, таким особенным вдумчиво-внимательным благородством.

— Здравствуйте, Вадим. Это Емельян, из редакции. Вадим, мы подумали, посоветовались и в продолжение поэтических сборников хотим большую книгу Татьяны издать. Включить в нее по максимуму ее песни и стихи. И еще… Как мы понимаем, у нее есть произведения в прозе?

Произведения в прозе? Произведения в прозе… Это был тот вопрос, который всегда бывает неожидан. Но одновременно и тот вопрос, который ты подсознательно ждешь, отодвигая мысли о его неизбежности на задворки памяти. После смерти моей сестры Тани, помимо текстов песен и стихов осталось много записочек, пометок… И несколько «общих» тетрадей, исписанных ее почерком, с прозой. В основе своей это были подростковые или ранние пробы пера, некие попытки найти себя, поделиться с окружающими своими мыслями. Некоторые, скорее, носили характер набросков, к которым она мечтала вернуться, когда темп жизни станет менее жестким. И в основе своей как литературные произведения, не все были завершены. Она иногда, улыбаясь только красивыми карими глазами, с серьезным видом говорила: «Вот, найду время, переберу, обработаю, что-то закончу, что-то перепишу заново…» Но одним летом ее двадцать третьего года та самая стремительная жизнь неожиданно прервала свой темп,

остановилась. И все планы вмиг стали неисполнимы, а рассказы и повести неоконченными.

Теперь эти тетради лежали в моем секретере. Что с ними делать? Вот в чем главный вопрос, который не давал покоя моим мыслям и моей совести уже несколько лет. Захотела ли бы Татьяна их публикации в таком незавершенном виде? И, напротив, имею ли я право их просто хранить в «пыли годов» и не публиковать, обрекая часть ее мыслей, часть ее души на забвение? И вообще, имею ли я право принимать решение в отношении произведений автора, чей талант давно завоевал сердца людей?

— Проза? Не знаю, насколько это удачная мысль, Емельян. У Татьяны, по-моему, нет законченных произведений. А те, что закончены… м-м-м… как бы вам сказать… подростково-юношеские, написанные в 16–19 лет. Не знаю, насколько это может представлять интерес для читателей.

Я говорил то, что должен был говорить, а в душе словно сжимался маленький комочек, где-то в области груди, который как будто шептал: «Ну… Ну, давай, Емельян, скажи, что это интересно, уговори меня… Это ведь Снежина… давай…»

— Вадим, вы знаете, успех издаваемых малых поэтических сборников Снежиной говорит о том, что надо издавать большую книгу, а может и двухтомник. Вадим, есть потребность. Но стихов и песен, как я понял, у вашей семьи больше нет неизданных. И так удивительно много она написала в свои годы. А читатель хочет еще больше — читать и читать Снежину.

— М-м-да… Больше нет, не успела она больше. Хорошо, Емельян. Я их еще раз посмотрю. Сколько времени у меня есть на подготовку рукописей?

Произнося эти слова, я с трудом соображал, что под ними подразумеваю. Подготовка рукописей…

— Времени до конца лета вам достаточно? К 10 сентября… У нас по плану издательства это было бы удобно.

— Постараюсь…

Постараюсь. Х-м-м… Может, лучше думать, потом говорить?! Вадим, когда ты научишься тверже отказывать людям!

Я шел с работы домой и ругал себя. Лицо обдувал теплый ветерок с запахом прошедшей грозы, московской сдобы и цветущей сирени, ноги радовались чистому после летнего дождика асфальту. Начинающееся лето, московские улицы… все это манило… хотелось отдыха, отпуска. Я так устал за прошедший год. Устал от работы, от нескончаемых проблем, устал от несвободы распоряжаться своим временем, устал от темпа жизни в мегаполисе. Как и когда-то Татьяна, я многое

личное откладываю на потом, в надежде найти самое ускользаемое на свете — время и заняться многими вещами всерьез, а не на бегу… потому что они этого достойны. К таким вещам относились и эти тетради сестры с прозой. Нельзя было ими заниматься «между прочим», а времени катастрофически не хватало, и найти его было негде. Как я успею, где сейчас раздобуду хотя бы пару свободных месяцев? И вообще, все это похоже на авантюру… Незаконченные и разрозненные рукописи автора, который неожиданно для всех ушел из жизни, не успев поделиться мыслями в отношении их дальнейшей судьбы… судьбы не только рукописей, но и судьбы героев… А еще, у меня через три дня самолет в Анапу… Долгожданный отпуск. Стрессы, работа, наконец, останутся без меня в Москве, а я без них с бокалом вина, буду вдыхать аромат цветов дикой маслины, любоваться песчаными дюнами и слушать, как шуршит песок, гонимый по ним морским бризом. Эх!.. Мечты, воплощающиеся в реальность… Но тут меня словно окунули в холод и быстро вынули обратно. Словно горячая волна разлилась по телу от вдруг возникшей мысли — отпуск! Вот искомое время! Отпуск — две недели в Анапе и потом, месяц спустя, — три в Сочи. Больше времени точно нигде не найти… Но и этого мало. Но все же… Работать там, при криках чаек, багряных закатах, новых друзьях и старых воспоминаниях?

Тогда прощай намеченные путешествия в Тамань, Абрау-Дюрсо, Геленджик. Прощай романтика дорог и недостижимых горизонтов. Прощай отдых… Но, здравствуйте, новые миры, созданные фантазией Татьяны Снежиной. И я в них буду первооткрыватель…

Придя домой, не снимая опостылевший за служебный день пиджак, я достал из секретера семейного архива картонный ящик «невостребованных вещей». Осторожно, чтобы не разбудить многолетнюю пыль, я открыл его и, перебегая глазами с предмета на предмет, сразу окунулся в воспоминания… Старые шариковые ручки, блокнотики, нагрудные значки, поздравительные открытки, заколки для волос, морская раковина… Это все были неодушевленные следы — свидетели жизни когда-то живой и веселой… романтичной девчонки. Улыбаясь то ли банальности поступка, то ли непреодолимому желанию вернуться в прошлое, приложил раковину к уху. Шум ветра, волн, прибоя. Он тихо стал петь мне свою песню, и казалось, что звучит она с каждой секундой все громче и уверенней. Таня… Моя сестренка Таня. Я вспомнил, как мы сидели на морском берегу, в Абхазии, в местечке, называемом Холодная речка, и мечтали о приключениях, представляли себя героями пиратских романов.

Как прыгали с отвесной, белого камня, скалы в бездонную синеву моря и пытались достать раковину, которую видели в лучах полуденного солнца. Я вспомнил, что у нее есть рассказ или повесть… Надо перечитать… Где события разворачиваются как раз там, на Холодной речке. Интересно… Воспоминания… Счастливое время! На ресницы мои невольно выкатились слезы. Захотелось найти рукопись прямо сейчас и перечитать, чтоб хоть на секунду вернуть тот мир.

Перебирая тетрадки, аккуратно сложенные руками мамы, я почувствовал уколы совести. Что ж ты так, Вадим! Столько лет… 12 лет, они «мертвыми» пролежали в ящике. Эх… Я не стал открывать уже найденную тетрадку с «Холодной речкой» и решительно захлопнул ящик. Вытер тыльной стороной пыльной ладони глаза. Читать так читать, и работать, а не предаваться ностальгии! Это последний шанс — дать тетрадям жизнь, вернуть из небытия часть жизни Татьяны, часть забытых миров.

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

В воздухе пахло сырым асфальтом и еще чем-то особенным, авиационным. Огни аэропорта отражались в темных лужах рулежной площадки. Пассажиры суетливо толпились возле трапа, поеживаясь под мелкими каплями начинающегося дождя. Звездное небо стремительно затягивали мрачные тучи. Кое-где над горизонтом, там, где еще несколько минут назад было зарево заката, бесшумно полыхали зарницы приближающейся непогоды.

Я не спешил подниматься в салон, полной грудью через нос вдыхал влажный вечерний ветерок. Люблю эти мгновения. Мгновения ожидания. Ожидания давно уже испытанного не раз, по всегда волнующего, одновременно пугающего и влекущего отрыва от земли, людской суеты, земной бренности. Мгновения, когда не только ты теряешь, но и тебя теряют. Не звонят мобильники, окружающие не спрашивают тебя о твоих делах, не рассказывают о своих проблемах. Мгновения, которые неизбежно приносят ощущение «будущего». А раз оно у тебя есть, значит, есть и ты. Перед трапом я часто вспоминаю слова Виктора Цоя: «Если есть в кармане пачка сигарет и билет на самолет с серебристым крылом, значит, все не так уж плохо на сегодняшний день». «Все не так уж плохо…» — я улыбнулся этим словам в предвкушении уюта салона после вечерней прохлады аэродрома, предстоящего полета в долгожданный отпуск.

Толпа постепенно протиснулась в узкое брюхо лайнера, последним зашел я. Словно догоняя светлое небо и убегая от начинающейся грозы, летчик торопился с вылетом. Стюардесса еще впопыхах разносила воду и конфеты, пошатываясь от тряски, а самолет уже выполнял рулежку. Я развернул леденец и едва

положил его в рот, как двигатели взревели, корпус авиалайнера вздрогнул, напрягся, задрожал и, слегка подпрыгивая на швах взлетки, начал свой все ускоряющийся разбег.

За иллюминатором темнота окрашивалась потеками размытого дождем света фонарей аэродрома. Толчок, еще. Послышался звук убираемых шасси, в салоне стало комфортно и тихо. Тишина казалась отчетливее от приглушенного стюардессами освещения и от шипения потолочных вентиляторов. Многие в салоне, словно пользуясь тишиной, вдруг вполголоса заговорили. До этого даже самые словоохотливые молчали. Молчали… Наверное, думали… Думали о делах? О суете? О буднях? Думали о том, что впереди их ждет, или о том, что осталось позади. Или думали о Жизни?

Неожиданно эту тишину и ход моих мыслей прервал резкий толчок, потом провал вниз и одновременный рев форсажа двигателей. Крепкий корпус лайнера стало трясти, вибрация передалась воздуху в салоне и нам, его пассажирам. Рев двигателей все нарастал, но что-то необъяснимое, плохое не отпускало наш самолет, а вместе с ним и нас. Самолет продолжало тащить вниз, и казалось, вся форсированная мощь двигателей не могла справиться с притяжением земли, и мы с каждым толчком неумолимо приближались к ней. За окном грохнул оглушающий треск разряда молнии, нас тряхнуло, как лед в шейкере, показалось, что на секунду померк свет. Салон наполнился необъяснимым ужасом, многие женщины вскрикнули. Мысли сумбурно заметались в голове. Что, и это все? Так не может быть… Так не должно быть… А вдруг? А вдруг все, вот и вся Жизнь? Чтоб успокоиться, я стал смотреть в иллюминатор, но ничего, кроме своего отражения на фоне мрака ночной пустоты не видел.

Люди в салоне уже не были похожи на собрание преуспевающих отпускников, наслаждающихся комфортом и своей значимостью, и даже те из них, кто натянуто улыбался, не могли скрыть неожиданную «серость», выплеснутую страхом на их оптимистичные физиономии. Все в салоне стали похожи на героев абсурдного спектакля, играемого бесталанными лицедеями.

Тряхнуло опять. Рев двигателей достиг предела, как и предела достиг наш страх, и вдруг наш самолет неожиданно вынырнул среди звездного неба над облаками, ярко освещаемыми луной. Сквозь их пелену под нами и на западе были видны мощные всполохи молний, бьющих в землю. Зрелище было мистически завораживающим. Я почувствовал, что крепко сжимаю подлокотники кресла влажными от волнения ладонями.

Захотелось коньяка.

Удивительно, но нередко, чем более материалистична профессия человека — физик, математик, хирург, тем чаще он задумывается о мистической стороне жизни, ее фатальности, или наоборот — непредсказуемости и необъяснимости. Зачастую видит божественное в ее свершениях и потому, применяя свои материалистические познания, пытается найти предупреждения и знаки из незримого неизведанного мира. Я не был исключением. Еще поднимаясь по трапу, смотрел на изящные обводы машины, которой на ближайшие часы вверял свою судьбу, и пытался также различить незримые признаки — предвестники будущего, того, что сулит нам этот полет. Ощущение, не похожее ни на одно, пожалуй, немного на начало любви. Душа дрожит от предвкушения полета, от жажды чистого неба над облаками, яркого девственного солнца, от того, что ждет тебя за горизонтом, и одновременно в глубинах сознания тебя гложет необъяснимый, первородный животный страх… Страх падения, темноты, смерти и забвения.

Что там? Там, за гранью, перейдя которую никто не возвращался. Куда уходят наши мысли, когда мозг погибает, что происходит с душой, когда разбивается ее оболочка — тело?

В салоне приглушили свет. Многие пассажиры, пытаясь поймать частичку сна, устало закрыли глаза. Я зажег маленький тусклый светильник над креслом и достал из сумки потертую блекло-бордовую тетрадочку. Первую, на которую на ощупь наткнулась моя рука. Улетая, я взял их пять. «Анто-ла» — старательным, знакомым до боли почерком сестры было выведено на первой странице пожелтевшей бумаги.

Я раскрыл тетрадь.

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ. АНТОЛА

Глава первая
ПОД НЕБОМ, НАД ЗЕМЛЕЙ

— Сколько же раз можно уже внушать посетителям этого храма, чтобы не тратили свет попусту — и так все прекрасно видно…. В былые времена, когда сюда никого не пускали, как здесь было спокойно и тихо…

Это же храм — хранилище тишины и покоя, а теперь здесь «проходной двор», как это у них говорится…

Ворчание старого шаркающего существа в черном, сливающимся с темнотой плаще, с накинутым на голову и закрывающим лицо капюшоне удалилось прочь, отзываясь гулким

шепотом в высоких и длинных лабиринтах коридоров храма. Это существо было похоже на худого монаха, черный плащ которого светился серебристо-голубоватым контуром. Благодаря этому неяркому свечению монах различал дорогу и освещал те предметы, к которым приближался.

Светящийся контур двигался по темноте, мерно покачивался из стороны в сторону, входя в огромные, с высокими потолками залы темноты, и плотно затворял за собой двери.

— Ну вот, как всегда, наследили — даже дышать нечем. Не могут перемещаться по одному, тихо и аккуратно. Обязательно надо стаями, никакого уважения к храму, — контур протянул руку, и могучие двери, озарившись фиолетовым, медленно-торжественно затворились. Черный плащ двинулся дальше по очередному залу, наполненному непонятными шорохами и шипениями. Монах шел, не поднимая головы:

— Ну, ладно, ладно! Расшумелись! Сказано вам, рано еще! Не пришел еще ваш срок. Надо иметь терпение, недолго уже осталось, — существо вышло из шипящего зала, и тяжелые двери мягко закрылись за его спиной. Вдруг где-то вдалеке коридора появился силуэт, освещенный свечой. Это была девушка. Она бежала, одной рукой держа свечу, а другой прикрывая ее огонек от встречного сквозняка. Пышное платье сверкало драгоценными камнями, по холодному каменному полу стучали каблучками легкие туфельки:

— Флук! Флук, как я рада, что ты еще здесь. Флук, миленький, ну попроси за меня, ты же можешь…

— Сейчас же погасите свечу! Где вы вообще откопали эту гадость. Погасите!

Девушка поспешно задула пламя свечи и мгновенно засветилась голубым контуром.

— Флук, ты же знаешь, что я не люблю этого. Я хочу живого света, огня, пламени… Флук!

— «Люблю», «хочу»! Что за слова? Антола, откуда в вас все это берется. Ваше желание учитывалось только тогда, когда вам предлагался выбор тела. Вы получили то, что хотели, а теперь извольте выполнять наши условия.

Ваше счастье, что это все вы говорите мне, но берегитесь! Если ваши желания станут известны Пиластэлу, вам несдобровать. Он волен отнять у вас то, что дал. И я уже не смогу вступиться за вас, вы будете сами повинны во всем. Вы знали, на что идете. Когда перед вами был выбор: тело или пространство, вы выбрали первое и приняли наши условия… наши правила.

— Но, Флук! Я ведь… Я не знала… Я…

— Антола, какие могут быть возражения? Вы же сами это

прекрасно понимаете. Вы же сами отреклись от всего, что нужно телу, ради того, чтобы обладать им. Разве не так?

— Да, но… Да, именно так, — женский контур, тихо постукивая каблучками, медленно удалился в темноту одного из коридоров.

Шарканье голубого контура монаха продолжало свое движение по направлению к светящейся арке в конце темного коридора. Полы монашеского плаща осветили порог, разделяющий темень коридора и серебристо-синий свет зала, находящегося за аркой. Монах закрыл за собой двери зала, и плащ его, потеряв свой контур, озарился синим светом. Свет исходил из огромного квадрата в потолке зала, ведущего в громадное темно-синее пространство, из которого сияло множество близких и далеких, теплых и холодных, бесконечно мудрых звезд. Флук подошел к центру зала и поднял голову вверх. Звезды покрыли мертвенно-бледным светом его высохшее, крючконосое лицо с впалыми, но невероятно светлыми, небесно-голубыми глазами.

— Что скажешь, Флук?! — голос исходил из того самого света, обволакивающего подобно густому туману все, что попадалось на его пути, но не проникающего через открытые двери шестистенного помещения в темень коридоров. Казалось, что свет был живым существом.

— То же, что и вчера, Пиластэл. Антола все еще бредит мечтой вернуться к людям. Боюсь, что это у нее не пройдет.

— Да, эта душа слишком уж любила жизнь. Но ты знаешь, Флук, к сожалению, правда не знаю, к чьему сожалению, пока ее душа будет обладать сердцем того тела, в котором она живет, она будет мечтать вернуться к людям.

— О, Пиластэл, ее не столько тянет к людям, сколько к одному человеку. Будучи с ним, она любила его, а он ее…

— Я знаю, душа поведала мне и об этом, когда попала сюда. Но ты свидетель, Флук, она сама была согласна на любые условия и законы мира сего. И она никогда не попадет к людям, ибо закон гласит: «Всякий, обретший тело в стенах этого храма, никогда не выйдет за пределы его, дабы не разгласить бренным языком тайну сего бытия, никогда не познает высшего назначения своего, никогда не обретет покоя вечного». Да, что говорить, Флук, ты ведь сам все знаешь.

— Да. Я тоже отказался от всего, чтобы обладать тем, чем я владел там среди людей. Только в отличие от этой бедной девушки я понимал, что меня ждет, и выбрал тело старца. И теперь я могу все чувствовать и ощущать не хуже, чем в своем теле, а это тело не требует многого, ну, по крайней мере, его малочисленные запросы достаточно легко побороть. Но Антола… Она сделала большую ошибку, когда вселилась в молодое красивое тело. Ее можно понять. Она — женщина всей душой и не

смогла удержаться от соблазна стать во много раз красивее, чем была. И как всякая женская душа, ослепленная жаждой обрести то, что потеряла, не подумала о том, что будет дальше. Сможет ли ее душа не слиться с сердцем и править телом? И теперь бедная Антола терпит страшные муки.

— Но, Флук, душа всегда стремится к свету! И в грешном теле ей все одно, что в клетке под замком. И пока она в нем, страдания и муки, более чем редкие радости, будут тяготить ее. Эти муки неизбежны для души, заключенной в тело.

Но есть души среди приходящих к нам, которые настолько крепко прирастали к телу, к его жизни и чувствам, подобно тому, как моллюск прикреплен к раковине, что они соглашаются на все, только бы вернуть то, что давало им возможность так примитивно ощущать окружающее.

Антола обладает именно такой душой. Но, Флук, если так будет и дальше, то я буду вынужден отнять у нее тело и само существование души. Ее не станет совсем. Что делать? Таков закон…. Но, однако, мы заговорились с тобой, Флук, тебя уже ждут Трок и Скавуль. Вам пора.

Глава вторая
НОЧНЫЕ ГОСТИ

— Слушай, какого черта у тебя в комнате так трещат обои? — сказал Вадим, обнимая Лену.

— Понятия не имею. Я все лето и даже начало осени не появлялась в этой квартире, ну ты же сам знаешь, что меня не было в Москве. И вот только позавчера я, впервые за эту зиму, ночевала здесь. Это была ужасная ночь. Было такое ощущение, будто стены разваливаются, и трескается пол. Я всю ночь не спала. Ты не поверишь, но в свои двадцать четыре года я струсила, как когда-то в детстве, и уснула только при включенном свете.

— Наверное, пора уже здесь ремонт делать.

— Да, я здесь так редко появляюсь, что все очень запущено и неухожено. Представляешь, я еще с прошлой зимы балкон даже

не раскрывала. Он так замурован, что я, пожалуй, сделаю это уже завтра, сегодня я очень устала, — она обняла его за шею и притянула к себе.

— Ну, ладно, мне пора, уже поздно. Пока, — Вадим поцеловал девушку, и в это момент вновь раздался треск обоев.

— Ну, вот опять. Вадим, а ты разве не останешься сегодня? Мне страшно одной.

— Леночка, милая, прости, не могу сегодня.

— Жаль! Вижу тебя только по субботам и то не всегда. Ты совсем меня забыл… Вадим…. Прости, я хочу спросить… А ее… Ты часто вспоминаешь? О, господи! Прости, прости меня, Вадим, я не хотела. Не обижайся! Я глупая, я не знаю, зачем я так сказала. Прости… может, останешься все-таки?

— Я бы с удовольствием, но обстоятельства сильнее меня…. А ее… Ее я действительно вспоминаю. Да и как можно забыть. Ведь я люблю ее по-прежнему.

— Но ведь ее нет, Вадим! Извини, но мне кажется это глупым, любить того, кого нет. Ведь у тебя есть я, я люблю тебя и нам хорошо вместе.

— Да, нам хорошо вместе, но не более того. И ты сама это прекрасно осознаешь. Ты для меня, да и я для тебя, что-то вроде «mon ami». У французов есть такое понятие.

Это люди, которые симпатизируют друг другу, иногда встречаются и проводят вместе время. Им хорошо вместе и потому они рядом. Но при этом каждый из них остается совершенно свободным человеком и может совершенно безболезненно и беспрекословно, без лишних оправданий покинуть этот союз и приобрести себе другого «mon ami». Единственным оправданием в таком случае могут быть такие слова: «Мне было хорошо с тобой, но теперь мне лучше с другим». Ты понимаешь меня?

— Да, я понимаю. Все это так. Нас действительно ничего не связывает, кроме привычки, я привыкла к тебе, Вадим!

— Брось, Ленка! Сколько у тебя уже до меня было и сколько еще будет. Ты сама говоришь, что все забывается. Выйдешь замуж и забудешь обо мне.

— Замуж… Кому я нужна…

— Ты замечательная девчонка! И обязательно найдется тот парень, который не сможет жить без тебя. Только хочу дать тебе небольшой совет, не рассказывай ему, как ты рассказывала мне, обо всех своих бывших мужчинах. Если уж захочешь, можешь сказать об одном из них, как о первом и единственном, но ни в коем случае не обо всех. Это никогда не льстит мужчинам. Извини, может быть, я не нрав.

— Да нет. Все правильно. Спасибо за добрый совет. Только, если бы я тебе не рассказала о себе, ты относился бы ко мне иначе?!

— Боюсь, что ты неправильно меня поняла. Мое отношение к тебе прекрасное, таким и останется, даже если мы расстанемся, — Вадим еще раз поцеловал Лену, — ну, а сейчас мне пора, я завтра позвоню тебе. Пока!

— Пока!

Лена закрыла дверь и, погасив свет, подошла к окну, чтобы посмотреть Вадиму вслед. За окном в ночной темноте завораживающе медленно спускались на землю снежные хлопья. На белой дороге, идущей от дома и заворачивающей за угол, появился Вадим. Он шел не оглядываясь, съежившись от холода и уткнувшись в белоснежный шарф. Лена еще долго смотрела на пустую дорожку, какие-то мысли крутились в ее голове, сменяли одна другую, удивляя своей нелепостью. Глаза слипались. Хотелось спать. Девушка расстелила постель, разделась и легла под одеяло. Она закрыла глаза, но сон не приходил к ней. Какие-то предчувствия тревожили ее. Снова начали потрескивать обои. И вдруг она услышала мерный скрип паркета в прихожей, что-то похожее на легкие осторожные шаги. Скрип двигался в сторону кухни. Через какое-то время на кухне открылся кран, раздался шум воды и через несколько секунд прекратился. Опять послышался скрип паркета. Лена напряженно таращилась в темноту комнаты. Ей показалось, что сходит с ума. Она не поверила своим глазам, когда в спальню медленно и почти бесшумно вошло существо в черной накидке с капюшоном, надвинутым на глаза. Лена с трудом различала очертания существа, которое медленно приближалось к ней, и только после

произнесенных им слов стало понятно, что это мужчина. Он стоял над кроватью, и девушка могла видеть его губы. Они не двигались, и голос шел как бы от всего существа:

— Как ты живешь?! Тебе хорошо жить? — глубокий голос как будто медленно разливался в темноте. Лена была не в состоянии пошевельнуться от страха, по всему телу выступил холодный йот. Существо, не дожидаясь ответа, само отвечало на свои вопросы.

— Тебе плохо жить. Ты хочешь уйти? Нет. Еще рано. Тебе нельзя этого делать. Ты должна остаться. Сейчас тебе станет лучше.

Существо медленно опустилось на кровать и улеглось рядом с девушкой. Страх мгновенно улетучился и сменился обволакивающим теплом, разлившимся по всему телу. Рука, до этого судорожно сжимавшая одеяло, расслабилась и случайно коснулась руки существа. От нее ощутимо испарялась энергия, густая и теплая. Но рука… Это была высохшая, жилистая рука старца. Лена с отвращением отдернула руку и села на кровати, поджав ноги. Существо так же медленно поднялось и стало удаляться. Лена почувствовала непреодолимое притяжение от этого существа. Страх снова исчез. Она поднялась и направилась вслед за стариком. Они перешли в другую комнату. Глазам предстали еще два таких же существа, сидящих на диване. Они встали, приветствуя девушку.

— Хочешь ли ты пойти с нами? — они также произносили слова, не разжимая губ, не открывая рта.

— Мы просим прощения за вторжение в твой дом. Но он долго был пуст, и мы использовали его для своих целей. Хочешь ли ты с нами?

— Нет, я не хочу. А кто вы?

— Ты еще не должна этого знать, но мы встретимся, когда придет время.

— А откуда вы??

— Тебе будет трудно это представить. Мы из Времени, если назвать это словом. Этого объяснить нельзя, можно только осознать. Мы существуем здесь рядом…. Впрочем, ты когда-нибудь побываешь у нас. Но нам пора уходить. Ты позволишь нам иногда приходить сюда, когда тебя нет?

— Да, конечно, приходите, когда вам нужно.

Существа встали с дивана, подошли к раскрытому балкону и медленно, плавной поступью пошли по воздуху прочь из квартиры и растворились в морозной ночи.

Проснулась Лена рано, на свое же удивление. Только-только начинало светать. В квартире было очень холодно. Вставать не хотелось. Лена глубже закопалась под одеяло и стала вспоминать

свой довольно-таки странный сон. Она старалась понять, что предвещает это видение. Пытаясь связать его со своей личной жизнью, она рисовала себе мрачные картины будущих отношений с Вадимом. Ей неизбежно казалось, что сон сулит что-то нехорошее. Она ясно понимала, что надоела Вадиму, что нужна ему лишь изредка, что долго это продолжаться не может. Ему двадцать пять лет и не сегодня, так завтра он женится и, увы, не на ней. Как-то раз, когда Вадим в одну из суббот ночевал у Лены, она перевешивала его смятый пиджак на вешалку, и из него выпал увесистый блокнот. Женское любопытство взяло верх над порядочностью, и блокнот был открыт. Блокнот, словно сам, открылся на той странице, на которой его явно чаще всего открывали. На ней был список двадцати пяти девушек и их телефонов — Марина, Оля, Кристина, Илона, Эдита и еще масса звонких имен и среди них она, ничем не выделяющаяся, затерявшаяся среди цветущей толпы, Лена. Она бросила блокнот обратно в карман пиджака и решила тогда для себя порвать с Вадимом, высказать ему все и сию же секунду. Но стоило ему появиться в комнате и взглянуть на Лену своим ангельским просветленным взором, обнять и поцеловать ее, как всю ненависть как ветром сдуло, и все вновь пошло своим привычным путем. И тем не менее Лена часто вспоминала этот блокнотный лист, и он напоминал ей о том, что рано или поздно Вадим оставит ее, и она с горечью дожидалась этого дня. И теперь, когда парень в субботу ушел, оставив ее одну в пустой квартире, казалось, что этот день приблизился вплотную.

Лена нехотя встала с кровати, завернулась в халат и вышла из спальни. На кухне она поставила чайник на плиту и отправилась в гостиную в поисках своих тапочек, с мыслями о предстоящей работе по открыванию балкона. Лена остановилась на пороге комнаты. Морозный ветерок шевелил занавески. Балконная дверь была распахнута настежь.

Глава третья
АНТОЛА

Антола сидела в полной темноте и с грустью разглядывала фиолетовый контур своей руки. Она описывала ею в воздухе замысловатые узоры и думала о том, что ей делать дальше, стоит ли ей быть вообще, если она навсегда лишена права даже видеть своего любимого. Она не могла понять, почему же другие, такие же как она пришельцы с Земли, никогда не хотят вернуться обратно. Она точно знала, что среди них были существа, которые оставили там свою любовь, но она никогда не слышала от них

слов сожаления. Казалось, они все были беспредельно счастливы, что попали сюда, что обрели прекрасные тела, что здесь нет ничего, что напоминало бы о бренной Земле, о ее заботах и проблемах. Здесь все наслаждались тишиной и покоем, духовным существованием, и звездной, не иссякающей красотой. Среди них царила атмосфера полного счастья. Антола считала себя какой-то неполноценной, а может быть, напротив, выдающейся среди своих собратьев, так как она не могла забыть того, кого любила больше жизни, того, кто ее тоже любит, но сей день. Она чувствовала это. Его любовь подобно магниту притягивала ее к себе, манила своей прежней земной прелестью.

Антола не знала, просто не понимала, что будет дальше. Она достала из-под одной из юбок маленький огарок свечи. Когда она, выбрав себе тело, вошла в него, то случайно нашла между юбками потайной кармашек и в нем эту самую свечу и два кремня. Вероятно, это тело в Средние века принадлежало когда-то какой-нибудь блуднице, которая была вынуждена по ночам сбегать из дома, и, чтобы муж не заподозрил неладное, в кармашке была припасена на всякий случай эта свечка. А может быть, это была очень мечтательная девушка, которая любила бродить ночами по темному замку. В любом случае, кем бы ни была та несчастная, она сослужила огромную услугу Антоле, сама того не подозревая.

Антола постучала камушками, вспыхнула искорка, и свеча зажглась. Девушка улыбнулась прекрасной неземной улыбкой, глаза заблестели, засветились, отражая трепетный огонек. Она всем телом жадно впитывала слабенькое тепло от свечи, кажущееся гигантским среди холодных мертвых стен. Внезапно Антола вздрогнула, погасила свечку и оглянулась:

— Кто здесь? — в ответ последовало молчание, но Антола чувствовала чье-то присутствие. Лишь приглядевшись, ей удалось различить блеклое ультрамариновое пятнышко, затаившееся в верхнем углу комнаты, под самым потолком. — Ах, это ты, Алюс… Вечно ты придумываешь что-то. Как же ты меня напугал. Разоблаченное пятнышко, весело заиграв по потолку и стенам, плавно опустилось на плечо Антолы. Сгусток ультрамарина, не издавая ни звука, говорил с девушкой.

— Ах, Алюс, как же я завидую тебе! Ты можешь веселиться, а у меня что-то не получается…. Нет, что ты. Я не могу! Да нет же, просто не хочется. Полетай сегодня с кем-нибудь другим, у меня сегодня нелетное настроение. Ну, малыш, ну, пожалуйста, не упрашивай меня так, иначе я не смогу тебе отказать…. Ну ладно, так и быть, негодный мальчишка, все-таки уговорил…

Пятнышко слетело с ее плеча. Антола встала с кресла и легла на кровать. Она закрыла глаза, тело полностью расслабилось, светящийся контур стал увеличиваться, расползаться в стороны, он буквально выделялся из тела и расплывался вокруг него. Когда последняя светящаяся точка отделилась от тела, фиолетовый контур мгновенно сконцентрировался в единый ярко-фиолетовый комок и поднялся к потолку. На кровати осталось лежать размякшее, беспомощное и неподвижное, похожее на большую резиновую игрушку тело Антолы.

Два светящихся пятна, одно маленькое, другое побольше, закружились в воздухе и, беспрепятственно преодолев закрытую дверь комнаты, понеслись по темному коридору. По дороге к ним присоединились другие, такие же, как они, клубки света. В конце концов образовалась целая стая световых точек. Они бесшумно носились по темным залам Храма, издавая только легкие потрескивания. В самом разгаре веселья один сгусток отделился и медленно, словно опасаясь чего-то, поплыл в обратную сторону. Через минуту Антола уже сидела на кровати, задумчиво глядя в черную пустоту и сжимая в руке теплый, чуть мягкий воск свечи. В дверь осторожно постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошел Флук.

— Приветствую тебя, Антола. Ты как всегда в неизменной печали, одна?

— Да, милый Флук, ты же сам знаешь.

— Да уж, знаю не только я, но и Пиластэл. От него ничего не утаить. Он все видит и чувствует. Но я пришел не поэтому. Я вчера видел того, с кем твои мысли.

— Флук! Этого не может быть!

— Может. Помнишь, был разговор о том, что мы нашли переходную дыру! Так вот, ее проекционная точка приходится на одну из земных квартир! Она долгое время пустовала, а вчера в ней находился этот человек с хозяйкой квартиры. Мы долго не

решались войти, но ночью, когда этот человек ушел, а девушка уснула, все-таки вышли из межпространственного коридора. Внезапно хозяйка проснулась, увидела нас, и нам пришлось с ней заговорить… И, знаешь, Антола, даже без разговора я понял, что ей хочется уйти, но ее место еще там, она не понимает этого, и это тяготит ее.

— Флук, милый, остановим ее! Что делал он? В чем одет? Что говорил? Расскажи!

— На нем был зеленый свитер, голубые джинсы, говорил какую-то ерунду и обнимал Лену.

— Какую Лену?

— Хозяйку квартиры, разговоры о которой ты пожелала отложить в сторону.

Антола улыбнулась.

— Нет, Флук, ты что-то путаешь. Это, наверное, был не он. Он так не мог, ведь он любит меня.

— Да, именно так он ей и говорил, но все же обнимал и целовал.

— Хватит, Флук, ты ошибаешься. Моя душа рядом с его душой, а все, что происходит физически, не имеет сейчас никакого значения… Возьмите меня с собой в следующий раз, а?

Я буду умницей, Флук, ну, пожалуйста.

Глава четвертая
ВАДИМ

Телефон разразился пронзительным звонком наперекор горластому будильнику. Вадим Стужин, с трудом раскрывая слипшиеся ото сна глаза, шарил рукой по тумбочке с одной лишь целью — как-то прекратить этот жуткий поединок. Наконец будильник на последнем издыхании завершил свой душераздирающий вопль, и Вадим снял трубку телефона.

— Да!

— Доброе утро, дорогой!

— Кто это?…

— Милый, это же я, Лена. Ты, что, еще спишь?

— А ты как думала? Я, что, по-твоему, в половине седьмого утра должен находиться в состоянии полного бодрствования?

— Ну ведь мы же с тобой договорились. Ты забыл?

— На счет чего…. Ах ты черт! Забыл. А я-то думал, что будильник забыл переключить. Ленка, прости! Прости бога ради, закрутился вчера, совсем измотался, пришел и отрубился сразу. Сейчас вообще еле глаза продрал. Все, сейчас встаю, быстро одеваюсь, беру ракетку и бегу на корт. Жди меня там.

— Ладно, Вадим, только не задерживайся.

Вадим не спеша поднялся и сел на краю кровати. За окном была зима, и хотелось каждую секунду пребывания по эту сторону окна тянуть подольше, впитывая тепло нагретого воздуха всем телом, прежде чем выйти на холод в темное зимнее утро.

Вадим с неохотой натянул холодные джинсы, просунул непослушные руки в рукава свитера и включил магнитофон. Под тихую грустную мелодию Стинга Вадим собрал свою огромную спортивную сумку, воткнул в нее ракетку и закурил сигарету.

Прошло около часа, пока Вадим, не нарушая спокойствия и медлительности спящей окружающей его обстановки, наконец, не закрыл за собой на ключ двери квартиры и не вышел на улицу. Черный морозный ветерок мгновенно обжег теплые щеки и заставил прибавить шагу. Еще через час, после продолжительной и нудной тряски в автобусе и метро, Вадим миновал проходную спорткомплекса. Переодевшись, подхватив ракетку и несколько мячиков, довольный своим внешним видом, Вадим приблизился к дверям крытого корта.

Стучал теннисный мячик. Стужин заглянул в зал. Лена азартно бегала по залу, отбивая подачи, которые посылала ей стена. Вадиму не хотелось входить в зал. Он прислонился к двери

и наблюдал за полетами мяча. Одна и та же мысль периодически приходила ему в голову. Зачем он придумал себе Анну и для чего всю эту выдуманную им самим историю он рассказал Лене. И откуда эта история вообще возникла в его мозгу? Он совершенно отчетливо вспомнил сейчас тот день, когда он познакомился с Леной.

За окнами независимого издательства журнала, в котором работал Вадим, сияло весеннее солнце. Уже был май, и весна становилась больше похожей на лето. Окна издательской конторы были открыты, и легкий благоухающий молодой листвой ветерок витал под потолком. Стужин сидел за столом и работал над разложенными на нем негативами. Дверь распахнулась, негативы, подхваченные сквозняком, взметнулись к потолку, и на пороге появилась Зиночка, секретарша начальника. На самом деле имя у Зиночки было совсем другое, но это больше нравилось шефу.

— Стужин, — пытаясь изобразить французский прононс, прогнусавила Зиночка, — к шефу.

Вадим сгреб разлетевшиеся негативы в первозданную кучу и отправился к руководству. Там выяснилось, что ему вечером необходимо быть на какой-то пресс-конференции в итальянском посольстве. Если бы не запланированная на этот вечер встреча со старыми институтскими друзьями, все было бы великолепно. Но мероприятие, к которому он готовился целую неделю, так безжалостно сорвалось и рассыпалось в пух и прах.

Безусловно, Вадим прибыл на упомянутую пресс-конференцию, безусловно, он работал так, как положено фотокорреспонденту, но настроения не было совершенно. Стужин был зол и несдержан. Он яростно щелкал фотоаппаратом и не обращал никакого внимания на просьбы вести себя потише и поскромнее. И тут появляется она, великолепная, высокая, стройная смуглянка с пепельными густыми волосами, уложенными в изящную прическу. Стужин пытался не показывать своего восхищения, но не мог сдержаться от законспирированных взглядов искоса. Девушка стояла рядом с каким-то низеньким полным итальянцем, внимательно слушала его и что-то записывала в большую синюю папку. Вдруг итальянец повернул голову в сторону Вадима и стал говорить девушке что-то явно имеющее отношение к представителю прессы. Последний поспешил отвернуться и отойти немного в сторону. Но это не спасло его.

— Молодой человек, я сотрудница этого посольства, будьте любезны, пройдемте со мной.

Девушка была русской, и Стужину стало почему-то так хорошо, что он, не задумываясь, последовал за девушкой. Они

отошли к зеркальной стене и сели в мягкие кожаные кресла.

— Молодой человек, — продолжила девушка, — дело в том, что о вас тут очень нелестно отзываются. Не могли бы вы вести себя немного тише и не спорить с окружающими, тем более в таком категоричном тоне.

— Ну, если меня об этом просите вы, мне придется перебороть в себе желание разнести все ваше посольство к чертовой бабушке.

— А в чем, собственно, дело, у вас что-то случилось?

— Да я шучу… Я просто очень устал… но работать надо.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? Может, выпьете кофе?

— Неужели это возможно?! С превеликим удовольствием.

Они спустились на лифте на один этаж и прошли в небольшой бар, где и заказали по чашечке кофе с бутербродами. Тут-то Вадим в тумане сигаретного дыма, в интимном сумраке бара, под тихую мелодию, словно испаряющуюся из темных углов под потолком, и познакомился с Леной. Узнал, что она работает в этом посольстве секретарем-референтом. И чтобы как-то растопить жалостливое женское сердце, рассказал Лене на ходу выдуманную историю о том, как у него была любимая девушка и как она совсем недавно погибла в автокатастрофе, и как он теперь одинок и несчастен. Женское сердце сжалось от сочувствия, ну, а потом, естественно, растаяло…. В эту ночь Вадим не ночевал дома.

И вот сейчас, когда прошло уже чуть больше полугода, Стужин смотрел на играющую в теннис Лену и думал о всей нелепости выдуманной им истории. Он стоял и не мог решить, входить ему в зал, нет, или измыслить еще ка-кую-нибудь историю для оправдания. Но сегодня было почему-то очень противно врать, сегодня от вранья буквально тошнило. Вадим пружинящим шагом вбежал на корт, перехватил мяч, и игру продолжили двое.

Тонкий мир… В тонком мире что-то изменилось… начало рваться. Флук быстрее, чем обычно, летел по темным коридорам Храма. Его плащ, развеваясь, издавал треск громче обычного, освещая окружающий сумрак. Приблизившись на расстояние громкого шепота к Пиластэлу, он издалека, на ходу стал причитать:

— Проход… и этот проход закрывается. Ох, уж эти люди… их непостоянство. Пиластэл, Стужин… Он вычеркивает Антолу из своего сознания, она уходит из его воображения. Я поспешу к ней, может, хоть в этот раз, хотя бы с ней, будет по-другому.

— Зря… Ты же знаешь закон. «Только те, о ком думают и помнят, только те, чьи души не отпускаются сознанием людей,

имеют шанс получить вновь тело и задержаться в Храме…» Уйдя с Земли, но не покинув ее. Теперь же ее ждет дальний путь…

— Но ее родила его фантазия до ее времени! Ее время еще не успело прийти! Может, в этот раз будет не так… мы не можем знать всего Закона.

Эхом доносились эти последние слова Флука, мчащегося, насколько позволяли коридоры Храма, к Антоле. Влетев в ее зал, он увидел в углу, в сумраке, слегка разогнанном отблесками его плаща, то, что он не хотел увидеть — неподвижное и неодушевленное тело Антолы. Даже став просто оболочкой, она оставалась прекрасной. Замедлив шаг, все медленнее и медленнее, будто боясь ее разбудить, Флук, сделавшись старее еще на несколько веков, приблизился к той, кто еще несколько мгновений назад была Антолой.

— Антола… Эх! Почему так все устроено….

— Антола… Антола… — словно эхо тихо в ответ прозвучало.

Монах вскинул голову к тому, кто еле слышно вслед за ним произнес ее имя. Это было блеклое ультрамариновое пятнышко, как всегда затаившееся в верхнем углу комнаты, в своем любимом месте под самым потолком обители Антолы.

— Алюс… Не печалься, мой друг, она покинула нас, но таков Закон, ее ждет путь, мы с тобой ничего не сможем сделать…

Огонек задрожал в темноте, и казалось, что он плачет.

Казалось, что она грустила. Но нет, просто думала. Устроив голову на сложенных ладошках, она смотрела вглубь сумрака комнаты и думала о Стужине, об их отношениях…

Вдруг по ее спине пробежал легкий холодок, и она опять вспомнила его рассказ про его любимую, погибшую в автокатастрофе. Перед ее глазами предстали обломки машин и удивительной глубины карие глаза на ангельски-кра-сивом лице юной девушки. Казалось, ее взор о чем-то молил… У Лены защемило в груди от любви, жалости, счастья, от того, что она здесь, рядом Вадим… и они живы.

А в Храме «Под небом, над Землей» Пиластэл смотрел сквозь дымку пространства и времени на Лену, на летящий среди облаков самолет, а в нем на уставшего мужчину, заснувшего в полумраке салона, с бордовой тетрадью в руках, у иллюминатора. Казалось, этот туманообразный сгусток света стал ярче. Пиластэл улыбнулся. Улыбнулся и тихо пробормотал: «Закон мудр… а миры бесконечны… у Антолы есть шанс… Они думают о ней… Она вернется».

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

Солнце било сквозь иллюминатор своими яркими, по-южному горячими лучами. Стюардессы, подчиняясь командам командира экипажа, открыли входные люки и стояли на их краю в ожидании трапа. Вместе с жарой в салон ворвался густой, слегка сладковатый воздух, наполненный запахом моря, таким, какой нам помнится с детства, — с привкусом соли, ароматами водорослей и рыбы. И еще пахло цветами — цвели розы и дикая маслина. Я с удовольствием вдохнул эти первые волны воздуха, предвещавшие мне двухнедельный отдых.

Пассажиры суетливо собирали вещи и, толкаясь, пытались протиснуться к выходу, которого еще не было. И здесь московская суета брала верх над разумностью и спокойствием. Я же, напротив, был спокоен. Не торопясь, убрал тетрадь в сумку и стал наблюдать, как подают трап. Но мое спокойствие было скорее напускное, я тоже хотел быстрее покинуть авиалайнер и, оказавшись на свободе, ощутить вольный ветер Кубани, увидеть ее лошадей, виноградники и, конечно, море. Лена… Лена, как сложилась бы твоя судьба, допиши Снежина книгу!

Поселившись в номере пансионата, я, захватив полотенце, неизменный фотоаппарат и новую тетрадь сестры из сумки, устремился на берег. Нарочито загребая ногами горячий песок, я брел к воде, не веря начинающемуся блаженству. Искупавшись и купив пирожок, как символ конца городским условностям, у проходившей мимо бабульки, я улегся среди барханов. Окинув взглядом морской простор, откинулся на спину и минут тридцать, не отводя взгляда от парящей прямо надо мной на фоне безоблачного неба чайки, наполнялся отпускной истомой.

Мне не хотелось думать о том, что ближайшие дни потрачу на перепечатку оригинала рукописи в машинописный экземпляр на привезенном с собой миленьком и маленьком малыше ноутбуке. Еще в Москве я решил, что так будет лучше — после прочтения каждой тетради перепечатка рукописи, на случай, если я решу ее показать редакции.

Глядя в небо, я думал о прочитанном. И все же жаль… Мне не хватало информации. Стужин… Лена… Что было бы дальше? А может, ответ в том, что было до этого. Может быть, за много лет… может быть, до встречи со Стужиным. Переплетенье событий, времени, пространства. Ведь «Антола» одно из последних произведений Татьяны. Может быть, при повторном чтении, при перепечатке я увижу то, что ранее не заметил. И все же эти мысли о предстоящей работе лезли мне в голову, мешали расслабиться, и я решил нарушить план, тем самым перехитрив «рабочий настрой»…

Я перевернулся на живот, надел новенькие французские

солнцезащитные очки и, проводив взглядом повесы двух хихикающих нарочито громко, проходивших мимо загорелых девчушек и решив получить еще немного удовольствия от чтения, открыл следующую тетрадь с названием — «Называйте, как хотите». Датировалась тетрадь 21 августа 1989 года.

НАЗЫВАЙТЕ, КАК ХОТИТЕ
Глава 1

Плывут облака… Плывут, а куда плывут, никому не известно. Даже им самим. Плывут туда, куда ветер подует.

А куда подует ветер? Это знают только в Гидрометцентре СССР. Да, такие мысли лезут в мою голову, только когда я сильно утомлен или просто не знаю чем заняться. В данном случае ни того, ни другого. Что-то со мной в последнее время творится непонятное. Нет, надо работать, а то я сегодня совсем ничего не успею. Так, на чем я остановился? Ага, вот та-ак, значит «о чем же думают работники совхоза „Красномайский“, когда же они, в конце концов, возьмутся за ум, да и за работу тоже. Почему же они до сих пор…» Интересно, когда нас отсюда будут выселять.

Обещали до Нового года. Но это только обещали. Скорей бы! Так надоело в этой мышеловке. А так, говорят, поселят в новом микрорайоне. Надо будет туда съездить, посмотреть, как там… А что, если сейчас съездить?! Все равно ничего путного в голову не лезет. Ладно, закончу вечером.

Наверное, мой читатель удивляется, что у журналиста, да и вообще просто у здравомыслящего, серьезного человека могут происходить такие сумбуры в голове. Но позволю себе напомнить, что журналист такой же человек, как все вы, и тоже имеет свои слабости, и требовать от него механической исполнительности робота просто жестоко и неразумно. Вот и сейчас он никак не может завести машину и поэтому злится и бормочет себе что-то под нос. Ну, совсем как вы! И поэтому я очень прошу вас, не требуйте от него сверхчеловеческого и отнеситесь к нему как к себе. Кто же он такой? Биография проста, но незаурядна. Как это обычно говорится: родился, учился… но, увы, еще не женился. А, собственно, почему «увы»?! Как знать, может, это и к счастью. Иначе не приключилась бы с ним эта простая, но до боли приятная история. Зовут нашего героя Саша Надеждин, окончил МГИМО, с января 1988 года работает корреспондентом телевизионной программы. На данный момент ему двадцать пять лет, имеет третий разряд по плаванию, полученный в институте…

Но вот он уже завел машину, пока мы с вами тут разговаривали. Ну что ж, нам остается только посмотреть ему

вслед. А как поехал-то, черт возьми, ему бы в группу каскадеров на Мосфильм, но судьба распорядилась иначе. А может, оно и к лучшему!

Давайте пойдем за ним следом и посмотрим, какое впечатление на него произведет новое место жительства. Но, стоп! Тише. Кто это? Спрячемся за угол и посмотрим, кто это такие… Это две девушки, довольно-таки миловидные, но, что это, они направились в наш подъезд. Интересно, к кому они? Раньше я их здесь не видела. Так, одна осталась в дверях, а другая решительно подошла к почтовым ящикам. Но что она опустила в почтовый ящик? К сожалению, мне за ее спиной ничего не видно, а вам? Две незнакомки торопливо покинули подъезд. Да-а, наша жизнь полна тайн и сюрпризов. Интересно, что же они бросили в ящик? Может быть, письмо? Скорее всего, даже наверняка, так оно и есть. Да, но что в этом письме? Вот бы узнать! А может, вскрыть ящик, пока хозяин не видит, и прочесть? Нет, я, как писатель, такого нрава не имею, все должно идти своим чередом. Иначе… Да, я совсем забыла вам сказать, что наш герой проживает именно в этом доме. И именно в его ящик незнакомки что-то бросили. А вдруг бомбу?! Кошмар! Сенсация года! Покушение с целью убийства на корреспондента телевидения. И не без оснований! Программа, в которой он работает, самая популярная из всех наших современных программ. К счастью, здесь я могу помочь. На правах писателя я могу кое-что изменить! Но будем все же надеяться на лучшее и прибегать к моей помощи лишь в крайнем случае. Что-то мы с вами разговорились. Я слышу шум машины. Вероятно, это Саша вернулся. Да, так оно и есть. Ну и горазды же мы болтать, целых два часа угрохали на болтовню. Но пора, мой дорогой читатель, перенестись в мысли молодого журналиста.

— Черт, надо машину чинить, за лето совсем износилась. И времени, как назло, нет совершенно. Конец сентября, а уже такой холод, представляю, что будет зимой. Надо куртку утепленную покупать. Надо почту забрать.

Ого, сколько накопилось! Так, письмо. От кого, интересно? Что-то какое-то странное письмо — без обратного адреса, от некой Лены. О, господи, розыгрыш какой-нибудь. А может… сейчас прочтем. Да что ж соседи опять обувь свою разбросали, ни пройти, ни проехать. Ой, а у меня ботинки грязнючие. Ладно, завтра помою, время не терпит. Надо это толстенькое письмо прочитать, а у меня работы навалом. Так, что пишут в газетах? «В пресс-центре МИД СССР сегодня состоялся брифинг…» Ладненько, это потом! Мне не терпится прочитать это таинственное письмо. Что таится в этом странном конверте, и кто

такая эта Лена? Эх, давно писем не получал.

Было половина девятого вечера, когда Саша углубился в чтение письма. Жаль, что у вас не было возможности видеть его в эти часы. Да, именно часы, потому что он просидел за письмом без малого три часа, совершенно забыв о работе. Господи, мне так хотелось одернуть его, ведь он не успеет закончить свой репортаж. А ведь ему завтра на работу рано вставать. Да и к тому же письмо он давным-давно прочитал, а все остальное время сидел и думал, думал о чем-то, перечитывал отдельные строки письма и опять думал, думал. А мне так хотелось узнать, о чем! Но мы с вами совсем забыли, что у нас есть чудесная возможность переноситься в мысли, чувства и переживания наших героев. В путь!..

— Какое неожиданное письмо… Даже не знаю, верить ему или нет. А вдруг это кто-нибудь пошутил?! Жаль, если это так. Жаль, что такое нежное, слабенькое, еще неокрепшее и в то же время сильное своей чистотой чувство не бывает на самом деле. Ха, глупец, размечтался! Да мне просто интересно было бы посмотреть на это хрупкое создание, у которого я мог бы вызвать такое, смешно даже сказать, чувство!.. Но письмо слишком сложно и откровенно для розыгрыша. Обычно в таких ложных признаниях пишут краткое, но понятное «ай лав ю» или что-то в этом роде, а здесь совсем другое. Здесь чувствуется волнение девчонки. А ведь действительно девчонки, она ведь на десять лет младше меня и не скрывает этого. Да-а, при всей взрослости и серьезности строк письма проглядывает детскость 16-летней девушки: рисуночки какие-то, стишки… Надо же, все вспомнила: и Туркмению, где я выглядел как идиот, и КВН в МГИМО, и даже мои необдуманные фразы насчет силы внутри, и тому подобное, что я молол в не очень трезвом состоянии. Боже, и рок-н-ролл? Ну, это уже слишком! Я бы пожелал, чтобы меня в тот момент никто не видел! Представляю себе! Бедная девочка, что она пережила, когда наблюдала меня в таком состоянии! Как она только не разочаровалась в таком идиоте! Нет, пора становиться серьезнее, если на меня уже кто-то обращает внимание. А чем черт не шутит?! Может быть, обратит внимание и кто-нибудь поболее, чем школьница… Неужели я так молодо выгляжу, что она позарилась на меня. Все утверждают обратное… Но стоп! Сразу как-то не подумал! Откуда?! Откуда, черт возьми, она знает мой адрес?! Что-то мне даже зябко стало и руки похолодели… Откуда?! Терпеть не могу таких не очень-то уютных сюрпризов и тайн… И почему нет обратного адреса?! А вдруг это ловушка? Тихо, тихо, спокойно, Надеждин, меня не на чем ловить! Что это я так заволновался? Предположим, у этой самой Лены есть

знакомые, а у этих знакомых еще знакомые, и каким-то непонятным мне образом адрес дошел до нее. А может… у нее какие-нибудь всемогущие родители. Это хуже всего. Мне еще не хватало влипнуть в какую-нибудь историю. А может быть, они работают у нас на телецентре… Да, ну и задачку мне подкинула эта Лена! И главное, не ответишь, ведь некуда — адреса-то нет. Значит так, если это не розыгрыш, то эта малышка просто не вытерпит, не вытерпит и напишет еще одно письмо, а если нет… Ну что ж, тогда не стоит расстраиваться по такому пустяку. Значит, или шутка, или, что менее приятно, разлюбила! Ой, ну о каких серьезных чувствах может идти речь, она же еще ребенок! Ну, зачем я так о ней думаю, она, наверное, бедняжка, не спит сейчас, и всю ночь спать не будет — будет все думать, как я отнесся к ее письму. Успокойся, малышка, все в порядке, я верю тебе. Я не порвал твое письмо, а прочитал и даже голову над ним поломал порядком. Так что спи спокойно, и пусть тебе приснится сладкий сон, потому что тебе уже пора спать, уже половина двенадцатого. Да-а… Что? Сколько?! Половина какого?! У меня же репортаж не закончен! Черт бы побрал это письмо!

Вот, очнулся, наконец. Бедняга, теперь ему придется попотеть до утра. Что-то с ним творится последнее время. Устает очень, наверное. Ну конечно, дома почти не бывает. Даже летом во время отпуска работал. Все боится карьеру себе испортить. Хотя чего боится? Он же находка для телевидения: молодой, обаятельный, симпатичный, а главное-то что — НЕ ЖЕНАТ! Вот что главное! Эх, Надеждин… Ой, заснул. Заснул прямо за столом, за печатной машинкой. Устал… Ну, тогда давайте тихонько уйдем отсюда.

Не будем ему мешать, пусть немного поспит. Вы только посмотрите на него, сопит как младенец. Совсем мальчишка в душе. Ну, пойдем, пойдем. Что? Улыбается? Что-то хорошее снится, но тише, не будем подглядывать в его сны. Это все равно, что читать письмо через плечо, а это нехорошо…

Глава 2

Утро. Дождь моросит. Пасмурно. Саша уже проснулся с той же улыбкой, с которой мы его видели уже спящим. Но настроение тут же испортилось при виде незаконченной работы. С обреченностью на лице он сложил листы в сумку и стал собираться на работу. Выпил холодный вчерашний кофе, запихнул в рот кусок колбасы и на цыпочках вышел из комнаты. Надел грязные со вчерашнего дня кроссовки, закинул сумку за спину, закрыл тихо за собой дверь и побежал вниз по лестнице.

На улице его встретил мокрый, несчастный, изъезженный автомобиль. Тяжело вздохнув, Саша открыл дверцу и сел за руль. Повернул ключ, нажал сцепление, дал ход, и… автомобиль поехал. Старый друг словно не хотел расстраивать своего и без того огорченного хозяина. Он вез его ровно и гладко, аккуратно стирая стекающие капли дождя с лобового стекла. И вдруг бедняга закряхтел, запыхтел, закашлял, споткнулся и стал как вкопанный. Ну вот, теперь наш герой, плюс ко всем неприятностям, которые его ожидают на работе, еще и опоздал. Он вылез из машины и, открыв капот, стал копошиться в деталях и механизмах своего средства передвижения. Говорят, что автомобиль не роскошь, а средство передвижения, но эта машина, как выражается сам Саша, одно препятствие передвижению. Мимо проезжали автобусы, из окон которых глазели заспанные рожицы и молча сочувствовали мокнущему под дождем журналисту, застрявшему посреди проезжей части. А на следующий день девушка, ехавшая в одном из этих автобусов, скажет своей маме, работающей на МОСФИЛЬМе, что видела Александра Надеждина, как он чинил свою машину, а мама скажет своей знакомой, а знакомая скажет своей дочке. Но это не важно. Вернемся в сегодня. Тем более, что Надеждин уже починил свою машину с помощью милиционера и уже на подъезде к телецентру.

Саша бегом проскочил через проходную, предъявив пропуск, и, не дожидаясь лифта, побежал по лестнице на седьмой этаж.

— Привет, Саш, ты чего такой запыхавшийся?

— Пешком шел, привет.

— Здорово, Санек, опаздываешь, нехорошо.

— Здорово! Так получилось.

— Салют, Сань, ты чего, обалдел, так задерживаешься, у нас проверка.

— Ты что, правда?

— Привет, Шур, беги скорей, у нас начальство.

— Здравствуйте, товарищ Надеждин, время не подскажете, что-то у меня часы стали? Ну что же вы замялись? Я вас спрашиваю — который час! Не буду же я, как в детском саду, наказывать вас и ставить в угол. В чем дело? Вы уже неоднократно получали предупреждения по поводу ваших опозданий! Что же, интересно узнать, у вас стряслось на этот раз?!

— Понимаете…

— Ясно, опять машина сломалась.

— Да, карбюратор совсем сдох, надо новый покупать…

— Надо, Надеждин, давно надо. И работу свою надо вовремя выполнять. Поэтому сегодня вы на выезд не пойдете, а будете

сидеть и доделывать невыполненную работу.

— Но откуда вы знаете, что она не выполнена?!

— Ваши синяки под глазами рассказали мне об этом. Или я не прав?

— Начальник всегда прав.

— Правильно. А чтобы вы быстрее купили свой карбюратор, объявляю вам выговор и лишаю вас 13-й. Жаль, что мы не в армии, а то влепил бы я вам нарядика эдак два вне очереди, перестали бы опаздывать!

— Да, Шурик, принимай соболезнования. Угораздило тебя на этот раз. Он сегодня не с той ноги встал, на всех кидается. Да, кстати, у меня есть совсем новенький карбюратор, если хочешь, завтра принесу.

— Да иди ты к черту со своим карбюратором… Прости, Макс, я не в духе сегодня. Поговорим потом, мне нужно прийти в себя.

— Понятно. Ну, тогда до вечера?

— Давай.

Да, действительно влип наш герой, не позавидуешь. Он снял куртку, поставил сумку на стол и подошел к окну. Вся площадь перед телецентром была умыта осенним дождем. Он смотрел, как из проходной по очереди выходили ребята, и, накрываясь сумками и куртками, бежали к «рафику». Саша не мог понять, как это без него будут ребята работать сегодня. Ему захотелось сорваться с места и побежать за ними. Он чувствовал себя каким-то неполноценным в эти минуты. «Рафик» тронулся с места, проехав через площадь, выехал на дорогу и пошел на задание. У Саши было такое ощущение, что все бросили его в трудную минуту, что никто не остался с ним и не подал руку помощи. Он представил себя на необитаемом острове, что он сидит там совсем один, такой несчастный и такой одинокий. Тогда Надеждин, чтобы как-то развеять грусть, решил доделать все-таки свою злосчастную работу. Он сел за стол, открыл сумку и первое, что бросилось ему в глаза, это было письмо, то самое письмо, из-за которого у него сегодня столько неприятностей. Он со злостью схватил его и с остервенением бросил в самый дальний угол комнаты. Письмо ударилось о стену и упало на пол. Из конверта выпали и рассыпались странички письма и рисунки.

Александр взялся за работу. Он сложил по порядку уже исписанные листы и взял новый. Саша стал думать, о чем писать дальше. Тщетно он пытался заставить себя думать о работе, письмо — вот что сейчас занимало его рассудок. Он выпил стакан воды и снова склонился над столом. Он старательно грыз ручку, пытаясь хоть что-нибудь выдавить из своей головы. Но снова и снова перед его глазами падало и рассыпалось письмо, падало и

рассыпалось, снова падало и снова рассыпалось. Наконец Саша стал что-то писать. Он писал, и было такое ощущение, что кто-то толкает его под руку и просит: «Оглянись». Он не мог понять, в чем дело, и продолжал писать. Но ощущение не покидало его. В конце концов, он бросил ручку на стол и откинулся на спинку стула. Что-то назойливое и зудящее жгло ему затылок. Он оглянулся… Письмо. Растерзанное, оно тоскливо и беспомощно лежало на полу. И вдруг Саша ясно представил себе, что это не листы бумаги, а отвергнутое чувство, которое застыло в беспомощном порыве вылиться наружу. Еще мгновение, кто-то откроет дверь, и сквозняк взметнет его ввысь и станет трепать и рвать в клочья. Потом стихнет, успокоится, бросит на землю, и кто-нибудь наступит на него ногой. В каком-то непонятном страстно-героическом порыве Саша кинулся в угол, где лежало письмо, и с нежной бережностью принялся собирать и складывать листки в конверт. В эту минуту в кабинет вошли. Это была уборщица.

— Ой! Ну, вы меня напугали! Я уж думала, воры. А вы чего не поехали со своими-то?

— Значит, надо так! Что вам здесь нужно?

— Так убираться же надо, пол вымыть.

— Не надо! С вечера надо убирать! А сейчас вы будете мне мешать!

— Так по вечерам вас же никого отсюда не выгонишь. Наоборот бы спасибо сказали, что грязь за вами убираю! Я быстро номою. А?

— Спасибо, не надо! — еле сдерживая злость, выдавил Саша.

Гремя шваброй о ведро, уборщица вышла. Саша молниеносно сел за стол и стал раскладывать письмо отдельно по одному листочку. Он снова увидел уже знакомый крупный почерк, рисунки с его изображением, силуэты профилей его и ее. Он сдвинул листы на край стола и положил силуэт Лены на темную полировку стола. Белый силуэт как нельзя лучше гармонировал с коричневым деревом стола. Саша, подперев голову руками, разглядывал профиль девушки и пытался представить ее себе. Какая она? Красивая или не очень? Умная или так себе? Добрая или нет? Напористая, или женственная? Худенькая или как я? И Саша пришел к выводу, что если судить по письму, то девушка умна, добра, женственна, ну а что касается красоты, то здесь он мог сказать точно, что душа у нее прекрасна, а это самое главное.

В кабинет постучали и, не дожидаясь ответа, вошел главный редактор.

— Здравствуй, Сашенька, я только что от директора. Он мне все рассказал. Что же это с тобой происходит? Начальство

жалуется, что ты работу всего отдела тянешь назад. По-моему, тебе тяжело у нас работать. По-моему, ты не справляешься. Что, если тебе перейти в другой отдел? Или, скажем, вернуться на свое прежнее место работы, на радиовещание. Там полегче будет, и тебе спокойней. Как ты на это смотришь?

— Я отсюда никуда не пойду. Пусть здесь трудно, но мое место здесь. Здесь я чувствую себя нужным, здесь мои друзья и другого, легкого мне не надо.

— Молодец! Я знал, что ты так скажешь! Именно так я и ответил дирекции. Не волнуйся, я сделаю все, чтобы тебя оставили, но и ты тоже должен помочь мне в этом. Постарайся не опаздывать. Если ты перейдешь на радио, никому, поверь, от этого лучше не станет. Напротив, я привязался к вашей группе, и без тебя она будет неполноценна. Что ты там прячешь? Что это?

— Да так, ничего особенного…

— Ясно, уже поклонницы одолевают. Ну ладно, не буду мешать.

В ответ Саша только промолчал и улыбнулся. Но редактор в дверях остановился и оглянулся:

— Да, совсем забыл, зачем приходил. Тебе завтра надо выехать в командировку, в Сочи. Так что ты сегодня иди домой пораньше и собери вещи.

— А как же моя незаконченная работа?

— Знаешь, я думаю, что тебе лучше ее оставить. Тема не очень интересная. Зритель ждет сенсации, а мы про совхоз. О’к?

— О’к.

Глава 3

Командировка удалась на славу. По крайней мере, так казалось Саше. Он там хорошо поработал, широко раскрыл свой талант общения с людьми, свои ораторские способности и тягу к справедливости, а еще загорел немного и поплавал в море, уже достаточно загрязненном отдыхающими за лето.

Вернувшись, Саша сразу же взялся за работу. Они с ребятами принялись обрабатывать его командировочный материал, который, как считал наш герой, должен понравиться зрителю своей ненадуманностью и правдивостью. Забот было по горло. Надеждину казалось, что он снова встал на прежнюю колею удач, и работал с удовольствием. И вот программа готова, сценарий отточен и отрепетирован. Остается только запустить в эфир передачу… Тогда Саша и не подозревал, что его ожидает столько неприятностей по поводу его визита в Сочи. Но, как ни жаль, это случится. Через некоторое время после выхода передачи в эфир в

одной из центральных московских газет появится заметка, да какой там «заметка», целая статья по поводу журналистской этики, где и упоминается наш страдалец, опрометчиво указавший, сколько жить осталось тамошнему мэру города, как представителю власти. Но в последующей передаче Надеждину все же удастся уйти от ответственности. Когда ему зададут вопрос по поводу статьи в газете, он выйдет из игры оскорбленным, но не побежденным. Да и почему ему надо быть побежденным, если он ни в чем не виновен. Ну, конечно, надо быть более тактичным. Но что делать, если Саша принадлежит к той категории людей, которые добром отвечают на добро, а злом на зло.

Ну, теперь, я думаю, бессмысленно рассказывать о том, как это все происходило. Я и так вам все рассказала, а потому имеет смысл перейти к дальнейшим событиям.

Итак, Александр после очередного выездного трудового дня возвращается домой. Черные тучи заволокли небо так, что луны не было видно. Где-то вдалеке гремел гром. Вот-вот хлынет ливень. Рыжеволосые фонари освещают мокрое шоссе. Мимо проплывают яркие фары таких же поздних странников. Ноги словно свинцом налились, в голове какой-то тяжелый туман. Рука уже не держит руль, а просто лежит на нем, слегка его поворачивая. Лобовое стекло отразило гигантскую ветку молнии, разрезавшей черное небо на мелкие куски, когда Саша остановил «Жигули» возле подъезда своего дома. Он вылез из машины, привычным движением захлопнул дверцу, запер ее и, закинув сумку через плечо, направился к подъезду. Он уже нажал кнопку лифта, как вдруг его осенило! Он стоял перед раскрытым лифтом, уже сообразив, что он пришел не туда! Это уже не его дом… уже не его улица.

Из старинного уголка Москвы, из самого центра его сдуло ветром почти на окраину, на новую улицу, в новый микрорайон. Теперь он живет там, и ехать ему теперь нужно туда!.. Только сейчас он понял, как ему почему-то дорога эта улица, этот подъезд и эта высокая дверь, которая всегда терпеливо дожидалась его с работы и распахивалась перед ним, приглашая в уютную, пусть старую, пусть небольшую, пусть без особых удобств, но высокую, уютную квартиру. А теперь, когда у него своя собственная квартира, и он может приходить в нее, когда хочет, и делать в ней что хочет, он чувствует себя бездомным. Лифт беспощадно закрылся. В голове промелькнула мысль зайти и спросить, нет ли ему почты или… писем. Но только и всего, что промелькнула. Эта мысль тут же скрылась, когда Саша, взглянув на часы, понял, что все давно уже спят. Он нехотя вышел на улицу и остановился у машины. Достал сигарету, закурил. Мимо

прошла парочка влюбленных, посмотрев на нашего несчастного, как на сумасшедшего, а может быть, они узнали в нем Александра Надеждина, завоевавшего симпатии зрителей. Стал накрапывать дождик, и это единственное, что заставило Сашу сесть за руль и поехать туда, куда его теперь меньше всего тянуло. А на асфальте возле подъезда осталась мокнуть под дождем недокуренная сигарета. А завтра после обеда на нее случайно наступит ничего не подозревающая о вчерашнем происшествии девушка и зайдет в подъезд, чтобы просто посидеть на третьем этаже, на подоконнике и посмотреть в окно на обратную сторону двора этого дома. Но это не важно.

Важно то, что Саша сейчас сидит в своей новой квартире и смотрит на смятые еще при переезде вещи, которые уже давно нужно было погладить, но все руки не доходили. А по подоконнику стучал обиженный дождь. Он был обижен за то, что люди не знали, что он последний этой осенью и что через недельку выпадет первый снег. И действительно, через неделю он выпал. Кто-то обрадовался ему, кто-то огорчился, вспомнив прошедшее лето, а кто-то равнодушно прошелся по нему, нарушив его девственность. Но, как всегда, зима простила это неразумному человеку. Первый снег стаял и выпал новый, уже более прочный и пушистый. А за ним выпадал еще и еще, пока зима наконец не вступила по-настоящему в свои права.

Приближался Новый год. Домой, на новую квартиру, Саша возвращался, как всегда, очень поздно. На работе была напряженная обстановка. Его творческая группа готовила предновогоднюю программу с участием многих известных личностей, начиная с ученых экономистов и кончая церковными деятелями.

Саша жил в новом месте, но продолжал заезжать за своей почтой, так как она продолжала приходить по старому адресу, и только после Нового года Саша мог подписаться по новому адресу.

Как обычно вечером, Александр пришел в старый дом за своей корреспонденцией. На двери под знакомым ему звонком еще висел наклеенный им когда-то лейкопластырь с надписью «НАДЕЖДИН», но провода этого звонка уже были обрезаны. Он подумал: содрать лейкопластырь или нет? Ладно, пусть повисит, может, кто-нибудь из потомков увидит и вспомнит бедного журналиста. Он постучал.

Дверь открыла уже привыкшая к его визитам соседка, женщина лет сорока восьми.

— А, Сашенька, сегодня вы что-то рано. Проходите, ваша почта уже ждет вас.

— Ага, спасибо большое. Скоро я избавлю вас от этих визитов.

— Ну что вы, я так рада, что вы заходите к нам. Может, чайку с нами попьете, мы как раз собрались пить чай.

— Нет, нет, спасибо, спешу.

— Все спешите, спешите куда-то. Не успеете оглянуться, как молодость пройдет. Жениться-то не собираешься еще?

— Да некогда все, Нина Федоровна. Ну ладно, побежал. С наступающим вас. До свидания.

— Спасибо, вас также, до свидания! Эх, хороший парень…

Шурик запихнул газеты в сумку, сбежал по лестнице, сел в машину и поехал домой. Дома он сразу же сел за работу, решив почитать газеты тогда, когда освободится, чтобы не забивать себе голову. Он сложил возле себя листы для печатания, вставил два из них в машинку, и работа закипела.

Никогда еще Саша не замечал за собой такой производительности труда. Голова и мозг работали отменно, пальцы словно порхали над машинкой. И всего за каких-то 4 часа работы он напечатал 42 листа. Это небывалый рекорд для Надеждина. Он, чувствуя усталость, но и удовлетворение от сделанного, сложил аккуратной стопочкой листы, поместил их в папку и плюхнулся на диван с облегчением.

Времени было уже половина первого ночи. Саша взял со стола газету, и из нее что-то выпало на пол. Александр нагнулся. Это было письмо. Сердце оборвалось, когда на конверте он прочитал имя «Лена». «Неужели это правда? Я уже и думать забыл, думал, все-таки розыгрыш, а тут на тебе! Господи, слава богу, хоть адрес написала». Такие мысли пронеслись в мозгу молодого человека. Он с нетерпением распечатал конверт. На этот раз он не увидел крупного почерка, рисунков и много листов. Его взгляду предстал один печатный лист, который был исписан не полностью. Письмо было напечатано четко и гладко и от него веяло каким-то холодком. Саша углубился в чтение.

«Здравствуйте, Саша!

Возможно, Вы меня уже забыли, а возможно, и не читали моего письма. Но все же я пишу Вам снова. В том письме я написала Вам, что больше не буду писать и мешать Вам жить спокойно. Но тогда я ошиблась. Я думала, что смогу сама выдержать тот камнепад любви, который обрушился на меня, но я оказалась гораздо слабее силы, посланной мне свыше. А сердце накопило неизлитую силу, чтобы переступить любую преграду на его пути. И я пишу. Пишу Вам вновь. Не требую, прошу ответить мне хоть что-нибудь. Обрадуйте хотя бы строчкой, хотя бы словом

письма, написанного сердцем и посланного из души.

P.S. Теперь я Вам не напишу, что это глупо и наивно. Потому что, если человек любит, — это не наивно, а серьезно, если человек верит — это не глупо, а очень важно.

ЛЮБЛЮ, ВЕРЮ, НАДЕЮСЬ. Лена».

Судите сами, письмо написано так трогательно, столько в нем мольбы и надежды, что просто грех не написать ответ. Так же подумал и наш журналист. Он сел за машинку и решил написать письмо в том же тоне. Но листов бумаги больше не оказалось — он все исписал при своей плодотворной работе. Саша полез в ящик стола — там тоже было пусто. На столе лежал один-единственный подкладной лист, который он подкладывал, для того чтобы в чистовом листе не пробивались дырочки от букв. Этот лист был весь в дырочках и вмятинках, но выхода у Саши не было. Он хотел отправить письмо как можно скорее. Тем более, что послезавтра… Новый год. За заботами он совершенно забыл об этом. Он вставил этот страшный лист в машинку и задумался. Пальцы почему-то дрожали и попадали все время не на те клавиши.

«Здравствуйте, Лена!

Поздравляю Вас с Новым годом! Честно говоря, Вы меня обескуражили своей смелостью и шерлокхолмсовскими качествами профессионального сыщика. При этом Вы настолько скрытны и не оставляете никаких следов, что обратную связь с Вами наладить невозможно. Слава богу, что в последнем письме Вы указали свой адрес.

Я уведомляю Вас сим посланием, что больше не живу по старому адресу, поэтому Ваши письма просто пропадут, что я считаю несправедливым. Если Вы хотите со мной связаться напрямую, то позвоните по телефону, который я укажу в конце письма или сообщите Ваш телефон, я Вам позвоню.

Александр Надеждин».

Закончив письмо, которое Саша писал, слегка подкрепившись рюмочкой коньяка, для того, чтобы пальцы не дрожали, да и вообще, чтобы спокойнее написать письмо, без волнений, он занялся поисками конверта, которые ни к чему не привели. И письмо осталось дожидаться своей отправки до того момента, пока его хозяин не соизволит купить конверт. А хозяин купит конверт не скоро. Подготовка к Новому году, затем празднование Нового года, потом отдых от празднования — все это очень отдалило отправку конверта с письмом.

Новый год Саша отпраздновал очень хорошо, просто замечательно, хотя я не сторонница таких праздников. Конечно, было очень весело, но вряд ли Саша что-либо запомнил, может, только то, что праздник был. И все! Память будто стерлась сама собой, непроизвольно. И Александр, конечно, забыл о своем письме, которое лежало в ящике стола и тосковало по своему адресату. И только по истечении десяти дней после праздника, когда герой чьего-то романа «очухался» в полном смысле этого слова, да простит меня мой добрый читатель, он за чем-то полез в ящик стола и случайно наткнулся на сложенный вчетверо лист бумаги. Заинтересовался, что бы это могло быть? Развернув лист, он так и обомлел. Ну, как можно было забыть, Саша?! Ведь она ждет этого письма, «написанного сердцем и посланного из души» в кавычках, как ни жаль! Сейчас же беги вниз и купи в ближайшем ларьке конверт!

Вот и настала та самая крайняя ситуация, когда понадобилась моя помощь! Вот я уже вижу его из окна, покупает конверт. Побежал домой… Честно говоря, я не люблю прибегать к таким насильственным методам рассказа. Мне не нравится, когда писатель, пользуясь своей силой, управляет своими героями как марионетками. Я всегда стараюсь давать как можно больше свободы герою. Но в этом случае я просто вынуждена была вмешаться, иначе он положил бы письмо обратно в ящик, посчитав его отправку пустой затеей.

Сейчас, после долгих поисков обратного адреса, Саша пишет его на своем конверте. Сегодня вечером он отправит письмо. А через два дня письмо придет к тому, кто его так долго ждал.

Отправив письмо, Саша вспоминал эту историю с улыбкой. Он был уверен, что этого имени больше никогда не услышит и не увидит. Уверен, что по оставленному телефону она не позвонит, побоится связываться с ним напрямую. Обратного нового адреса своего он не написал, так что все пути отрезаны. Он свое дело сделал: написал вежливое, что-то обещающее письмо. Как это обычно делают журналисты: наговорил много, но на самом деле ничего не сказал. Ведь так? И теперь он живет спокойно, в полной уверенности, что, несмотря на свои шерлокхолмсовские данные, Лена все же не сможет его найти. На место прежнего жительства он перестал ездить, в то время как там зазвонил телефон, и некая Лена оставила номер телефона и попросила передать его Саше. Ей пообещали это сделать, но Саша больше не появлялся на старой квартире.

22 февраля Саша сидел за своим рабочим столом у окна и думал, о чем писать. На улице такой снежок падает, уже стемнело, несмотря на то, что еще так мало времени, всего шесть

часов. А я опять сижу как пень в этой конуре и пишу, пишу что-то. Ну вот взять хотя бы этих двух девчонок, что идут сейчас по улице… Что это они? А еще говорят телепатии нет! Словно услышали меня, посмотрели сюда. Надо же! Вот идут себе по сторонам смотрят, без забот, без хлопот, а мне — попробуй, отвлекись, тут же слетишь со своего рабочего места. Вот, пожалуйста, сели в трамвайчик и поехали!

А я? Эх! «После заседания Совета Министров СССР, в своем выступлении тов. Рыжков заявил, что…»

На следующий день Саша достал из почтового ящика кроме газет поздравление с 23 Февраля. И кто бы вы думали его поздравил? Лена! На открытке было краткое «Поздравляю!», но у Саши было такое недоумение на лице, что трудно передать словами. А я была откровенно рада за эту девушку, что ей все же удалось разыскать свою любовь и доказать, что юная душа не бессильна! Тщетно Саша пытался выяснить, кто сообщил его адрес! Он этого никогда не узнает. Это на всю оставшуюся жизнь для него будет загадкой.

А где-то на другом конце Москвы Она вот уже скоро год ждет Его звонка. А Он не звонит, и может так случиться, не позвонит никогда, а Она ждет и будет ждать Его звонка вечно. Конечно, Она выйдет замуж, у нее будут дети, муж, но Она будет ждать. Об этом никому не дано будет знать, кроме одного человека, но оставим этого человека в тени. Пусть здесь будут только двое, Он и Она. Он такой серьезный и веселый, занятой и взрослый, и Она — нежная и ранимая, добрая и гордая. Она будет звонить ему, но не скажет ни слова, будет молчать. Он будет слушать ее молчание, догадываться кто это, но ни слова не проронит. И так будет ВЕЧНО! Кто этому не верит, пусть закроет эту книгу. Эта история в некотором роде о Мастерс и Маргарите. А потому я хочу прибегнуть к помощи Булгакова и поместить в нее его великие слова: «За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык! За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!»

И, как в великом романе о любви, Они должны будут встретиться. А если это не произойдет, спросите вы. Что ж, может, это лучше? Она навсегда останется для Него тайной незнакомкой, Его идеалом. А Он никогда не испортит о себе впечатление в Ее глазах и будет Ее идеалом мужчины. Но будем Верить в лучшее и Ждать. А вдруг…

Плывут облака… Плывут, а куда плывут? Плывут туда, куда ветер подует. А куда ветер подует? Это знают только в Гидрометцентре СССР. Ждут люди… Ждут, а чего ждут и почему

ждут? Верят люди… Верят, а зачем верят? Этого не знает никто. Никто нам об этом не скажет, хотя даже этот «никто» где-то в душе сам верит и ждет. Значит, Это зачем-то нужно, значит, Это кому-то нужно! Иногда можно одной верой и ожиданием всего добиться! Так давайте Ждать, Верить и Надеяться на то, что что-то должно произойти. И это Что-то обязательно произойдет!!!

P.S.

А пока, на той самой улице изредка звонит телефон в той самой квартире. И холодный, мертвый бесчувственный голос автоответчика, говорящего голосом своего хозяина, постоянно отвечает той, которая все еще чего-то ждет… Ждет чуда, счастья…

«Работает автоответчик. После гудка оставьте информацию и ваш телефонный номер», далее тот же текст, но на английском языке.

И, как всегда, дослушав текст до конца, Она повесит трубку…

За чтением этой тетради незаметно прошла неделя. Точнее, конечно не только за чтением, но и размышлениями о мироустройстве, людях, любви… О прекрасных созданиях, которые своим появлением, своей красотой вносят яркие краски в серые наши будни — о женщинах. О наших сердцах, сердцах мужчин, которые, отзываясь, возвращают в мир эмоции, прекрасные поступки, великие свершения, делающие наше существование Жизнью.

Когда в тетради я дошел до места, где впервые появилось имя Лена, я невольно задумался над тем, совпадение ли это, одна и та же ли эта героиня, в разные ли это происходит годы, или в разных мирах, или это просто случайность, допущенная автором.

В анапских просторах разгулялся ветер. Страницы тетрадки то и дело засыпало песком. Прервав свои размышления и перечитав еще раз, словно в надежде найти ответ, строки про Лену, я сорвал колосок травинки, пожелтевшей на солнцепеке, и сделал из него закладку в тетрадь.

Невдалеке, на одном из песчаных барханов два ребенка запускали малинового цвета воздушного змея. Он, трепеща на ветру, казалось, пытался вырваться из их рук и удрать в небо. Было необычайно трогательно и красиво — малиновое на фоне небесной синевы, звон детского смеха сквозь порывы ветра, а в душе был трепет, как когда-то в детстве, когда и я это делал вместе с отцом, любимым отцом и сестрой.

Отдыхающие играли в волейбол. Мяч с методичным постоянством взмывал вверх под стремительно бегущие облака, словно пытаясь до них достать и там остаться, и падал вниз на

фоне покрытого пенными волнами в преддверии непогоды моря. Неожиданно мяч снесло ветром и он, подпрыгнув пару раз на песке, подкатился ко мне. За ним, смеясь, бежала одна из уже виденных мной ранее девушек-хохотушек. Она, похоже, тоже меня узнала и приветливо махнула рукой. Мне повода трижды давать не надо. Улыбнувшись в ответ, я вскочил и, сделав подачу, присоединился к играющим.

Та ли эта героиня Лена или нет, годами ль раньше эти события истории Антолы или вообще это разные люди… я оставлю эти размышления при себе… пусть каждый решит сам. Меня в этот момент интересовала действительность.

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

БЫЛ СЛЯКОТНЫЙ СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ
Глава первая

Был слякотный, солнечный день. Один из таких дней, какие обычно бывают ранней весной. Меня зовут Лена. Мне уже 16 лет. Именно этой ранней весной, я, как это обычно бывает у многих, влюбилась. Влюбилась не просто так, как все, а, можно сказать, с первого взгляда. А влюбилась я в ведущего одной известной телевизионной программы, Александра Надеждина. Еще фамилия-то какая! Полностью импонирует моему чувству. Короче говоря, я совсем обалдела — не пропускаю ни одной его передачи, не теряю ни одного взгляда в кинокамеру. И постоянно, от сознания, что идет прямой эфир, мною овладевает желание позвонить или прийти туда, в ту студию, где идет съемка. Ведь он сейчас во время передачи сидит там, сидит так же, как я вот сейчас в этом кресле, и так же хочет спать, но он сидит и не спит, а развлекает меня. И, может быть, все прошло бы постепенно, если бы однажды на вечере в МГИМО, куда я попала по милости моей подружки, я не встретила ЕГО. Он окинул меня взором своих прекрасных глаз, дождался своего товарища и исчез, так же внезапно, как и появился. И с тех пор я потеряла покой окончательно. Хожу сама не своя, рисую портреты, пишу ему стихи, сочиняю песни о нем, и все впустую.

И вот в этот, как я уже говорила, слякотный, солнечный день, я стою недалеко от будки справочного бюро. Ну, наконец, я решилась! Разбежавшись для храбрости, смело подошла к будке и закричала так, будто кричу с одного берега реки на другой: «Дайте мне адрес Надеждина Александра!!! Я его двоюродная сестра, приехала в гости, потеряла адрес и не могу найти!» Эта заученная и постоянно повторяемая фраза вылетела из меня, как пуля из давно не стрелявшего ружья, и вонзилась в уши сидевшей в будке женщины. Она уставилась на меня как на что-то ужасное. Ее рука сама по себе, непроизвольно, потянулась к справочнику, а глаза смотрели на меня не отрываясь, так, будто бы я в любой момент, когда она отвернется, стукну ее чем-нибудь тяжелым по голове. Но все обошлось благополучно. К счастью, Надеждиных А. оказалось всего четверо. Я отправилась по ближайшему адресу.

Глава вторая

Я шла быстрым шагом и почему-то была полностью уверена в том, что именно по этому адресу нужный абонент не проживает. Но все-таки шла. Лифт, конечно же, как это всегда бывает в

экстренных случаях, не работал, и мне пришлось «дряпаться» на восьмой этаж в шестьдесят первую квартиру. Я долго и упорно звонила, пока за дверью наконец послышались лениво шаркающие шаги. Дверь открыла маленькая дряхлая старушонка. Увидев меня, она страшно обрадовалась, схватила за руки и втащила к себе в квартиру. Я, честно говоря, немного удивилась такому приему. Старушка хоть была и дряхленькая, но еще довольно бойкая. Стащив с меня пальто, усадила в жесткое старинное ободранное по своей старости кресло. Эта старуха, похожая на серенький мятый комочек, засуетилась по комнате, приговаривая: «А я вас давно жду! Как раз чай закипел, и вы пришли. Одну секундочку…» Она укатилась на кухню, это было понятно по звону посуды. Я ничего не поняла, но сидела молча и старалась сообразить, за кого меня здесь принимают. Окинув взглядом комнату, я увидела старомодный интерьер. На маленькой шифоньерке у окна стояла статуэтка Амура, с которой уже несколько лет не стирали пыль. В дальнем углу за кустиком пальмы, высоко раскинувшей свои ветви-веера, одинокий клавикорд. На маленьком старинном подобии сервантика стояли малюсенькие статуэтки из керамики, а между ними — фотография пожилого мужчины с черной ленточкой на уголке. На стене над диваном висели четыре фотографии совсем юных парней в военной форме, и все четыре с траурной лентой. Посреди комнаты стоял большой круглый толстоногий стол, накрытый белой застиранной скатертью. Над столом низко висел абажур. В комнате было сухо, тепло, как у камина, и пахло стариной.

Вот, наконец, вернулась старушка с огромным самоваром в руках. Она уговорила меня сесть за стол и стала рассказывать о своей жизни. Оказалось, что во время войны она потеряла четверых своих сыновей — Дмитрия, Николая, Александра и Алексея. А вот совсем недавно, неделю назад, скончался ее муж Михаил Митрофанович Надеждин. И к ней никто за эту неделю не пришел, не навестил. И эта бедная старушка, этот несчастный комочек, каждый день и каждый час грела самовар в надежде на какого-ни-будь гостя. И тут появилась я. Мне было неудобно уходить и просто-напросто жаль одинокую старую женщину, которой не с кем даже поговорить. Я посидела, поговорила, потеряла час времени, но не пожалела об этом, потому что серенькой старушке теперь есть что вспомнить и о чем подумать, и чему порадоваться. И у меня с этого момента в душе что-то переключилось. Я стала смотреть на чужое горе как бы с другой стороны. Не с внешней, как обычно, а с внутренней. Нужно постараться заглянуть в душу человека, особенно старого, не

считать его разговоры нелепостью и сумасбродием, как это часто бывает, а дать человеку открыть тебе душу, выложить все, что наболело. Ведь иногда душе некому довериться и поэтому надо суметь помочь ей.

Вот с такими мыслями я ехала в автобусе, набитом битком людьми, едущими домой с работы. Вот наконец остановились, конечная. Я вышла в какой-то подозрительной местности. Дома прижались друг к дружке, нахохлились, кругом одни закоулки и подворотни. Даже немного страшно стало.

Глава третья

Уже постепенно стал спускаться вечер, и я стала немного замерзать. Как назло, именно в этом закоулке, в котором я шла, не было ни души. И я ускорила шаг, чтоб было не так страшно, и, стуча от озноба зубами, стала напевать себе под нос песенку. Так незаметно, я наконец дошла до нужного мне дома № 59. Дверь подъезда оказалась закрытой на код. Я очень долго перебирала цифры, пока наконец не нашла правильный набор «8.4.7.» Когда я открыла дверь, на меня пахнуло спертым воздухом, в котором были перемешаны запахи кошачьих и мышиных лежбищ и пригоревшего молока. В коридоре назойливо мигала лампочка, и жужжали счетчики. Все это действовало удручающе, и я не стала дожидаться лифта, а пошла пешком по грязной, исписанной по стенам разными гадостями лестнице. Добежав до третьего этажа, повернула направо. В коридоре стоял какой-то очень неприятный,

весь пропитой тип и курил. На руке у него была наколка «Миша». Я старалась не обращать на него внимания и позвонила в дверь № 24. В ответ тишина. Я еще раз нажала на кнопку. Ответа снова не последовало. Когда протянула руку, чтобы позвонить в третий раз, меня прервал хриплый, басовитый и довольно неприятный голос.

— Тебе кого?

— А… Мне нужна квартира Надеждиных.

— Ну, я Надеждин, — отвечал бас в дыму курева.

— Вы?! — вдруг вырвалось у меня.

— Да, я! А что, девочка увлекается свободной любовью? Ну, проходи, я к твоим услугам.

Этот мрачный тип надвинулся на меня и дыхнул перегаром. Я не помня себя рванулась из сумрачного коридора. Даже не помню, как миновала три этажа, как дышала мерзкими запахами. Оказавшись на улице, с облегчением наполнила легкие свежим морозным воздухом. Я и не подозревала, что под такой прекрасной фамилией может проживать аморальный тип. Я направилась к остановке. Несколько раз чуть не упала, потому что лужи к вечеру подморозились и превратились в лед. Кое-как дошла до остановки, села в полупустой троллейбус. За окошком мелькали редкие прохожие, полурастаявший, подмороженный грязный снег уныло лежал на обочинах, через две остановки я вышла. Настроение у меня было испорчено, шла медленно, глядя себе под ноги. Где-то недалеко играла веселая музыка. Я абсолютно не знала, куда идти, и мне пришлось спросить первого встречного, где дом № 48, корпус 3. Мне указали в сторону звучавшей музыки. По мере моего приближения к дому музыка становилась все громче и громче. Я уже стала различать беспорядочные голоса. Наконец, я подошла к дому, возле которого собралась толпа старушек. Я зачем-то спросила у них, что здесь за веселье. Они очень весело и радостно ответили: «Это у Надеждиных свадьба!» И вдруг ни с того ни с сего заорали частушки. Честно говоря, когда услышала эти слова «Надеждины» и «свадьба» мне стало немного не по себе. Сразу представилась вся нелепость моего поступка. Зачем идти к человеку, который тебя абсолютно не знает и знать не хочет. Мало того, человек живет своей мирной жизнью, никого не трогает, спрашивается, зачем ты ему нужна? Подумав это, внезапно остановилась перед дверью нужной мне квартиры, за которой гремела музыка. У меня неприятно больно сжалось сердце, комок подкатился к горлу. Я уже было решила уйти, как вдруг дверь распахнулась и двое молодых людей, собиравшиеся выйти, увидев меня, остановились, их раскрасневшиеся лица засияли. Они подхватили меня под

руки, затащили в квартиру, раздели, причесали и привели в комнату, где царило веселье.

— Наташ! Она пришла все-таки! — крикнули ребята. Девушка в ослепительно белом платье и фате оглянулась, прищурилась, надела очки и сказала:

— Это же не она!

Все разразились громким, радостным смехом. Я хотела уйти. Но меня насильно усадили за стол и стали пичкать пирожными, лимонадом, апельсинами, яблоками и прочими вкусными вещами. Вдруг все замерли и крикнули: «Горько! Горько! Горько!» И тут наконец удалось посмотреть на молодоженов. К великому счастью, жених не был тем, кого ищу. Рядом со мной сидела девушка со жгучими черными глазами.

— Скажите, — пробормотала я, — а кто из них Надеждин?

— Это Наташка, у нее отец у нас в вузе на кафедре преподает.

Я хотела еще что-то спросить, но тут мне в рот воткнули пирожное, которое я поспешно прожевала, чтобы наконец сказать то, что хотела, но тут же мне в рот влили целый бокал лимонада. Пока я его медленно проглатывала, все стали собираться гулять на улицу. Когда толпа вывалилась из квартиры, я успела захватить пальто, хотя все были раздеты. На улице было уже совсем темно. Посмотрев на часы, я ужаснулась — 11 часов, но тут же успокоилась, вспомнив, что брат на турбазе на целую неделю, а родители на два дня уехали в дом отдыха под Москвой. И я отправилась дальше с мыслью и желанием во что бы то ни стало отыскать свою любовь.

Глава четвертая

Итак, мне остался всего один адрес. Я ехала в автобусе и вспоминала все приключения, случившиеся со мной за день. Вспомнила и старушку — маленький, серенький, мятый комок, и наглые глаза подозрительного типа в подъезде, и веселых, жизнерадостных ребят-студентов на свадьбе. Я ехала и думала, что все-таки есть на земле добрые и простые люди, которые, тебя совсем не зная, кто ты и что ты, вот так просто могут усадить рядом с собой за стол, накормить и развеселить. Я смотрела в темноту за окном, где мелькали оранжевые фонари, мимо бесшумно проплывали полупустые автобусы и такси, и тут поймала себя на том, что улыбаюсь. В этот момент почему-то вдруг действительно осознала, что остался всего один адрес. Это пробудило во мне надежду и в то же время некоторое чувство страха перед будущими событиями. Как я позвоню в дверь? Как я загляну в глаза хозяина той квартиры? Это для меня было сейчас

неразрешимой проблемой.

Вот наконец дом, подъезд, лифт, третий этаж и… дверь. Та самая дверь, которую я так долго искала. Я на мгновение остановилась перед ней, как перед входом в святилище. Дрожащими кончиками пальцев легонько и осторожно дотронулась до ручки двери, она не шелохнулась. Я оглядела дверь снизу доверху. Она была обита черной кожей цвета воронова крыла. Подняв руку выше, позвонила и тут же отскочила. Звонок залился свирелью и за дверью послышался лай собаки. Никто не открыл. Позвонила еще раз, только уже более робко. Снова залаяла собака — и никого. Я, уже обессилевшая за день, присела на корточки, облокотившись спиной на удивительно мягкую дверь. Я не могла поверить. Ведь уже не было сомнений, что именно за этой дверью живет тот, кого мне так не хватает, тот, по кому уже изболелась моя душа, и вдруг — на тебе… Никого нет дома. Никого нет дома… стучало у меня в голове. Глаза мои застлал туман, и вдруг вижу, из лифта выходит Он. В таком же сером плаще, в каком я его себе представляла, и с огромным букетом алых гвоздик. И я встаю ему навстречу в белом платье, сверкающем блестками, и мы танцуем, танцуем, кружимся в медленном танце. Мы танцуем под тишину, под музыку любви. У меня уже кружится голова, но мы все кружимся, кружимся и кружимся. И перед моими глазами только его темные добрые глаза, полные любви и слез. Да, слез, но это слезы счастья, и они делают глаза и без того притягательные, еще более прекрасными. Он что-то говорил мне, но я ничего не слышала, я была оглушена тишиной нашего танца, тишиной наших чувств. Вдруг что-то ярко ослепило меня, и я очнулась.

Это был теплый луч утреннего весеннего солнца. Я сладко потянулась в постели и стала вспоминать то, что мне приснилось. Вспомнила этот великолепный, очаровательный, манящий сон. И вдруг меня как будто ударило током: «Где я?!» Я мгновенно вскочила с кровати.

Глава пятая

Вокруг была совершенно незнакомая мне квартира. Огромное светлое окно было раскрыто, и в комнату врывался сладкий, томный запах весеннего мира. Я быстро оделась и прошла по квартире. Здесь было всего две комнаты и кухня. В прихожей сидела огромная собака породы «колли» и смотрела на меня ласковыми, дружелюбными, словно человеческими глазами, и словно говорила: «Не бойся».

Во всей квартире царила тишина и приятный запах

«Бурбона». Сразу стало ясно, что здесь никого нет, и, став посмелей, я прошла на кухню. Здесь все было подобранно с тонким вкусом. На окне мягкими складками свисали занавески кофейного цвета. На стенах висели шкафчики и полочки, заставленные всевозможными баночками и скляночками разных цветов. Обои на кухне были под цвет занавесок. Между тем в раковине лежала груда немытой посуды. Я машинально подошла и взялась ее перемывать. Вымыв всю посуду и аккуратно расположив ее в шкафчике, я взяла веник и стала подметать. Выметая крошки из-под стола, я заметила на краю него лист бумаги, на котором было что-то нацарапано корявым почерком. Взяв записку, я прочитала следующее: «Простите, что не разбудил Вас. Располагайтесь поудобнее. Завтрак (извините, что не приготовил) приготовьте сами, продукты в холодильнике. Собаки не бойтесь, он не кусается. Зовите его Джимми. Будьте как дома. Я приду часов в двенадцать. Саша.

P.S. Большая просьба! Не уходите, пожалуйста, до моего прихода. Мне очень нужно с вами поговорить. Не уходите, дождитесь меня!»

Я стояла, еле дыша, ошарашенная таким посланием. Мало ли какой Саша здесь живет, и откуда он меня знает, что так просит остаться. И как он вообще оставил меня одну в своем доме. А может быть, я жулик или вор какой-нибудь. Встречаются же такие люди доверчивые. Мне даже не верилось, что так бывает. И тем не менее. Я посмотрела на свои «фирменные» часы «ZARIA», которые, конечно же, стояли. Меня очень взволновало то, что я даже не знаю, сколько времени. Оглянулась вокруг, здесь часов не было. Вбежав в комнату в поисках часов, тут же в дверях остановилась. Я только сейчас увидела всю прелесть этой светлой просторной гостиной. Огромное, широченное окно во всю стену, занавешенное по бокам темно-коричневыми шторами и воздушной, снежно-белой гардиной. Справа вдоль стены стояла стенка современного стиля, на полу был мягкий палас цвета какао с молоком. В центре комнаты располагался приземистый матовый журнальный столик, на котором небрежно лежали западногерманские журналы мод (словно угадал мое желание, подумала я). Возле стола стояли два низких, глубоких кресла из мягкой кожи, такого же цвета, как столик, стенка и шторы. Слева у стены с темными обоями находился огромный кожаный диван, с лежащими на нем двумя маленькими подушечками из коричневого атласа, расшитые шелковыми золотистыми нитками.

Я прошла, утопая ногами в мягком паласе, к стенке, где стояли часы. На электронных часах было ровно одиннадцать. Ну, и горазда же я спать! Да еще в чужой квартире! В центре стенки, в

глубоком проеме, стоял телевизор с видеомагнитофоном, рядом лежали видеокассеты. На одной я прочла надпись «Savage in the train between USSR and USA», «To Night». На другой стороне: «Моя первая передача». Между кассет я нашла открытку «С Новым годом» и прочла ее: «Дорогой, любимый сынок! Поздравляем тебя с Новым годом! Желаем тебе успехов в твоей беспокойной работе, мирного неба над твоей головой, а главное, здоровья и счастья, счастья и еще раз счастья в новом году. Ты писал, что никак не можешь найти свою единственную и неповторимую. Так вот, мы с напой желаем тебе встретить свою большую и светлую любовь именно в этом счастливом году. Извини, что не смогли с напой приехать, ему предстоит очень много работы, и он перенес свой отпуск на лето, и тогда мы точно приедем, ведь у тебя отпуск в июне. Может быть, съездим к морю, куда-нибудь. Целуем, обнимаем тебя, не скучай. Мама, папа».

На конверте был адрес, а под ним — адресовано Надеждину А. Меня прямо в пот бросило. Значит, точно! Сразу всплыла в памяти надпись на кассете «Моя первая передача». Но почему? Этого не может быть! Нет, это невозможно! Почему просьба остаться? Это какое-то недоразумение! Эта записка, наверное, не мне! Но ведь в квартире больше никого нет! Не может же он записки писать собаке, он ведь не сумасшедший. Я побежала в спальню, открыла ящики в тумбочке — ни одной женской принадлежности. Одни бумаги и листы со сценариями и программами. Среди них лежала тоненькая, совсем новенькая тетрадочка с надписью «Только тебе». Боже мой! Сплошные загадки. Что же это значит? Я открыла тетрадь. На первой же странице мне бросилось в глаза какое-то стихотворение без названия, написанное красными чернилами. Мне стало очень интересно, но тут я с ужасом заметила, что я даже постель не застелила, а ведь он может вот-вот прийти. Быстро застелив кровать, я уселась на нее и стала читать стихотворение.

Ты промелькнула мимолетно,
В глаза тебе успев взглянуть,
Я понял — это невозможно,
Тебя найти и вновь вернуть.

Лишь с мыслью о тебе
Могу теперь уснуть. Ведь я
Сейчас лишь только понимаю,
Что больше не найду тебя.

Взглянула не как все, спокойно, мило,

И в кресле приподнялся я,
Но ты прошла так быстро мимо,
Остались лишь глаза, прическа и рука твоя,

Которой так неуловимо
Закинув прядь волос назад,
Прошла ты так неповторимо,
Не видя пред собой преград.

Ни разу я не улыбнулся,
Я в холл ходил тебя искать,
По залу шарил я глазами
Тебя в надежде отыскать.

Но не нашел и вот тоскую,
На дискотеке зря стоял,
Тобой одной во снах любуюсь,
Как долго о тебе мечтал!

Я мир тебе не подарю,
Ни Землю, ни вселенную,
Я слово подарить хочу «Люблю»,
И стать рабом твоим на веки вечные.

А. Надеждин

Да… Вот же повезло какой-то. А? Даже завидно стало. Нет, мне таких стихов никогда никто не напишет, а тем более он, мой… то есть уже не мой Надеждин. «Без меня тебе, любимый мой, земля мала как остров, без меня те…» Что это за скрип в прихожей. Ой, мамочки, это же он пришел, дверь ключом открывает. Мгновенно тетрадь оказалась на своем месте в ящике. Я выглянула в прихожую, а там — никого. Только собака об досточку когти точит. Тьфу ты, напугал. — Джимми, Джимми! — сказала я как можно ласковее. Пес подошел ко мне и лизнул в протянутую к нему ладонь, взглянул на меня умными, немного грустно-тоскливыми глазами и ушел обратно, поняв, что мне от него ничего не нужно. Я решила последовать содержанию записки и пошла на кухню готовить завтрак. Когда я открыла холодильник, особых продуктов я там не нашла. Достав колбасу, сыр, масло и зелень, сделала несколько бутербродов с копченой колбасой и украсила зеленью. Сварила кофе и сделала бутерброды с маслом и сыром. Только я успела поставить тарелки на стол, как раздался звонок в дверь. Все та же свирель и лай

Джимми. Поправив волосы, я побежала открывать. Но пока справлялась с замками, мои волосы опять растрепались, а Джимми вертелся вокруг меня, не в силах ничем помочь и только ворчал от злости. Наконец дверь распахнулась. На пороге стоял он, в сером плаще нараспашку. В этот момент его глаза показались мне особенно большими и блестяще-черными. Его смуглое лицо стало мертвенно-бледным. Он смотрел на меня, не сводя глаз. В этих глазах сейчас были совмещены радость и надежда.

— Какое счастье, — тихо произнес он, — Вы… вы все-таки остались. Я шел и надеялся, что вы не ушли. Ведь у меня есть ключ от двери, а я позвонил. Я так мечтал, что в один прекрасный, счастливый день эту дверь откроете мне вы. — Он говорил очень тихо и взволнованно. ОН был очень не похож на того Надеждина на КВНе, серьезного, озабоченного чем-то. Сейчас он был какой-то настоящий, естественный и, главное, такой близкий. Он зашел в прихожую, не спуская с меня глаз, снял и повесил на вешалку плащ и шарф. Он взял мою руку в свои большие, загорелые и сильные ладони.

— Ну, здравствуйте, моя незнакомка.

— Good morning, — почему-то вырвалось у меня, — ой, простите, доброе утро, я хотела сказать.

— Я так и понял. Не стоит так волноваться. Вы уже позавтракали?

— Нет, я ждала вас, вы же просили не уходить.

— Да, да! Спасибо, я как раз очень голоден.

Мы прошли на кухню. Я и не ожидала, что стол получится такой красивый. Усевшись за стол, он молча стал пожирать бутерброды, один за другим, и запивать кофе. А я все сидела и соображала, какое он отношение имеет ко мне. И тем не менее я была счастлива.

Глава шестая

Беседовали мы тогда недолго. Он рассказывал, как увидел меня под дверью и сначала подумал, что у него галлюцинация от недосыпания. Но, когда дотронулся до меня, понял, что это не мираж. Его очень поразила моя «очаровательная наивность» и «милая улыбка во сне», как он выражался. Потом он рассказывал, что видел меня на КВНе и с тех пор не может забыть, и везде ищет, и прочитал мне тот самый стих, который я нашла в ящике тумбочки. Он говорил, что не поверил своим глазам, когда увидел меня возле квартиры, что он никак не ожидал такой находки, думал, что ему все снится, что это сказка!.. Потом мы

смотрели видеокассету «Моя первая передача», где был записан его первый выход в телеэфир.

Я сидела рядом с ним, смотрела в его ласковые, мягкие глаза и мне было хорошо и страшно. Страшно потому, что не могла себе представить его реакцию, когда скажу, что мне только шестнадцать лет и что учусь в школе. И потом, меня все терзала мысль, что вот-вот должны приехать мои родители, а дома ни ужина, ни меня. И поэтому я сидела молча и ничего не говорила, а только слушала его еще юношеский голос. Я ждала удобного момента, чтобы незаметно уйти. И наконец этот момент подвернулся. Саша вспомнил, что не запер машину, и вышел. Я выскочила вслед за ним и спряталась за кустом возле дома, как трусиха, не понимая, зачем я это делаю.

Я видела, как он запер машину, остановился возле дома, посмотрел на свое раскрытое окно, оттуда доносились мелодичные песни «Битлз», вдохнул полной грудью весенний аромат, весело подкинул и поймал связку ключей и игриво, как ребенок, улыбаясь, побежал в подъезд. А у меня мучительно щипали глаза слезы. Мне было его жаль, искренне жаль…. А если бы со мной вот так…. Но я сидела в кустах и знала, что выйти мне нельзя, что он может меня увидеть, и тогда я пропала. Сначала смолкла музыка, затем с тревожным лицом, уже лишенным улыбки, выбежал он. Он с надеждой и тревогой смотрел по сторонам, а я еле себя сдерживала, чтобы не закричать. Я не могла видеть его таким, это было выше моих сил. Я сидела и плакала. Он в мгновение ока оказался в машине и на полной скорости помчался со двора.

Как только пыль рассеялась на дороге, я как убитая, ничего не видя, вышла на дорогу. Плелась, не замечая людей, медленно переставляла непослушные ноги, мне было тяжело идти. Мои щеки и подбородок щекотали быстро текущие горячие слезы, но я не могла их стереть — руки не слушались меня. Шла и смотрела, не моргая, прямо, ку-да-то вдаль, а точнее, в никуда, потому что я ничего не видела, был какой-то смутный поток людей, который расступался передо мной, как лед перед ледоколом. Сердце разрывалось, но я уходила все дальше и дальше в никуда.

С тех пор целых два месяца, а то и больше он не появлялся в телеэфире. И вот однажды, седьмого мая, опять-таки на КВНе в МГИМО мы с подружкой смотрели на его затылок. Он вертелся по сторонам, но нас, к сожалению, не видел. Вдруг кто-то его спросил, почему его не видно на телеэкране. Он с грустью ответил, что все это, к его большому счастью, временно. Больше он ничего не сказал. На этом КВНе он был особенно зол, даже своим не подыгрывал, а скорее наоборот. Когда началась

дискотека, он разошелся не на шутку. Кричал но-английски в микрофон, пел, прыгал как сумасшедший. Он спустился со сцены в зал и танцевал совсем рядом, не замечая меня. Он был ко мне спиной и не видел меня, но зато я была вновь близко, рядом с ним, видела его спину, затылок, руки и длинные ноги, я могла читать у него на футболке надпись «АССА». Когда же объявили медленный танец и запели «Битлз» все ту же самую мелодию, которая тогда была для меня последней в день знакомства с ним, я отошла подальше, чтобы он не заметил меня, и стала смотреть на него как завороженная. Саша огляделся по сторонам с безнадежностью во взгляде, почесал затылок и пригласил ее. Ту, которая смотрела на него с прямым намеком на танец. И он пригласил именно ее. Когда он коснулся ее талии, меня больно кольнуло где-то в области сердца, перед глазами все поплыло, все словно расплавилось, наступила тишина, давящая на уши, лишь где-то очень далеко пел Джон Лен-нон. Лицо любимого было у меня перед глазами четче всех, но тоже расплывчатое, мне даже казалось, что он улыбается ей, но когда моя дорогая подруга наконец дернула меня за руку (я ее как всегда не слушала), увидела, что ошибаюсь. Окончив танец, он даже не поблагодарил ее и не улыбнулся, а, напротив, ушел за кулисы. Под конец вечера он вышел на сцену и стал петь «Вояж», и я пела вместе с ним, хотя он и не видел меня, но я пела, хотя и не слышала своего голоса.

После дискотеки, когда все разошлись, мы с Анькой шли по коридору, Саша шел навстречу с каким-то парнем. Я очень смутилась и опустила голову, спрятавшись за мою спасительницу, и он, к счастью, не узнал меня, хотя шел потом и все время оглядывался. Вероятно, что-то все-таки ему обо мне напомнило. А сердце мое вновь рвалось к нему, мне хотелось закричать: «Нет, ты не ошибся, это я, я, я!» Хотелось побежать за ним, броситься к нему на шею и прижаться к его широкой груди. Но что-то сдерживало меня. Я шла молча и думала, что на следующей дискотеке я его обязательно приглашу. В конце концов, ничего в этом постыдного нет, а даже очень романтично. Я не могу допустить, чтобы он говорил с другой, обнимал другую, улыбался другой, да и вообще!..

Всю дорогу домой моя голова полнилась этими мыслями, и мне было жаль мою бедную Аньку, которая обижалась на то, что я ее все время не слушаю, но поделать я не могла ничего. Голова моя была занята другим. А она болтала какую-то ерунду без умолку. Она вечно что-нибудь говорит, говорит какую-то чушь, но веселую чушь. Но, как оказалось на этот раз, это была не чушь и не ерунда. А я все прослушала. Она снова готовила мне сюрприз. Анька вообще очень любит делать сюрпризы любых видов, лишь

бы неожиданно. И этот КВН тоже был сюрпризом.

Следующим ее сюрпризом был концерт в МГИМО 14 мая, как раз в день ее рождения. Концерт был великолепным. Но Надеждина не было. А я уже была готова его пригласить. Боже мой, а сколько усилий приложила к этому Анька. И в райкоме надоедала, и даже в МГИМО проникла (она у меня вообще как шпионка, везде пролезет). И все бесполезно. Но ничего, зато лишний раз в МГИМО побывали. А это тоже немало!

Глава седьмая

Прошло полмесяца. И вот обычный вечер пятницы, и должна начаться передача, где он раньше принимал участие. Я, как обычно, села поближе к телевизору и с надеждой и с некоторым сомнением уставилась в ее заставку. И вдруг сердце оборвалось, меня прямо в холодный пот бросило. На экране был он. «В эфире информационно-музыкальная программа», — сказал знакомый до боли голос. Его наигранная улыбка была неестественной. Но он улыбался, хотя и очень редко. У меня в голове промелькнул ужас: «А вдруг он уже меня не помнит»? И меня вновь одолевало желание позвонить. Позвонить и сказать, нет, не сказать, а просто помолчать или назвать его по имени, чтобы напомнить о себе. Но все это было внутри меня, а внешне было полное спокойствие, я даже смеялась вместе с Надеждиным и его соведущими, и представляла, что сижу с ними за одним столом и поддерживаю разговор. Но прошел и этот день. Прошли и другие дни. Заполненные воспоминаниями о прошедших КВНах и дискотеках, фантазиями о будущем, мечтами и, конечно же, снами, прекрасными, добрыми снами. Пришло лето, минула трудная пора экзаменов, и настали долгожданные летние каникулы.

* * *

Каникулы, отпуск… Замечательные дни. Мне порой кажется, что все самое интересное в личной жизни происходит именно во время них.

Закончив чтение первой части этой истории, вечером одного из немногих оставшихся дней моего отдыха я, наблюдая за уходящим за горизонт солнцем, размышлял о любви. Не зря великий Пушкин сказал: «Любви все возрасты покорны». Героиня этой прозы… Ей шестнадцать лет и — такая гамма чувств, смесь юношеского авантюризма и чистых эмоций.

То ли волшебные краски заката, то ли прочитанное передали

мне романтическое настроение, и я вспомнил такой же вечер, такое же мое настроение, но только два года назад… И прекрасную девушку в лучах вечернего солнца.

Удивительными бывают переплетенья судеб. Удивительными бывают события, рожденные нашими мыслями, мечтаниями, воспоминаниями.

Тогда, отдыхая в Сочи, за три дня до моего отъезда домой, сидя на берегу моря и прощаясь с солнцем и миром летнего счастья, я увидел юную девушку, вышедшую на берег и с необъяснимой тоской вглядывающуюся в даль. Ее черные волосы отражали лучи заходящего солнца, густые ресницы слегка прикрывали прищуренный взгляд карих глаз, направленный куда-то за горизонт. Полюбовавшись красотой уходящего дня, она, вдруг нахмурив смолистые брови, чему-то улыбнулась, присела на маленький камушек и, развернув принесенную с собой книгу, стала с очень серьезным видом ее читать. В этой своей юной серьезности она была очень трогательна и мила. И сидела она как-то необычно. Я даже не сразу понял, что было необычным. В ней была стать. Она сидела на камушке так, как будто на светском балу, на краешке золоченого кресла, с непринужденно благородной осанкой. Но вместе с тем в ней чувствовалась естественность и наивность. Естественность, какая бывает у Природы, у теплого заката, у света ночных звезд. Наивность, читаемая только во взглядах юных девушек, которые еще верят в благородных принцев, в вечную любовь, у которых суета будней не успела еще украсть способность мечтать.

Почему у меня в голове мелькнуло именно слово «бал»? Улыбнувшись, подумал: «Прямо княжна». Украдкой любуясь ее красотой, я стал размышлять о том, кто она. Но не получалось… В голове по-прежнему вертелось: «Княжна… княжна…», а потом вдруг — «Мери… Почему именно Мери? Она скорее Бэла». Я улыбнулся этим мыслям. А может, героиня лермонтовской «Тамани», чуть не сгубившая Печорина. Я вспомнил соответствующие строки Лермонтова: «Моей певунье казалось не более 18 лет… Решительно, я никогда подобной женщины не видывал… необыкновенная гибкость ее стана, особенное, ей только свойственное наклонение головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив ее слегка загорелой кожи на шее и плечах… — всё это было для меня обворожительно… Хотя в ее косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное… в ее улыбке было что-то неопределенное…». «Похоже… Но все же стать и благородство… все же — Бэла», — решил для себя я.

Тут мои размышления были прерваны тем, что девушка захлопнула книжку и встала, чтоб уйти… Я мельком увидел

обложку — «Герой нашего времени». Такое совпадение разве бывает? Бывает, и не только в романах. А может, все это порождается тонким миром, куда уходят наши мечты…

Не знаю почему, но тогда, прилетев в Москву, я перечитал прозу Лермонтова. И сейчас, два года спустя, я, вспомнив эту историю, решил утром непременно поехать в Тамань.

Я ехал вслед своим воспоминаниям о прекрасном мираже, вслед любви и чувствам, рожденным прозой великого поэта, в места Лермонтова — Печорина, контрабандиста Ян-ко, его подручного мальчишки, той таинственной красавицы… в Тамань. И еще я ехал, чтобы именно там, не зная почему, дочитать до конца историю Лены и Александра.

На следующий день, прибыв в Тамань, вдоволь нагулявшись по его старым узким переулкам, надышавшись таманским ветром, попив фанагорийского вина и купив у местных мальчишек кулек с сорванной при мне шелковицей, я устроился с удобством на обрыве на краю Керченского пролива. Обрыва, на котором слепой мальчик, рожденный пером Лермонтова, словно всматриваясь в туманную даль, ждал скрипа весельных уключин контрабандиста Янко, и я, предвкушая дальнейшее чтение, открыл новую страницу пожелтевшей тетради.

Глава восьмая

Летние каникулы — это такое время, которое все люди вспоминают с теплым ощущением детства. Но мне вспоминать детство было еще рано, и я мечтала о будущем. Хотя мечтания мои были бесполезными и ни к чему не приводили. Как я ни пыталась поскорее повзрослеть, Надеждин все равно «взрослел» вместе со мной и, как ни старайся, он все равно на девять лет меня старше как был, так и будет всегда.

Все лето родители мои суетились с отпуском, а когда оказалось, что отпуска не будет, они решили отправить меня с одним папиным сотрудником. Он ехал со своей женой и сыном в Гагры. И я поехала. Познакомилась я с ними только в поезде. Его сыну 19 лет и он учится на втором курсе в МГИМО, и как бы вы думали его зовут? Ну, конечно же, Рома. А как же еще, это прямо наваждение на меня какое-то с этим МГИМО. Да, да. Это был тот самый Рома. Я его сразу узнала, и он меня тоже. Но, черт возьми, этот Рома оказался благородным и славным малым. Он не стал меня позорить перед своими предками и выдавать им историю нашего знакомства, когда я представилась ему студенткой.

Он дождался ночи, и когда мы вышли с ним в тамбур, он начал свой допрос. Ну, мне больше ничего не оставалось делать,

как во всем откровенно признаться. Признаться, что я перешла в десятый класс, что мне семнадцатый год пошел, что я комсомольский лидер в школе и что собираюсь в МГИМО. Но кто бы мог подумать! Мое чистосердечное признание не расстроило его, а совсем напротив — очень обрадовало. Его очки в серебристой оправе радостно поднялись, и он расплылся в уже знакомой мне улыбке.

Всю ночь мы простояли в тамбуре, и Роман все лип ко мне с вопросами. Затем весь день и последующую ночь он не мог успокоиться и рассказывал взахлеб, как он каждую неделю ходил в МИРЭА и искал меня во второй группе ЭОТ. Потом он подумал, что я из МГИМО, и облазил весь институт. Как он потом мучился и страдал, не найдя меня нигде. И вдруг такая встреча. О боже, если б кто мог знать, как это было мучительно, выслушивать его бредни, когда ты вторые сутки не смыкала глаз. Но он это не понимал, и сам почему-то спать не хотел.

Слава богу, когда мы сели в такси, нас разделила его мама, Татьяна Александровна. Замечательная женщина. Всю дорогу в такси она молчала, словно понимала, что мне нужно отдохнуть. И я спала как убитая, обдуваемая теплым, морским ветерком. Мне снова снился Надеждин. Его галстук, красный с белым, развевался на ветру, Саша то с укоризной надвигался на меня, то с улыбкой удалялся. И так было на протяжении всего сна. В конце сна он взял меня за руку, и… я проснулась и увидела эту надоедливую физиономию в очках с серебристой оправой. Рома держал меня за руку и зверски улыбался, приглашая выйти из машины. Я выдернула руку и, спотыкаясь, вылезла из такси. Когда поднималась по уже знакомой мне лестнице пансионата «Солнечный», меня кидало из стороны в сторону, так как я шла с полузакрытыми глазами и никак не могла проснуться. Еще, как назло, наш номер оказался кем-то занят. Я как во сне слышала, что Рома и его отец с кем-то ругаются и просят освободить номер. Проблема разрешилась, когда Татьяна Александровна сообразила сказать, что мы с Романом молодожены в свадебном путешествии… номер сразу же освободили. Вдруг я услышала чье-то недовольное ворчание на иностранном языке, мне показалось сквозь дрему, что это был голос Надеждина. Я резко открыла глаза и в тумане уходящего сна увидела какого-то смуглого, как араб, иностранца. Своими огромными белыми глазищами он вылупился на меня. Потом безнадежно повернулся и побрел прочь.

Глава девятая

Наконец меня растормошили окончательно. Передо мной предстал просторный светлый номер. В нем было две кровати, покрытые тигровыми покрывалами, две тумбочки со светильниками, журнальный столик со свежими газетами, два кресла, телевизор, душ и, конечно же, лоджия. Великолепная широкая огромная веранда с видом на море и на окружающий лес из огромных вековых сосен.

Я набрала полную грудь свежего влажного морского воздуха, повернулась, чтобы вернуться в комнату, но так и застыла. Передо мной опять была эта майская физиономия с очками. Он сиял как медный таз. Я выпустила набранный в легкие воздух, который уже достаточно наполнил мою кровь кислородом, а сам насытился углекислым газом, отстранила Рому, вошла в комнату, села в кресло и взяла газету в руки. И тут он произнес свой краткий монолог.

— В этой комнате будем жить мы с тобой, как молодожены в свадебном путешествии. Это номер люкс.

И Роман обнажил свои очаровательные желтенькие зубки.

Господи, я и не знала, что МГИМОшники могут быть такими занудами. Я резко встала и хотела выйти из номера, но он схватил меня за руку.

— Да я же пошутил. Здесь вы будете жить с мамой. А мы с отцом в соседнем номере. Ну, не обижайся…

Во мне кипела злость, я отвернулась и вышла.

Нажав кнопку лифта, тут же вспомнила, что поднимались мы по лестнице. А значит, лифт не работает. Рядом висело объявление, что лифт включат в двадцать один ноль-ноль, мои часы показывали двадцать пятьдесят. На улице уже было прохладно, и я решила пойти и одеться потеплее.

Пока я надевала свой красный спортивный костюм, как раз прошло десять минут, и лифт включили. Лифт был снабжен телефоном и огромным зеркалом. Я ехала в лифте и прихорашивалась. Во время сна в такси мои волосы изрядно примялись, и я решила, что нужно их вымыть и высушить феном, чтобы они вновь стали пышными. Пока об этом думала, лифт доехал до первого этажа и мягко открыл двери. На меня пахнуло морем. Решив посидеть на скамеечке, я отправилась налево, но тут же увидела того самого иностранца из нашего номера, он сидел ко мне спиной в каком-то алом джемпере и почитывал «Morning Star». Мне не хотелось с ним встречаться, и я решила пройтись по набережной.

Я повернула направо и пошла к набережной. Надо же, иностранцы какие наглые, а? Занял один целиком весь номер-люкс и еще выходить не хотел. Думает, раз иностранец, так ему

все можно. А потом еще приедет туда к себе и будет рассказывать, как в СССР принижают иностранцев. Но тут ход моих мыслей прервал до тошноты знакомый образ, сидящий на лавочке в белых шортиках, в белых кроссовках с белыми носочками и в зеленой майке. Образ этот вызывающе сверкал очками, глядя на закат. Я, как по команде, повернула подобно солдату налево и замаршировала по третьему варианту маршрута, прямо к морю.

Розовое от заката небо, огромный полушар садящегося солнца, дорожка на глади моря — все это было так захватывающе прекрасно. И только одно портило картину. Черное пятно компании пьяных грузинов справа от меня. Я стояла на берегу, любуясь красотой вечернего моря, и ожидала того, что обычно бывает в таких случаях. Какой-то грузин с огромным носом и маленькими глазками, пошатываясь, подошел ко мне.

— Какой симпатичный девушка! Присоединяйтесь к нам. Может, в бар сходим?

Я уже была готова соответствующе ответить, но тут мне в голову пришла гениальная мысль, которую мы с подружкой уже обсуждали, но не рисковали применить на практике из-за еще недостаточных знаний, приобретенных в школе. Я сделала непонимающее лицо и сказала: «What did you say»?

— Нет, — ответил грузин — я говорю, может, в бар заглянем?

— How much do you like the Black Sea?

— Не понял!..

— I don't understand your Russian language! You understand me? Why you don't say? I am asked you: how much do you like the Black Sea?

Он с тупым выражением смотрел на меня и, открыв рот, не мог испустить ни звука. Я махнула на него рукой и пошла назад. Когда я, отойдя далеко от берега, уже остановилась и оглянулась, грузин все так же пребывал с вытаращенными глазами и открытым ртом, но только уже не стоял, а сидел. Затем он встал, оступаясь и пошатываясь, подошел к морю, зачерпнул в ладони воду и помочил голову. Так он делал раз пять, пока его друзья в ожидании смотрели на своего отчего-то растерянного товарища. Мне надоело это наблюдать, и я пошла к пансионату.

Иностранца на скамейке теперь не было, вероятно, уже поселили в какой-то номер. Войдя в прохладный холл пансионата, увидела открытый лифт, в котором стоял Рома и улыбался. У меня было хорошее настроение после победы на пляже, и я не хотела его портить ни себе, ни тем более Роману, с которым я и так сегодня была слишком груба. Поэтому с улыбкой зашла в лифт и нажала на кнопку. Лифт плавно тронулся, и мы в дружественной мирной обстановке доехали до нужного этажа.

Глава десятая

Зайдя в номер, я увидела Татьяну Александровну, уже готовившуюся ко сну. Когда мы обе наконец улеглись, она поведала мне о том, как Рома ей рассказывал обо мне и как переживал мою ложь. Я откровенно ей призналась, почему я солгала. А солгала я потому, что постеснялась своего возраста при несоответствующей внешности. Татьяна Александровна, будучи женщиной доброй, сказала: «Не переживайте, Леночка. Я прекрасно вас понимаю. Со мною в юности было то же самое. Но ни в коем случае не стесняйтесь своего возраста, тем более что вы вполне выглядите на свои годы». И она рассказала мне свою историю. И эта история была похожа на мою. Но только та история действительно закончилась женитьбой. Вот с тех пор они и живут вместе вот уже 20 лет. После такого задушевного разговора я никак не могла уснуть и решила выйти на веранду подышать ночью. Я смотрела на звезды, на медленно проплывающие по морю огоньки кораблей, и незаметно для себя стала напевать песенку «Yesterday». Я по старой привычке сильно перегнулась через перила и увидела уже знакомого иностранца в красном джемпере. Он курил и смотрел вверх на меня, вероятно, услышав пение на родном языке. Мне этот смуглый парень, у которого в темноте были видны одни глаза и сигарета, ужасно кого-то напоминал, но вот кого, я никак не могла вспомнить.

— Good night! — сказала я.

— Good night! — сказал он мне с какой-то особенной лаской и пытаясь говорить с русским акцентом.

Вернувшись в кровать, я еще долго вспоминала, на кого же он похож. И так и уснула.

Глава одиннадцатая

Утром я проснулась раньше моей соседки и сразу же, умывшись, отправилась на веранду делать зарядку. Но то, что я там увидела, было для меня полной неожиданностью. У края веранды лежал огромный букет из диких роз и лесного папоротника. Это было очень красиво и со вкусом составлено. Я сразу подумала, что нужно не забыть поблагодарить Рому за столь приятный сюрприз. Над Гаграми вставала молодая заря, а в море уже кто-то плавал. У меня зрение не ахти, но, но-моему, это был иностранец, которого поселили под нами. Я поставила букет в вазе с водой в тени, чтобы он подольше сохранился, уж больно он мне понравился.

Утром за завтраком в столовой я поблагодарила Романа за

утренний подарок, в ответ на что Рома тихо ответил — «Пожалуйста» и уставился на меня удивленно из-под очков. После завтрака я, как это и полагается, пошла на пляж.

На пляже было очень много народу, несмотря на ранний час. С трудом отыскав место, искупалась и с удовольствием улеглась загорать. Какая-то назойливая мошка не давала мне покоя и все время ползала у меня по щеке. Раз пять я ее отгоняла, но на шестой раз мое терпение лопнуло. Я открыла глаза, поднялась, и меня ослепил блеск знакомых очков и зубов. Он, то есть Роман, щекотал меня травинкой, а теперь стоял и улыбался. Он расположился рядом со мной, и мы, таким образом, провалялись за разговорами весь день и даже в столовую не пошли, решили худеть (хотя Роману было уже некуда). Как выяснилось, букет этот собрал мне не Роман, а вообще неизвестно кто. И тут я поняла, что начинаются мои приключения. Кто же? Для меня оставалось загадкой.

Вечером, вернувшись домой, мы с Ромой стали рассматривать свой загар. Я, благодаря предварительному московскому загару, темнела равномерно, но что касается Романа, он, увлекшись болтовней, сгорел неимоверно, был как помидор, и чуть ли не дымился, как только что сваренная сосиска. Было его жаль, но в то же время в душе радовалась, что больше он не пойдет со мной на пляж и не будет докучать своими разговорами. Но не тут-то было. На следующее утро, после столовой, он снова шел за мной по дороге на пляж. Я его отсылала домой, ссылаясь на то, что он сгорел. Но все бесполезно. Он шел за мной как упрямое, ничего не понимающее животное. И я начала уже сердиться.

Глава двенадцатая

Рома был таким человеком, на которого бесполезно сердиться и ругаться. Он все равно сделает по-своему. И он действительно делал все по-своему, ходил за мной, лез с разговорами и даже в воде не давал покоя. Это начинало меня бесить. Пользуясь тем, чему я научилась на медицинском профиле школьного производственного обучения, я стала запугивать Романа различными степенями солнечных ударов и ожогов. Но, как уже говорила, все бес-но-лез-но. Итак, день был снова испорчен. Всю ночь из соседнего номера раздавались стоны. Это Роман мучился со своей кожей. Во-первых, я не могу видеть человеческих страданий, во-вторых, он мне не давал спать. Я нашла в холодильнике бутылочку кефира, вошла в их номер и дотронулась осторожно до плеча Ромы. Он в страхе откинулся к стене и испуганно замахал руками. Но когда я напялила ему на нос очки, он расплылся в ангельской улыбке. Я смазала его до ужаса сожженную кожу, после чего он успокоился и с улыбкой на губах, как младенец, заснул. Вернувшись к себе, я все-таки не могла уснуть при мысли о том, что мною же спасенный Роман, завтра от меня же и не отстанет. Но я вспомнила лозунг, который писала на практике по УПК — «Спеши делать людям добро. Будь добр, чуток и милосерден». Осмыслив это, я провалилась в сон.

Мне снилось, как Надеждин и Рома дерутся на шпагах, а я в средневековом платье пытаюсь их разнять. И вдруг шпага Ромы случайно вонзается мне в самое сердце. Оттого, что я схватилась за сердце, мне стало еще больнее, и от боли я проснулась. Было еще темно, но уже начинало светать. К груди я прижимала огромную розу, которая испускала благоухание, шипом вонзившись мне в кожу. Сначала я подумала, что эта роза выпала из вазы и прямо на меня. Но ваза стояла в другом конце комнаты, да и роз там было прежнее количество.

Я начала судорожно соображать, чьи же это проделки. Татьяна Александровна бегать по ночам в лес за букетом не могла. Муж ее тоже — не солидно. Оставалось два варианта: или это Рома, или это я — лунатик и по ночам хожу в лес. То, что я не лунатик, у меня и сомнений не было. Насчет Ромы у меня были кое-какие сомнения. Это, бесспорно, он, но зачем было врать. Заснуть я уже не могла, не могла понять, кто же этот мой тайный поклонник. Я вышла на веранду и увидела, что смуглый сосед тоже не спит. Он стоял и курил.

— Why don’t you sleeping? — спросила я его.

— I don’t want it, — сказал он.

— You smoke too much. This is very bad.
— Well, good night!
— Good morning!

Я была удивлена моему такому свободному общению с иностранцем. Так и до Надеждина недалеко, подумала я. Мне стало холодно на веранде, и я решила идти спать.

Глава тринадцатая

Завтрак я, конечно же, проспала. Когда проснулась, до его конца оставалось 15 минут. Моментально вскочила, привела себя в порядок, собралась и вышла из пансионата, пока не вернулся Роман.

По дороге на пляж я все время оглядывалась, и неожиданно решила пойти и найти безлюдное, дикое место, где Роман не смог бы меня разыскать.

Такое место было за скалами, я его помнила еще с прошлого отдыха. На этом месте, окруженном скалами из гладкого белого камня и чайками на вершинах, сидела уже какая-то семья. Но тем лучше, подумала я, никто не пристанет. Здесь и расположилась.

Солнце уже припекло и разжарило меня, когда я услышала стук камня. Я слегка приоткрыла тяжелые от жары веки и увидела ноги иностранного соседа. Он тоже шел на это место.

Продолжая лежать с полузакрытыми глазами, я могла видеть только его ноги. Через несколько минут шум повторился. Приоткрыв глаза, увидела чьи-то красные ноги, приближавшиеся ко мне. Я в ужасном ожидании подняла голову и тут же, обессилевшая от гнева, опустила ее. Возвышаясь надо мной, стоял, обвешанный рубашками, полотенцами и влажной панамкой, Роман. Из-под полотенца и панамки на голове торчал только красный облупленный нос с очками. Все остальное — сплошные занавески. Это было невыносимо.

Глава четырнадцатая

Жара и Рома довели меня до изнеможения. Я встала, стерла полотенцем пот с лица, разбежалась и с самого высокого края скалы прыгнула в море. Волны приятно, щекотно сразу обняли мое разгоряченное тело. Плыла под водой, пока хватало дыхания. За это время я успела разглядеть всю эту красоту, скрытую от внешнего мира. Тут была святая тишина, божественный сумрак и простор. Изредка проплывали отдельные рыбки и медузы. Здесь, под самой скалой, на дне лежал огромный ее осколок. И я

подумала, не дай бог неудачно нырнуть и напороться на него — верная смерть. И для себя подметила, что нужно посильнее отталкиваться и нырять подальше. На этом мой запас воздуха иссяк. Когда я вынырнула наружу и посмотрела на берег, который был довольно-таки далеко, я увидела, что иностранец сидит рядом с занавешенным Романом и о чем-то говорит. И, как мне показалось издалека, Рома с ним легко общается. Вот что значит МГИМОшник, — подумала я, — только на втором курсе, а уже так шпарит. Но идти к ним мне все же не хотелось. Выйдя на берег, я залезла на ту скалу, с которой прыгала в воду, подошла к самому краю и села на белый гладкий камень. Со стороны можно было подумать, что я любительница острых ощущений. Сидеть и болтать ножками в пропасти со скалы высотой не меньше 20 метров, а то и больше — не каждому по душе. Но мне было все равно где, лишь бы не с этой «занавеской».

Здесь было так замечательно, как на небе. Абсолютно никого и только море внизу, небо сверху и чайки наравне с тобой. Я сидела, подставив лицо солнцу, которое беспощадно рисовало на мне веснушки и выбеливало волосы. А за закрытыми веками на синем фоне вновь был он, Надеждин. Он улыбался мне и звал с собой куда-то вдаль, в границу между морем и небом. Он протягивал ко мне руки и звал по имени, он говорил: «Лена, Лена»! Я чувствовала, как приятно по мне стекали капельки морской воды, которая еще не обсохла. И тут я явственно услышала над собой голос: «Лена»! Сердце оборвалось, я резко оглянулась, увидела его, попыталась встать, поскользнулась на мокром камне и стремительно полетела вниз головой со скалы. И в этот момент только промелькнуло: «Ну, вот и я как чайка. 20 метров. Камень». Удар!!! Какой-то туман, ничего не видно, легкие наполняются чем-то холодным, наверное, это вода… ну вот я и сама становлюсь частичкой этой святой тишины, божественного сумрака и простора. Что-то непонятное у меня в голове, какие-то мысли и… все!

Глава пятнадцатая

Уже был поздний вечер, когда я почувствовала пудовую тяжесть на веках, в руках и ногах. Что-то ужасно тяжелое давило на меня. С трудом приоткрыв глаза, я в маленькую смутную щелочку между ресниц увидела белые стены, белый потолок, белые лампы и черные дырки окон с белыми занавесками. Я попыталась поднять свинцовую руку, но она бессильно упала, как не моя. И вдруг кто-то своей горячей рукой взял мою холодную и поднес к теплым, как парное молоко, губам. Я подняла

воспаленные веки и увидела его, моего соседа иностранца. Я тут же поняла, кого он мне напоминал. Теперь я видела, что не напоминал, а был тем, кого я так ждала, искала и в кого так верила. Загар ему очень был к лицу. Он улыбался, но глаза его были полны слез. Я не понимала, почему он плачет. Ведь я нашла его, нашла. Он снова со мной. Я растянула сухие воспаленные губы в улыбку. Не знаю, какой она получилась, но у меня почему-то тоже против воли, сами собой потекли слезы. Я не хотела плакать, потому что за слезами я ничего не видела, но стереть их не могла. Руки вновь были непослушны и тяжелы.

За дверями были еле слышны голоса медсестер. Где-то далеко звучала тихая грустная музыка.

Все, чем я могла выразить свои чувства, это слезы, улыбка и слово, которое я сказала с трудом. Это слово «Саша».

— Молчи, — сказал он и положил рядом со мной букет из диких роз и лесного папоротника. Боже, что после этого творилось у меня в душе, теперь я понимала, кто каждую ночь взбирался ко мне на балкон и приносил такие великолепные букеты. Я не могла на него насмотреться, но чувствовала жуткую усталость, боль в спине, голове, глазах. Мои веки тяжелели, глаза закрывались.

— Тебе нужно отдохнуть. Закрой глаза и спи.

— Ты больше никогда не уйдешь? Ты всегда будешь рядом со мной?

— Я не уйду, я всегда буду с тобой, — сказал он. — Спокойной ночи!

Я закрыла глаза и стала проваливаться в бездну сна. А в голове еще повторялась эта фраза, которая когда-то произносилась им с телеэкрана, была для меня символом разлуки и которая теперь была сказана так тепло и проникала в самое сердце. И я засыпала с мыслью о том, что он теперь всегда рядом. Спокойной ночи, спокойной ночи, спокойной ночи…

* * *

Спокойной ночи… Вместе с тетрадью закончился и мой отдых в Анапе. Наутро мне в Москву. Я опять вспоминал то лето, когда мы всей семьей отдыхали в Абхазии, в живописном месте под названием Холодная речка. Белые скалы, вековые сосны, теплое море, гостеприимные жители республики. Особенно вспоминалась та скала, с которой мы часто ныряли с сестрой. С нее почти всегда в солнечную погоду было видно дно… но дно далекое, а на дне красивая раковина. Как ни старались сестра и я,

разрывая легкие и не щадя барабанные перепонки, как мы ни пытались, но не могли донырнуть до дна… все было тщетно. Слишком глубоко. Но однажды, придя рано утром, чтобы никто не видел, я забрался чуть выше «разумного», скользя мокрыми ногами по гладкой белой поверхности скалы, таща с собой увесистый валун, я рисковал сорваться каждую секунду. Взобравшись высоко, насколько мог, и оттолкнувшись сильнее, ушел в глубь воды вслед за тяжестью камня в ладонях… Раковина, подаренная в тот же солнечный день сестренке, теперь как свидетельство того прекрасного времени лежит в коробке вместе с ее тетрадями, а на дне… На дне морском остался только огромный обломок той белой скалы.

В надвигающихся сумерках где-то недалеко звонили колокола церкви и звали прихожан к вечерне. Я с сожалением закрыл тетрадь, и, бросив прощальный взгляд на пролив, побрел по пустынным и пыльным улочкам старого города. Шел и думал о своей жизни. Было очень тихо, и даже лая собак, так привычного для маленьких городков, почему-то не было слышно. Людей не было видно, и только запахи жареной рыбы, украинских борщей на чесноке, которыми тянуло из-за перекосившихся калиток, выдавали их существование. У меня внутри было какое-то щемящее чувство. Я его объяснить не мог, что было в его основе? То ли мысли о судьбе Лермонтова, рано погибшего и не дописавшего свою прозу, то ли мысли о Печорине и девушках, которых он любил, то ли незримость их присутствия, которая была в каждом дуновении ветерка, в тенях отбрасываемых деревьями в лучах уходящего солнца, то ли мысли о сестре и о том, что никогда она уже не закончит свои повести, не споет нам новую песню, то ли некое необъяснимое чувство незавершенности моей поездки, легкое разочарование, что мечты так и остались мечтами, и я не встретил свой мираж… а может ощущение непостижимости красоты Жизни и ее невозвратности в уходящем дне.

Во рту давно пересохло от жары, от пыли дорог, хотелось пить. Я встречал по пути колодцы, но проходил мимо с рассеянностью горожанина. А сейчас… Я заметил невдалеке водную колонку. Устало опершись на ее грубо покрашенную голубой краской маковку, я стал качать воду. Она показалась мне прекрасной — лилась, сверкая в последних отблесках дня голубо-багряными огоньками, и главное — она была холодная. Холодная настолько, что заломило зубы. Напившись вдоволь… а потом еще попив, я вдруг почувствовал как устал, как натружено гудят ноги. Захотелось покоя и отдыха. Может, остаться здесь на ночь, может, постучаться сейчас в первую попавшуюся дверь и напроситься на

постой? Постучаться и… дверь откроет босоногий мальчик, проведет внутрь дома, а в углу светлой мазанки будет сидеть глухая старуха. Остаться на ночь, и полностью ощутить себя Печориным. Но из неспешного потока мыслей меня вывел звонок мобильного, и мир вернулся на свое место. Ошиблись… Наверное, ошибся и я… Скорей… Пока не стемнело, в путь, в реальный мир, на скрипучем автобусе по пыльным, уставшим от жаркого дня, дорогам Тамани в Анапу, и потом домой в Москву.

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Самолет через Шереметьево вернул меня опять в столицу. Четвертая тетрадь была прочитана мной позже в суете московских будней и как нельзя больше соответствовала по духу и настроению миру, который меня окружал: суета, мимолетность встреч, событий, незапоминающиеся лица, такие же разговоры и дела… Дела, опять дела. Вернее, даже не дела, а хлопоты… Суета… Туман воспоминаний и вчерашних событий, асфальт перед глазами взамен яркому небу. Такая она столичная жизнь. Итак, тетрадь четвертая… «Три дня холостяка», или «Заплатите штраф». Ждут ли меня в ней Стужин, Александр, Антола или Лена?.. Пока не знаю…

ТРИ ДНЯ ХОЛОСТЯКА, ИЛИ ЗАПЛАТИТЕ ШТРАФ

Самолет приземлился в аэропорту «Шереметьево». Саша ступил на родную землю и облегченно вздохнул. Он сошел с трапа, еле сдерживая радость возвращения. На его глазах выступили слезы. Шутка ли, полгода в Штатах. Впервые за несколько месяцев он почувствовал себя счастливым. Он шел по нагретому московским солнцем асфальту. Здесь даже воздух был родным, здесь было все близко его сердцу…. Но там осталась Катарина. «Господи, ведь только благодаря ей моя жизнь там была хоть чем-то скрашена. Если бы не она, я вряд ли вернулся обратно таким, каким меня знали все. Единственное, о чем я жалею, — это Катарина. Возможно, я никогда больше не увижу ее. Жаль. Но она американка, и у себя дома, а я… Только здесь я личность, только здесь меня знают и уважают, только здесь я поистине живу. Скоро я буду дома, скоро. И опять, не успеешь передохнуть, за работу. Снова интервью, репортажи, прямой эфир…» — такие мысли крутились в голове у молодого журналиста-международника, ехавшего в трамвае домой.

И вот он дома. Все спокойно и тихо, за окном весна в самом

разгаре. Саша сел в кресло и его обдало пылью. Он прокашлялся, встал, подошел к окну и распахнул его. Свежий прохладный ветер ворвался в долго пустовавшую комнату. Бумаги и газеты, лежавшие на столе, разлетелись, как мотыльки, давно стосковавшиеся по полету. Он смотрел на них и думал, что завтра суббота, потом воскресенье, в понедельник работа, а с ней старые друзья. Ну, а сегодня пятница. Сегодня ребята без него выходят в эфир, а он будет сидеть перед своим новеньким телевизором и оценивать сюжеты, подготовленные для передачи.

Саша взглянул на улицу, там солнце щедро разливало золото по ручьям, весело звенящим по дорогам. Какой-то мальчуган упорно запускал бумажный кораблик, который то и дело переворачивался на бок, не в силах справиться с ручьем. Саша смотрел на паренька и вспоминал себя. Когда-то в детстве он тоже, представляя себя капитаном дальнего плавания, мастерил из клетчатых тетрадных листов кораблики и отправлял их по весенним водам в «кругосветное» плавание. Как это было чудесно. Но судьба сложилась по-иному. Он посмотрел на свою жизнь со стороны: «Ну что: окончил МГИМО, работаю на телевидении, а толку никакого. Ведь уже двадцать восемь лет, а нет ни жены, ни детей, ни перспективы. А ведь Кэт говорила, что любит меня…» Вдруг в дверь позвонили.

Кто это может быть?! Господи, когда это прекратится. Не успеешь приехать, как тут же к тебе нагрянут непрошеные гости. Шаркая по полу тапочками, осторожно переступая через бумаги, Саша пошел открывать. Подойдя к двери, он было открыл рот, чтобы спросить «кто там», но тут же представил со стороны, как здоровенный дядя боится открыть дверь. Ему стало стыдно за себя, и он, преодолев ряд замков, засовов и цепочек, открыл. На пороге стоял Димка. Вид у него был довольно странный. Голубая куртка была жутко истрепана и кое-где даже разошлась по шву, брюки и ботинки перепачканы в грязи. Он держал в руках оправу очков с выбитыми стеклами и смотрел на Сашу красными, жалобными и в то же время злыми близорукими глазами. С ним рядом стояла девушка лет двадцати. В руках она держала изломанный букет нарциссов.

— Санек! Ты дома?! Боже, какая удача! Ты нас не приютишь на часок? — говорил Димка, перешагивая через порог. — Как ты доехал? Все в порядке, без приключений?

— Я нормально, с тобой-то что?! Ты на себя не похож!

— Я тебе сейчас все подробно расскажу. Хотя чего особенно-то рассказывать? Ты что, наш транспорт не знаешь?! Вот решил машину дома оставить и проехаться к тебе на метро, а там на этом злосчастном трамвае, — Дима рассматривал остатки

прежних очков, близко поднося их к глазам, — прямо звери какие-то! Ты посмотри, что с очками сделали?!

— Дим, ты хоть меня со своей очаровательной спутницей познакомь, — тихим голосом произнес Саша.

Спутница Димы действительно была очаровательна. Густые волосы были жутко растрепаны, две пуговицы на плаще беспомощно висели на длинных нитках, черные туфли выглядели так, будто в них недели две бродили по самым грязным местам Подмосковья. Дима растерянно посмотрел на девушку.

— Честно говоря, мы не знакомы.

— Лена, — смущенно представилась девушка, — вы извините, мне пора, я пойду.

— Куда же вы в таком виде пойдете, Леночка?! Не стесняйтесь. Вы можете остаться. Приведете себя в порядок, тогда и пойдете, — засуетился Саша. Девушка ему очень понравилась, и он хотел с ней познакомиться поближе. Он проводил густо покрасневшую девушку в ванную комнату, чтобы она привела себя в порядок, а сам вернулся к другу.

— Где ты ее откопал, Димон?

— Да в трамвае вместе ехали и вышли на одной остановке. Просто жалко девчонку стало, ну я и предложил ей зайти к одному моему товарищу. Вот мы и зашли.

— Понято…. Пойду, чай поставлю. — Саша удалился на кухню. Ему было слышно, как в ванной комнате плещется вода.

А тем временем Лена стояла у зеркала в ванной возле открученного крана и расчесывала волосы: «Боже мой. Зачем я пошла с ним. Я ведь знала, куда иду, знала. И все-таки пошла. Какая же я дура! А вдруг он спросит, куда я шла? Что я ему скажу? Ведь я же шла именно сюда. Боже, как это глупо! Меня, видно, черт попутал. Написала бы лучше открытку, как к двадцать третьему февраля, и все. Мне теперь страшно выйти отсюда к ним. Неужели я у него дома?! Просто не верится», — Лена была очень взволнована таким неожиданным поворотом судьбы. Она не могла поверить, что сейчас выйдет из ванной и увидит того, о ком она беспрестанно думает с шестнадцати лет. И все эти два года она могла только в своей фантазии представлять себе обстановку его новой квартиры и только мечтать попасть в нее.

Переборов в себе страх, Лена вошла в комнату, где сидел Дима. Вид у него был удручающий. Он с такой тоской смотрел на свои искалеченные очки, что казалось, вот-вот заплачет. Лена подошла к нему. Ей так хотелось погладить его по голове и пожалеть как малыша.

— А где Саша? — как можно ласковей спросила она.

— На кухне, — насупившийся Дмитрий был краток.

Лена подошла к окну. Ее глазам предстала дорога, по которой она бродила, высчитывая то самое окно, из которого сейчас смотрела на улицу. Она уже стала представлять себе, как будет о своем приключении рассказывать своей подружке — Аньке.

— Она умрет от зависти!

— Вы что-то сказали? — послышался знакомый голос.

Лена оглянулась и увидела Сашу с дымящимся чайником в руках.

— Нет, нет! — Она с ужасом осознала, что последнюю фразу произнесла вслух.

— Ну, что ж, тогда садитесь пить чай, — пригласил всех Саша.

Лена не без стеснения уселась за стол, пододвинула к себе чашку с чаем и схватила шоколадную конфету. Дима же, помешивая чай в чашке, пустым взглядом смотрел в одну точку.

— Леночка, а вы учитесь или работаете? — нарушил тишину Александр.

— Учусь.

— А где, если не секрет?

— В театрально-художественном училище.

— М-м. Это, должно быть, очень интересно! А на каком факультете и курсе учитесь?

— Это что, допрос?

— Нет, нет, что вы! Ни в коем случае! Просто мне интересно узнать о вас побольше. Вы мне очень понравились.

— Учусь я на художника-гримера, на втором курсе, — смущенно ответила покрасневшая, как помидор, Лена.

Саша сидел и наглым образом разглядывал девушку. «Она очень даже ничего. Правда, молоденькая очень, восемнадцать лет всего, но не беда. Не это главное. Главное то, что она мне нравится, да и я ей тоже вроде бы понравился — вон, как краснеет. Сейчас такие стеснительные — большая редкость. К тому же она чем-то похожа на Кэт. Только у нее волосы русые и глаза…. Какие у нее необычные глаза, какие-то серо-голубо-зеленые. Смотрел и смотрел бы».

Тем временем день близился к концу, и за разговорами никто не заметил, что на часах уже семь часов вечера.

— Ой, мне же в студию! — встрепенулся, напугав всех, Дмитрий. — Ладно, Санек, я побежал, а то поздно!

— Возьми мою машину.

— Ты хочешь, чтобы сослепу в аварию попал? Нет уж, спасибо! Я как-нибудь так доберусь. Ну, пока!

— Ну, давай! Смотри, не упади на улице без очков!

Все засмеялись, и Дима, приободрившись, ушел.

— Вы знаете, мне вообще-то тоже уже пора, — в нерешительности произнесла Лена.

— Да, кстати, а куда вы шли, Леночка, с букетом?

— А я… я ехала… к одной своей знакомой на день рождения…

— Она, наверное, здесь недалеко живет?

— Да!

— А у меня тоже скоро день рождения будет.

— Ну, я пойду.

— Может, еще посидите?

— Нет, мне пора.

— А можно я вас провожу?

— Ой, лучше не надо.

— Почему?

— Ну, не надо и все!

— Очень жаль, а… давайте с вами встретимся.

— Зачем?

— Ну, просто так, сходим куда-нибудь, посидим, поболтаем. Приходите в понедельник в пять часов к телецентру, я вас встречу. Хорошо?

— Ну… Я не знаю, я…

— Ну и прекрасно! Договорились!

— Нет, я…

— Буду ждать, буду ждать! До понедельника, Леночка!

Бедная девушка ни жива ни мертва вышла из дома и пошла на остановку трамвая. С горем пополам добралась до дома и сразу завалилась спать.

Молодой журналист стоял посреди комнаты, улыбаясь и вспоминая весь свой насыщенный день. Он присел на диван. Он чувствовал тяжелую усталость в теле, ему очень хотелось спать, и он решил лечь пораньше. Ему снился сладкий волнующий сон.

Ему снилось, что танцует с Катариной, обнимает ее тонкую гибкую талию, и ему было очень хорошо.

Проснулся Саша в двенадцать часов дня. Он никогда так долго не спал, и поэтому у него жутко болела голова. Умылся ледяной водой, оделся, выпил чашку кофе и решил пойти куда-нибудь прогуляться. И тут вспомнил, что Максим просил его сразу по приезде зайти к нему. Решено! Саша едет к Максиму.

Дверь открыл Максим и тут же расплылся в широченной улыбке, приглашая долгожданного друга зайти. От Макса пахло вином, а в квартире играла музыка.

— Санек! Молодец, что зашел! Моя в командировке, так что живем!

— Что ты разошелся так?

— Санек, я с такой девчонкой мировой познакомился! Конфетка! Она сейчас придет!

— Куда?!

— Ко мне! Куда же еще?!

— И ты собираешься в таком виде встретить девушку? Знаешь что? Ты ляг лучше, поспи. А я к тебе вечерком подгребу. О'кей?

— Эх, Санек! А как же она?

— Да ладно уж, я как-нибудь обойдусь. Ну, давай прямо при мне ложись спать!

— Ну ты что, Санек, что я, маленький? Я не желаю!

— Если не ляжешь, не приду вечером.

— Ну, все, все, ложусь, — Максим с покорностью ребенка положил подушку на диван, лег и, поджав ноги, закрыл глаза.

Саша, выйдя на улицу, решил подождать гостью друга, чтобы предупредить ее о состоянии Максима. Ждать ему пришлось недолго. Саша увидел медленно идущую по дороге девушку в сером свитере и черных брюках. Он не решался подойти и последовал за ней в подъезд. Девушка, заметив ведущего потрясающей молодежной программы, изумленно уставилась на него.

— Девушка, извините, вы случайно не к Максиму идете? — почему-то очень неловко себя чувствуя, выдавил Саша.

— Да, а что? — девушка улыбалась, заметив неловкость молодого человека.

— Знаете, он плохо себя чувствует и просил меня предупредить вас.

— Плохо чувствует…. Нет, я, напротив, должна посмотреть, что с ним. Ведь он один с женой дома. Мало ли что, а вдруг что-нибудь случится, и она растеряется. Нет. Я должна пойти, — девушка направилась к лифту.

— Постойте! Он… пьян и спит…

— Что?

— И жена у него в командировке. Я только что был у него. Не ходите туда, я прошу вас.

— Что же мне теперь, обратно идти?!

— Знаете, а пойдемте погуляем по Москве! Я с машиной.

— Неудобно как-то. Мы ведь почти незнакомы.

— Так давайте познакомимся. Александр, — представился Саша.

— Анна, — улыбнулась девушка.

Весь день Саша катал на машине Аню. Выяснилось, что она в

этом году заканчивает первый курс лечебного факультета медицинского института. Александр удивлялся ее сходству с Катариной. Аня была такая же темноглазая и курносая, что особенно умиляло Сашу. По окончании прогулки он предложил Ане встретиться в пять часов у телецентра, на что она ответила, что постарается прийти.

Саша приехал домой в очень хорошем настроении. Открыв бутылку пепси-колы, он уселся в кресло и, положив ноги на журнальный столик, принялся пить прямо из горлышка. Где-то под боком зазвонил телефон. Саша снял трубку.

— Але!

— Саш. Привет!

— А, это ты, Оленька, здравствуй, — он узнал голос своей давней знакомой, которой он всегда симпатизировал. Раньше она была к нему крайне холодна, но последнее время…

— Как хорошо, что ты приехал! Я так соскучилась по тебе. Не видела тебя целых полгода.

— Оленька… Милая, я тоже очень соскучился. Ты знаешь, я освобожусь только в пять часов в понедельник. Ну, как, идет?

— Идет. Я подойду к телецентру. О'кей?

— Чудесно! Ну, чао!

Он положил трубку и стал думать об Ольге. Она была ему почти ровесница и работала в милиции. Он всегда удивлялся, как такие симпатичные девушки, как Оля, могут работать в органах и не выйти замуж. Это очень интересовало Сашу. И он заснул с мыслями об Ольге.

В воскресное утро Саша проснулся от громко звенящего, без умолку, телефона.

— Да, — сонным баском вымолвил Саша.

— Але, але! Это Саша? — послышался в далеком шипении знакомый голос Катарины. Она говорила на ломаном русском.

— Кэт! Але, я слышу тебя, Кэт! — заговорил Саша на английском.

— Але. Ничего не слышно! Але….

В трубке послышались короткие гудки. Саша был сильно взбудоражен таким утренним происшествием. Он, не вставая, около двух часов просидел у телефона. Но Кэт больше не звонила. Он посмотрел на часы — половина двенадцатого. Саша включил телевизор: «На этой песне я прощаюсь с вами, до следующего воскресенья!» — закончил «Утреннюю почту» Юрий Николаев. Саша со злостью выдернул шнур телевизора из розетки. Вдруг раздался долгожданный телефонный звонок:

— Але. Слушаю! Кэт, это ты?! Але.

В ответ тишина и тут же повесили трубку.

— Черт знает что, — выругался Саша.

Он отправился на кухню варить кофе. В эти минуты Сашу все раздражало. Особенно русские народные частушки, доносившиеся из радио. Он поставил кофе на плиту, раздраженно выключил радио и услышал звонок в дверь. «Ну, кто там еще?» Он открыл дверь и обнаружил на полу букет нарциссов. И тут он почему-то вспомнил Лену и тот субботний день, когда он познакомился с Аней, и Олю, и, конечно, Кэт… Он почувствовал какой-то странный запах, от которого ему резало в носу. Саша, схватив букет, молниеносно бросился на кухню. Так оно и есть, кофе залил всю плиту. Настроение вконец упало, и Саша с ужасом вспомнил, что он в пять часов в понедельник… должен встретиться с… Леной, с Аней, с Олей…

— Идиот! — не выдержал Саша, — как можно было забыть! Что же теперь делать, не могу же я встретиться сразу с тремя? Как я буду с ними объясняться, что я скажу? Боже мой! Ну, идиот.

Саша натянул джинсы, свитер и вышел на улицу. День был прохладный, с субботой не сравнить. Он сел в машину, включил зажигание и остановился. Он только сейчас подумал, а куда он едет? Машина тронулась с места и поехала, куда фары глядят. В Саше проснулся дикий интерес ко всем достопримечательностям Москвы.

Он весь день ездил по музеям, выставкам, посмотрел все архитектурные памятники. Домой вернулся в одиннадцатом часу вечера. Ужинать он не стал, только выпил кефир и съел бутерброд с колбасой. Он кое-как добрел до кровати и, не расстилая постель, не раздеваясь, упал и сразу провалился в бездну сна.

Саша приоткрыл тяжелые веки, было уже светло. Будильник молчал и показывал… показывал десять часов. Проспал! — мелькнуло в голове у Саши. Он, не умываясь, выскочил на улицу. Сел в машину, но она, как назло, не заводилась. Возиться с ней было некогда, и Саша побежал на остановку трамвая. Пока он ждал трамвай, вспомнил вчерашний букет. Оказывается, у него вчера был день рождения, а он и забыл совсем. Наконец подошел полупустой трамвай. Саша быстро забежал в него и сел на красное сиденье. У него в голове вертелись различные фразы оправдания, которые он придумывал для предстоящей встречи с тремя девушками… похожими на Кэт. А вдруг Кэт в Москве, она такая, что может приехать в любой момент. Этого еще не хватало! Мысли зудящим роем одолевали мозг журналиста. Ему жутко хотелось спать, глаза закрывались сами собой.

Но вот и «долгожданные» пять часов.

Саша спустился по лестнице фойе телецентра и вышел на

улицу. Приискало солнце. Где-то справа Саша заметил приближавшуюся к нему фигуру. Точно! Так и есть. Это была Лена. Саша, сделав вид, что не видит ее, повернул налево, слева приближалась девушка в сером свитере, Аня. Саша, прибавив скорости, пошел прямо. Он шел, ускоряя и ускоряя шаг, но площадь, как назло, была бесконечна. Он услышал, что за ним гонятся. Оглянувшись, он увидел бегущих за ним Анну, Лену, Ольгу и… Кэт. «Боже, ее еще не хватало!» Саша пустился бежать. Пот градом катился со лба и заливал глаза. Саша чувствовал себя марафонщиком, которому нельзя ни на минуту остановиться. Он оглянулся и сквозь мокрые от пота ресницы ему показалось, что за ним гонится целая армия Лен, целая армия Ань, Оль и Катарин. И все они были похожи друг на друга, и сливались в единую массу, окружали его со всех сторон. Они бежали, махали руками и кричали: «Отдай билет! Дай билет!» Какой билет он им должен был дать, Саша и сам не знал: «Наверное, они хотят все пойти со мной в кино! Но у меня нет билетов в кино. Нет!»

— У меня нет билета! — в ужасе перед надвигавшейся на него тучей девушек закричал Саша и… открыл глаза. Над ним стоял кондуктор трамвая.

— Тогда заплатите штраф!

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ

Месяц пролетел в Москве незаметно. Но, несмотря на то, что это был целый месяц, я, не взирая на уколы совести, не смог прочитать ничего из Татьяниного, кроме этой тетрадки. Затянула рутина и мешала, читая, сопереживать и чувствовать. Но впереди был почти трехнедельный отдых в Сочи, и это вселяло надежду.

Прилетев туда и прекрасно устроившись, я, чтобы успеть к 10 сентября, установил себе жесткие правила и график прочтения рукописи. Но… Только там я осознал, начиная читать последнюю тетрадь, что что-то незримое, что-то «между строк» ускользает от моего сознания. И я опять еще раз внимательно перечитал все ранее прочитанные рукописи, благо они были уже в ноутбуке. И только после этого, уже в самом конце отдыха взялся за пятую тетрадь. Я ее читал, но сердце билось ровно… Мне думалось: так хорошо в жизни не бывает. Любовь. Опять любовь… Девичьи слезы и надежды. Мое сердце билось ровно, может, потому, что я давно не испытывал тех чувств, которые испытывали герои рукописи. Может, потому, что со мной давно не происходило чуда? Сердце словно чего-то ждало, как птица ждет порыва ветра, чтоб взмыть ввысь и отдать себя вольным небесам. Душа словно была во сне, в неком оцепенении.

Пытался вернуть необходимый настрой для дальнейшего чтения. Пытался занять себя тем, что любил всегда и чем мог сейчас отвлечь себя — фотографировал… то, что недавно было для меня красивым и волнующим… закаты, рассветы, парящих над штормом чаек… искал то, что вернет в мою жизнь гармонию и повод душе выйти из оцепенения… искал изо дня в день, а лето неумолимо бежало к концу.

Однажды вечером, когда до моего отъезда уже оставалось три дня, солнце в очередной раз клонилось к горизонту, окрашивая весь мир в теплые краски заката, пенные гребни волн, на короткие мгновенья оказываясь в вечерних лучах, вспыхивали розовым огнем — факелами, над простором моря мирно кружили чайки, весь мир затихающего дня был наполнен гармонией и красотой, нежностью, которая постепенно заполняла мою душу, я сидел на берегу и думал о том, что, возможно, смогу закончить начатую работу над рукописью до отлета. Я размышлял и тут увидел глаза, глаза девушки, вышедшей невдалеке от меня на берег. Как на таком расстоянии я мог видеть ее глаза? Оставим эти размышления, я их видел, и это главное. Как показалось мне тогда, глаза были у нее немного грустные… Сохраняя возникшее неожиданно ощущение, что плохое отступает, я не удержался, и подошел поближе.

Черные брови, густые волосы, темными потоками спадающие по спине… В этот миг девушка чему-то улыбнулась, глядя в горизонт, и я на секунду увидел белоснежную улыбку… «В таких влюбляются с первого взгляда и на всю жизнь…» — почему-то вдруг подумалось мне. Что-то знакомое было в ее осанке, в ее стати. Стать… Княжна… Княжна Мери, Бэла. И я мгновенно вспомнил все, что было два года назад и о чем думал месяц назад в Тамани… Казалось, сердце захотело неожиданно вырваться из моей груди. И от чего-то вдруг стало больно душе… сердце сжалось и словно взглянуло в пропасть. Пропасть… падение… гибель… Почему такие мысли пришли в голову при взгляде на нее? Не потому ли, что ради чувств, рождаемых женщиной, мы готовы всю жизнь без остатка отдать этому всепожирающему пламени… Не потому ли, что многие войны, дуэли происходили из-за женщин. Когда чувства не находят ответа, то душа летит и летит в пропасть, не достигая дна, и постепенно вместе с ней уходит жизнь, не находя того, ради чего она и существует.

Я ее вспомнил. Вспомнил, что тогда оставалось до отлета три дня, и сейчас три… Как тут не поверишь в мистику или в то, что наши мысли, наши мечты меняют реальность. Я смотрел на нее и думал о том, что она часть этого прекрасного мира, часть этого заката, часть этого спокойного вечера.

Мой взгляд, скользя по мягким изгибам ее тела, как будто рождал звуки музыки у меня внутри. Необъяснимые вибрации наполнили мою грудь и, поднявшись вверх, казалось, остановили мое дыхание. Глаза невольно наполнились влагой. Я стряхнул это оцепенение и нехотя отвел взгляд, будто он был постыден. Перевел дыхание, но, как только мои мысли возвращались к ее образу, мое дыхание опять как будто замирало. Неожиданно для себя, словно понимая, что этот вечер уходит и его не вернуть, я достал фотоаппарат и сделал несколько снимков этой девушки.

Потом она ушла. Я не решился, подойдя, нарушить тонкое равновесие гармонии происходящего. А послезавтра я улетал. Я твердо решил, что завтра подойду и познакомлюсь.

А назавтра был шторм и осенний дождь, дождь как в тропиках, целый день. И по пляжу бродил один я, распугивая одиноких чаек, пытавшихся найти себе пропитание в пене волн, бьющих в берег. Она не пришла.

А в конце дня был мой прощальный вечер в Сочи. Было ужасно грустно. Сочинский рай погружался в осень. Все друзья разъехались, новые еще не завелись. На море начался шторм. Я заказал столик в прибрежном баре и отметил свой отъезд в одиночестве. Случайных сотрапезников не признаю, а тем более хотел проститься с летом так, чтобы никто и ничто мне не мешало. Я пил виски, думал о рукописи и об этой девушке. И от этих мыслей становилось еще грустнее, печальнее… В таких ситуациях хочется поговорить, а не с кем… А хочется… и я стал слать СМСки в Москву, новым друзьям по Сочи, потом старым… а потом и единственному своему другу. Вначале о том, потом о сем. А потом:

Я. Последние тебе смс этим летом с берега Сочи. Кормлю местного любимца — котенка Черныша сыром. Сам пью виски… играет блюз. Завтра в Москву.

Друг. Ты завтра в Москву? У нас еще дымком пахнет, после торфяных пожаров. Увидимся?

Я. Дымком пахнет? Увидимся. А у нас гроза собирается…

Друг. Завидую. Хочу к вам.

Я. Вчера целых 5 минут вокруг меня, метрах в 2 плавали дельфины. Переворачивались, выпрыгивали, кричали. Супер!

Друг. Счастливый, они тебя признали.

Я. Жаль, вода была мутная, я с ними понырять не смог. А их разговоры всем телом чувствовал — вибрации.

Друг. Да, тебе повезло… хороший знак. Фотки сделал?

Я. Сапожник без сапог. Кто б меня снял. Дельфинов снял, конечно, и девчонку красивую, красивую очень.

Друг. Здорово. Познакомился?

Я. Нет. Она как радуга — ничейная. С радугой не знакомятся. Понимаешь?

Друг. Понимаю… Печально…

Я. Завтра в полет… Тоска… Прощай, тепло…

Друг. Да, тоска… понимаю… Пьешь?

Я. Ну, так… прощаюсь с летом.

Друг. Ну, да… что дальше делать будешь?

Я. Море штормит, но звезды, красота… пойду поплаваю. Кошмар, пил сегодня один… представляешь?

Друг. Ну, в последний день это нормально, вот только плавать ночью одному после виски не стоит.

Я. А я попробую…

Эти слова я писал уже на ходу, спускаясь с горочки на пляж. Друг не на шутку за меня испугался, так как он «не слышал моего голоса и не видел глаз» и не мог знать, в каком я состоянии. На самом деле я был трезв. Но это было так трогательно… и еще больше меня подзадоривало на плавание в ночи. Я сбежал на пляж, прошелестев галькой, подошел к воде… Сказать, что море штормило, значит, не сказать ничего… было не меньше четырех балов, и волны в темноте казались сказочными горами, которые с глухим уханьем разбивались о волнорез и выкатывались на берег. Но звезды… Звезды были волшебны… И море… Оно сливалось с горизонтом в темени… и казалось, что весь мир состоит из звезд и волн среди них… Я не смог себе отказать в последний вечер в таком удовольствии. Стал раздеваться. Звонит телефон в уже снятых шортах. Звонит. Перестал. Пропущенный вызов от друга и тут опять смс от него:

«В воду не лезь! Набери мне…»

Я улыбнулся, — друг меня хорошо знал, знал, что я не откажусь от шторма.

Но это я уже читал после… Я прыгнул в волны… Горы воды поднимали меня то вверх, то бросали вниз… мгновенно утаскивая дальше от берега… я греб что было сил, тело радовалось экстриму… но мысли были грустны — я понимал, что это в последний раз до следующего лета… Эту ночь… память о ней сохраню как можно дольше… Было здорово и еще от мысли, что в такую погоду я один… ночью… среди бурунов, брызг и глубины. Мелькнула мысль: а та девушка, стоявшая на берегу, ей бы понравилось купаться ночью в шторм?

Выйдя, еще мокрыми руками, поеживаясь от ночной прохлады, написал другу: «Море есть море. Все нормально. Наплавался. До встречи в Москве».

Я шел в номер и думал о том, что завтра в Москву, о том, что через пару дней все уйдет в прошлое: лето, ночи, рассветы, милая

незнакомка… как радуга, ничейная. Она так и останется для меня — Радугой. И я вспомнил песню Джанго, который пел о том, что я чувствовал:

Сигарета самодельная.
Ночь — небесная роса.
Ты, как радуга — ничейная,
До рассвета — полчаса…

Я шел и хотел скорее дойти и прочитать последнюю рукопись — я был готов, в меня вернулись мечты, и я опять верил в Любовь. Я вернулся и на одном дыхании, так как мое сердце билось теперь в унисон сердцам героев рукописи, а они были на волне любви, прочитал за ночь последнюю, пятую тетрадь Снежиной «С Новым годом! С новым счастьем!!!»

С Новым годом! С новым счастьем!!!

Глава первая

Они, как всегда, ехали вдвоем на 688 автобусе. Как всегда, молча вглядывались в лица студентов и прохожих на остановке МГИМО. Может быть, читателю уже приелось это слово «МГИМО», но тем не менее они действительно не могли спокойно относиться к разговорам о МГИМО. Почему? Ну, если ты, мой дорогой читатель, внимательно читал первую повесть, ты уже, наверное, понял, почему. И хотя с тех лет первого знакомства с МГИМО прошло без малого три года, их интересы ничуть не изменились.

Чтобы читателю было легче представить себе тех, кого я называю «они», я приступлю к описанию. Начну с первой главной героини.

Зовут ее Лена. Фамилию называть не буду, она вам все равно ничего не даст. Так вот. Два года назад Лена кончила школу и не без труда поступила в педагогический институт им. Ленина, так называемый МГПИ. Училась на факультете английского языка хорошо, сессии сдавала без троек. Сейчас готовится к зимней сессии. Деканат отзывается о Леночке как об очень способной девочке, которая без труда схватывает любые новые изменения в языке не только в формулировке предложений и фраз, но также и в произношении. И поэтому Леночке в группе уделяют особое внимание. Но хорошее знание языка не помешало ей дружить

(хотя это и старомодно звучит в наше время, сейчас чаще употребляется «гулять») с мальчиком из опять же того самого МГИМО. Да, да! Не смейся, читатель! Он все-таки в некотором роде добился своего. Но, подчеркиваю, в некотором роде! Она Романа не любила, зато он ее боготворил. В этом учебном году Рома уже должен закончить учебу в МГИМО на факультете международных отношений.

Читатель может подумать, что о чем же она, дурочка, думает, такой завидный жених: любит без памяти, будущий дипломат с «загранками», родители в Комитете государственной безопасности, единственный сын и т. д. и т. п.

Но я хочу сразу перебить ход твоих мыслей. Лена не из тех, кто в браке, дружбе и любви ищут выгоду. Совсем нет! Ей было просто жаль его, и она уделяла ему внимание, но при этом ни на минуточку не забывала о том, кто тогда так внезапно исчез и до сих пор не женился. А ведь ему уже 28. А ей — 19.

Но для ясности хочу внести поправку. В то лето, именно в тот его злосчастный и счастливый отпуск, именно на той неделе его срочно вызвали в Москву. Оказалось, что его родители решили разменять ту прекрасную квартиру на две, чтобы не мешать Саше работать. И получилось так, что родителям досталась однокомнатная квартира на краю Москвы, а Саше комната в коммуналке в самом центре, на одной из старинных улочек. С тех пор Лена его не видела, если не считать программ по телевидению.

Но ее дорогая подруженька, и здесь не растерявшись, каким-то образом разузнала адрес Александра. Это был своего рода рыцарский поступок. И Анна, что называется, на блюдечке с золотой каемочкой преподнесла адрес своей любимой подруге в знак вечной преданности ей. Но о первом походе к подъезду и квартире журналиста я рассказывать не буду. Это особая история, к тому же очень длинная.

А Анна, три года спустя, поступила в медицинский институт. МОЛГМИ им. Пирогова — так он назывался. Училась неплохо, но без особого желания, потому что ее мечтой было стать журналисткой или актрисой, но это желание отбили, и она решила исполнить не сбывшуюся в свое время мечту мамы. Она решила стать врачом. Сейчас она тоже готовится к сессии.

Но вернемся в наш автобус. Восемь часов утра, и они, как всегда, разошлись на Юго-Западной. Лена в метро, а Анна на остановку 234 автобуса.

Валил мягкий, пушистый и очень спокойный снежок. Он казался особенно спокойным по сравнению с озабоченными и беспокойными лицами спешащих на работу людей. А наша Аня

шла медленно, осторожно ступая по свежему пышному ковру снега. Мимо бежали, толкаясь, люди, а она шла, как всегда, без шапки, подняв воротник шубки и распустив каштановые волосы, которые она утром вымыла и высушила Ленкиным феном. Так она медленно дошла до остановки, села в полупустой автобус, вышла на своей остановке вместе с большей частью пассажиров. Мимо пробегали, обгоняя ее и выкрикивая частые «привет», ее однокурсники. «Давай быстрей, опоздаешь!» Двое ребят из группы с двух сторон подхватили ее под руки и бегом прокатили по ледяной дорожке возле проходной. И тут она остановилась. Аня подумала, что сейчас снова увидит скучные, заумные, никого не видящие лица, которым дела до тебя, до твоих проблем нет. Каждый ушел в себя. Она резко повернулась спиной к проходной и пошла прочь, обратно к остановке. Вслед ей доносились вопрошающие окрики однокурсников, но она шла прочь, не отвечая и не оглядываясь. Дойдя до остановки, она вдруг решила первый раз в жизни сама проехаться в такси. Протянула руку и стала к обочине. Первая же машина с зеленым огоньком остановилась. За рулем сидел синеглазый брюнет в кожаной куртке и кепке.

— Куда едем? — спросил он свежим юношеским голосом.

— МГИМО! — коротко ответила Анна.

— Ну что, Ань, не узнала? — сказал брюнет, снимая кепку.

— Сашка! Какими судьбами? Ты что это на такси?!

— Вот так получилось. В вуз не поступил, в армию не взяли, и пошел работать по профилю УПК. И вот встретил тебя. А ты, что разве в МГИМО учишься? Я слышал, что ты…

— Да, в мед… Просто, знаешь, настроение паршивое. Надоело все! Вот решила прогуляться.

— А почему такой странный маршрут?

— Так просто. Зайду, с Танькой поболтаю. Она на вечернем учится и работает там же машинисткой. Вот так.

— Понятно. Значит, прогуливаешь?! А может, давай поездим по Москве?! Вспомним школу, да и вообще. Ведь столько не виделись.

— Ну, ты что?! У меня денег не хватит на такую прогулку.

— Я счетчик выключу. А потом сам оплачу. У меня левых, знаешь, сколько накопилось. Ну, что?!

— Ну, ты даешь! Только начал, а уже левые появились, молодец! Не теряешься! Ну, поехали. Да, кстати, как там Воронцов? Как армия ему?

— А что, он тебе разве не пишет?

— Нет!

— Не может быть! Он мне писал, что послал тебе уже шесть

писем и ни одного ответа.

— Слушай, ну честное слово, ни одного письма! Может быть, не доходят?! А в каких он войсках-то служит?

— В десантных. А ты в школу не заходишь?

— Нет. Времени совсем не хватает. Учусь. В танц-шоу группе при институте занимаюсь. Как-то забываю. А ты?

— А я был недавно. Наш историк теперь директором стал. Представляешь?

— Ой, слушай, как здорово! А ты его видел?

— В том-то и дело, что не видел. У него на нервной почве с сердцем что-то. В больнице лежит. Я на всякий случай узнал, в какой он больнице. Но времени не было съездить к нему.

— А ты в школе давно был?

— Позавчера.

— Так, может, давай к нему съездим? Представляешь, как ему приятно будет?!

— Точно. Давай. Только как бы у него еще чего-нибудь с сердцем не случилось от такого визита.

Они дружно засмеялись. И Саша остановил машину возле цветочного магазина.

— Подожди, я сейчас!

Он взбежал по лестнице и скрылся за дверью магазина. А он очень изменился, подумала Аня. Возмужал, повзрослел и подрос немного. Надо же, как я его не узнала. И встреча такая неожиданная. Все-таки правильно я сделала, что не пошла на лекции. Хоть как-то отвлечься нужно.

В дверях магазина показался Саша с двумя букетами алых гвоздик. Это тебе, держи! Хотя до праздников еще месяц, но все равно поздравляю заранее, а то, может, больше и не увидимся. Можно в щечку?! Он поцеловал ее в щечку, после чего очень смутился, покраснел и положил второй букет на заднее сидение машины. Сел за руль и они поехали.

Тане уже давно никто не дарил просто так цветов, за месяц до праздника. Ведь, казалось бы, какой-то там Сашка, который к тебе и отношения-то никакого не имеет, а такой внимательный. Приятно все-таки. По дороге они заехали в кафе, выпили по чашечке кофе и коктейль. А через полчаса уже были у входа в больницу. Здесь им дали белые халаты и указали номер палаты. Им повезло. Они как раз попали в день посещений. Вдвоем в белых халатах и с букетом гвоздик они поднимались по лестнице.

— А тебе идет белый халат, — сказал он.

— Все так говорят. А мне кажется, не идет. Эта палата?

— Да, она.

Саша положил руку на дверь, и она плавно отворилась. Их

глазам предстала светлая белоснежная палата с видом из окна на парк со скамейками, покрытыми снегом. В палате было трое человек, а коек шесть.

— Здравствуйте. Будьте любезны, а Перов здесь лежит?! — спросил Саша.

— Здесь, только он вышел. К нему жена пришла. Поищите на первом этаже, — ответил какой-то молодой человек восточного типа.

Они спускались по лестнице, когда мимо них прошел сутулый мужчина в синем байковом больничном костюме.

— Здравствуйте! — услышал за своей спиной Перов. Он оглянулся и увидел двух молодых людей в белых халатах. И лишь через секунду его потухшие глаза загорелись, заблестели, за усами показались ровные белые зубы, и он бросился к ним вниз по лестнице.

— Аня, Сашка! Как вы здесь очутились?

— А мы к вам! — хором ответили Саша и Аня. И опять все вместе засмеялись. Девушка вручила учителю букет.

— Это вам. А теперь пойдемте в палату, вы больны, вам надо лечь. Кстати, что у вас?

— Да ерунда! Как вы меня нашли?

И тут пошло-поехало. Расспросы наперебой, ответы не в лад, смех, веселые истории, воспоминания.

— А помните, как вы с нами мучились?!

— Я этого не забуду никогда, наверное!

— А ваши любимые слова помните?!

— Конечно! Кляча и козлище!

И снова смех и слезы радости в глазах бывшего классного руководителя девятого «А», а потом десятого класса, где были многие другие незабываемые личности, перечисление имен и фамилий которых займет несколько строк, но, увы, ничего не скажет несведущему читателю.

Короче говоря, приход Ани и Саши очень тронул их бывшего учителя.

Было пять часов вечера, когда Аня попросила остановить машину у МГИМО.

— Я все-таки зайду к Таньке. Спасибо тебе огромное. Ты себе не представляешь, как я довольна сегодняшним днем. Не знаю, что бы я делала, если бы тебя не встретила, наверное, просто день бы не удался. Спасибо! Ты почаще мимо проезжай. Ну, пока! — Она захлопнула дверцу.

— Постараюсь! Пока!

Зажужжал мотор, и зеленый огонек в сумерках удалился вглубь тумана выхлопных газов и огней фар.

Немного постояв, Аня направилась к центральному входу института. Там она позвонила по внутреннему телефону.

— Слушаю вас.

— Здравствуйте. Вы не подскажете, Татьяна ушла или еще на месте?

— Она минут десять назад ушла. А вы что хотели?

— Да нет, ничего. Спасибо. Извините. До свидания.

— Пожалуйста. До свидания.

Расстроенная Аня пошла на остановку. В конференц-зале, мимо которого она проходила, горел свет, и около входных дверей толпилось множество народу. Подойдя к остановке, Аня увидела молодого человека с очень знакомым лицом. И тут она вспомнила, что это тот самый, который два года назад поразил ее своим сходством с Надеждиным. Прошло два с половиной года, а она его помнит. Нет, было решено. Она сделает то, чего не сделала тогда. Поедет за ним и посмотрит, куда он пойдет. Ведь Анна по натуре своей, ой какая шпионка. Но единственное, что ее смущало, это то, что он тогда говорил по-немецки. Но, кто его знает, немец он или просто учит немецкий язык? И вдруг:

— Вы случайно не знаете, что сегодня в конференц-зале будет? — спросил голос на чистом русском языке.

После долгого молчания от неожиданности и радости Анна ответила:

— Генеральная репетиция новогоднего карнавала.

Парень не отставал.

— А вы, по-моему, не здесь учитесь, я что-то вас не помню.

— Да, я здесь не учусь.

— Гм, а где вы учитесь?

— А какое это для вас имеет значение, — не сдавалась Анна.

— Ну, допустим, вы мне понравились, и я хочу связать с вами свою жизнь.

— Прямо-таки жизнь?

— Ну, для начала не мешало бы познакомиться. Меня, например, зовут Владислав.

— Например или так зовут?

— Так и зовут. А вас?

— Анна! — В секунду сообразив, что независимо от себя, добивается своего, — ответила Аня.

— Очень приятно!

— Также-с.

— Так, где же вы все-таки учитесь? В вузе или… ПТУ?

— В вузе. МОЛГМИ им. Пирогова. Это вам о чем-нибудь говорит?

— Ну конечно! Медицинский институт, люди в белых

халатах. Очень благородная профессия. Да нет, я серьезно хочу с вами познакомиться. Вы мне очень понравились, и к тому же я вас где-то видел. Где мы могли с вами встречаться?

— В автобусе.

— Да, точно, в автобусе. Надо же. А куда вы едете? Давай на «ты».

— Давай. А еду я никуда, просто так гуляю. А ты?

— А я вообще-то ехал домой, но, если ты не против, я бы хотел прогуляться с тобой. Как ты на это смотришь?

Аня оценивающе посмотрела на Владислава и ничего подозрительного или дурного в нем не нашла:

— Ну, поехали. Только куда?

— Я думаю, в кино ходить старомодно, на дискотеки после учебы не тянет. Давай, просто по Москве, на метро, а?!

— Ну, давай.

Подошел легендарный 688-й, они сели и поехали на Юго-Западную. А оттуда на метро до Красной площади. Гуляли долго по скрипучему снегу. Невольно Аня привела Влада к дому Надеждина; ей было странно гулять, держась за руку с копией Надеждина, да еще по его улице. Она прошлась с ничего не подозревающим, что-то рассказывающим Владиславом мимо подъезда и подумала: «Вот, если бы сейчас вышел Надеждин и увидел свою копию, а Владислав свою. Представляю их рожи в зеркальных отражениях!»

— А тебе?! — спросил Владислав.

— Что? Прости, я прослушала.

— Я тебе полчаса шел, рассказывал, а ты прослушала! — обиделся он. И Ане пришлось ему все объяснить. Он не поверил, конечно, что здесь живет тот самый Надеждин. И тогда Анна решила доказать свою правоту и повела Славу в подъезд на третий этаж, но… Лейкопластыря не было…. Такая досада взяла Аню, что она, не помня себя, позвонила в дверь. Открыла пожилая женщина. Она смотрела на молодых людей и улыбалась, приглашая зайти. Извините, а Саша Надеждин дома? — спросила Анна. Старушка удивленно вытаращилась на нее и, прищурившись, посмотрела на Славу, потом удивленно на Аню, улыбнулась и покачала головой: «Совсем старуху за дурочку считаете?!»

— Да нет, вы неправильно поняли, это не Саша, это Слава, просто они очень похожи. А Саши нет дома?

— Ну, надо же. И впрямь подумала, что Шурочка. Нет, он еще не приходил. Передать что-нибудь?

— Нет, не надо, спасибо.

Они вышли на улицу.

— Ну, что, убедился?

— Слушай, ну ты гений! А мы, что, правда, очень похожи?

— Ну, ты что, себя в зеркале никогда не видел?

— Ну почему, видел, но как-то не подумал!

Они засмеялись и, почему-то не сговариваясь, побежали по мягкому снегу, вприпрыжку, размахивая руками, оба без шапок, такие молодые, румяные и веселые, как сама молодость.

Домой Аня явилась, когда уже шел фильм. Новая серия «Следствие ведут знатоки».

— Ты где была? Мы волнуемся. Папа тебя уже встречать ходил, — набросилась с расспросами мама.

— В библиотеке задержалась.

— А позвонить нельзя было, — не отставала мама.

Анин двадцатишестилетний брат стоял в стойке каратэ и, приостановив тренировку, ухмылялся:

— А я говорил, что придет время, и за дочечкой будете с палкой бегать!

— Так где ты была? — приставала мама.

— Ну, в библиотеке же, сказала!

— Какое вам дело, где она была? Ей уже девятнадцать лет…

— Да замолчи ты, без тебя тошно, — взорвалась мама.

Аня поняла, что брат вызвал огонь на себя и, быстренько раздевшись, шмыгнула к себе в комнату.

Только она успела записать в телефонную книжку телефон Славы, от которого она уже была без ума, как, постучавшись, в комнату зашел брат, облаченный в белоснежное кимоно. Он стоял перед Аней молча до тех нор, пока она в конце концов не заметила на нем зеленый пояс.

— Ну!!! Поздравляю, ты теперь у нас мастер. Третий пояс! Молодец! Сегодня сдавал?

— Ага, хочешь, покажу девятый ката?! Кия!!!

— Ой, уйди ради бога со своим ката. Молодец, конечно, но извини, мне надо побыть одной.

— Ох-ох-ох! Одной! Ладно, сиди! Кстати, тебе звонила девчонка какая-то.

— Ленка?

— Нет. Гнусавая какая-то.

— Ладно, спасибо.

Анна еще немного посидела за столом, несколько раз обвела имя Слава в записной книжке. Разобрала постель и, совершенно изможденная сегодняшним насыщенным днем, подумала, что она сегодня сделала полезного для своей страны, и тут же провалилась в сон.

Глава вторая

Анна досматривала воскресный сон, когда раздался пронзительный телефонный звонок. Она посмотрела на часы — 7.25. Кому это в воскресенье не спится?

— Але! — сонным баском спросила она.

— Ань, ты? Привет, это Катя.

— Ну?! Привет, — еще вязким, еле шевелящимся языком ответила Аня.

— Ты знаешь, что нашу группу перед сессией вместо учебы направили на практику?

— Нет, не знаю. А что за необходимость?

— Понимаешь, в поликлиниках не хватает медперсонала и к тому же совсем в другом районе, на другом конце Москвы, представляешь? Уже всех распределили, причем по одному человеку на поликлинику. Тебя направили в поликлинику где-то в районе Останкино, представляешь? Я хотела попросить за тебя, чтобы поближе к Юго-Западной, а они ни в какую. Ты хоть знаешь, где там поликлиника? Я, например, нет. Ну, придумают же, правда?!

— Да… Ой, ну, спасибо тебе, ты извини, мне некогда. Пока.

И положила трубку. С минуту она полежала в постели, затем все прикинув и сообразив, в какую историю она начинает влипать, быстро застелила постель, натянула холодные, задубевшие за ночь джинсы, большой лохматый свитер, пошла в ванную и стала чистить зубы. Она смотрела на себя в зеркало, как белая пена пасты, взбиваясь, пыталась вылезти изо рта. Она вспомнила, что сегодня они с Владиславом договорились встретиться. Быстро сполоснув рот и умывшись, она вбежала к себе в комнату, сняла трубку телефона и набрала номер Славы. Раздались длинные долгие гудки, пока наконец не послышался сонный женский голос:

— Але.

— Здравствуйте, извините, а Владислава будьте любезны.

— А кто его спрашивает?

— Это Анна.

— Одну минуточку, — сонный голос удалился, и послышались бодрые шаги.

— Да, слушаю!

— Слав, привет, это Аня.

— Узнал, привет.

— Я тебя не разбудила?

— Нет, я уже встал, собираюсь за билетами на «Наутилус». Сегодня они в Олимпийском. Мы же договорились.

— Владик, ты знаешь, у меня резко изменились обстоятельства. Мы сегодня не сможем встретиться.

— Как? Почему?

— Понимаешь, мне нужно сегодня поехать к телецентру поискать поликлинику, в которую меня послали на практику. — И она все ему объяснила, что да как.

В ответ тишина.

— Але, ты меня слышишь? Слав!

— Слышу, — тихо произнес Слава.

— Ну, не обижайся. Ведь это от меня не зависит. Так нужно. Ну, слышишь ты меня или нет?

— И долго ты там будешь?

— Не знаю.

— Ань, ты меня обманываешь? Если у тебя есть парень, так и скажи. Зачем мне голову морочить?

— Ты что? Какой парень? Если бы у меня кто-то был, неужели я стала бы с тобой знакомиться. Ну, сам подумай. Не ожидала, что ты обо мне будешь так говорить.

— Извини. Я не хотел тебя обидеть. Прости. У меня просто сразу настроение испортилось. А вечером я тебя тоже не увижу?

— Я не знаю, во сколько я вернусь. Я позвоню тебе, как освобожусь. Хорошо?

— Хорошо. Так ты к телецентру едешь?

— Куда-то в тот район.

— Ну, ладно. Good bye.

— Good bye.

Анна надела шубу, сапоги, захлопнула дверь и поехала на 688-м к Юго-Западной, оттуда на метро до Дзержинской, там на автобусе до телецентра. С горем пополам нашла ту самую поликлинику. Она находилась через одну остановку после телецентра. Анна зашла в поликлинику и увидела там только дежурную в регистратуре.

— Здравствуйте. Вы не подскажете, к вам должны прислать из мединститута медперсонал?

— Какой такой медперсонал, нам не требуется никакого медперсонала.

— Ну, извините.

Анна вышла из поликлиники. На ее часах было ровно три часа дня. Куда идти? Домой? Нет! Жаль, что Владика нет. Что это? Я по нему уже скучаю? Ведь один день только знакомы. Да, но зато сколько я его ждала. Хотя, что за глупости. А может, и не глупости. Может, все-таки есть любовь с первого взгляда. Ведь сколько было доказательств и вот еще одно. Пойду к пруду Останкинскому.

Такие мысли кружились в мозгу Анны.

Она шла медленно, загребая снег белыми сапожками. Снег оставался на носочках сапог, и они становились как восточные тапочки с загнутыми кверху носочками. Так она дошла до пруда. Он был совсем не похож на тот летний, теплый, блестящий пруд, по которому плавали утки с утятами, а любители рыболовы — мальчишки — пытались выудить в нем хоть какую-то рыбешку. Теперь пруд замерз, весь покрылся снегом. Анна стряхнула снег с бортика пруда и села на него. Она смотрела на здание телецентра, и из головы ее не выходил Владислав. Ей захотелось снова, как вчера, пройтись с ним за руку по темным, освещенным уютным оранжевым светом улицам, когда мимо бежали озабоченные люди, а они вдвоем были выше их, выше их забот, и шли, не замечая никого. Только Он и Она. Как это было здорово. И ей хотелось снова очутиться рядом с ним. И тут ход ее мыслей прервали скрипучие шаги по снегу. Они доносились откуда-то издалека. Она посмотрела влево и увидела…. Нет, не может быть, кто это, Владислав или Надеждин? Он шел быстрым шагом, без шапки, в серо-голубой куртке с красной полоской на груди и в синих джинсах, с большой сумкой через плечо. Так кто же это? И лишь с расстояния метров с двадцати Аня узнала в молодом человеке Владика. Она встала и побежала ему навстречу. Подбежав к нему, она взяла его за теплые руки.

— Как ты меня нашел?

— Ха! Легко сказать «как нашел». Я три часа, с двенадцати тебя здесь ищу — и в парке был, и у башни, и за телецентром, вот теперь пошел к пруду и нашел тебя.

Он обнял ее и прижал к груди.

— Я скучал по тебе, и почему-то подумал, что если не увижу тебя сегодня, то не увижу уже никогда. Мы один день знакомы, а я к тебе уже успел привязаться, как блудный пес к подобравшему и покормившему его человеку.

— Я тоже соскучилась.

— Знаешь, я иду на тренировку по плаванию. Я сегодня сдаю на разряд. Не хочешь со мной пойти? Посидишь, посмотришь, поболеешь за меня. Как?

— Давай. У меня вообще такое ощущение, что мы знакомы с тобой сто лет.

Они взялись за руки, пошли через площадь перед телецентром.

А тем временем:

— Дмитрий Николаевич, ну не могу я. Я специально работал сегодня, чтобы на завтра взять отгул, а вы мне опять «поработай».

— Саша, не надо кричать, не надо нервничать. Все мы люди,

прекрасно все понимаем. Но есть еще слово, знаешь, такое слово «нужно».

— Нужно, нужно! Знаю! Даже слишком хорошо! Успел заучить во время учебы в школе и в институте. Я взрослый человек, мне двадцать девять лет. Могут быть у меня неотложные личные дела? Мне жениться давно пора, а я кроме работы ничего не вижу, не говоря уже о девушках.

— Дорогой мой, личные дела работы не касаются. Здесь не может быть ничего личного, только общественное. Вы же журналист, к тому же международник. Так что будьте любезны завтра выйти на работу.

— А я не выйду! Возьму и не выйду! Заболею! Могу я заболеть или нет? Да, в конце концов, Владимир Яковлевич, скажите хоть вы что-нибудь!

— Сашенька, я тебя слишком хорошо знаю, чтобы заступаться за тебя, — спокойно ответил Цветов.

— Это невыносимо!

Надеждин подошел к окну, нервно теребя нос. Он с завистью смотрел, как через площадь шли двое, он и она, обнявшись. Они о чем-то нежно говорили друг другу, и от их горячих слов изо ртов шел пар. Надеждин представил себя на месте этого парня, и у него защемило сердце. Почему кто-то, а не он?! И он решил, что больше ни на минуту не останется здесь сегодня. Он схватил сумку, куртку и выбежал из кабинета. Он бежал по лестницам и переходам, как угорелый, сбивая людей, с одной лишь мыслью — поскорей вырваться из этого душного здания на воздух, догнать ту парочку, посмотреть им в глаза и, если они подходят друг другу, искренне за них порадоваться и пожелать им счастья. Когда он, миновав десять этажей, выбежал на улицу, пара была уже далеко. Саша собрал все силы, что у него еще остались, побежал по скользкому утоптанному снегу за ними. Догнав их, он забежал вперед и встал перед ними.

— Вы не хотите у меня в программе сняться?

— Нет…

— Молодцы! Тебя как звать?

— Аня.

— А тебя как, парень?

— Владислав.

— Прекрасно! Анна и Владислав. Ребята, это здорово, что вы вместе, вы просто сами не понимаете, как это замечательно. Вы просто созданы друг для друга. Будьте счастливы, ребята. Честное слово, вы будете счастливы, только не расставайтесь никогда. Слышите? Никогда!

Он повернулся и побежал, сломя голову, к остановке

автобуса. А наши молодые стояли, открыв рты, и не могли прийти в себя после такого, несколько странного монолога. Наконец, придя в себя, Слава спросил:

— Как ты думаешь, что это с ним?

— Не знаю. Может быть, он просто позавидовал нам. Он, наверное, очень одинок и замотан. Ведь у него такая профессия, которая не терпит спокойствия и бездействия.

— Да… Ему не позавидуешь. Ну, ладно, пошли, а то опоздаем.

Глава третья

— Ну, Слав, поздравляю тебя с третьим разрядом. Скоро будешь мастером высшего класса!

— Когда это еще будет! Может, в кафе зайдем, отметим?

— Пошли.

И они, как послушные дети прогресса и перестройки, пошли в безалкогольный бар. Сидели в сумрачном уголке под красным фонарем, смотрели друг на друга и пили молочно-фруктовый коктейль. Играла тихая музыка.

— А ты здорово сегодня плавал. Мне понравилось!

— Для меня самое главное, чтобы тебе понравилось, а разряд — это чепуха!

После кафе они снова решили прогуляться по Москве. И снова, как бы невзначай, забрели на ту старую улицу, где жил Надеждин. Тут у Славы очень замерзли уши после бассейна, и Аня предложила зайти в подъезд погреться. Они стояли на первом этаже и терли Аниными варежками уши Владика, когда открылся лифт и в его мягком свете появился тот, который себя сегодня очень странно вел на площади перед телецентром. Он вышел и остановился возле них.

— Вот так встреча. Мне прямо везет на вас. Ну, здравствуйте. Давайте тогда уж знакомиться, раз мы с вами снова встретились. Анна, если не ошибаюсь, и…

— Владислав.

— Очень приятно. Александр. Можно просто Саша. А вы гуляете?

— Гуляем. Вот Владик замерз после бассейна, и мы зашли погреться. Он сегодня третий разряд получил по плаванию.

— Да?! Ну, поздравляю, Влад! Ничего, что я так тебя называю? Тебе сколько лет?

— Двадцать один.

— В твоем возрасте я тоже третий разряд получил. Ребят,

давайте сразу на «ты». А то к чему все эти церемонии? Давайте сразу станем друзьями. Договорились? Ну, вот и прекрасно! Вы студенты?

— Да, Аня вот в Медицинском втором учится, я в МГИМО на четвертом курсе.

— Ну, вот видите, как мы с вами близки. Я тоже в МГИМО учился. Знаком с Друбич, она тоже Второй мед. кончала. Ну, что, ребят, пойдемте куда-нибудь? О! А пойдемте ко мне?

— Ты же только из дома!

— Ну и что, чайку попьем, побеседуем. Ну, не стесняйтесь. — Саша схватил их за руки и потащил вверх по ступенькам на третий этаж. Через минуту Аня и Влад уже сидели на диване, а Саша расставлял перед ними чашечки с чаем, сахар, печенье и масло.

— Вы извините, но, как говорится, чем богаты, тем и рады. Я человек холостой, по магазинам времени нет ходить. Так что вот все мои запасы.

Они пили чай с печеньем, разговаривали обо всем на свете. Саша с Владом делились впечатлениями об институте, смеялись над преподавателями, вспоминая и передразнивая их, а Анна сидела и восхищалась их сходством.

— Вот, честное слово, такое впечатление, что каждый из вас говорит со своим отражением. Сидит перед зеркалом и беседует сам с собой.

Саша и Влад трогали друг друга за носы, уши, щеки и смеялись, удивляясь своему сходству.

— Ну, Аня, теперь все будут думать, что ты дружишь с близнецами и не знаешь, кого выбрать.

После этой фразы Саша замолчал и очень грустный подошел к окну и стал смотреть в темноту освещенной редкими фонарями улицы, где ездили за стеклом бесшумно автомобили и ходили люди парами. А он стоял такой сутулый и одинокий, что у Ани сжалось от сострадания сердце. Она подошла к нему:

— Сашенька, миленький, не расстраивайся. Ты только не спеши, не торопись. Ты найдешь свою единственную, обязательно найдешь.

— Она была, понимаешь, я нашел ее три года назад. Но только лишь я усиел сказать ей об этом, как тут же ее потерял, по своей же вине.

И он рассказал историю того летнего отпуска, которая была знакома Анне до мелочей. Но она не подала виду, а про себя все решила.

— Саш, но ты ее действительно любишь?

— Я ее люблю. И жду только ее… На меня ни одна девушка

уже не смотрит.

— Ничего, посмотрит! — уверенно заявила Анна.

Была половина девятого вечера, когда Саша проводил Аню и Влада до лифта. В метро Анна рассказала Владу, что та единственная и любимая, о которой говорил Надеждин, ее лучшая подруга.

— Так почему ты ему об этом не сказала? Ты же видела, как он мучается! — взорвался Влад.

— Да как ты не понимаешь. Их надо познакомить заново и как будто бы случайно. Ведь так им обоим будет дороже их встреча.

— А она его любит?

— С шестнадцати лет, представляешь! Это я тогда ради нее адрес Надеждина разузнала. Помнишь, я тебе рассказывала?

— А ты?

— Что?

— Ты меня любишь?

— А как ты думаешь?

— Я люблю тебя и больше ничего не думаю.

— Спасибо, — ответила она и положила голову на его сильное плечо.

Глава четвертая

Лена сидела в своей комнате, с ногами забравшись на тахту, держала на коленях английское издание Уильяма Теккерея в раскрытом виде и любовалась фотографией Надеждина, положенной поверх страниц. Тут в комнату зашла ее мама и стала укладывать в шкаф выглаженное белье. Лена перевернула страницу, и Надеждин оказался под листом книги. Мать посмотрела на дочь и подумала: «Молодец, девчонка. Всерьез за себя взялась. Приходит после института, занимается, учит конспекты и вместо „гулянок“ читает английские издания. Не буду ей мешать. Здесь происходит процесс становления личности». И поспешила удалиться.

А Лена не смогла сдержать слез и зарыдала. Но тут раздался телефонный звонок. Лена сняла трубку!

— Да.

— Привет! Чё делаешь?

— Ничего. Читаю.

— Ты что, плачешь?

— Нет, с чего ты взяла.

— Ну, я же слышу, что плачешь, что случилось?

— Ничего! Не могу я так больше! Надоело! Все думают — девонька-паинька, усердная, занимается, с мальчиками не гуляет, способная, а я не могу так больше! Не могу! Вот ты вчера гуляла допоздна, сегодня весь день тебя не было! А я как клушка сижу, делаю вид, что читаю Теккерея, а сама… все на фотографию смотрю… Ань, ну нельзя же так мучиться, ну сколько можно?!

— Ленка, прекрати! Я просто познакомилась с одним мальчиком из МГИМО. Помнишь, как-то тебе рассказывала, что видела в автобусе надеждинскую копию. Вот это он и есть, представляешь. Зовут Владислав, учится на четвертом курсе, и уже признался мне в любви. А ты прекрати реветь и подумай лучше, в чем ты пойдешь к нему на день рождения. Он нас обеих пригласил. А будет он через неделю, то есть, сегодня семнадцатое… двадцать четвертого декабря. Слышишь меня?

— Слышу. Чё я попрусь-то? Он меня и знать-то не знает, и я его не знаю.

— Ничего, узнаешь. Я ему про тебя рассказывала, и он хочет с тобой познакомиться. Придешь, познакомишься с ним, с его друзьями! Хоть как-то развлечешься. Лады?

— Не знаю. А что мне надеть?

— Что-нибудь придумаем!

Глава пятая

На следующее утро Анна уже сидела в кабинете главврача и помогала заполнять бланки. В дверь кабинета постучались.

— Войдите!

— Елизавета Владимировна, можно вас на минуточку? — спросила женщина.

— Да, сейчас.

Елизавета Владимировна вышла в коридор. А Анна продолжала заполнять бланки и через минуту услышала в коридоре разговор на повышенных тонах.

— Но поймите и вы меня. Я из-за этого не могу рассчитаться. А у вас практикантка сидит, ерундой занимается. Он мне так и сказал: «Пока не приведешь себе замену, никаких уходов». Ну, Елизавета Владимировна, ну, хотя бы на одну эту неделю, а там он уже никуда не денется. Она ведь практикантка, и он не имеет нрава ее там оставить. Дверь приоткрылась:

— Аннушка, пойди сюда. Вот Наталья Ивановна, она работает на телецентре врачом в медотделении. Она должна уйти на неделю, и ей нужна замена. Не могла бы ты ей помочь? Это было бы для тебя хорошей практикой, но, по крайней мере, лучше, чем

сидеть бланки заполнять. Согласись?!

— Хорошо, я согласна.

И через полчаса Аня уже сидела в «своем» кабинете, в удобном кресле, совершенно одна и смотрела в окно с высоты десятого этажа. Она очень не любила надевать шапочку и пользовалась тем, что здесь ее надевать не нужно. Она достала из сумочки расческу и стала причесываться. В дверь смело постучали и, не дожидаясь ответа, вошли.

— Наталья Ивановна! Ой, простите, а где Наталья Ивановна?

Анна перестала прихорашиваться и повернулась лицом к двери. Перед ней стоял молодой человек лет двадцати пяти, светловолосый, высокий и худой.

— Теперь я вместо нее. Все вопросы ко мне. У вас что-то болит? Что вас беспокоит?

— Ничего, извините… Я позже зайду, можно?

— Да, да, пожалуйста, заходите, я здесь буду до шестнадцати часов.

Молодой человек скрылся за дверью, а через пять минут один за другим в кабинет начали входить лица мужского пола и жаловаться на головные и сердечные боли, на застойные явления в пояснице, просили выдать таблетки, посмотреть горло, проверить зрение, сделать массаж. Короче говоря, устроили Анне целый экзамен, с которым она достаточно хорошо и с достоинством справилась. Она была довольна собой. В кабинет вновь постучали и вошли.

— Простите, у вас нет йода или зеленки и бинтика?

— У меня все есть — она повернулась и увидела Надеждина — ой, добрый день! А меня к вам на практику послали. Что у тебя?

— Да вот лезвием палец порезал. Он у меня вообще невезучий, постоянно ему попадает.

Аня аккуратно обработала его указательный палец левой руки зеленкой и забинтовала.

— Готово! Не беспокоит?

— Нет, спасибо большое. Ты пойдешь к Владу на день рождения?

— Да, а ты?

— Конечно. Ты заходи ко мне. Мой кабинет прямо и налево в упор.

— Хорошо. Спасибо за приглашение, зайду.

И она заходила каждый день, помогала писать статьи, и он обнаруживал в ней некоторый талант к журналистике. После работы она выходила из автобуса на остановке МГИМО, встречалась там с Владом, и они вдвоем шли пешком до ее дома,

прощались у подъезда и расходились. Анна приходила домой и шила Лене платье, в котором она должна была пойти на день рождения Влада, а значит, на встречу с Надеждиным.

Глава шестая

В дверь позвонили, и Лена пошла открывать.

— Здорово! Извини, что я без предупреждения. Раздевайся! — с разбегу начала Анна, которую Лена не видела уже неделю.

— Зачем раздеваться?

— Увидишь, раздевайся!

— Ну, зачем?! Ань, ну скажи.

Вместо ответа Аня достала из полиэтиленового пакета какой-то сверток бирюзового цвета. Одним взмахом она развернула его, и Лениным глазам предстало великолепное вечернее платье бирюзового цвета с черным бантом на всю грудь, отделанным и вышитым серебром, и таким же поясом.

— Какая прелесть! Где ты его взяла?

— Не важно. Надевай!

Лена надела платье, и Аня словно остолбенела. Оно было точь-в-точь по фигуре подруги. «А ведь я его шила без снятия мерок и без выкройки. Так, на глаз!» — промелькнуло в голове Анны. Она начала расправлять банты на груди и на разрезе юбки спереди, застегнула пояс и вышитые серебром манжетки рукавов.

— Осталось только выгладить и завтра ты в нем пойдешь!

— Куда?

— Как? Ты что, забыла?! На день рождения Владислава. Или ты совсем уже заучилась? Вот твой фен, иди мой голову, а я завтра зайду к тебе пораньше и сделаю тебе макияж и иричесочку. Ну, пока. Можешь меня не провожать. Ну, давай! — И она ушла, захлопнув за собой дверь.

Лена еще долго стояла у себя в комнате, соображая, что к чему. Потом, очнувшись, она направилась на кухню, где сидели члены семейства:

— Мам, я завтра ухожу на день рождения к девочке из группы.

— А с кем ты пойдешь?

— С Анькой, да и вообще вся группа будет. Ладно?

— А во сколько?

— Куда? Куда? Нечего! На день рождения! Занимайся! Сессия на носу, а она «день рождения»! Не пойдешь! И стрелки сотри! Совсем уже! И сними мои тренировочные! Скоро уже трусы мои носить будешь! Стрелки сотри!

— Ой, Володь, ну отстань! Вообще не с тобой разговариваю! Пристал! В четыре часа. Я недолго, мам, ладно?

— А подарок купила?

— А мы с Анькой вместе дарить будем. Она там что-то купила.

— А ты решила, в чем пойдешь?

— Что-нибудь надену.

Она вернулась к себе, встала на весы. Вконец расстроившись, Лена разобрала постель, потушила свет, уткнулась в подушку и, немного поплакав, уснула.

Глава седьмая

Будильник неистово звенел, когда Лена, шаря рукой по краю кровати, пыталась нажать кнопку противного звонка, чтобы он наконец замолк. Будильник затих. Стрелка показывала семь. Лена укрылась с головой и вновь провалилась в сон.

В институт она пришла только ко второй паре. Сидела на лекциях, ничего не конспектировала, в полупустой аудитории на последнем ряду, с которого она ничего не видела. Сидела, а все с удивлением оглядывались на нее и перешептывались друг с другом по этому поводу. А ей было все равно: Пусть шепчутся, никому не удастся влезть ко мне в душу. Зачем я пойду на этот день рождения?! Ничего хорошего меня там не ожидает. Хотя и ничего плохого. Но ведь я там никого не знаю, кроме Аньки, я буду там чужой. Да и потом, если я пойду туда, я изменю самой себе! Нет, этого совершенно не нужно. Никто и не ощутит моего отсутствия. Все, решено! Правда, Аньку жаль. Она старалась, платье где-то мне откопала. Хотя, с другой стороны, она меня этим унизила. Что я, сама не могу себя привести в порядок. И вообще, она что-то в последнее время стала много о себе понимать. Не звонит, разговаривает в каком-то повелительном тоне. Слишком много себе позволяет. «Макияж она мне сделает, причесочку!» Будто бы я беспомощный младенец! Да если я захочу…

Лена наконец посмотрела на лектора и на аудиторию. Она взяла свою сумочку, встала и медленно спустилась по ступенькам вниз.

— Извините.

Вся аудитория молча наблюдала за тем, как Лена миновала кафедру. И молчала до тех пор, пока за ней не закрылась тихо дверь.

Лена шла по пустым коридорам института, но ее шаги

заглушали голоса преподавателей, доносившиеся из комнат и аудиторий. Она шла и ни о чем не думала. В «отделе» мыслей была полная пустота и тишина. И ноги сами ее несли, несли, несли…

А куда? Этого никто не знал. А она все шла, шла и пришла…

И, как бы вы думали, куда?

Ну, конечно, куда еще могли привести Лену ее ноги, когда за рулем было сердце. Она поднялась на четвертый этаж и села на подоконник окна. Двери Саши не было видно за лифтом, а значит, не было видно и Лену. Она сидела, молча, следя за тем, как за мутным стеклом бесшумно, спокойно спускались на землю хлопья снега, похожие на крупный лебединый пух. У кого-то за дверью было слышно, как работает радио. Лена слышала, как «проникало» тринадцать часов, через некоторое время — четырнадцать часов, потом пятнадцать часов. Вдруг за лифтом открылась дверь.

— Теть Зин, закройте за мной. Если меня будут спрашивать, то пусть перезвонят завтра. Я сегодня буду поздно. Так что дверь не закрывайте. Ну, пока.

Сердце девушки сжалось в леденящий душу комок. Она затаила дыхание и сидела так, пока виновник ее волнения не сел в лифт и не уехал вниз, где послышались его торопливые тяжелые шаги и хлопнула входная дверь.

Глава восьмая

— Теть Оль, ну как нет? Уже ведь половина четвертого. Мы же с ней договорились! Она вам ничего не говорила?!

— Анечка, она ушла, как всегда, утром, только первую пару проспала. Ничего мне не говорила, я сама волнуюсь!

— Теть Оль, как придет, передайте ей, пожалуйста, что так нельзя поступать и что я на нее обиделась! Извините, что побеспокоила вас. До свиданья.

Анна быстро собралась, причесалась, прихватила с собой подарок, приготовленный для Владислава, и отправилась на остановку. Там она села на тот же 688-й, потом на метро до библиотеки им. Ленина, а там с Владиком к нему.

У Владика уже царило веселье. Двери открыла мама Владика. Полная, миловидная женщина с большими черными глазами и густыми темными волосами, убранными в пучок. Она мило улыбнулась и пригласила в комнату.

— Слав, поздравляю тебя, — сказала Аня, стоя с Владом в прихожей, и протянула ему шкатулочку величиной с ладонь. Влад

приоткрыл ее, и оттуда полилась приятная мелодия из старой песни Джо Дассена.

— Если мы с тобой когда-нибудь расстанемся, откроешь ее, будешь слушать музыку, смотреть на двигающиеся фигурки и вспоминать меня.

— Мы никогда не расстанемся!

Он обнял ее.

— Влад, а Ленка, наверное, не придет.

— Как? Что значит не придет? Ведь Сашка уже здесь!

— Ее нет до сих пор дома. Я ей звонила. Понимаешь, такой у нее характер. Я знаю ее. Она специально не пришла домой. Я этого и боялась.

— Ну ладно. Тут уж ничего не поделаешь. Пошли к гостям.

Они вошли в гостиную.

— О-о! Именинник! — хором воскликнули все. Среди всех Аня узнала только двоих — Надеждина и Рому. Она не удивилась его присутствию здесь. Ведь он учится на одном факультете с Владиславом, только на год старше. Здесь было много гостей, ребят и девушек, играла музыка, кто-то танцевал, кто-то смотрел видео, кто-то просто ел, а кто-то смотрел журналы.

Рома танцевал с какой-то блондинкой, а Саша переводил американский видеофильм, но, заметив своих друзей, подошел к ним.

— Ну, куда же вы пропали? Ой, что это у тебя? — Он открыл шкатулку. — Какая прелесть! Прекрасный подарок.

— Анечка, вы не поможете мне на кухне, — спросила мама Владика.

— Да, конечно!

Анна прошла на кухню. И принялась резать салат. Она резала салат и думала, правильно ли она сделала, что обиделась на Лену. «Нет, я не должна была обижаться. Ее вполне можно понять. Она в таком состоянии сейчас, какой может быть день рождения?! Хотя можно же было сказать или позвонить, что я не поняла бы, что ли?! А может быть… Точно!»

Анна положила в вазочку салат и понесла в гостиную. Поставив салат на стол, она увидела, что в стороне от веселья Саша и Влад сидят в креслах, в уголке под торшером. Они о чем-то взволнованно говорили. Аня подошла к ним.

— Что вы тут сидите?

— Да вот беседуем. Саша хочет уйти, а я его не пускаю.

— А что случилось, Саш?

— Просто понимаешь, Анют, я обещал сегодня тете Зине, что не задержусь. Она и так постоянно ждет меня, спать не ложится. Мне очень нужно! Ну, ребят, ну, не обижайтесь.

— А ты не будешь против, если мы тебя проводим. Нашего отсутствия все равно никто не заметит, — предложил Владик.

— Конечно! Я буду очень рад!

Они оделись и потихоньку удалились.

На обратном пути Аня поделилась своей идеей, возникшей на кухне, с Владом. Он горячо поддержал ее. И они решили так и сделать.

Глава девятая

Анна с братом ехали в метро с вокзала. Они провожали родителей на Украину на новогодние праздники.

— Братец, ты будешь кого-нибудь приглашать к нам на Новый год?

— Нет, я, наверное, сам уйду в гости. А что, ты хочешь кого-то пригласить?

— Да, троих своих знакомых.

— Ну, приглашай. Только готовить сама будешь.

— Господи, да конечно же! Можно подумать, что ты когда-то что-то готовил к Новому году? Ну ладно, ладно, не обижайся. Ты только елку поможешь мне нарядить, ладно?

— Ладно, — недовольно ответил брат.

Глава десятая

Наступило долгожданное тридцать первое декабря. Брат уже ушел, а Аня с Владом накрывали на стол. Была половина двенадцатого, когда в дверь позвонили. Аня и Владик побежали открывать.

— Кто там? — игриво спросила Аня.

— Дед Мороз, подарки вам принес!

Они открыли дверь, и на порог зашел румяный от мороза, свежий с блестящими звездочками глаз Саша. Он держал в руках большой букет алых роз.

— Поздравляю! Желаю счастья в новом году!

— Спасибо! — Аня поцеловала его в холодную, пахнущую морозом щеку. — Проходите. Я сейчас, мальчики!

Аня ушла в другую комнату. Было слышно, как она с кем-то говорит по телефону.

— Влад, может, я пойду, а?

— Ну, чего ты пойдешь-то?

— Я чувствую себя здесь третьим лишним.

— Глупости! Никакой ты не лишний. Тем более мы тебе подарок приготовили.

Тут вернулась Аня и включила телевизор. Шла программа «Время», диктор поздравлял всех с праздником. Они сидели втроем и смотрели, как мигает елка гирляндами огней. И они втроем отражались в каждом шарике, в каждой елочной игрушке. Их лица были искажены в них, как в кривых зеркалах. И они смеялись над собой и друг над другом. И тут…

— Тихо! — сказала Аня, сейчас куранты бить будут. Она включила звук телевизора, а Владик принялся открывать шампанское. В тот миг, когда пена фонтаном взвилась ввысь, наполняя бокалы, в дверь раздался звонок. Аня взяла два бокала и побежала открывать.

— Привет! Держи бокал! Пошли быстрее.

Лена зашла быстро вслед за Аней в гостиную. Били куранты. Лена встала за стол и уронила бокал. Она увидела Его. Вы представить себе не можете, что творилось у нее на душе, в сердце.

— Ничего, это к счастью, — тихо сказала Аня.

Били куранты, а они смотрели друг на друга не отрываясь. Их сердца соединялись в этот миг невидимыми нитями и наполнялись, наливались теплым ощущением счастья и любви. Когда куранты пробили двенадцатый раз, все загадали свои самые заветные желания. И Аня с Владом в один голос поздравили влюбленных и единственных друг для друга:

— С Новым годом! С новым счастьем!

Это было действительно так.

Заключение

Я рассказала тебе, мой внимательный читатель, историю, которая похожа на правдивую, добрую сказку. Но это было, было в самом деле. Тот, кто любил по-настоящему, поймет, что так бывает. В настоящей любви всегда встречаются чудеса, которые понятны только влюбленным, которые видны только добрым и верящим в них людям. Чудеса встречаются в любви на каждом шагу. Надо только заметить их и не пройти мимо. Когда ждут любовь долго и загадывают ее на двенадцатый удар курантов под Новый год, мало того, сами делают все усилия для ее приближения, тогда любовь сама тянется к таким людям и одаривает их счастьем. И если ты поверишь в эти чудеса, в настоящую любовь, покоряющую века, в эту историю, то такая Любовь, сильная и вечная, придет и к тебе.

Вот так, мой друг!

Ночь пролетела незаметно незаметно за чтением этой, последней тетрадки сестры. Звездное небо, судьбы героев рукописи, собственные мечты долго не давали мне заснуть.

Наутро, гонимый образом вчерашней девушки, образом Радуги, я снова пришел на берег и увидел ее… Она читала книгу. Опять читала, как когда-то два года назад, и весь мир существовал только для нее. А я улетал. И тут я понял, что знакомство с ней превратится в формальность, которая не приведет ни к чему. Потому что после нескольких минут разговора я останусь для нее всего лишь мимолетным знакомым, странным чудаком… и сотрусь в ее памяти уже через пару дней. Вспомнился роман Франсуазы Саган «Через месяц, через год». Через месяц, через год ты меня забудешь… Пусть поэтому все останется так… так, а не иначе. Она одна такая… Радуга, а мир такой большой. Она, как радуга на небе после неожиданного дождя. Прекрасная и неожиданная, и с собой ее забрать можно только в воспоминаниях. Я с грустью и почему-то наполняющим меня чувством счастья стал незаметно наблюдать за движеньем ее губ, легкими вздрагиваниями ресниц, которые отражали ее эмоции от прочитанного в книге. Но меня ждал самолет, Москва и ее темп, уже засасывающий, как воронка водоворота, мои мысли, а вместе с ними меня самого. Я достал свой фотоаппарат, пристегнул телеобъектив и сделал еще один снимок на память. Это то немногое, что я решил забрать с собой вместе с памятью о стуке своего сердца в эти последние дни лета.

Позже, когда я открою этот кадр на экране компьютера, я увижу маленькую капельку на ресницах этой девушки… Что это было? Капля слезы или морских брызг… А не одно ли это и то же? И имеет ли это значение? Когда жизнь становится похожей на мираж, а ты пишешь в своей записной книжке внезапно пришедшие на ум строки:

Ах, ты про жизнь?..
Меня в ней больше нет.
Мой разум смутен, сердца нет.
Улыбка — только эхо прошлых лет…

Но судьба, на то она и судьба… Она, видно решив, что я не прочувствовал до конца всей непредсказуемости и необъяснимости Жизни, что я так и не научился читать ее тайные знаки, преподнесет мне еще сюрприз через пару месяцев в Москве — она подарит мне встречу с этой девушкой вновь и разлучит опять, и я сделаю новую запись:

Случайные встречи — всадники грустные,
Вестники прошлых забытых надежд.
Что нам останется? Будни безвкусные,
Взгляды зарытые в складках одежд…

Но это все будет позже и в другой жизни — жизни большого города, и она то будет дарить мечту, то ее забирать вновь, но главное — она будет Жизнью, а написанное Таней уже никогда не покажется по-детски наивным и не похожим на Жизнь. А пока…

ЭПИЛОГ

Опять Москва. Колеса самолета коснулись посадочной полосы, и по салону волной прокатились аплодисменты пассажиров, почти мгновенно сменившиеся нарастающим шелестом бесконечных свертков поклажи. Все куда-то торопились и с серьезными лицами снимали сумки и сумочки с полок, вставали и начинали толкаться в проходе. Стюардесса с безнадежностью в лице попросила через селектор всех вернуться на свои места до полной остановки двигателей и, как будто подавая пример, повесив микрофон на место, продолжила сидеть и отвернулась к иллюминатору. Смотрел туда и я. Небо необъяснимыми признаками говорило о том, что уже осень, но солнце, словно вопреки моим мыслям, приятно грело мне лицо и слегка слепило глаза, мешая рассмотреть силуэты зданий аэропорта — неких ворот, за которыми заканчивался мой отпуск.

Заканчивалось и мое чтение тетрадей сестры. Бой курантов, шампанское, любовь, счастье. Татьяна подарила в своем последнем романе все это своим героям. Героям, так похожим на нее и ее друзей. Мне стало грустно. Я вспомнил последний ее год. Любовь, предчувствие счастья… впереди свадьба, шампанское, а потом и бой курантов… все вместе и все счастливы. Все вместе… Вместе… Машина, скользкая дорога, грузовик, смерть. И конец всему, о чем она мечтала…

Я, бросив последний взгляд на ПЯТУЮ тетрадь, убрал ее в сумку… Что-то неуловимое, недосказанное, казалось, опять ускользало от моего внимания. Истекал срок моего решения и ответа в редакцию.

После аэропорта я поехал сразу на дачу к родителям. Земля меня встретила таким особенным грибным запахом, который бывает только на исходе лета. Еще издалека, в просвете еловых веток, в опускающихся на лес сумерках раннего вечера я увидел свет родных окон и уличного фонаря, ощутил тепло и уют в душе. Я дома.

Когда окружающий дом лес окончательно окутал багряный туман заката, отец, стараясь для любимого сына, на сосновых шишках растопил самовар. Вдыхая пряный запах этого дыма и аромат чая с листьями смородины, я поделился впечатлениями от отдыха и результатами прочтения тетрадок Татьяны. И тут от матери я узнал, что обнаружилась еще одна, ранее неизвестная, запись в тетради сестры: «Дальнейший сюжет романа: в результате некоторого смещения во временном пространстве, те события, которые должны произойти через несколько лет, отразившись во временном пространстве, влияют на память и сознание людей, с которыми эти события еще не произошли (так как должно было быть: Вадим и Анна любили друг друга. Через несколько лет Анна попадает в автокатастрофу, погибает и во временном пространстве становится Антолой)».

Анна и Вадим?!! Какая Анна? Поперек соседней страницы огромными печатными буквами было выведено слово, от которого у меня заледенело в спине, — КУРАНТЫ, и список героев недописанной повести «Антола», где напротив имени Антола в скобках было указано ее земное имя — Анна.

Круг замкнулся. Круг нельзя разорвать. Антола вернулась к себе.

Порыв ветра загудел в кронах деревьев и погнал быстрее осенние облака. Черные листья, словно пытаясь догнать уходящее лето, устремились в небо вслед за ними. Немного поежившись от неожиданной прохлады, я запахнул воротник кардигана и улыбнулся. Я уже знал, что завтра отвечу редактору. Антола не может не вернуться!

И я искренне позавидовал Емельяну — ему только предстоит прочитать эти пять тетрадей.

Памятник на Троекуровском кладбище

Приз имени Т. Снежиной. «Серебряная снежинка» за поддержку молодых талантов

Концерт памяти Т. Снежиной звезд российской эстрады

Алтай. Пик Т. Снежиной

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Алла Пугачева («Семь дней», 4 апреля 1998 года):

«У меня особое, личное отношение к Татьяне Снежиной. Ее я не знала, мы „познакомились“ после ее гибели. Конечно, останься Татьяна в живых, были бы известный автор и исполнительница песен и известный продюсер. Но „самой печальной истории на свете“ о современных Ромео и Джульетте не было бы. Татьяна Снежина для меня — символ всех талантливых людей, мимо которых мы часто проходим, не замечая, не вглядываясь. Отсюда смысл нашей акции — не проходите мимо талантов! Концерт в Новосибирске как бы продляет жизнь этим людям. Ведь пока помнят — человек бессмертен.

Мне в руки попадает очень много кассет — с песнями как ныне живущих молодых авторов, так и погибших. Но, когда у меня в руках оказалась кассета песен Татьяны Снежиной, меня поразила пронзительность этих песен. Не каждая песня так попадает в сердце.

От песен Татьяны Снежиной идет поток положительной энергии. Песня „Музыкант“ стала основным хитом для Кристины Орбакайте, Алиса Мон прекрасно исполняет „Снежинку“. А „Позови меня с собой“ — просто мистика какая-то! Мы записали ее на студии в Твери и, возвращаясь в Москву, все три часа в автомобиле беспрерывно слушали. Это редчайший случай для меня.

Мое исполнение похоже на Танино, не спорю. У меня не было желания сделать все наоборот, как бывает, когда берешь старую песню и волей-неволей стараешься спеть как-то по-новому. Но в истории с песней „Позови меня с собой“ был элемент мистики.

Я же не пела и не хотела петь, честно говоря. Но услышала „Позови меня с собой“ — и сомнений не возникло, что я ее спою. Когда я подошла к микрофону… я не знаю, что вдруг со мной случилось, но возникло ощущение, что это не я пою. Кто-то поет моим голосом! Хотите — верьте, хотите — нет. Со второй Таниной песней „Мы в этой жизни только гости“ случилось то же самое. Подхожу к микрофону и опять чувствую — кто-то рядом…

Я не очень-то мистически настроенный человек. Но был с песней „Позови меня с собой“ еще один случай странный. Я приезжаю в Питер снимать клип. Режиссер Олег Гусев о Татьяне ничего не слышал, истории ее гибели не знал, даже фотографий не видел. „У меня мало времени, — говорю, — могу только лицо

отснять, а все остальное ты сам придумай“.

Приезжаю на студию смотреть видеоряд. И вижу дорогу, машину, автокатастрофу! А девочка, которая снималась, поразительно похожа на Снежину! Тогда я открываю томик стихов Татьяны, показываю Олегу фотографию. Где Татьяна и Сергей сняты за несколько часов до гибели, — ну копия, один к одному! Как это возможно? Объяснить мы не сможем никогда!»

Алла Пугачева (январь 2000 года):

«Мне кажется, что это настолько какая-то ранимая была, уязвимая душа и с такими какими-то глубочайшими, потайными такими ходами. Вот как художник, она чувствовала, что более важной, глобальной темы, как жизнь и смерть, нет.

Удивительно мистически получилось. Она ушла, и с ее песней я вернулась на сцену. То есть эта песня… — мы говорим о песне „Позови меня с собой“, — дала возможность мне вернуться не голой и босой, а уже вооруженной и в броне, можно сказать. У меня был хит. Хит, который перекликался со мной, с моим видением мира. И, пожалуй, это был тот самый редчайший случай, когда это была светлая поэзия. Вот она и осталась жить. Тани нет, а это живет.

Слишком хрупка была душа, слишком порядочна, светла, чиста. А мир такой вот сегодня, такой не такой, как хотелось бы этим, другого порядка, молодым женщинам. Берегите вы себя, думайте о хорошем. Мы — женщины — очень сильный пол, нам многое дано. Талантливым женщинам дано еще больше. Уметь свою печаль и трагедию вылить в песню и в поэзию».

Михаил Шуфутинский (Концерт в ГЦКЗ «Россия» 5 ноября 1997 года):

«Какая тонкая, нежная душа у этой девчонки. Какая глубокая жизненная философия в ее песнях, в ее стихах, в ее музыке.

Я хочу, чтобы все песни Тани Снежиной дошли до зрителя, дошли до слушателя. Это по-настоящему большое счастье, когда все узнают огромное творческое ее наследие».

Михаил Шуфутинский (интервью 5 ноября 1997 года):

«…Я просто был потрясен тем, насколько это юная

совершенно, выглядящая неопытной в жизни, девушка и откуда у нее так много глубины, так много жизненной философии в ее стихах. И насколько они гармонично соответствуют музыке, той мелодии, которую она сочинила для этих стихов. И когда я послушал эти песни, решил, что попробую их спеть, если у меня, конечно, получится. И работа над ними была очень интересная, потому что иной раз за ее маленькой короткой фразочкой сказано столько много и звучит столько много вот этой жизненной глубины человеческой, что это просто поражает:

И я забуду о тебе,
Я буду крепко спать ночами,
Но ты живешь еще во мне —
Осталась память между нами.

Это! Это простыми словами… Это великое искусство… Видимо, оно приходит даже не от опыта, не от профессионализма, а… от Бога…

Это то, о чем надо петь, то, что по-настоящему сегодня трогает, и то, что по-настоящему заставляет задуматься и приносит нам тепло, приносит нам простые хорошие человеческие переживания. Я думаю, что Таня Снежина была очень тонкая натура, утонченная, глубокая, творческая душа».

Михаил Шуфутинский (Новосибирск, концерт памяти Т. Снежиной 28 марта 1998 года):

«Когда слушаешь некоторые песни Снежиной и некоторые ее стихи читаешь, есть ощущение, что это тепло заражает. К ним невозможно относиться хладнокровно.

Удивительно, сколько мудрости, сколько теплой любви и чистоты в хрупком нежном сердце этой девушки. Я надеюсь, и я хочу, мы все хотим, чтобы все ее песни стали достоянием всей нашей страны».

Игорь Крутой (интервью 5 ноября 1997 года, Москва):

«Когда погибает человек молодой, — это нелепо, страшно, несправедливо. Но когда погибает талантливый — это вдвойне страшно. И тем более такой разносторонне одаренный человек и красивый человечек, как Таня Снежина. Она и писала стихи, и писала музыку, и пела, и рисовала. <…>

Меня в ее стихах заинтересовала честность, прежде всего, потому, что настало время честных песен, просто писать песни о надуманных каких-то вещах уже невозможно. Они не дойдут ни до сердца, ни до души… Она умела писать честные песни. Мне думается, что она предвидела свое будущее, она до сих пор здесь, рядом, и видит нас…»

Лолита Милявская (интервью 5 ноября 1997 года, Москва):

«…Это красивая история о красивой девушке, о талантливой девушке. О девушке, которая знала больше, чем мы все. Девушке, обладающей даром предвидения. Девушке, которую ждала очень яркая судьба. И в данном случае качество материала, который написала Таня Снежина, не имеет никакого отношения к тому, насколько она была известна при жизни… Главное — количество души. <…>

Я иногда думаю… Она совершенно такой белый, прозрачный человек, очень белый и очень чистый, с фарфоровым лицом. Я ее себе такой представляю, и у меня есть ее любимая фотография в книге, и я иногда смотрю на эту фотографию, потому что… она все равно как-то здесь присутствует. Светлые люди, они всегда энергетикой помогают. Спасибо за то, что так вот судьба распорядилась, что моя любимая песня написана замечательной девушкой по имени Татьяна.

Я глубоко уверена, что это все у нее от Бога. Я думаю, ей эта судьба была предначертана, — она обладала даром и предвидения и предчувствия, и, с другой стороны, душа, которая в ней жила, я думаю, что это душа, которая прожила уже не первый круг. В это молодое юное тело пришла душа очень зрелой женщины. Может, царицы Нефертити, может быть, я не знаю, Клеопатры.

Я думаю, что она была одной из таких девушек, которые мне всегда нравились. Море обаяния, при этом очень стойкий характер. У меня даже не вызывает сомнения, что она была очень сильным человеком. Человеком, который никогда не даст себя подавить. Я не физиономист, но у меня ощущение. Вот глядя на фотографию Тани Снежиной, — что мне показалось — при такой хрупкости, изящности, „фарфоровости“ ее, тем не менее у нее очень глубокая и сильная душа. Если бы этот человек был сейчас здесь, вот среди нас всех, она бы спела все это сама замечательно и была бы в числе лучших и первых».

Лада Дэнс (интервью 5 ноября 1997 года, Москва):

«У меня такое впечатление, что я с Таней Снежиной давно знакома по ее стихам, по ее песням, по ее творчеству. И это творчество нас где-то познакомило и объединило, и когда я исполняю ее песни, у меня такое впечатление, что она где-то рядом. Я чувствую ее… Это абсолютно точно.

Ее песни настоящие, понимаете? Они искренние совершенно. Душа этой девушки в этих песнях. Эти песни мне очень близки по духу.

Плохой человек не может писать такие стихи. Это очевидно… Вся жизнь в этих строках. Я слушала все ее песни и могу сказать, что она была очень чиста, душевна… Не знаю, почему лучшие уходят? Вот это непонятно. Жалко.

Музыка и текст у нее очень органичны. Видно, что писал человек, как чувствовал.

Я слушала ее на кассете. Очень красивый тембр, приятный. И я думаю, что она могла бы стать популярной певицей и должна была бы стать. Но так сложилось, что она стала популярна после смерти, как, собственно, очень многие поэты, художники и великие.

Поражает, как может такая красавица быть такой талантливой. Потому что столько качеств в одном человеке было, это большая редкость. Может быть, потому что песни очень взрослые, такое впечатление, что эта девушка пережила очень много. Что-то в этом такое мистическое есть. В ее жизни и в ее трагическом конце. Можно писать и писать о ней. Снимать фильмы, писать книги…

Мне кажется, что Татьяна мне как-то помогает. Потому что я не прилагаю никаких усилий, чтобы раскручивать их (песни. — Ред.). Они сами как-то пошли к людям».

Лев Лещенко (интервью 5 ноября 1997 года, Москва):

«Ко мне случайно попала кассета Тани Снежиной. Поставил в магнитофон кассету, начал слушать. Первая песня меня очень заинтересовала. Вторая — меня как-то даже, знаете так, немножко порадовала и завела. А потом я понял, что это действительно… профессиональный материал, это, безусловно, талант… только талантливый человек может так вот в свои молодые годы ощутить окружающий тебя мир, причем мир не только молодых, но и мир людей с уже устоявшимся каким-то мировоззрением, с устоявшимися судьбами, характерами… Это черта настоящего художника — как бы синтезировать все это, соединить в себе, и потом уже сделать возможным, чтобы это

стало художественными образами какими-то. Ее песни, каждая — это художественный образ. В последнее время очень мало песен, которые бы были точно решены в драматургическом плане. Каждая песня — у нее сюжет какой-то, рассказ или диалог. И это говорит о том, что она была достаточно зрелым мастером, несмотря на ее молодые годы. <…>

Снежина уникальная талантливая девочка, которая владела прекрасным — музыкой, поэзией… Она достаточно симпатично сама поет свои песни. Когда я слушаю, я не нахожу никаких пробелов. Она могла бы спокойно работать как актриса-певица.

Ее песни такие разнообразные и наполнены какими-то очень хорошими светлыми интонациями, хорошим настроением, душевностью. Дай Бог, чтобы они звучали и чтобы они пелись нашими исполнителями».

Татьяна Овсиенко (Новосибирск, концерт памяти Т. Снежиной 28 марта 1998 года):

«Я получила в подарок книгу Танину и прочла ее целиком. Я, наверное, за сутки ее прочла и была под диким впечатлением, потому что на самом деле, начиная с 13 лет, там были взрослые стихи. И видно, что этот человек отдал творчеству очень многое, часть своей жизни. Она пыталась сложить свою мечту, быть артисткой, что ей, к сожалению, не удалось. Зато, я думаю, что Боженька все видит. Все-таки мы исполняем ее песни. <…>

В песнях Тани все честно, эмоции, которые проходили через ее душу, были настоящими, непридуманными… И, наверное, не зря говорят, что Бог забирает к себе лучших…»